

БАЛКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

БАЛКАНСКИЕ
НАРОДЫ
И ЕВРОПЕЙСКИЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВА
в XVIII - начале XX в.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт славяноведения и балканистики

БАЛКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Вып. 8

БАЛКАНСКИЕ НАРОДЫ
И ЕВРОПЕЙСКИЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВА
в XVIII—начале XX в.

(Документы и исследования)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1982

В выпуске впервые публикуются документы, освещдающие взаимоотношения национально-освободительных движений балканских народов и европейских держав в XVIII—начале XX в., обращения населения Дунайских княжеств к правительству России с просьбой о покровительстве, раскрываются новые стороны русско-греческих связей в начале XIX в., русско-сербских отношений накануне и в период Восточного кризиса 70-х годов. В ряде материалов освещается политика Великобритании, Австрии, Франции на Балканах; кроме того, помещена библиография новейшей советской литературы по балканистике.

Редакционная коллегия:

Г. Л. АРИ (ответственный редактор),
В. Н. ВИНОГРАДОВ, Н. В. ЗУЕВА, Е. П. НАУМОВ,
Д. Ф. ПОПЛЫКО (ответственный секретарь),
К. Л. СТРУКОВА

Б 050400000-336
042 (02)-82 77-82

© Издательство «Наука», 1982 г.

Предисловие

В восьмой выпуск «Балканских исследований» вошли документы и материалы, освещающие политику России и других великих держав на Балканах в XVIII—начале XX в.—эпоху национального освобождения балканских народов. Стержневой проблемой сборника является отношение европейских правительств к борьбе народов балканских стран за национальное освобождение. Историческая наука уделяет большое внимание этой проблеме, и, несомненно, новые документы, публикуемые в данном сборнике, будут способствовать болеециальному и глубокому ее пониманию.

С Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. установились весьма тесные связи балканских народов с Россией. Тогда начался решающий этап их длительной и упорной борьбы за освобождение от османского ига. Греки, болгары, сербы, молдаване, валахи и другие порабощенные Османской империей народы видели в России свою традиционную и наиболее надежную опору. Но и для России Балканы имели в тот период первостепенное политическое и военное значение: освободительные выступления балканских народов были важным и благоприятным фактором в ее военных конфликтах с Османской империей. Право выступать в защиту православного населения Османской империи, полученное правительством России по Кючук-Кайнарджийскому договору, способствовало активизации его политики на Балканах.

Эти предварительные замечания объясняют наличие большого числа документов в советских архивах, относящихся к истории балканских стран XVIII—начала XX в. Трудно переоценить значение этих документальных богатств. Следует учесть, что в самих балканских странах государственные архивы создаются не ранее середины XIX в.—по мере достижения этими странами национальной независимости. Поэтому историю османского господства на Балканах и борьбы их народов за национальное освобождение практически невозможно изучать без материалов архивов Советского Союза и некоторых других стран (Англии, Франции, Австрии), имевших в ту эпоху наиболее тесные политические связи с балканским регионом. Материалы советских архивов являются также основным источником для изучения связей России с балканскими странами.

В последние годы многие документы советских архивов, относящиеся к истории русско-балканских связей конца XVIII—XX вв., увидели свет в различных публикациях. В первую очередь следует назвать фундаментальную публикацию документов о внешней политике России XIX и начала XX в., осуществляющую

Комиссией по изданию дипломатических документов при МИД СССР. Вышедшие 13 томов¹ содержат большое число новых документов о сношениях России с балканскими странами в 1800—1824 гг. Опубликованы также сборники документов об отношении России к борьбе болгарского народа за национальное освобождение и Первому сербскому восстанию². Коллекции документов из архивов, относящихся к международным отношениям на Балканах, опубликовали и иностранные исследователи³. Работа советских историков по изучению архивных материалов о русско-балканских связях продолжается. Некоторые результаты этой работы нашли отражение в настоящем сборнике.

Публикуемые документы и исследования затрагивают прежде всего отношение России к национально-освободительной борьбе различных балканских народов. Широко представлены русско-сербские связи: военная помощь России повстанцам Карагеоргия, дипломатические сношения России и Сербии в канун и начале Восточного кризиса 70 годов XIX в. Документы раскрывают также положительное отношение России к проектам создания югославского государства. Вошедшие в сборник материалы о русско-греческих связях начала XIX в. показывают большой размах этих связей. Они отражают, в частности, пребывание в России семьи Ипсиланти, из которой вышли выдающиеся борцы за освобождение Греции. Сообщение, основанное на материалах Одесского государственного архива, освещает деятельность основанной в 1821 г. в Одессе комиссии по оказанию помощи греческим беженцам из Османской империи. Специальный документальный обзор посвящен отношению русской дипломатии к Призренской лиге — первой албанской национально-освободительной организации. Публикуемый в сборнике годовой отчет МИД России за 1867 г. раскрывает отношение русского правительства к болгарскому национально-освободительному движению и выявляет некоторые общие принципы балканской политики России. В книге нашли отражение и взаимоотношения России и Дунайских княжеств в XVIII—начале XIX в., в частности, публикуются прошения ряда деятелей княжеств о принятии их в подданство России. Несмотря на то что материалы сборника затрагивают политику России по отношению к разным балканским народам, проводившуюся в различных исторических условиях, они позволяют выявить определенные закономерности этой политики. Политический курс царского правительства на Балканах в целом носил отпечаток консерватизма: оно отрицательно относилось к стремлению балканских народов революционным путем покончить с чужеземным господством. В то же время, стремясь сохранить свое влияние на единоверные балканские народы, правящие круги России оказывали им определенную моральную и материальную, а в период русско-турецких войн — и военную помощь.

В сборнике освещаются материалы, касающиеся политики и других держав на Балканах. Публикация «Герцог Веллингтон в Петербурге» проливает новый свет на историю англо-русского

протокола 1826 г. о Греции. Публикуемая записка анонимного автора жителя Ионических островов разоблачает полуколониальные порядки, установленные на островах после перехода их в 1815 г. под протекторат Великобритании. Донесения русских консулов о первых годах австрийской оккупации Боснии и Герцеговины свидетельствуют о том, что переход этих областей к «цивилизованной» Австро-Венгрии отнюдь не улучшил положения широких масс населения. В публикуемых материалах в определенной мере нашла отражение и балканская политика Франции.

Документы, вошедшие в сборник, извлечены из Архива внешней политики России. Все они издаются впервые. Важнейшие документы публикуются в оригинале и с переводами. При археографической подготовке текста авторы и редакторы руководствовались общими принципами публикации исторических документов в СССР⁴. Кроме того, учтены правила публикации дипломатических документов, разработанные составителями издания «Внешняя политика России XIX и начала XX века»⁵.

Г. Л. Ариш

¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия первая. 1801—1815 гг. М., 1960—1972, т. I—VIII; Серия вторая. 1815—1830 гг. М., 1974—1982, т. I—V (IX—XIII).

² Освобождение Болгарии от турецкого ига: Документы. В 3-х т. М., 1961—1967; Сербское восстание 1804—1813 гг. и Россия. М., 1980, кн. 1. 1804—1807.

³ Documente privind istoria României: Colecția Eudoxiu de Hurmuzaki (Ser. nouă). București, 1962—1974. V. I. Rapoarte consulare ruse (1770—1796) din «Arhiva politica externă a Russiei». V. 4. Rapoarte diplomatice ruse (1797—1806).

⁴ Правила издания исторических документов в СССР. М., 1969.

⁵ Они изложены в предисловии к первому тому.

Некоторые вопросы отношений
между Россией и Дунайскими княжествами
в XVIII—начале XIX в.
в свете материалов советских архивов *

В. Н. ВИНОГРАДОВ, Л. Е. СЕМЕНОВА

Письменные данные о связях двух народов-соседей восходят к началу XV в. Естественно, что в архивохранилищах двух стран отложились богатые пластины материалов об этих отношениях. Немалое число документов увидело свет в разнообразных публикациях. Можно выразить сожаление, что лишь немногие из них были посвящены интересующему нас сюжету; в большинстве случаев подобные материалы вкраплены в издания общего характера, часто серийные. В качестве плодотворного и удачного исключения можно назвать совместную советско-румынскую публикацию об исторических связях народов двух стран¹.

Но это издание не было продолжено, оно доведено хронологически до начала XVIII в.—до того этапа, когда сношения стали особенно интенсивными и от того, как они складывались, в немалой степени зависели исторические судьбы Дунайских княжеств.

В XVIII—начале XIX в. связи между Петербургом, Яссами и Бухарестом укрепились и расширились. Об этом красноречиво говорит огромный документальный материал, сохранившийся в архивах СССР и большей частью неопубликованный. Имеющиеся в распоряжении исследователей документы представляют большую ценность не только как исторические источники, освещающие взаимоотношения между странами, но и как свидетельства, отражавшие взгляды современников на эти взаимоотношения, на их характер и значение для обеих сторон. Следует сказать, что до сих пор историки использовали указанные материалы главным образом для характеристики конкретной истории отношений между Россией и Дунайскими княжествами. Нам представляется не менее важным рассмотреть эти документы в свете развития общественно-политической мысли того времени.

XVIII век в определенном смысле был переломным в судьбах и России, и княжеств, переходным от средневековья к новому времени. Это — период петровских реформ, территориального расширения Российского государства; с точки зрения затрагиваемых

* В основу настоящего материала положен доклад, прочитанный авторами на заседании советско-румынской комиссии историков (Констанца, апрель 1980 г.).

нами сюжетов, это прежде всего продвижение, а затем и выход к Черному морю, хозяйственное освоение громадного причерноморского черноземья; время быстрого роста населения, удвоившегося во второй половине XVIII в., и проявление первых признаков кризиса феодально-помещичьей системы землевладения. Пугачевское восстание 1773—1775 гг. — самое массовое и организованное, которое знала русская история, свидетельствовало, что недовольство крестьянских масс становилось серьезным фактором подтасивания крепостничества. В то же время вовлечение в хозяйственный оборот новых целинных, крайне благоприятных для сельского хозяйства, требовавших сравнительно скромного вложения средств и труда земель на юге позволяло добиваться расширения производства на старой феодальной основе и тем самым ослабляло кризисные явления и способствовало продлению ее жизни. Но помещичье-крепостническое правительство Екатерины II, заинтересованное в освоении Причерноморья, не в силах было придерживаться единой линии в своей экономической политике: параду с крепостническими латифундиями в степях появился многочисленный слой вольных поселенцев, которым предстояли участки до 60 десятин земли. Юг становится пшеничной житницей России и главным поставщиком зерна на европейский рынок.

В ходе этого продвижения унаследованная со времен средневековья борьба России с татарским Крымским ханством, прежним полновластным хозяином Причерноморья, носившего тогда красноречивое название Дикого поля, победоносно завершается. Опустошительные набеги кочевников-татар прекращаются; так называемая Большая засечная черта (свыше 1000 км), прежде защищавшая российские пределы от степняков, постепенно пропала в упадок. Однако поскольку эта борьба перерастает в серию войн с Османской империей, чьим вассалом был Крым, то она становится одним из факторов изменения положения в Юго-Восточной Европе, вступления соперничества держав в новую fazu. После поражения турецких полчищ под Веной в 1683 г. наступил длительный период своего рода равновесия сил. И лишь русско-турецкая война 1769—1774 гг. знаменовала решительный перелом в пользу противников Порты. Однако роль этой войны не была бы столь значительной, если бы не проявился ряд факторов, в совокупности составивших явление, известное под названием «Восточный вопрос». Все явственнее обозначался кризис османской военно-феодальной системы; зависимые балканские районы начинали обгонять в социально-экономическом развитии чисто турецкие; процесс формирования буржуазных наций заставляет с особой обостренностью ощущать не только социально-экономические, но и национально-этнические, и культурные стороны османского господства.

Растущая роль Российского государства, крепнувшая сила ее ударов по Порте воспринималась на Балканах как факторы, способствующие освобождению зависимых народов,

Русское правительство придавало большое значение своей политике покровительства подданным султану странам, в том числе Дунайским княжествам. Оно было заинтересовано в укреплении связей с народами этих стран. И, несмотря на субъективно-корыстные экономические и стратегические цели русского правительства в обеспечении своего влияния в Юго-Восточной Европе, объективные результаты его политики, русско-турецких войн XVIII—XIX вв., подтачивая военные силы приходившей в упадок Османской империи, имели положительное значение для исторического развития балканского региона.

Все эти явления хорошо прослеживаются на примере Дунайских княжеств.

С установлением в начале XVIII в. правления господарей-фанариотов османский гнет в княжествах усиливается, наиболее остро выявляя все пагубные его последствия для своего экономического, политического и культурного развития. Осуществляемая Портой политика изощренного грабежа стала главным фактором, сдерживавшим начавшийся во второй половине XVIII в. процесс разложения феодализма и развития зачатков капиталистических отношений. Фанариотская форма управления делала эту зависимость болезненно ощутимой; государственная по преимуществу форма присвоения феодальной ренты обнажала грабительский характер османско-фанариотского господства и порождала недовольство даже части местных бояр. Реформы Н. Маврокордата в 1746 и 1749 гг. свидетельствовали, что само боярское сословие под давлением крестьянского недовольства должно было считаться с необходимостью перемен и идти на полумеры в изменении аграрных отношений.

В силу отсталости тогдашнего общества в Дунайских княжествах в теоретическом плане поисками выхода из создавшегося положения и путей дальнейшего национального и социального развития занимались единичные представители господствовавшей боярской (почти исключительно крупнобоярской) прослойки. Антифеодальное направление общественной мысли еще не зародилось. В плане внутреннем, в первую очередь в области аграрных отношений, боярство Дунайских княжеств придерживалось, как правило, консервативных взглядов.

Документы сношений между Россией и Дунайскими княжествами, отражавшие определенную стадию развития общественного сознания, несли на себе печать сословных интересов их авторов, для которых путь народного восстания, имеющего два адреса, национальный и социальный, был неприемлем. Иное дело — освобождение при опоре на феодальную Россию, что давало надежду на возможность дальнейшего развития княжеств на видоизмененной феодальной основе.

Русско-турецкие войны, победы России, право покровительства Дунайским княжествам, полученное по Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 г., объективно стимулировали освободительные настроения населения княжеств, повышали его социальную активность,

В борьбе единоверной России против Османской империи народы, находящиеся под османским игом, видели реальную возможность поражения Порты и своего освобождения. Поэтому периоды русско-турецких войн XVIII—XIX вв. отмечены подъемом национально-освободительного движения в княжествах. Переплетение социальных интересов в этом движении было чрезвычайно сложным, как и формы участия в нем различных слоев населения княжеств. В существовавших исторических условиях идеологом движения выступала часть крупного боярства и духовенства, оппозиционно настроенная по отношению к Турции и ее ставленникам, но преследовавшая цели укрепления своей власти, своих классовых интересов и привилегий. Крестьянство и городская беднота, для которых освободительная борьба была одновременно борьбой против местных феодалов, видели в освобождении от османского гнета возможность облегчить свое положение. Среднее и мелкое боярство и духовенство по социально-экономическому положению были ближе к народным массам и нередко становились руководителями антиосманских и антифеодальных народных выступлений. Движущей силой национально-освободительного движения являлись крестьяне и городская беднота. От обычного стихийного протesta против османско-фанариотского режима (отказ от уплаты податей, бегство из княжеств, участие в гайдуцких отрядах и т. д.) в периоды русско-турецких войн народные массы переходили к организованной вооруженной борьбе. Они вступали в ряды русской армии, составляли добровольческие отряды волонтеров, активно действовавшие на стороне русских, доставляли русским войскам продовольствие и сведения о движении противника. Сохранившийся обширный документальный материал позволил историкам выявить роль волонтерских отрядов из Дунайских княжеств в русско-турецких войнах XVIII—XIX вв. и в освободительной борьбе княжеств². Следует отметить, что эта борьба переплеталась, особенно в периоды русско-турецких войн, с борьбой классовой; антиосманские выступления народных масс переходили в антифеодальные и приобретали характер организованных выступлений³.

Еще одно замечание. При оценке имеющихся документов XVIII в. было бы глубоко ошибочным примерять к ним представления XIX в. Следует исходить из того, что события 20—70-х годов XIX в., когда создалась исключительно благоприятная обстановка для расширения прав княжеств, их объединения и захвата независимости в результате подъема освободительного движения на Балканах, русско-турецких войн, потрясших до основания Османскую империю, и обострившегося соперничества великих держав, не были запограммированы или запрогнозированы заранее; можно говорить о стремлении освободиться от османского гнета и поисках путей в соответствии с реальной обстановкой на каждом этапе; этим и занимались идеологи освободительного движения XVIII в.

Наконец, закономерен следующий вопрос. Как связать два явления общественной жизни Дунайских княжеств — несомненное влияние западного просветительства, стимулировавшее духовное пробуждение, и явное стремление к освобождению от османской зависимости с помощью феодально-крепостнической России?

При подходе к этому явлению следует иметь в виду, что не только само просветительство было исключительно сложным социально-культурным явлением, но и отдельные его стороны и черты оказывали неодинаковое по интенсивности и чрезвычайно растянутое во времени воздействие на различные общественные прослойки в Дунайских княжествах. Безусловно, положительный отклик получали призывы к просвещению как способу усовершенствования общества и осуждения деспотизма. Последнее воспринималось прежде всего как осуждение деспотизма внешнего, т. е. османско-фанариотского. Гораздо сложнее обстоял вопрос с критикой церкви. На Западе она была обращена против католических религиозных институтов — духовного оплота феодализма в социальной жизни, застоя и мракобесия в духовной. На православных по преимуществу Балканах, где церковь в условиях национального гнета продолжала нести определенные просветительские функции, эта критика не воспринималась. Очень сложно преломлялись неоднозначные социальные взгляды просветителей. Несомненное влияние оказывала критическая направленность мировоззрения Вольтера, сочетавшаяся с умеренной социальной программой, прежде всего по аграрному вопросу, о чем хорошо знали и в Петербурге и на берегах Дуная. Приведем одно интересное и ставшее совсем недавно известным высказывание великого философа, который принял участие в организованном петербургским Вольным экономическим обществом конкурсе работ на тему «О земельной собственности крестьян», прислав сочинение под характерным для его взглядов девизом «*Si populus dives, rex dives*» (Если народ богат, богат и государь). Умеренность воззрений владельца тогдашних умов проявилась в следующем высказывании: «Справедливость требует, чтобы суворен освободил только рабов церковных и собственных... Что же касается сеньоров, которые в соответствии с длительным обычаем владеют рабами по наследству, создается впечатление, что можно, не нарушая справедливости, заставить их отказаться от наследия. Они должны иметь свободу освобождать рабов по своей воле»⁴. Подобные взгляды были вполне приемлемы для многих дворянских реформаторов России и боярских мыслителей Дунайских княжеств. Иное дело — эгалитаристские идеи Жана Жака Руссо. В княжествах еще не созрели социальные силы, способные их впитать. К восприятию суммы идей Великой французской революции был подготовлен греческий революционер-демократ Ригас Велестинлис. Что же касается массы балканской буржуазии, то она смогла оценить их полстолетия спустя, в эпоху 1848 г.

Умеренность социальных взглядов мыслителей Дунайских княжеств второй половины XVIII в., их боярская принадлежность,

восприятие ими лишь социально-умеренной части наследия западных просветителей объясняет тот феномен, что, склоняясь к Западу в своей духовной эволюции, они собирались достигнуть желанных целей с помощью отсталой России.

Следует иметь в виду, что нельзя смешивать стереотип России екатерининского времени как государства, в котором самодержавие и крепостничество достигли апогея, с представлением, которое сложилось о ней у просвещенного боярства Дунайских княжеств середины XVIII в. Царица столь успешно демонстрировала свою приверженность просветительству и просвещенному абсолютизму, а двор следовал ее примеру, что этому поверили Дидро и Вольтер. Вот несколько высказываний французского философа: Россия, «бывшая еще 80 лет назад варварской страной, сейчас стала страной такой просвещенной и такой непобедимой»; при дворе Екатерины «люди занимаются философией, не попирают предрассудки черни»; разум победоносно шествует по Европе, и его «хорошо понимают в Берлине, Москве, Копенгагене, Стокгольме»⁵.

Если Вольтер мог заблуждаться в оценке русского самодержавия, то вполне объяснимо, что мыслители Дунайских княжеств, среди которых идея просвещенного абсолютизма пустила корни и которые жили под гнетом державы, гораздо более отсталой и реакционной, нежели Россия, в условиях, когда автономные права княжеств сокращались, подобно шагреневой коже, несколько идеализировали государственные порядки России. Этому способствовали также их собственная социальная принадлежность, впечатляющая мощь российского государства и в какой-то степени мимикрия Екатерины II. Ее «Наказ» для созванной в 1767 г. Уложенной комиссии был переведен в княжествах. Это обширное компилиативное, на три четверти списанное у Монтескье, энциклопедистов, физиократов сочинение выставляло в самом выгодном свете всероссийскую самодержицу и в некоторой мере заслонило от общественности княжеств пытливые поиски и достижения передовой мысли России. Несомненно, в какой-то степени русские издания способствовали знакомству этой общественности с событиями в Западной Европе, включая французскую революцию. Сошлемся на первую выходившую на территории Румынии газету «Courrier de Moldavie», печатавшуюся в Яссах при штабе Г. А. Потемкина весной 1790 г.

Суммируя, можно сказать, что русско-турецкие войны, породив у населения Молдавии и Валахии надежду на освобождение, способствовали подъему освободительной и классовой борьбы народных масс, привели к росту антитурецких выступлений представителей патриотически настроенной части правящих кругов, дали толчок развитию общественной мысли.

Оппозиция и открытый протест против правления господарей-фанариотов и проводимой ими в княжествах политики побуждали представителей крупного боярства и духовенства обращаться к России от имени всех жителей о помощи и покровительстве.

Особую активность проявляло духовенство ввиду покровительства России христианской религии. В архивных фондах СССР сохранилось большое число подлинников таких обращений, прошений представителей боярства и духовенства Молдавского и Валашского княжеств, относящихся к XVIII—началу XIX в. Большинство их не опубликовано, хотя многие из них известны исследователям, о чём можно судить по ссылкам целого ряда работ как в советской, так и в румынской историографии. Эти обращения бояр и духовенства княжеств к России интересны тем, что в них нашли отражение взгляды господствующих классов того времени на пути попыток национального освобождения.

Исходя из возможности освобождения от османского владычества с помощью русских войск, молдавские и валашские правящие круги строили свою политическую программу, которая предусматривала установление русского протектората или включение княжеств в состав Российской империи на условиях сохранения их политической автономии. Такая программа учитывала не только сложившееся соотношение сил в Юго-Восточной Европе. Она диктовалась и внутренней обстановкой в княжествах, характеризовавшейся углублением кризиса феодальной системы и усилением освободительного и социального движения народных масс. Разумеется, при выработке программы господствующие классы исходили прежде всего из своих классовых интересов. Используя тягу населения к единоверной России, стремление к освобождению с ее помощью, правящие круги княжеств рассчитывали направить в выгодное для себя русло освободительную и социальную борьбу масс. В то же время претворение в жизнь этой программы должно было не только защитить интересы господствующих классов внутри княжеств, но и оградить их привилегии от притеснений Порты.

Следует отметить, что в княжествах, главным образом в Валахии, существовали также группировки бояр и духовенства, ориентировавшиеся на Австрию. Однако они были весьма немногочисленны и не пользовались среди жителей сколько-нибудь значительным влиянием. Объяснялось это не только преобладанием партий прорусской ориентации. Основная причина заключалась в том, что, не имея четко разработанной программы в отношении Турции, Австрия часто меняла свою политику в Юго-Восточной Европе в зависимости от международной обстановки⁶. Кроме того, 20-летний период господства Габсбургов в Олтении⁷ показал народам, что они не могут в своем освобождении рассчитывать на Австрию.

Политика России в Юго-Восточной Европе, русско-турецкие войны XVIII—XIX вв. создавали благоприятные условия для усиления влияния в княжествах группировок господствующего класса прорусской ориентации, для осуществления их политической программы. Не случайно поэтому, что именно в периоды русско-турецких войн учащаются обращения прорусски настроенных кругов правящего молдавского и валашского боярства и ду-

ховенства к России, в которых находили выражение их взгляды на пути социально-политического развития княжеств. Анализ сохранившихся обращений XVIII—начала XIX в. позволяет выявить становление и эволюцию основных положений политической программы этой части господствующего класса Дунайских княжеств.

Остановимся только на некоторых из них. Весной 1737 г. представители правящей верхушки валашского боярства во главе с митрополитом обратились к императрице Анне Иоанновне с просьбой оказать помощь в освобождении княжества от османского господства. В грамоте от 25 апреля они писали: «Рабско просим или через посредство мира, или через императорское ваше оружие не оставить нас уже более в порабощении сих других народов пребыть, но всяким образом освободить нас и привести в православное вашего величества подданство»⁸. Осеню того же года правящие круги Валахии прислали повторную просьбу о протекторате России⁹. Этим обращениям предшествовала тайная миссия валашского ворника Преда Другэнеску, который по поручению большой группы бояр прорусской ориентации прибыл осенью 1736 г. в Россию, чтобы через находившихся здесь Кантемиров и Кантакузинов склонить русское правительство к оказанию помощи в освобождении Валахии от османской зависимости¹⁰. Представляют интерес доставленные Другэнеску списки бояр и монастырей, изъявлявших желание быть под покровительством России. Списки содержат имена более 100 бояр и боярских семей, названия свыше 70 монастырей. Любопытно, что названо только пять бояр, которые хотят перейти в подданство Австрии¹¹. Эти документы отражают реальное соотношение политических сил в Валахии в период русско-турецкой войны 1736—1739 гг. Претензии Габсбургов на Валахию, вступление австрийских войск в ходе военных действий 1737 г. на территорию княжества способствовали росту влияния боярской партии прорусской ориентации. В протекторате России они видели единственное средство для того, чтобы, используя условия войны, вернуть оккупированную Австрией в 1718 г. Олтению и противостоять планам Габсбургов. Поэтому данная группировка валашского боярства и духовенства проявила настойчивость в установлении связей с русским правительством и получении его помощи в освобождении княжества. Под влиянием этих просьб русские представители выдвинули на Немировском конгрессе требование о предоставлении независимости Дунайским княжествам¹².

Для характеристики программы господствующего класса Молдавского княжества в период русско-турецкой войны 1736—1739 гг. весьма показательна конвенция об условиях перехода княжества под власть Российской империи. Этот документ содержит текст условий, представленных фельдмаршалу Миниху духовенством и боярами княжества сразу же после вступления русских войск в Яссы в сентябре 1739 г., и резолюции русского командующего по каждому их пункту. В отличие от господствую-

щего класса Валахии духовенство и боярство Молдавского княжества было готово не только признать русский протекторат, но и предлагало конкретные формы его осуществления. «Мы себя подвергаем, — говорится в п. 2 условий, представленных Миниху, — в высочайшую е. и. величества нашей всемилостивейшей государыни протекцию, и ее справедливые соизволения за наши законы приемлем». Рядом пунктов княжество обязывалось не иметь никаких отношений с неприятелями России, поставлять русской армии продовольствие и фураж, оказывать помошь рабочей силой и подводами для работы на укреплениях, содержать русские гарнизоны, госпитали. Россия в свою очередь не должна была вмешиваться во внутренние дела княжества, сохранять права и привилегии боярства. При этом, в первую очередь, представители молдавского духовенства и бояр просили, чтобы они «имели те же вольности, привилегии и преимущества как в духовных, так и в светских делах, каковыми прочие е. и. величества подданные пользуются». Следует отметить, что в отношении всех пунктов, касающихся соблюдения русскими войсками внутренних порядков в княжествах, условий их содержания и обеспечения, Миних выражал полное согласие, что и засвидетельствовал собственно-ручными резолюциями: «...войскам надлежащие ордера даются о нечинении подданным сея земли ни малейших обид»; «...содержана будет войсками наистрогая дисциплина, давая управу тем, кои жаловаться причину иметь будут»¹³. Но представленные молдавским боярством и духовенством условия не продвинулись дальше ставки русского командования. Вследствие возникших международных осложнений русское правительство было вскоре вынуждено отвести свои войска с территории княжества.

В периоды последующих русско-турецких войн представители господствующих классов Дунайских княжеств вновь направляют царскому правительству многочисленные обращения с просьбой о помощи в освобождении от османского господства. В 70-е годы XVIII в. в этих обращениях правящего молдавского и валашского боярства и духовенства высказывались намерения княжеств войти в состав России. Молдавские духовные лица во главе с митрополитом Гавриилом в грамоте Екатерине II от 10 декабря 1769 г. просили: «Да всегда будем под высоким защищением и покровом вашего императорского величества... и охранены непобедимым оружием вашего императорского величества»¹⁴. Весной 1770 г. в Петербург прибыли делегации бояр и духовенства из Молдавского и Валахского княжеств, которые привезли с собой грамоты. В грамоте от 28 ноября 1769 г. 18 представителей крупного валашского боярства от имени всего княжества писали: «Всеусерднейше же молим, да примет ваше величество места наши под неотъемлемое покровительство и утвердит нас непобедимою защитою, присовокупя к пространству империи вашего величества»¹⁵. Представители господствующего класса Молдавского княжества в своей грамоте выражали благодарность русскому правительству

за то, что «по давнему желанию нашему удостоились быть под державным покровительством вашим»¹⁶.

В таком же духе были составлены обращения бояр и духовенства княжества на имя Екатерины II от июля 1772 г., переданные ими полномочным русским послам на Фокшанском мирном конгрессе¹⁷. В прошении, подписанным 42 молдавскими боярами и духовными лицами и врученном в декабре 1772 г. русскому полномочному министру на Бухарестском конгрессе А. М. Обрескову, говорилось: «Воззрите на всю нацию, пришедшую в крайнее разорение», которая «чает видеть себя освобожденною от несносного Порты Отоманской ига и присовокупленною к счастливейшим областям всероссийским»¹⁸.

Однако все эти просьбы, поступавшие от Дунайских княжеств, царское правительство хотя и учитывало, но оставляло без последствий, в то время как западная дипломатия и пресса распространяли слухи о стремлении России к присоединению княжеств. В действительности на данном этапе таких намерений у русского правительства не было. Даже в известном «греческом проекте» разрушения Османской империи и раздела ее наследства при всех своих завоевательных и своекорыстных планах царизм не выдвигал задачи территориального овладения Дунайскими княжествами. По проекту княжества должны были составить независимое государство Дакия, которое бы выполняло задачи буфера царской политики на Балканах и одновременно являлось бы барьером на пути экспансионистских устремлений западных держав и Османской империи в направлении юго-западных границ России. «Новая сия держава, — говорилось в проекте, — не может быть присоединена ни к России, ни к Австрии»¹⁹. Главной целью проекта было лишь фактическое обеспечение преобладания России в Юго-Восточной Европе. Но планы России относительно Дунайских княжеств являлись только перспективой ее политики и никогда не выдвигались на первый план как конкретная программа деятельности.

В период после Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г., когда Турция под любыми предлогами нарушала взятые на себя обязательства, а Россия выступала в роли державы-покровительницы, обращения господствующих классов Дунайских княжеств к русскому правительству с жалобами на тяжелое положение их жителей и прошением о помощи и покровительстве учащаются. Целью этих обращений было добиться претворения в жизнь привилегий княжеств, утвержденных русско-турецкими договорами²⁰. Так, в апреле 1775 г. на имя Екатерины II было подано прошение молдавских бояр и духовенства, «чтоб по трактату славного мира, в котором всемилостивейше ея императорское величество благоволили постановить благополучие волжское... повелено было посредством сиятельныйшего посланника российского» утвердить привилегии княжества²¹.

После учреждения в Дунайских княжествах Генерального консульства России (1779—1781) обращения молдавского и валаш-

ского боярства и духовенства к русским правящим кругам учащаются. Об этом свидетельствуют сохранившиеся донесения русских консулов. Характерно, что, несмотря на преследования со стороны господарей-фанариотов и их окружения, прорусски настроенные бояре и духовные лица княжеств продолжали обращаться и в мирное время к русскому правительству за помощью и покровительством, устанавливая с этой целью тайные связи с русским консульством. Прощения передавались главным образом в устной форме. В 1794 г. консул И. Северин сообщал о том, что молдавский митрополит жаловался ему на тяжелое положение жителей княжества и просил о защите как единоверных²². В то же время не прекращались и письменные обращения бояр и духовенства Дунайских княжеств. В октябре 1798 г. чрезвычайному посланнику России в Константинополе В. С. Томаре были переданы подписанные митрополитом Валахии Досифеем и боярами княжества два письма, в которых высказывалась надежда на помощь в защите привилегий княжества, утвержденных русско-турецкими договорами²³.

В начале XIX в. Дунайские княжества, в особенности Валахия, жестоко разорялись в результате военных действий между пашами-сепаратистами, в первую очередь Пазвант-оглу, и войсками Порты. В этих условиях молдавские и валашские правящие круги в некоторых своих обращениях просили ввести русские войска на территорию княжеств. Предложения отражали настроения их жителей. Так, русский генеральный консул в донесениях правительству за июль и декабрь 1800 г. сообщал, что население Валахии «публично вопиет о помощи российского войска»²⁴. Просьбу о вводе русских войск высказывал в начале 1801 г. молдавский господарь Константин Ипсиланти²⁵.

В 1802 г. последовал ряд прошений представителей господствующего класса Дунайских княжеств к русскому правительству. От имени населения всего княжества молдавские бояре и духовенство просили Александра I «защитить и спасти несчастную землю», «освободить бедствующую Молдавию от несносного ига»²⁶. Бояре и духовные лица Валахии, бежавшие в Трансильванию перед угрозой захвата Бухареста войсками мятежного Пазвант-оглу, обратились к Александру I с мольбой «оказать высочайшую помощь и избавление от гибели целому христианскому единоверному народу, лишенному всякой иной помощи и надежды к спасению»²⁷. Через посредство В. С. Томары они обратились также с прошением к Порте, в котором описывали тяжелое положение Валашского княжества в связи с войной Турции против Пазвант-оглу и разорительными податями и поборами. Одновременно бояре и духовные лица Валахии просили русского посланника ходатайствовать перед Портой о том, «чтобы привилегии нашей страны были сохранены», «чтобы мы смогли возвратиться в полной безопасности к себе на родину»²⁸.

Но русское правительство не могло пойти навстречу просьбам, поступавшим от Дунайских княжеств. В существовавших между-

народных условиях оно всячески избегало каких-либо осложнений в отношениях с Портой. Точно так же русское правительство не было заинтересовано в побуждении местного боярства и духовенства к написанию прощений о помощи, что пытались в свое время доказать некоторые румынские буржуазные историки, будучи не в состоянии обойти факты обращений княжеств к России в конце XVIII—начале XIX в. Используя тенденциозность французских источников, они представляли эти обращения как результат якобы подстрекательской деятельности русских консулов в княжествах²⁹. Все сохранившиеся документальные материалы свидетельствуют о том, что причины жалоб и просьб молдавских и валашских бояр и духовенства к России заключались в объективных конкретных условиях, в которых находились Дунайские княжества после 1774 г., и определялись классовыми интересами их господствующих классов.

Исходя из конкретных задач восточной политики, русское правительство в конце XVIII—начале XIX в. стремилось прежде всего к укреплению своего влияния в Дунайских княжествах. Этим целям служили протесты русской дипломатии против нарушений Портой и господарями-фанариотами условий Кючук-Кайнарджийского мира, ее настойчивая борьба в защиту и утверждение привилегий княжеств в международных трактатах. Результаты усилий русской дипломатии оказались в таких важных актах конца XVIII — начала XIX в., как Айналы-Кавакская конвенция 1779 г. (ст. VII), Ясский мирный договор 1791 г., русско-турецкие соглашения о княжествах 1784 и 1802 гг., хаттиширифы 1774, 1784, 1792 и 1802 гг., Бухарестский мир 1812 г.³⁰

Выступления России в защиту Дунайских княжеств перед Портой и на международной арене укрепляли ее престиж покровительствующей державы. В то же время такая политика объективно содействовала облегчению положения местного населения, стимулировала освободительное движение.

Прямое воздействие на положение населения княжеств имели протесты русского консульства и константинопольской миссии против попыток Порты и господарей в нарушение русско-турецких трактатов усилить налоговый гнет в княжествах. Сохранившиеся многочисленные архивные материалы свидетельствуют об усилиях русской дипломатии по фиксации суммы податей, взимаемых Портой с княжеств, и по установлению несменяемости господарей без законных оснований, закрепленные двусторонним русско-турецким соглашением 1784 г.

Благодаря настойчивым требованиям России Порта была вынуждена не только считаться с этими положениями, но и пойти в 1802 г. на дополнительные уступки. Новое русско-турецкое соглашение устанавливало семилетний срок правления господарей и способствовало сокращению суммы податей княжеств Османской империи³¹.

Следует подчеркнуть, что, хотя деятельность русской дипломатии отвечала просьбам господствующих классов Дунайских кня-

Жеств о помощи и покровительстве, высказывавшимся в обращениях к царскому правительству, объективно она содействовала улучшению положения трудящихся масс, оказывала влияние на укрепление дружественных настроений по отношению к России, на рост их веры в помощь России.

Итак, рассмотренные нами документы (обращения Дунайских княжеств к русскому правительству XVIII—начала XIX в.) являются не только свидетельствами связей княжеств с Россией в тот период. Эти документы представляют собой источники более широкого исторического плана. С точки зрения международных отношений в Юго-Восточной Европе, они были порождены реальным соотношением сил, сложившимся в регионе в указанное время в условиях обострения борьбы между европейскими державами за преобладание, и отражали это соотношение. Для истории России рассмотренные нами материалы не только свидетельства тяготения населения Дунайских княжеств к единоверной державе: они служат доказательствами успеха русской политики покровительства угнетенным султаном народам.

Важное значение указанных документов для истории Дунайских княжеств несомненно. Обращения к России XVIII—начала XIX в. содержат не только настроения их жителей и стремление освободиться с помощью русского оружия — в них нашли выражение социально-политические взгляды патриотических кругов господствующих классов княжеств, на которые оказали влияние международная и внутриполитическая обстановка в этом регионе в указанный период, необходимость поиска путей национального освобождения в условиях начавшегося кризиса феодальной системы и нараставшего накала освободительной и классовой борьбы народных масс. В этом смысле приводимые нами документы отражают один из важных аспектов развития общественно-политической мысли в Дунайских княжествах XVIII—начала XIX в.

Ниже публикуются некоторые из рассмотренных нами архивных материалов. Документы приводятся на языке подлинника и сопровождаются делопроизводственными переводами того времени.

¹ Исторические связи народов СССР и Румынии в XV—начале XVIII в.: Документы и материалы. В 3-х т. М., 1965—1970.

² См., например: Котенко И. А. Из истории освободительного движения в Молдавии в период русско-турецкой войны 1768—1774 гг. — Учен. зап. Тираспольск. пед. ин-та, 1957, вып. 3, с. 23—42; Семенова И. В. Русско-молдавское боевое содружество (1787—1791). Кишинев, 1968; Гросул Г. С., Даниленко Р. В. К вопросу об участии волонтеров из Дунайских княжеств в русско-турецкой войне 1806—1812 гг. — Изв. Молд. фил. АН СССР, 1961, № 2; Vianu S. Din lupta poporului român pentru scutarea jugului otoman și cucerirea independenței. — Studii. Revistă de istorie, 1953, N 2.

³ Дмитриев П. Г. Из истории крестьянского движения в Молдавии во второй половине XVIII—начале XIX в. — Изв. Молд. фил. АН СССР, 1959, № 2; Mircea M. Lupta țărănilor împotriva exploatarii în timpul războaielor rusuo-turce din a doua jumătate a sec. XVIII-lea. — Studii și refe-

- rate privind istoria României, 1954, I; *Vianu A.* Manifestări antifanariote în Moldova la sfîrșitul sec. al XVIII-lea. — Studii. Revistă de istorie, 1962, N 4.
- ⁴ Цит. по кн.: *Сиволап И. И.* Социальные идеи Вольтера. М., 1978, с. 256.
- ⁵ Там же, с. 183, 167.
- ⁶ Восточный вопрос во внешней политике России: Конец XVIII—начало XX в. М., 1978, с. 35.
- ⁷ *Papacostea S.* Oltenia sub stăpânirea austriacă (1718—1739). București, 1971.
- ⁸ АВПР, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1737 г., д. 3, л. 2.
- ⁹ Там же, л. 8—11 об.
- ¹⁰ *Шульман Е.* Миссия валашского ворника П. Драгунеску в Россию (1736—1737 гг.). — В кн.: Вековая дружба. Кишинев, 1961.
- ¹¹ АВПР, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1736—1737 гг., д. 2, л. 41—49.
- ¹² *Vianu A.* Din acțiunea diplomatică a Țării Românești în Rusia în anii 1736—1738. — Romanoslavica, VIII (1963); *Serban C.* Relațiile politice româno-ruse în timpul războiului ruso-turc din 1735—1739. — Analele româno-sovietice, istorie, 1956, N 4.
- ¹³ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830, т. X, № 7891, с. 890—894.
- ¹⁴ АВПР, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1769 г., д. 2, л. 3—6.
- ¹⁵ Там же, 1770 г., д. 1, л. 32—33 об.
- ¹⁶ Там же, л. 34—35 об.
- ¹⁷ АВПР, ф. Сношения России с Турцией, д. 1680, л. 51—54.
- ¹⁸ Там же, 1773 г., д. 1762, л. 81 об.
- ¹⁹ РИО. СПб., 1879, т. 26, с. 394—395.
- ²⁰ См.: *Гросул Г. С.* Дунайские княжества в политике России. 1774—1806. Кишинев, 1975.
- ²¹ АВПР, ф. Константинопольское посольство, 1774—1775 гг., оп. 90, д. 592, л. 11.
- ²² АВПР, ф. РГК, д. 141, л. 173.
- ²³ АВПР, ф. Сношения России с Турцией, д. 877, л. 30—31.
- ²⁴ АВПР, ф. РГК, д. 289, л. 44, 93.
- ²⁵ АВПР, ф. ГА, I-9, 1801—1802 гг., д. 4, л. 19; ф. РГК, д. 1, л. 45.
- ²⁶ ВПР, сер. первая, т. I, с. 107.
- ²⁷ Там же, с. 710.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ *Xenopol A. D.* Istoria românilor din Dacia Traiană. Iași, 1896, v. IX, р. 242—254; *Rosetti R.* Arhiva senatorilor din Chișinău. București, 1909, v. I, р. 11.
- ³⁰ См.: *Гросул Г. С.* Дунайские княжества..., с. 74—75, 80—85, 97—99, 155—160.
- ³¹ ВПР, сер. первая, т. I, с. 300—301.

№ 1

Грамота валаших бояр к императрице Анне Иоанновне с просьбой защитить их от турок и принять под покровительство России

25 апреля (6 мая) 1737 г.

Τή εύσεβεστάτη, Κραταιοτάτη καὶ γαληνοτάτη βασιλίσῃ αὐτοκράτορι πάσης μεγάλης, τή μικρᾶς, τή λευκῆς ῥωσσίας, κυρίᾳ ἡμῶν καὶ δεσπόνη, κυρίᾳ, κυρίᾳ Ἀννη Ἰωαννήδη τήν δουλικήν καὶ ἐδαφισσαν προσκύνησιν.

Κατά τό χιλιοστόν ἐπτακοσιοστόν τριακοστόν ἔκτον ἔτος θήνανούση τίς νοῦσα πόλεμον ἡ αὐτοκρατορική αὐτῆς μεγαλειότης κατά τῶν ὄθωμανῶν, ἡμᾶς οἱ ὑποκλινῆς αὐτῆς δοῦλοι οἱ εὐρισκόμενοι ὑπό τὴν ἐπικρατήσαν, καὶ ὑπό τὸν δουλικὸν καὶ τυραννικὸν ζυγόν τῶν ὄθωμάνων ἐπροσέσαμεν εἰς τὴν χριστιανικοτάτη αὐτῆς μεγαλειότητα μέ το μέσον τοῦ συναδελφοῦ ἡμῶν ἄρχοντος Πέτρου Γαβρίλοβιτς Δρουγανέσκη (τόν ὅποιον ἐστήλαμεν μέ κοινήν γνώμην ὅλων τῶν ἐνταῦθα ἐντοπίων, ἦτοι τοῦ ἱερατικοῦ τάγματος, τῶν πάντων τῶν ἐγκατοικῶν τῆς Βλαχίας ἀρχόντων ὅστερον δὲ ἐστείλαμεν καὶ ἀλλα γράμματα παρακαλεσθῆται διά τὴν αὐτήν ὑπόθεσιει μέ μέσα ὅποι δύτοτε κύριος τὸν ἐκάλεσε νά εὐσπλαχνιθῇ ἡ αὐτοκρατορική αὐτῆς μεγαλειότητας νά μᾶς ἐλευθερώῃ ἀπό τὸν βαρύτατον καὶ τυραννικόν τῆς δουλίας ζυγόν τῶν Ἀγαρνῶν. Οι δόποιοι ἀπό τόσην ποσότητα χρόνων μᾶς ἔκαταδύμασαν, καὶ βαραίως μᾶς ἐτυράννισαν μέ κάθε λογῆς ἀπήνην, καὶ σκληρότητα ἐθνικήν, ἐθρίζοντας τὴν ἀμώμητον, καὶ ἀσπιλον ἡμῶν αρθρόδοξον καὶ χριστιανικήν πίστην, καὶ μέ ἀλλα βαρύτατα καὶ ἀνυποφόρητα βάρη, τήν δόποιαν μας ὑποκλινῆ ἀξίωσιν, καὶ δουλικήν πρόσπεσιν ἡ εὐεβεστάτη καὶ αὐτοκρατορικωτάτη αὐτῆς μεγαλειότης (καθὼς ἐβεβαιώθημεν ἀπό γραμμάτων τοῦ ῥήθηντος συναδελφοῦ ἡμῶν ἄρχοντος Πέτρου) ἀσμένως ἐδέχθη καὶ ἔκτοτε ἐώς τοῦ νῦν δέν ἐπαύσαμεν νυκτός τε καὶ ἡμέρας φέροντες θυσίας ἀναμάκτους τῷ δοτήρι τῶν ἀγαθῶν θεῶν καὶ ἵκετηρίους ἐντεῖξεις καὶ ὅλην ἐλησίαν μας νά στερεώνη τό ὑψίστον, καὶ θέστεπτον αὐτῆς κράτος ἀδιάτειστον εἰς τὸν αἰώνα τὸν ἀπαντα, καὶ νά κρατήη νά κατευοδῇ τά χριστιανικώτατα αὐτῆς ἄρματα κατά τῶν ἐχθρῶν τῆς ἀεὶ νίκας καὶ τρόπαια κατ' αὐτῶν ἐγείροντα.

Τώρα ὅμως εὐσπλαχνικωτάτη ἡμῶν κυρία καὶ δέσποινα, ἀκούομεν πῶς γίνεται δύμιλία περὶ ἀγάπης, ἀναμεταξὺ τῆς ὑμετέρας μεγαλειότητος καὶ τῶν ὄθωμάνων. Τό δόποιον δέν μᾶς προένει μετρίαν λύπην, ὑποπτευόμενοι μήπως καὶ μείνομεν πάλην ὑπό τὴν δουλείαν τῶν ὄθωμάνων ὅθεν μετά θερμῶν δακρύων, γάρνον κλίνομεν εἰς τὴν ἄκραν αὐτῆς εὐσπλαχνίαν, δεόμενοι καὶ οἰκετικῶς παρακαλοῦντες τό γαλήνιον αὐτῆς ὑψος, εἴτε μέ μέσον ἀγάπης, εἴτε μέ αὐτοκρατορικά αὐτῆς ἄρματα, νά μήν μᾶς ἀφίση πλέον εἰς ἐπικράτειαν ἄλλων ἐθνῶν, ἄλλα μέ κάθε τρόπον νά γένη ἔλεως νά μᾶς ἐλευθερώσῃ καὶ νά μᾶς φέρῃ εἰς τὴν χριστιανικωτάτην αὐτῆς ὑποταγήν. διά τό δόποιον παρηγορούμεθα μέ χριστᾶς ἐλπίδας πῶς δέν θέλομεν ἐκπέση τοῦ ἐλέους αὐτῆς, νά μᾶς γλυτώσῃ ἀπό κάθε ζυγόν ἀλλου ἐθνους καὶ ἄλλης ἐπικρατείας, καθὼς οἱ γονεῖς καὶ οἱ πρόγονοι ἡμῶν τοῦτο ἐποθύοῦσαν, καὶ εἰς αὐτήν τὴν ἐλπίδα ἐν κυριῳ ἀναπαύθησαν ἀφήνοντες εἰς ἡμᾶς πατροπαράδοτον τὸν πόθον, καὶ τὴν ἐλπίδαν ταύτην διά τοῦτο καὶ ἡμέτες ὑποκλινεῖς αὐτῆς δοῦλοι ὑποσχόμεθα ὅλοι κοινῶς, τόσον οἱ τοῦ ἐκκλησιαστικοῦ κλήρου, ὃσον καὶ οἱ τῆς πολιτικῆς τάξεως καὶ ἀξίας πῶς θέλομεν φυλάξῃ πίστιν ἀκλινῆ καὶ ἀμετάθετον εἰς αἰώνα τὸν ἀπαντα ὑπό τὴν χριστιανικωτάτην ἔξουσίαν τῆς ὑμετέρας βασιλικῆς μεγαλειότητος. ἐπιβεβαιοῦντες τὴν ὑπόσχεση τῆς ὑποκλίσεως τε καὶ πίστεως ἡμῶν ἐπ' ὄντα ματι τοῦ ἐσταυρωμένου κυρίου καὶ θεοῦ ἡμῶν "Ιησοῦ Χριστοῦ ἐνώπιον τῶν ἀγίων αὐτοῦ ἀγγέλων. ὅθεν καὶ προσπίπτομεν παρακαλοῦντες τὴν βασιλικήν αὐτῆς μεγαλειότητα, νά εύρωμεν χάριν ἐνώπιον τῆς καὶ νά λάβωμεν παραμηθιτικήν πληροφορίαν τοῦ ταπεινοῦ μας ζητήματος διά βασιλικοῦ αὐτῆς γράμματος καὶ ἡ χάρις τοῦ ἀγίου θεοῦ νά είναι βοηθός ἐς ἀεὶ τῆς αὐτοκρατορικῆς αὐτῆς μεγαλειότητος.

1737. ἀπρίλης

Стефан митрополитъл єд: таr пе[н]грѹ бояртй чей че липсескъ де
личи, фїнн пе слѹжбе, єд адекереск кѹм къ тоци санкт сѹпѹши ши
плекацї ал ачаетъ рѹг[з]чоне.

Їшадаке Крекслескъл дкорник. Григоріе Греѹкнил вану. Кюстан-
дин Аðдескъл логѡет. Кюстандин Рамадан вист[нар]. Інтишане
Флорескун калу[ар]. Кюстандин Нє[к]д'яч пах[арник]. Барбѹл Езкэр-
ескъл стол[ник]. Михаил Барвигтеск кумис. Пъркѹл Кант[а]кѹзиш
свр[ар]. Пантази меденничер. Шефан Аðдескъл меденничер. Ине в[е]л
меденничер. Тума Івлїн армаш. Шефан Езкэрескъл вист[нар]. Тума
Креѹ[у]нескъл пист[елник].

АВПР, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1737 г., д. 3, л. 3.
Подлинник.

*Перевод
с греческого письма к ее императорскому величеству*.*

Благочестивейшей, державнейшей и пресветлейшей императ-
рице государыне Анне Иоанновне всея Великия и Малая и Бе-
лья России самодержице рабское и всенижайшее поклонение
приносим.

В 1736-м году божиим соизволением ваше императорское ве-
личество, вступя против турков в войну, и мы, нижайшие ваши
рабы, находясь под державою и в подданстве тиранского турец-
кого ига, просили христианнейшее ваше величество чрез посред-
ство брата нашего господина Петра Гавриловича Друганеска (ко-
торого отправили мы по общему совету всех здешних жителей
как духовного, так и гражданского чина, здесь в Мунтянской
земле находящихся; потом же послали и другие просительные
письма о том же деле через посредства, каковые тогдашнее время
допустило), дабы ваше императорское величество соблаговолили
всемилостивейше освободить нас от тяжкого и тиранского ига ту-
рецкого, которые оттоль многих лет в подданство нас привели и
тяжко всяким обременением и суровостию варварскою замучили,
ругая непорочную и чистую нашу православную христианскую
веру, и другими тягчайшими и несносными озлоблениями. И оное,
наше рабское прошение, ваше императорское благочестивое ве-
личество (как известились мы из писем вышеупомянутого брата
нашего господина Петра) милостиво принять соизволили. И тако
от тогдашнего времени до ныне всегда при приношении бескров-
ных жертв дателю всех благ богу непрестанную во всех церквях
наших молитву о[б] утверждении высочайшей и богом венчанной
державы вашей в вековечной непоколебимости препосылаем и
о даровании православнейшему вашему оружию всегдаших на
враги побед и одолений просим.

Но понеже ныне, всемилостивейшая государыня, у нас слух
о мире между вашим величеством и турками носится (еже нам

* На полях помета другим почерком: Получено с мултянским курьером.

производит бесчисленную печаль в сумнении, что паки останемся мы под порабощением турецким), того ради всенижайше с сокрушением сердца и с крайним благовещением ваше императорское величество рабско просим или через посредство мира, или через императорское ваше оружие не оставить нас уже более в порабощении сих других народов пребыть, но всяким образом освободить нас и привесть в православное вашего величества подданство. О чём мы утешаемся благою надеждою, что высочайшей вашего величества милости во освобождении нашем от всякого ига других народов и другой державы не лишены будем, как все наши предки того желали и в той надежде о господе преставились, оставя нам по наследству желание и надежду сию.

Чего ради и мы, всенижайшие ваши рабы всеобще как духовного, так и гражданского чина и достоинства, верность непременную и во веки непреложную, будучи под христианнейшею вашего императорского величества областю, сохранить обещаемся. Утверждая сие подданства и верности нашей обещание, именем распятого господа и бога нашего Иисуса Христа пред святыми его...* и тако всенижайше ваше императорское величество просим, да удостоимся мы возыметь от вашего величества милость и получить утешительное покорнейшего нашего прошения исполнение через государственную вашу грамоту. Впротчем благодать всесвятого бога да будет в помощь нашему императорскому величеству.

1737-го апреля 25 дня.

Подписано разными руками по-волоски **.

Стефан митрополит вместо тех бояр, которые в службе находятся, подтверждая, что они все к сему склонны.

Георгаки Крепулескул ворник. Григорий Гречанул банул. Константин Тудескул логофет. Константин Рамаданул вестиарий. Антонаин Флорескул ключар. Константин пахарник. Барбул Выгрыескул стольник. Михаил Барбадескул комис. Пырвул Кантакузин сердарь. Пантази мендельнициеръ. Стефан Тудескул меделничер. Иоани меделничер. Томас Армас. Стефан Выгрыескул второй вестиарий. Томас Крепулескул второй постельник ***.

Переводил Стефан Писарев.

АВПР, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1737 г., д. 3, л. 1—2 об. Перевод, современный подлиннику.

* Далее непонятно.

** Далее написано другим почерком.

*** Далее написано прежним почерком.

1) *Leptostomella* sp.: 2-3 mm. long. A small, irregular, yellowish-green, somewhat flattened, leafy plant, with a few short, thick, yellowish rhizomes. The leaves are narrow, linear-lanceolate, acute at the apex, with a distinct midrib.

卷之三

*...and I will be your God,
and you shall be my people.
I will dwell in your midst,
and I will not cast you off.*

Подпись ездацких бояр к «Грамоте императрице Анне Иоанновне»

Грамота крепкого валашского боярства и духовенства к Екатерине II с просьбой об освобождении от османского владычества и присоединении к территории Российской империи

28 ноября (9 декабря) 1769 г.

Кратайтатη, θειοτάτη, πρωτάτη ἀγίτητε, θεόστεπτε', εὐσεβεστατη, μεγαλοπρεπεστάτη Ἀυτοκρατόρισσα, καὶ φιλοστοργοτάτη μήτηρ τῆς πατρίδος, εὐμενεστάτη ἡμῖν κυρίᾳ καὶ αὐγούστα.

Πρό ἵκανοῦ κατεροῦ περιγάντας ἀπό τόν τόπον μας ὁ τιμιώτατος πολυοχθίνικος Ναζάριος Καραζίν¹, ἐβέβαιωθή παρ' ἡμῶν τόν ζῆλον καὶ κλίσιν ὅπου ἔχομεν ὅλοι κοινῶς εἰς τό νά προσκληρωθή ὁ τόπος μας εἰς τό κραταιόν ἱμπέριον τῆς βασιλείας σας. ἐπειτα μέτ' οὐ πολὺ ἐλάβαμεν προσκυνητῶς τά πανορέβαστα αὐτοκρατορικά μανιφέστα, τά ὅποια κοινολογῶντες τά ἐπιμελῶς τε καὶ ἐπιτηδείως εἰς τά ἀνήκοντα μέρη καὶ φανερώνοντες τό βασιλικόν θέλημα καὶ τό πρός ἀπαντας ἑλεος καὶ προστασίαν κατά τήν βασιλείου προσταγήν ὅλοι ἐδιετέθησαν προμύμως εἰς τά ἐν αὐτοῖς προστατόμενα εἰς τόσον ὅπου ὅλοι ἡταν εὐχέται ἀπό καρδίας διά τήν νίκην τοῦ γενναιοτάτου καὶ ἥλπιζαν καὶ ἐπρόσμεναν βεβαίως τό ἑλεος καὶ τήν σκέπη τοῦ κράτους τῆς βασιλείας της.

Διό καὶ εἰς τήν ὄλοτελή ἡτταν τοῦ ἐχθροῦ παρά τῷ Χοτίνι ἐδοξάμεν ὅλοι περιχαρεῖς τόν ὄψιστον ἰδόντες εἰς αὐτήν τήν μακαρίαν μας καὶ ἀπό τότε ἐπροσδοκούσαμεν περιπαθῶς τόν ἐρχομόν τῶν τροπαιοφόρων στρατευμάτων.

'Ἐν τοσούτῳ ἐμβῆκεν εἰς τά συνορά μας ἔνας βραχύτατος ἀριθμός βολοντέριδων ἀπό τήν κομμάνδαν τοῦ διαληγμέντος πολπολκοβρίνικου τούς ὅποιους ώς ἔνα σύνθημα τῆς βασιλικῆς προστασίας εὐμένως τους ἐδέχθη ὁ τόπος μας καὶ συναριθμούμενοι μέ αὐτούς πολλοί τινες τοῦ ἔθνους μας ἐπρόσβαλαν ἐξ ἐφόδου εἰς Βουκουρέστιον καὶ πολεμόντες ἀνδρείως ἐδίωξαν τόν ἐχθρόν. Τό αὐτό τοῦτο παράδειγμα λόγου ταχύτερον τό ἀκολούθησαν καθ' ὅλην τήν χώραν καὶ καταγίνονται ἡδη εἰς τό νά φονεύουν καὶ να ἀποδιώχνουν τόν ὑπόλοιπον ἀριθμόν τῶν πολεμίων ἀπό τά ὄριά μας.

Τήν ἐλευθερίαν τοῦ Βουκουρεστίου εὐθύς τήν ἐφανερώσαμεν εἰς τόν μέγαν στρατοπεδάρχην τῆς βασιλείας της ἡμέρα δέκαι τό ἀναγκαῖον τῆς παρουσίας ἔνος ἵκανοῦ στρατοῦ πρός ὑπεράσπισιν καὶ ἀσφάλειαν τοῦ τόπου μας καὶ εἰμεθα ὥρα τῆς ὥρα ἐν προσδοκίᾳ τοῦ ἐρχομού του, τό ὅποιον ἐν ὅσῳ νά ἔλθῃ ἐπρόφθασεν ἐπικαιρώς μετά τήν νίκην τοῦ γαλαϊσίου ὁ εἰρημένος πολπολκόβρινος καὶ ἡδη ευρίσκεται εἰς Βουκουρέστι πρός φύλαξίν μας.'

'Ἐπειδή δέ ἕδομεν αὐτήν τήν... στιγμήν ὅπου ἐκ πολλοῦ ἥλπισαν καὶ ἐπαραπεμψαν εἰς ἡμᾶς τήν ἡδεῖαν προσδοκίαν της οἵ γονέοι μας, καὶ ἡξιώθη τό ἔθνος μας μετά μίαν τυραννίαν σχεδόν τριῶν καὶ ἡμισυ αἰώνων καὶ ἴδιαιτέρως τῶν πενήντα τελευταίων χρόνων τήν... θλίψιν καὶ βάσανον, νά ἰδη τοῦτο τό σωτήριον καὶ ἐλεύθερον ἡμαρ' εἰς δήλωσιν αὐτῆς τῆς κοινῆς χαρᾶς καὶ εὐγνωμοσύνης πρός τήν αὐτοκρατορικήν τῆς μεγαλειάτητα ἡμαρ' διά πρός αἰτησιν τοῦ διά τόν τόπον μας βασιλικοῦ της ἐλέους ἐρχονται εἰς ἐδαφαιάιν προσκύνησιν τοῦ αὐτοκρατορικοῦ θρόνου τῆς βασιλείας της ὁ θεοικέτης τῆς πανιερώτατος μητροπολίτης μας κύρῳ Γρηγόριος διά τά ἐκκλησιαστικά.'

Καὶ οἱ δοῦλοι της ἄρχων μέγας θιστιάριος Μιχαήλ Καντακουζηνός καὶ ἄρχων μέγας λογθέτης Νικόλαος Μπραγκοβάνος διά τά τοῦ τόπου ὅθεν δι' αὐτῶν προσπίπτοντες ὅλοι μας κοινῶς, καὶ προκυλινδόμενοι ἀπέναντι τοῦ

αὐτοκρατορικοῦ θρόνου, παρακαλοῦμεν μετά θερμῶν δαχρώων νά τόχουν οἱ διαληφθέντες εὐμενοῦς ἀποδοχῆς, βασιλικῆς ἐπιεικείας καὶ συμπαθοῦς ἀκρό-ἀσεως εἰς τὰ εὐτελὴ ζητήματα τοῦ τόπου μας.

"Οθεν λοιπόν δεούμεθα θερμῶς τε καὶ δουλικῶς νά καταδεχθῆ τὸ κράτος τῆς μεγαλειότητός της νά πάρη τὸν τόπον μας ὑποκάτω εἰς τὴν ἄσυλον σκέπην τῆς καὶ νά μας ἀσφαλίσῃ μέ τὴν ἀκαταμάχητόν της προστασίαν. καὶ συναρμόζοντάς τὸν μέ τὸ εὐρύχωρον ἴμπεριόν της, νά τὸ κάμη καὶ αὐτό ἀντικείμενον εἰς τὴν μεγαλεπήβολον πρόνοιαν καὶ μητρικήν της ὅπου ἔχει εἰς τὸ λοιπόν ὑπῆρχον. τούτου ἔνεκα καὶ ὄντας ὁ ἔχθρος νικημένος κατά κράτος καὶ εἰς κατάστασιν νά ζητήσῃ εἰρήνην ἀπό τὸ ἔλεος της, κατά τὸν καιρὸν τῆς πραγματείας της ἐλπίζομεν βεβαίως εἰς τὴν ἄκραν ἐπιεικειαν καὶ τὸ φιλάνθρωπον τοῦ κράτους της νά μήν διλγωρηθῇ ἡ ἐπικύρωσις τῆς ἐλευθερίας τοῦ τόπου μας, καὶ μήν δυνηθῇ ὁ ἔχθρος μέ κανέναν τρόπον, βοηθούμενος ἀπό ἄλλους μέ μεθόδους πολιτικάς, νά ἀπο-πάση ἡμᾶς ἀπό τὴν σκέπην τῆς καὶ νά μᾶς καταπέσῃ ἐξ ὑπαρχῆς εἰς βάραθρον τῆς τυραννίας. συνάμα δέ νά ὑστερήσῃ τὴν βασιλείαν της ἀπό τοιούτον ἀοιδήμον κλέος ὅπου ἔπειται ἀπό αὐτὸ τὸ μεγαλοπρεπές καὶ γενναῖον ἔργον τῆς ἐλευθερώσεως λαόν αἰχμάλωτον. πρός δέ νά παρεμποδίσῃ τὸ κράτος της ἀπό τὸν αἰώνιον καὶ οὐράνιον μισθόν ὅπου ἀπόκειται (;) διά τὴν σωτηρίαν τῶν τοσούτων ψυχῶν ὅπου ἥδη εἴναι καὶ ἄλλων πολλαπλασίων ὅπου ἀναγκαίως θέλουν συρρεύσῃ εἰς τὸν τόπον μας ἀπό τὰ πλησίον καὶ πόρρω μέρη τῆς τυραννίας. καὶ θέλει ἀναδειχθῆ αὐτός λιμήν σωτήριος τῶν χριστιανῶν. διόπου θέλουν ἔχει τοῦ λοιποῦ πολλήν εὐκολίαν νά προσφεύγουν εἰς τὴν δουλον προστασίαν της. καὶ τὸ πάντων μετίζον θέλει ἡμπορεῖ ἡ αὐτοκρατορία της νά προξενήσῃ χωρίς παραμικράν δυσκολίαν κοινήν εὐτυχίαν εἰς ὅλους τοὺς χριστιανούς ὅπου θέλουν μείνη εἰς τὴν ἔξουσίαν τοῦ ἔχθροῦ, ἔως νά ἐλευθερωθοῦν καὶ αὐτοί, πράγμα εἰς τὸ ἔξῆς ἀσυγκρίτῳ εὐμαρείᾳ κατορθωτόν, ἀλλά μήτε θέλει τολμήσει ὁ ἀντίπαλος, συμφωνῶντας, νά ἀντιπῆ εἰς τὸ θέλημά της, ἡ νά μελετήσῃ δεύτερον πόλεμον, ἀν δέν ἀποφασίσῃ δεύτερον πόλεμον, ἀν προηγουμένως τὸν οἰκεῖον ὀλικόν ἔαυτοῦ ὀλεθρον.

"Οθεν λαμβάνουσα συνήθως ἡ αὐτοκρατορική μεγαλειότης της σπλάχνα οἰκτιρμῶν εἰς τὴν μέχρι τοῦδε ἀδλίαν κατάστασίν μας καὶ ὄρέγουσα εἰς μᾶς τὸν κραταιόν βραχίονα τῆς βοηθείας της νά μᾶς ἀναστήσῃ καὶ ἀνεγείρῃ ἀπό τὴν κατάπτωσιν μας. καὶ ἐνωτικούμενη εὐμενῶς τὰ δουλικά μας αἰτήματα νά μᾶς διαφενδευσηκαὶ ὑπερασπισθῇ μέ τὴν βασιλείαν σύνεσίν της. καὶ ἀπαλλάττουσά μας ἀπό τὴν αἰσχιστὸν δουλείαν τοῦ ἐθνικοῦ νά μᾶς ἀποδείξῃ ἔνα τῶν πανευτυχῶν ἐθνῶν τοῦ εὐρυχορωτάτου ἴμπερίου τῆς βασιλείας της. διά τό ὅποίον δεόμενοι θερμῶς ἀπαξάπαντες, εὐχόμεθα δλοφύχως τὸ κράτος της πᾶν ἀγαθόν καὶ ζωήν ἐπιμήκηστον ἐκ' τοῦ αὐτοκρατορικοῦ θρόνου της εἰς δόξαν καὶ καύχημα παντός τοῦ χριστιανικοῦ πληρώματος καὶ ἐπὶ κοινῷ ἀγαθῷ καὶ ἀσφαλείᾳ τοῦ ἀνθρώπινου γένους.

Τῆς ὑμετέρας θεοφρουρήτου αὐτοκρατορικῆς μεγαλειότητος.

'Ἐν Βουκουρεστίῳ 1769 νοεμ [Βρίου]*

διάπυροι...** οὐχ' ἦττου καὶ ἐλάχιστοι δοῦλοι

* Далее следует помета на русском языке: Сия воложского княжества грамота подана ея императорскому величеству на дозволенной аудиенции молдавскими и воложскими депутатами в вербное воскресенье послѣ обѣда 28-го марта 1770.

** Текст неразборчив.

Κοσμάς ἐπίσκ[οπ] Μπουζέος, ὁ πρόην Μπουζέος Ραφαήλ, ἀρχιμανδρίτης Ἀθανάσιος ράδουλβός, ἡγούμεν τοῦ ἀγίου Γεωργίου Ἰοσάφ, ὁ Σαρανθαρίου ἡγ[ούμεν] Σωφρόνι, ὁ τοῦ ἀγίου Ἰωαννοῦ ἡγ[ούμεν] Δοσήθεος. Κωνσταντίνης Κρεψλεσκός εἰκ κελ ἀκορ[ηνικ], Τιμόνη Κρεψλεσκός εἰκ κελ βαν, Δημήτριος Ρακωβικ εἰκ ε[ε]λ κιστ[ηαρ], Πούρθουλος Καυτακούζινο, Νικολαῖ Δγα[εςκόλ] κορηκ, πανζ Φλαΐσεσκός εἰκ κελ κλδχαρ, Ράδουλος Καυτακούζήνος, Παντζαν Καστηζδίν κελ κλδχερ, Γρηγορε Εζατάν εἰκ κελ πα[χαρηκ], Γεωργε εἰκ κελ ετολ[ηνικ], Νικόλαος δμπ[ι]δάνος σερδ[ηρ].

АВПР, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1770 г., д. 1, л. 25—26. Подлинник.

Перевод

Державнейшая, божественнейшая, кротчайшая, непобедимая, боговенчанная, благочестивейшая, великолепная самодержица и премилосердная матери отечества, всемилостивейшая наша государыня августейшая!

Пред неким временем прешедший наши места честнейший подполковник Назар Каразин¹ уведомился от нас, что мы все обще ревность и склонность имеем, чтобы наша страна в наследство досталась державной империи вашего величества. Мало же после мы, августейшие самодержавные манифести всенижайше получив, с прилежанием и пристойностью сообщили приличным местам и объявили императорское намерение, милость и покровительство всем, и так по императорскому указу все усердно склонились на содергимые в тех манифестах повеления. Так что все усерднейшие были молитвенники за победу храброго воинства и в надежде ожидали точно милости и покровительства вашего императорского величества, а за соверпеный врагов хотинский урон с радостью прославили всевышшего, увидев то блаженное время желанного нашего избавления, всеусерднейше ожидали пришествия победоносного воинства.

Между тем под командою помянутого подполковника вошло в границы наши малейшее число волонтеров, которых как состав императорской защиты с радостью приняла наша страна, к тем же присовокупясь еще многие и нашего национа вошли в Букорест и, храбро наступая, изгнали неприятеля. Таковым же точно примером в возможной скорости следовали во все провинции и упражняются уже в побивании и изгнании оста[ль]ного числа неприятелей из наших пределов.

Избавление Букореста объявили мы тотчас командующему армиею, генералитету вашего величества, и просили довольного числа войска на запицение и укрепление наших сторон, коего час от часу ожидаем. Между тем после победы под Галапом прибыл сюда помянутый подполковник и ныне находится в Букоресте для защищения нашего.

А как мы уже ту благополучную минуту, которую предки наши, давно ожидая, приятнейшую ту надежду нам предали, видев, удостоися получить спасительную фортуну после тиранства уже трех веков и пол, а особливо после египетской скорби и утеснения 50 или 60 лет последних, то в засвидетельствование таковой общей радости и в доказательство благодарения вашему величеству, купно же к испрошению императорской милости на наши места следуют всеподданнейше поклониться самодержавнейшему престолу вашего величества богомолец ваш преосвященный митрополит наш господин Григорий для церковных и рабы подданнейшие великий вистиар Михаил Ка[и]такузин и великий логофет Николай Бранкован для гражданских дел, чрез которых припадающе все обще слезно молим о получении помянутым благоприятия, императорского благосердья милости и услышания всеподданнейшего прошения мест наших.

Всеусерднейше же молим, да примет ваше величество места наши под неотъемлемое покровительство и утвердит нас непобедимою защитою, присовокупя к пространству империи вашего величества, да имеет нас под призрением материя любви, которую и прочим подданным ваше величество показывать изволит. А как неприятель уже совсем побежден и в таком состоянии, что будет от вашего величества просить мира, то во время трактата надеемся известно на милосердие вашего величества, что в заключении оного определения не забвены будут и наши места с таким способом, чтобы не мог неприятель отнять нас от покровительства вашего величества посредством других каким-либо политическим образом и ввергнуть опять в глубину тиранства, а тем бы лишить ваше величество превеликой славы, от коей последовать имеет знатное дело избавление рода пленного, сверх того да не препятствовал бы державе вашего величества в получении вечнопадлежащего небесного награждения за спасение толикух душ и для других бесчисленных сюда прибегнуть имеющих от ближних и далечайших стран, под игом агарянским находящихся. При том же места бы сии сделаться могли пристанищем спасительным для христиан в рассуждение удобного прибежища под покровительство вашего величества, а особливо, чтобы ваше величество средством было счастья всех христиан, оставшихся в тиранстве еще неприятельском, пока бы и те избавились, а противник по усмирении своем не посмел уже противиться вашему величеству, да ниже бы помыслил о второй уже войне, разве определить прежде совершенное свое истребление.

Итак, милосердствуя ваше императорское величество о нашем прежним состоянии и простере державную руку, благоволите воздвигнуть нас от падения нашего и, благоутробно внушив моления наши, защитить высокою мудростью, избавив от работы языческой, показать да благоволите нас един от благополучных родов пространной империи вашего величества. За что все обще бога молим, да даст державному вашему величеству всякое благо и

долгодействие на автократическом престоле в похвалу и славу всех христиан и в пользу общую человеческого рода.

Всеподданнейшие рабы ваши.

Косма епископ Бузейский, Рафаил прежний Бузейский, Афанасий архимандрит Радулводский, Иоасаф игумен святого Георгия, Софоний игумен Сарандарский, Досифей игумен святого Иоанна.

Константин Крачулесков великий ворник, Фома Крачулесков бан, Дмитрий Раковица великий вистиар, Пырвул Ка[н]такузин спатар, Николай Дудескул ворник, Пана Филипескул ключар, Радул Ка[н]такузин, Пантазий ключар, Григорий Балян пахарник, Георгий стольник, Николай Обедан.

АВИР, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1770 г., д. 1, л. 32—33 об. Перевод, современный подлиннику.

¹ Речь идет о русском офицере Назаре Каразине, находившемся в Валахии по поручению правительства. Весной 1769 г. им были доставлены письмо Екатерины II к одному из руководителей боярской партии прорусской ориентации Пырву Кантакузино и манифест к жителям княжества с призывом к совместной борьбе против Турции (*Уляницкий В. А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в. М., 1883, приложение 32, с. 11; Vianu S. Din luptă poporului român pentru scutarea jugului otoman și cucerirea independinței. — Studii. Revistă de istorie, 1953, N 2, p. 66—68*).

№ 3

Грамота молдавских бояр и духовенства на имя Екатерины II с просьбой принять жителей княжества под покровительство и защиту России

10 (21) декабря 1769 г.

И[н]т[р]о тоате пр[е]блуминат[а], і[н]т[р]о тоате пр[е]благородник[а], і[н]т[р]о
і[н]ноземце ковзр[у]тоаре де д[е]л[и]жнезе[д] і[н]к[о]нчи[н]ат[а], с[и]нг[р]оз[а] с[и]г[и]п[и]ни-
тоаре, маре д[е]шавица ши і[н]п[е]р[а]т[и]ца а тоат[а] Р[у]с[и]я. Пр[е]миш[и]стик[а]
с[и]г[и]п[и]на н[е]астр[а] ч[е]к і[н]д[а]т[о]ри[г]а і[н]кин[и]ч[и]он[е], к[о]д р[е]б[е]ск[а] с[и]г[и]п[и]н[е]
ши п[е]к[и]ч[и]н[е] тац[а] ад[е]ч[е]м пр[е]бл[и]г[и]ч[и]ч[и]й с[и]г[и]п[и]ни[р]ий в[и]астр[е].

Бр[е]дник[а] де поменире ши пр[е]т[и]р[а]ль[и]ч[и]т[а] д[е] с[и]г[и]п[и]т[а] в[и]на нор[о]-
чи[е] а маре[л]ий і[н]т[р]е монарши че[л]ий і[н]т[р]ак[а]мла к[о]д апостол[и], і[н]т[р]и[г]и-
л[и]й і[н]п[и]р[а]т[а], вине к[р]един[и]ч[и]с[и]л[и]й К[и]стантина, каре[л]е прин с[и]ф[а]т[а]л
чел негр[и]т[а] а д[е]л[и]жнезе[е]ц[и]й прон[и]й ф[и]н[и]д і[н]е[с]ф[а]лат[а] ши прин че[р]ес[и]л[а]
с[е]ми[н]и чел в[и]ст[и]т[а]р[а] д[е] в[и]р[и]н[и]ца а пр[е]чин[и]ст[и]т[а]ш[и] д[е] в[и]ац[и]ф[а]к[и]т[а]-
ре[й] к[р]учи ф[и]н[и]д і[н]т[р]а'ри[п]ат[а] с[о]д[и] пор[и]н[и]т пр[е]б[и]н[и]ц[а]т[а] д[е]з[и]п[а]ра
п[и]з[и]жн[и]л[и]й М[а]з[е]н[г]т[а] ши. а т[и]т[и]р[а]р[а] с[и]н[и]ч[и]и[л]ар[а] г[о]на[и] а н[е]м[о]л[и]й
к[р]е[чи]н[и]ес[к] і[н] б[е]т[е]м[е] к[и]нд х[и]ли[г]ор[и]й ти[ра]ни д[е] ро[ш]ит а[п]е[л]е ши 8[е]ка-
т[а]л[а] прин в[и]р[а]с[и]т[а] ч[е]к ф[а]р[а]е м[и]ло[с]ти[и]ре а м[и]ч[е]н[и]ч[и]с[и]л[и]й с[и]н[и]е ши
прин в[и]ф[о]р[а]л[а] в[и]н[и]т[и]р[а]л[а] г[о]ан[и]й чел к[о]д с[и]н[и]ч[и]е ши р[и]п[е]ж[и]н[е] д[е]

Stavni osobi sâm i njihov sklon
za ljudske dobre i dobro učenje.
Kao što je učenje i učenje ljudskog
znanja i vještina, tako i učenje
ljudskih dobra i dobra učenja.
Učenje ljudskih dobra i dobra učenja
je učenje ljudskih dobra i dobra učenja.
Učenje ljudskih dobra i dobra učenja
je učenje ljudskih dobra i dobra učenja.
Učenje ljudskih dobra i dobra učenja
je učenje ljudskih dobra i dobra učenja.
Učenje ljudskih dobra i dobra učenja
je učenje ljudskih dobra i dobra učenja.

търбрдат кът тогъл ръмашнија че пъцина а Ѹрмъготриалар ладът Х[и-
сто]с челяр кът дрѣпти крѣдинци, карий ае фрикъши де кѣтремдър
черка скъпарѣлашъши лииници че прѣблече, [н] лакашдъриле нѣ[н]блъз-
нителар фѣаръши а живинилар челяр атрабитгоаре [н] пѣстъши
[н] крѣпнѣриле памжнѣтълай.

Гаð үн]фәңғашат мәрәлә монарх чөл тәримис дә д[8]мнәзәб, ал сөрпәг үн]нәләцимѣ нәлеүдициалар бәржымашы прин арна кәрчай чөл не-бирийтә ал сәфәрмат кәд тәтгәлә пәгәнгәсек мәжидіә лар. Кәд кәмплиятъ мәдәтгә таð сәкәршиңт, ал контенит чинстѣ ىдолѣсек ал үн]флориг кәрединца кәрецингесек үн]фәрнгарт ши сәфәрматъ пәгәжнишар, ал при-чиньт бүкәрә кәрединчошишар ши дә ал сәтәттә тәттәт ачтестѣ сәкәршири а милостикирй ши а дәрептәций чей д[8]мнәзәеци прин вәна нәрочире а прѣблагородникълай монарх. Чәлә че акым саð үн]кәредничиг а прики шакий нәцүри, прѣүн]кедерегат саð кәноск а фи май көвәршигодаре ши май кәд үн]нәләтъ нәрочире а монархичеций мәририй вәастәре прин кәре саð кәдәүце фәрәе үн]доире пәттәрт чөл а тәттә пәттәр никә а лай д[8]м-нәзәб ши мәримѣ ىроїческълай сәфләт а үн]нәләциләй вәастәре чейй прѣблагочестике ши прѣл альмината үн]целептүн чөл дәпз асемнәрт прѣүн]целептүлай Соломон. Дә кәрәм че нәләрт чей прѣ гәсәй ши прѣүн]түнекаци чә саð адънасә дин тәттә кәрбәлә оөманическ престе-тиклиескълай пәмҗигт ал Мәләдәй үн]грозинд погопдәл кәрецинишар кәд прѣкәмплиятъ плой дә сәнүе, прин сәфләрт чөл кәттәрә ной кәд юцимѣ милостикирй а прѣпәттериңиј мәририй вәастәре. Дә наурагәнә саð рәс-пиг ши чей че прин сәләвәтгәчири лар чөл кәмплиятъ үн]фрикошат кәд ҳәмнгодаре мәжидіә ка саð үн]гицә тәттә плининца кәрединчошишар үн]нәннгѣ а кәрора ерәм ши ной ка ницие ай гата спре жәнгірә, ие-мерничинә дин ләк үн] ләк, ши преттүндене рәтгәчинд дә фрикә ши дә кәттәрәмдә). Кәд кәрбизимѣ мәрүтт чейй прѣкамлар саð үн]гициг ши ла үн]фәңғашарт чөл көвәршигодаре дә бирбүнцә а армәләр мәририй вә-астәре чәләрәр пәртәтгодаре дә сәмнәлә кәрчай аттәга саð кәттәрәмдәрат ши саð үн]грозиг пәгәнгәй, кәжт лә саð пәрбәт апеле Нистрәлай ши а Аднәрт, прѣдесфәтате нәтәнди, ла кәре сәкәпәнд дә фокобл армәләр ал мәсәрәт адънчим рәжбишар фәкандас саð мәжидаре пасерилар че-рәнлай ши пәцишар апелар, ши чей че саð үн]нәләцат пәнәл ла чөрю, пәнәл ла тад саð погоржт кәд дәрт пәттә ҳоттарәре а лай д[8]мнәзәб үн]торкәнндас саð рәрәбләр престе капетеләләр ши нәдерептагат престе кәрбизетдәл лар. Ал апес үн]нәннгѣ шакиши нәцүри слава ләннй, ал рәсәринг сәрзәләчири саð кәләләр мәририй вәастәре ши ла чөл дә пә 8рмәл ал альминат зәша чөл прѣдәлчө ши прѣдоритъ а мәнгүйрт нәләтре. Шенгәрә кә наð тәрекбәт кәд ведәрт милостикире чөл д[8]мнәзәтасек са-спиндә ши лакрәмиле нәләтре че кәд юбири дә шамени чәргәнд нәл

чертат преком аз фост воница хотгэржий сале чейт прѣдпрѣтте нин
нѣй пэрсигт панъ үн]сфэршигт ка съ не дам спре мадрте, че аз
аскьлатат динтрѣ үн]нэлцим ѿгчынилэ настре чѣле кд азрѣе.
Дрепт ачка чѣле че үн] лакъмат ам семнадцетай сечерзм аком үн]трѣ
вокърѣ прии вѣна норочире ши грабника сприжинилэ а прѣн]н]нлтей
стгажнирий волстре, ши кѣносказа немвранинга мииз а үн]адратблѣй
а[8]мнезеъ ши мэримѣ фачерти дѣ бине чѣ кд үн]пэрэтѣ скъ милосераде
а үн]нэлцимѣ волстре чей монархичеци кд гласрѣ дѣ нѣн]честате
ладе ши кантгари мѣлцемим тронцей чей үн]трѣ ѿ 8ниме ши атшт
погтѣрникъ пентрѣ кд милостикире аз привит асѣра подстрѣ,
үн]тгѣрингд инема чѣ прѣлагородникъ ши атгократорическъ а монар-
хїй волстре спре избѣгирѣ подстрѣ ченар дѣ ѿ крединицѣ дин робта
жгблѣй чеълѣй ѿомланическъ, ши ка ницѣ роби прѣплекаци ши прѣ-
мѣлцемитори адьчен мѣлцемирѣ подстре чѣле прѣфтеринци катрѣ
үн]нлтгѣ стгажнирѣ волстрѣ, пентрѣ кд нѣм үн]бредничит дѣтѣ до-
рирѣ чѣ дѣ мѣлци а ни а фи сѣтт акоперемэнтблѣ вострѣ чел прѣп-
тѣрникъ. Үн]нэлцим дар кд смѣренѣ үн]адаторите ѿгчыни катрѣ
чел че лакъдацѣ үн] чеъюри домнблѣ Бакашо, үн]тгѣи ѕв прѣсмеритблѣ
митрополит а Молдовѣ үн]предѣнъ кд фраци мтей чей үн]трѣ Х[ри-
сто]с сѣфиций архтерей ши юбиторти дѣ а[8]мнезеъ епископи ши тшт
клиросблѣ висерическъ. Азпѣ ачка тацци фитт мтей чей азховничеци ши
прѣплекаци роби ай мѣририй волстре адьнарѣ чѣ политическъ а баари-
лар цэрти ши пайинца крецинескблѣй норад, ѿгчында ѿ үн]предѣнъ
дин квадроласъ инимз ка мѣрирѣ волстрѣ чѣ благородникъ ши атго-
краторическъ үн]предѣнъ кд ѿарасла чѣ прѣлагородникъ, прѣюбитблѣ фитт
ши наслѣдникъ винѣкрединчосблѣ домнблѣ ишстрѣ мареле кназ цесаревич
Павел Петрович съ съ адашгъ дин погтѣрѣ үн] погтѣрѣ погрѣтѣ ста-
ттарникъ нѣклѣтитѣ үн]трѣ тоате прѣнорочитѣ кд вѣац прѣстглѣ-
читѣ ши үн]деягатѣ ла үн]мѣлцирѣ анишрѣ погрѣтѣ бирѣнгодаре
стгажниторе ши ковзршигодаре үн]протика нелевицилар барвари, каре
кѣтремѣрѣнда съ съ клатѣскъ дѣ армеле погтѣрий волстре ши съ
съ сферме панъ ла ржмашинца чѣ дѣ пе 8рмз сѣтт пичноареле волстре
чѣле прѣлагороднаге. Прѣ армїа волстрѣ чѣ юбитордѣ дѣ Х[ристо]с ши
небирѣйтѣ съ спорѣскъ прѣнорочит үн]трѣ ржзбоае кд мэриме дѣ сѣф-
лет кд витежаскъ үн]бэрѣттаре кд үн]тгѣгъ ши кѣтимчосблѣ үн]це-
лепчыне, кд статгорникъ ржздале ши кд прѣслѣвига бирѣнци фитт
пазига ши ферига дѣ арѣпта чеълѣй прѣн]н]нлт фэрдэ вѣтгамаре.
Ний тацци лакъбиторти цэрти Молдовѣ партѣ висерическъ ши партѣ
политическъ кд вокърѣ маре ши кд прѣплекатѣ смѣренѣ алгана дин
пзмнитѣ нтѣ ишти пе юбиторю дѣ а[8]мнезеъ епископ ал сѣфи]нтий
епископти Хѣшблѣй ку-їнокентїе пе прѣкѣвишесблѣ архимандрит ши

єгъмен ал сифиңтей мәнестири Солка күр Еарѳоломей, пе кўкишсъл
єгъмен ал сифиңтей мәнестири Мішадовици кир Еенедикт ши дин
парғѣ воярилиар робишиар мәририй воластре пе дым[нелдѣй] Ағпұла Балш вел
логофет, пе дым[нелдѣй] Іван Паллади вик вел логофет, пе дым[нелдѣй]
Инакаке Мило вик вел спат[ар] іам тимис дин парт юбций кәттрәз
прѣпътърника мәририѣ воластре рғзанда — не кѣ дѣдинесъл ка съ фіе
прѣимници кѣ ғ[и]н[и]пързаттескъ бләндѣцъ ши милосердіе, прин карти ка чей
че кўноацем ғ[и]н[и]нзалимѣ фачерти дѣ вине ши ка ницие роби прѣплекаци
адъчем съпънерѣ чѣ робѣскъ кѣ тоатға вѣна воницъ ши прѣимире ши кѣ
сложитоаре плекачыне ши крединца ноастрә чѣ кѣ жързманд фагъадъ-
инд ғ[и]н[и] нѣмел е вѣлахъ д[ы]жинезеъ нефзыарникълай жъдекатори кѣ
не ком съпъне ғ[и]н[и]пързаттескълар порончи ши ком пъзи нестрѣмѣттаге
ши некалиттіе тоатғе чѣле че съ кѣкин дин партѣ ноастрә прѣпътър-
ничтїй мәририй воластре пынг ла пикаттара съжынелдѣй чѣ дѣ пре 8рмъ
ши кўченъинский плекатгे ка ницие фіербинци рғзатори кѣ ғ[и]н[и]л
прѣбламиналелар пичоарелар воластре ши не рғзмъ дин адънокъл съф-
лелетгелар ка ши дѣ акъм ғ[и]н[и]нзалит пързрѣ съ добандим вѣна воницъ
чѣ бирбигитоаре а мәририй воластре ши ғ[и]н[и]пързаттескъ бләндѣцъ ғ[и]н[и]
Умберици ши апъраци прин армеле воластре чѣле небирдигите. Сәпрѣвалаго-
честиег Імператрицъ, ши прѣмилостигка съзънна ноастрә нѣ не пързси
пре ной робїй мәририй воластре чей дѣ ю крединцъ, спре съланика дефзий-
маре а нелуягителар нѣ мѣри Умбрецие-нѣ кѣ дрѣпугата чѣ прѣпътър-
никъ. Акоперене съпът акоперемэнтъл чел пързатори дѣ бирбингъ,
ғ[и]н[и]грздѣцие-нѣ кѣ армеле чѣле аетократоричеци, ши небирдиге а прѣ-
ғ[и]н[и]нзалимѣй воластре ка съ петрѣчем піцин ғ[и]н[и] линецие ши рзпави
испитинд ғ[и]н[и]грѣгъ пътърѣ съмцирилиар ноастрә съпът монархіа воластрѣ
чѣ прѣблагочестив ши прѣнорочигъ.

Анда 1769, дәкембріе 10.

А мәририй ғ[и]н[и]пързаттїе воластре смерици ши кѣ тоатға юсердіа
кәттрәз д[ы]жинезеъ рғзатори, а мәририй ғ[и]н[и]пързаттїе воластре прѣплекаци
роби Гафрик митрополит Молдавией*

тоб 'Нривотблое' [μητροπολίτη Σωφρόνι]

Леон епископ Рум[ан]еский
Дасифей епископ Радащктий
Пржжапий архимандрит Галаген
Пахомий ғ[и]н[и]л[ен] Пѣтні
Іоанники ғ[и]н[и]л[ен] Ніамцълай
Мисаил архимандрит Бессерикани-
лор

Каллистрѣз иғ[и]н[и]л[ен] Рѣшикъ
Меѡоди єгъм[ен] Блатиний
Ағпұла Балш вел аш[о]иф[ет]
Іван Ст[е]рз[е] вор[ник]
Киес[та]ндин Руис[е]т[е] квр[ник]
Іуардако Кант[акъзин] спат[ар]
Іуан Кант[акъзин] спат[ар]

* Далее следуют две неразборчивые подписи.

Конст[антин] Ст[е]рзэ вист[ер-
ник]. . . *

Басиле Радзла хат[ман]
Іван Кант[акд]э[ино] вист[ерник]
Тодар Кант[акд зино] спат[ар]
С[те]ф[ан] Ст[ур]за ван
Кистаке Конаке спат[ар]
Ку[ста]дин Греч[ан] ван
Млэз[а]ндр Неклч пах[арник]
Івардаке Галш пах[арник]
Неко[лай] Рис[е]т ван
Басиле Рис[е]т пах[арник]
Любл Кист[аке] ван
Гешргей Ст[у]рзэ пах[арник]

АВИР, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1770 г., д. 1,
л. 29—30.

Перевод из молдавской грамоты, которую привезли
из Молдавского княжества молдавские депутаты

Всепресветлейшая и превысочайшее и богом венчанная всеав-
густейшая и самодержавнейшая великая государыня императрица
Екатерины Алексеевна всея России.

Вашему императорскому величеству вседолжнейшее поклонение
и рабское покорение все нижайшее принесем.

Достойная памяти воистину и пресветлая наста иногда оное
торжество великому в монарехах равно апостольному первому бла-
гочестивому царю Константину, который единим советом божьего
промысла и благовестием пебесного знамения честного и животво-
рящего креста господня был вдохновен и вскрыляем в преславной
опой победы. И для того с крепкою верою ополчился над мучите-
лем христианским Максентие злочестивого и над всеми пресиль-
нейшими гонителями рода христианского в то время, когда они
христохулительные мучители окровавили воду и сушу излия-
нием мученической крови, которую без всякого милосердия из-
леяли, и чрез буря сильных ветров христианского изгнания и
чрез лютого их мучительства совсем возмущиша оставшиеся тогда
малейшего числа Христу последователей православных христиан,
которые от страха и трепета взыскивали себе прибежище и пре-
сладкой тишине в обителях неукротимых зверей и ядовитых при-
смекающих змiev в пустынях и в пропастях земляных. Великий
оной монарх посланный от бога ста пред оными мучительми и ни-
жалобы гордыню оных беззаконных врагов чрез непобедимое
оружие креста и вовсѧ сокруши злочестивое их супровство и пре-
даде их прелютой смерти и преста честь идолъская, процвете хри-
стианская вера, посрамление и сокрушение злочестивых. И тако

* Далее текст неразборчив.

Кистандин Гандзла столник
Кист[ан]дин Ш[а]л[а]д[и] пах[ар-
ник]
Григ[ори]. . . * пах[арник]
Кон[стан]дин Ко[гдан]чан стол-
[ни]к
Кист[ан]гин. . . * стол[ни]к
Ман[о]лак Кист[аке] стол[ни]к
Инаке Кант[аку зино] стол[ни]к
Басиле Галш стол[ни]к
Іон Катар[ж]и стол[ни]к
Инаке Хрис[то]ф[ор] стол[ни]к
Гешрге Белд стол[ни]к

возпоследовала всем христианам великая радость, и хотя все оное совершенство непременно было чрез божественное и праведное его милосердие, а к тому же и чрез особливое щастие оного благочестивого монарха. Одначеж сии что ныне удостоилися очи наши видети преславнейше видятыа быть для того, что суть превосходительнейшие и совершеннейшие и высшим счастием вашего императорского величества украшены, потому что чрез оных предовольно и без всякого сумнение явно показалося вся непобедимая сила оного же всесильного бога купно и слава героической души вашего императорского величества, которое воистину что есть ограждена всяким благочестием и пресветлую премудростию, подражательное премудрости соломонове, понеже что всех оных претяжких и темных облаков, которые из всех кругов от[т]оманских над пребедною землею Молдавского княжества чрез прелютых и кровавливых дождей и чрез бури их яже на нас весьма и все восстреметали были и так ужасалися было, что уже ожидали от них и конечной погибели. Но скорим вашего императорского величества милосердием и защищением внезапно все разорилися и все те, что чрез их суворство и лютовство всегда нас устрашивали и хульным гордостию похвалились, чтобы вовсе поглотить вся исполнение верных (пред коими мы все были яко овцы готовы на заколенные прещельствуя от места до места чрез долгое время и повсюду скриас с великим страхом и трепетом) божиим судом сами поглощены лютою и прегоркою смертию. И по во время преславной победы крестоносной армии вашего императорского величества они сами столь восстреметали и ужасалися, что и самые воды Нистровские и Дунайские показывались им аки никоторую преизрядную и прекрасную пучину, и которые из них избавились от оруженнаго огня, то вместо того глубину и дно от них великих рек измериша, и тако быша вспред птицам небесным и водным пыbam. И тии, что превознеслися были до небеса праведным судом божиим даже до ада сидопа обратиса болезнь их на главах их, и неправда их на версех их и уже заходило от очию нашею лунная слава и возсия светлость звезды вашего императорского величества, а потом возсия светлость пресладкого и превождененного дня, сиречь день спасение нашего, понеже милосердие божие не презри слезное наше воздыхание, но своим человеколюбием наказуя, наказал нас яко же бысть праведного его хотение, но ни же остави нас до конца погибнути смертию и услыша с высоты болезненые наши молитвы, и хотя мы прежде сего посеяли в слезах, обаче ныне с радостию пожинаем, а все сие сделалися чрез благое счастье и скорое защищение вашего императорского величества. И мы нижайше предовольно чувствуем и видели превысочайшую и монаршескую вашего императорского величества прещедрую и матернюю милость, купно и величия всех благодеянных вашего императорского величества к нам милосердие, того ради немолчными гласы поем и хвалим и благодарим святей единосущней и неразделенней троицы, ибо с великим милосердием призре на нас, утверждая благочестивую и автократориче-

скую монаршеское ваше сердце на избавление наше единоверных из работы агарианского ига, яко верноподданные рабы вашему императорскому величеству всенижайшее и всеподданнейшее наше принесем благодарение, и по всегдашней нашей должности со многим смиренiem молитвы воссылаем живущему на небесах богу Саваофи, в первых я, смиренный Гавриил, митрополит Молдавский купно во Христе братию мою боголюбивыми епископами и со всем духовным чином, купно и со всеми подданными же и рабы вашего императорского величества собранные политическое молдавские бояры и обще со всеми здешними христианами умиленными сердцы молим всепедрого бога, да дарует вашему императорскому величеству купно и освященной отрасле вашего императорского величества превозлюбленному сыну и наследнику благоверному государю цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу все целобитное здравие и да возвеличит афтократическое величествия ваше и да вознесет...* от силы в силу, и да умножит присно прибывательно и нерушимо дражайшее здравие вашего императорского величества при всерадостнейшей и пресветлейшей жизни в должностные лета со всегдашнею победою и самодержавством и при всесовершеннейшою победою над всех противных варваров, которые от неустрашимых и прехрабрых вашего императорского величества воинов да вострецнутся и устрашатся и даже до последней части да сокрушатся под ногами вашего императорского величества, а христолюбивая армия вашего императорского величества во время ополченные браны и всегда да спешат во всяком благом поспешении без всякого препятствия, с твердостью душевною, с храбростью мужественною, с надлежащим целомудрием и с преславною победою, и да будет сохранена и покровенна высокою его божественною десницею без всякого урона.

Мы, все жители молдавские, весь духовный и мирский чин с великою радостию и со всенижайшим смиренiem выбрали из нашего духовного чина боголюбивого епископа Хушского Кир Ионентия и Петропавловского-Солковского монастыря архимандрита Варфоломея, да Благовещенского — Молдовицкого монастыря игумена Венедикта, а из молдавских благородных бояр господина Лупула Балша, бывшего вел[икого] логофета, да господина Иоанна Паладия, бывшего вел[икого] логофета, да господина Янакакия [Мило], бывшего вел[икого] спатаря, которых из общего совета посылали к вашему императорскому величеству и всеподданнейшее вашего императорского величества просим, да будут приняты с высокою монаршескою кротостью и милосердием, чрез которых яко тыи что уже довольно познали высочайшую вашего императорского величества милость и благодеяние, и яко верноподданные рабы вашему императорскому величеству всеподданнейшее наше принесем благодарение и покорение со всяким нашим благоволением и с повиновением ко всяким вашего импе-

* Далее непонятно одно слово.

раторского величества повелениям и в верности подданстве на-
шем с клятвенным обещанием. И обещаемся во имя живого бога,
нелицемерного судьи, в том, что всем повелениям вашего импера-
торского величества будем покорены и даже до последней капли
крови нашей все повеленное нам от вашего императорского вели-
чества без всякого нарушения будем сохранять и повеленное
исполнять. И того ради и паки от всего усердия нашего все при-
падаем под стопы вашего императорского величества, всесмирен-
нейше и из глубины душ наших просим, яко да всегда будем под
высоким защищением и покровом вашего императорского величе-
ства, и да будем осенены монаршескою кротостью и охранены не-
победимым оружием вашего императорского величества.

О, богом дарованная и богом венчашая всемилостивая госу-
дарыня императрица и премилосердная обладательница наша! Не
остави нас, единоверных и верноподданных вашего император-
ского величества, не остави нас в жесточайшее и лютое поругание
злочестивых и христианохенавидцев и иноплеменников, но осени
нас всесильною десницею вашего императорского величества, по-
крой нас всесильным и непобедимым покровом и защищением
вашего императорского величества, огради нас афтократическим
и непобедимым [ым] оружием вашего императорского величества, да
всегда поживем в тишине и в покое под высокую вашего импера-
торского величества самодержавству, в чем и все благонадежны
есмы.

1769 году декабря 10.

Вашего императорского величества всепржайшие и всеусерд-
ные богомольцы и всеподданнейшие рабы.

В подлинном подписано так:

Гавриил, митрополит Молдавии
Леон, епископ Романский
Досифей, епископ Радауцкий
Прокопий, архимандрит Галата
Пахомий, игумен Путны
Иоанникий, игумен Нямец
Мисаил, архимандрит Бесери-
кани
Мефодий, игумен Слатины
Каллистр, игумен Ришник
Паисий, митрополит Эксврипии
Софроний, митрополит Ирино-
польский
Стефан Стурзе, бан
Василий Костаке, бан
Николай Росет, бан
Константин Гречан, бан
Александэр Некулче, пахарник
Василий Росет, пахарник

АВРР, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1769 г., д. 2, л. 3—6.
Перевод, современный подлиннику.

Константин Паладий, пахарник
Иоанн Стурзе, ворник
Константин Росет, ворник
Василий Разсул, гетман
Иоанн Кантакузино, вистерник
Константин Стурзе, вистерник
Костаке Ионаке, спатарь
Иордаке Кантакузино, спатарь
Иоанн Кантакузино, спатарь
Лупул Костаке, бан
Георгий Стурзе, пахарник
Иордаке Балш, пахарник
Константина Гындул, стольник
Константин Когалничан, столь-
ник

Янакий Христофор, стольник
Иоанн Катарзиу, стольник
Манолаке Костаке, стольник

Georgian Gothic in Boston;

*Antique Copper Plate Glass
with
The Miller name.*

Second
fallent

Лиодниси жолдассткіх болар и представителей духовенства к «Грамоте Екатерине II»

Записки о русской помощи сербским повстанцам в 1804—1813 гг.

Е. П. НАУМОВ

В связи со 175-летием Первого сербского восстания против османского ига (1804—1813) уже вышли в свет отдельные монографии, научно-популярные издания, публикации источников и повторные издания трудов, посвященных этому важному периоду освободительной борьбы сербского народа¹. Среди публикаций особое место принадлежит фундаментальному советско-югославскому изданию, которое вводит в научный оборот многочисленные материалы, хранящиеся в архивах СССР, по истории русско-сербских отношений в 1804—1807 гг.², однако источниками по истории Первого сербского восстания, опубликованными в СФРИО и СССР, не исчерпывается широкий круг сохранившихся до наших дней, притом весьма ценных и разнообразных по своему характеру памятников той поры.

В советских и югославских архивах имеются еще не известные или малоизвестные ученым свидетельства, представляющие немалый интерес не только для изучения хода Первого сербского восстания, но и для воссоздания во всей полноте картины русско-сербских связей в XIX в.³ По нашему мнению, весьма целесообразно уделить в данной связи внимание форме русско-сербского научного сотрудничества в начале 40-х годов прошлого века, результатом которого был и сбор материалов по истории Первого сербского восстания, в особенности по вопросу о военной помощи России сербам во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг., и частичная публикация некоторых из этих документов⁴.

Мы имеем в виду сбор в 1841 г. в Сербском княжестве свидетельств по истории Первого восстания, в особенности — о русско-сербском боевом содружестве того времени, который проводился в соответствии с обращением Российской Академии наук. Целью этого сбора было расширение источниковедческой базы для подробного описания русско-турецкой войны 1806—1812 гг., подготавливавшегося А. И. Михайловским-Данилевским. Свидетельства очевидцев и участников Первого сербского восстания, участников совместных военных действий сербских отрядов и русских войск против вооруженных сил Порты накапливались путем записи их воспоминаний⁵.

О сборе мемуарных материалов в Сербии в 1841 г. уже не раз упоминалось в литературе⁶, однако эти свидетельства долгое время оставались неопубликованными. Лишь недавно часть записок о русско-сербском военном взаимодействии и о помощи Рос-

ции сербским повстанцам была издана⁷, но эти материалы (например, в публикациях Б. Перуничича) не сопровождаются надлежащими научными комментариями и архивными легендами, а в сопроводительных пояснениях автора иногда встречаются ошибки (в воспроизведении фамилий и т. п.)⁸. Не вызывает сомнений целесообразность полного издания (например, в виде отдельного сборника) всех сохранившихся записок, собранных в 1841 г., поскольку эти свидетельства современников и очевидцев, отдельных активных участников борьбы за освобождение Сербии от османского ига представляют немалый интерес для исследователей данной проблематики.

Для оценки значимости записок необходимо учитывать также тот важный факт, что многие подлинные документы той поры не сохранились, поэтому о некоторых событиях Первого сербского восстания мы можем судить лишь по сообщениям мемуаристов и первых сербских историографов (В. Караджича, М. Ненадовича, С. Милутиновича-Сарайлии, Л. Арсениевича-Баталаки), а также современников и участников борьбы за освобождение Сербии в начале XIX в. Среди записок и «описаний», составленных в Сербском княжестве в 1841 г., выделяются своей обстоятельностью воспоминания командира и сподвижника Карагеоргия — его «булюкбаши» П. Йокича⁹, Чолак-Анты Симоновича¹⁰, Георгия Милутиновича-Черногорца¹¹ и др.

Знакомство с материалами записок позволяет уточнить вывод сербского историка С. Новаковича, которому, видимо, были тогда еще не известны данные свидетельства. В частности, Новакович полагал, что сбор сведений по истории Первого восстания развернулся в Сербии уже после свержения уставобранителями династии Обреновичей (1842), в результате стараний созданного тогда в Сербском княжестве Общества сербской словесности, в особенности радением И. Стояновича, М. Миличевича и др.¹² В действительности же сбор свидетельств начался в соответствии с запросом Российской Академии еще чиновниками князя Михаила Обреновича.

Более того, как нам удалось установить, в составлении записок о русской помощи сербским повстанцам приняли участие и некоторые сербские эмигранты, также принадлежавшие к числу современников и участников Первого сербского восстания. Речь идет о находившихся в политическом изгнании (в г. Видине) двух сторонниках уставобранительской «партии», т. е. противниках режима Михаила Обреновича, — Илье Чарапиче и Симе Милутиновиче-Сарайлии¹³. Сохранились не только их подлинное описание военных действий русских войск в Сербии (в период войны 1806—1812 гг.)¹⁴, но и сопровождавшее это описание авторское письмо от 19 августа 1841 г., адресованное Российской Академии наук¹⁵.

Данная записка о русской военной помощи сербским повстанцам заслуживает внимания и потому, что фамилии ее авторов, широко известные их соотечественникам и современникам, неод-

нократно встречаются и в научной литературе. В особенности видной и колоритной фигурой был популярный тогда поэт, политический деятель, «историограф» Второго сербского восстания против османского ига (1815), драматург и издатель сербских народных песен Сима Милутинович-Сарайлия (1791—1847)¹⁶. Примечательно, что в записке и в письме к Российской Академии Милутинович старался особо подчеркнуть свою роль в политической и культурной жизни Сербского княжества, подписавшись своим прежним официальным титулом: «Княжества Сербии директор народных училищ и писатель». Его соавтором был бывший «Княжества Сербии столичного города Белграда управитель воевода» И. Чарапич, присоединивший из рода Чарапичей, прославившегося в сербской истории начала XIX в. Как известно, Марко Чарапич погиб во время события, известного в истории Сербии под названием «резня сербских князей» янычарами (1804); герой Первого восстания Васа Чарапич был смертельно ранен при штурме Белграда (1806), а его племянники — Марко и Георгий — подняли в 1826 г. восстание против князя Милоша Обреновича¹⁷.

По нашему мнению, главная роль в написании данной записи скорее всего принадлежит С. Милутиновичу, который действительно считается «одним из первых историков возрожденной Сербии и Черногории» и даже получил от князя Милоша официально титул «историографа». Значимость его сообщений весьма велика потому, что он сам активно участвовал в Первом сербском восстании, был писарем Правительствующего совета, находился в отряде булюкбаши Зеки. Правда, С. Милутинович, отмечал сербский критик И. Скерлич, как историк не обладал необходимой подготовкой и талантом изложения, поэтому «ненадежен как источник» и требует контроля¹⁸. Соображения Скерлича необходимо учитывать при анализе данной записи о совместных русско-сербских боевых операциях в период Первого восстания. Но это, на наш взгляд, не лишает источниковедческой ценности записи С. Милутиновича и И. Чарапича. Сравнение с другими свидетельствами очевидцев и историографов той поры показывает также, что они нередко были весьма односторонни в описании событий, давали им совершенно разное освещение, а порой polemizировали с другими авторами — своими современниками (например, Л. Арсениевич-Баталака с В. Караджичем)¹⁹.

Как раз на эту сторону свидетельств современников Первого сербского восстания, которые собирались и записывались в 1841 г., и обращали внимание в своем сопроводительном письме С. Милутинович и И. Чарапич, отмечая тенденциозное и неточное описание русско-сербских отношений той поры. Как гласит их обращение к Российской Академии наук, запрос Академии заставил их «заняться удовлетворением желания Академии и изложить все это частным образом, потому что нынешняя Сербия, к сожалению нашему, питаема духом нерусским, но объята совершенно духом австрийским»²⁰. Милутинович и Чарапич, напротив, под-

черкивают, что их описание событий Первого сербского восстания действительно надежно и достоверно: «Мы же как домородцы, и очевидцы, и слуги Сербии до самого падения ее в 1813 г. один как воевода, лично участвовавший во всех сербо-русских действиях (т. е. Чарачич. — *E. H.*), и другой как производитель дел бывшего Совета и созерцатель всех бывших тогда происшествий, чрез руки которого по означенному званию все они непременно проходили, составили это описание в удовлетворение требования Академии и тем доказали любовь нашу к истине, за которую находимся теперь в своевременном отдалении из отечества»²¹. В заключение своего письма оба автора снова указывают, что их записка действительно представляет «двоюко усердное, точное, совестное, верное и искреннее описание»²².

Рассматривая записку С. Милутиновича и И. Чарачича, датированную 22 августа (3 сентября) 1841 г., следует прежде всего отметить, что она начинается кратким сообщением о причинах Первого сербского восстания, которое продиктовано явным желанием И. Чарачича подчеркнуть роль своего родственника в событиях начала 1804 г.; гибель Марко Чарачича явилась одним из поводов к восстанию. «1804 год 14 января, — читаем мы в записке, — из Белграда выступили с войском четверо дахиев с намерением, пройдя всю Сербию, истребить всех князей и значительнейших людей, которые, по их мнению, противны были властолюбивым и противозаконным их действиям. Таким образом они и начали с села Калуджерица (на другой день св. Саввы), предав смерти князя, начальника ближайшей и опаснейшей для них нахии Грочанской Марко Чарачича, который мог бы преградить им дорогу не только в Румелию, но и в Смедерево. Так шли они далее и далее, предавая смерти людей без всякого суда и расправы до того, что народ вынужден был взяться за оружие и защищать себя от таковых насилиств»²³.

Далее авторы записки переходят к событиям 1805 г., к обращениям сербских повстанцев за помощью к Австрии и России. «В начале 1805 г., — гласит записка, — сербы послали депутатию в Вену просить Австрию о покровительстве, но депутатия эта была возвращена с ответом, что Австрия не может оказать Сербии никакого покровительства как по причине тогдашних дел ее с Наполеоном, так и потому, что покровительство это было бы противно России, разве сия последняя отказалась бы от Сербии. Таким образом в осень того же года сербы отправили да тот же конец [т. е. с той же целью. — *E. H.*] депутатию в Россию, которая обещала покровительство Сербии и теперь, и навсегда. Возвратив депутатов, она обещала в скором времени объявить Порте войну и предварительно уведомить о том верховного вождя Сербии [т. е. Карагеоргия. — *E. H.*] особенным письмом; и действительно, вскоре по возвращении депутатов прислан был от России парочный в Сербию к Георгию Черному с означенным письмом и с значительною суммою червонцами. Это первая помощь, оказанная Сербии Россиею»²⁴. Данное важное сообщение сопровож-

даётся в записке и рассказом об участии отправленного в Сербию капитана русской службы И. Ф. Угричича-Требиньского (Бея-Новокрещенного) в боях сербских повстанцев: «Посланный назывался Илья Новокрещеный, капитан конницы, он тотчас по исполнении возложенного на него поручения, испросив от Георгия Черного позволение, отправился из Тополы с одним телохранителем на Врачар (предместье Белграда) в лагерь сербский и здесь в тот самый день вместе с Васо Чарапичем вступил в бой с турками, бывшими уже в осаде, и показал отличную храбрость... оставаясь до самого окончания бывшей в тот день битвы»²⁵.

Более подробно говорится в данной записке о русско-сербских связях в 1807 г. Летом того года, отмечают С. Милутинович и И. Чарапич, «вторгнулся в окружие Тимока (округи Крайна и Неготин) видинский Мула-паша с несколькими другими пашами, визирём и с войском около 50 [тысяч] человек. Сербские воеводы Миленко [т. е. Миленко Стойкович. — *E. H.*] и Добрынац [Петар Тодорович-Добрняц. — *E. H.*] встретили его при Штубике, селе в Крайне, и здесь противостояли ему незначительное число, окопавшись шанцами. В скором времени они были окружены и нашлись вынужденными просить Георгия Черного о скользкой и сильной им помощи. Вождь тотчас же с значительным войском прибыл в Поречь и отсюда дал знать о своем положении и русским, которые в то время, заняв уже Бессарабию, Молдавию и Валахию, приближались к Дунаю, к границам сербским, в намерении перейти в Сербию на помощь. Едва Георгий Черный подоспел к Малайнице (небольшое село близ Штубика), как и русские на другой день пришли туда с одною бригадою пехоты под начальством генерала графа Цукато и с бригадою донских казаков под начальством генерала Исаева»²⁶.

Как известно, уже утром следующего дня (19 (31) июня 1807 г.), соединившись, русские и сербские войска разгромили османские силы, что имело большое значение для ликвидации угрозы сербским повстанцам со стороны Видина²⁷. В записке так сказано о совместных действиях русских и сербских воинов при Малайнице: «Нападение сделано было дружно и решительно, так что по довольно значительным усилиям успели славно и жестоко разбить турков* и отнять у них всю артиллерию, амуницию, казну и все, что только турки имели при себе. Следствием того было, что Крайна (левый берег Тимока) и Неготин остались во владении сербов»²⁸.

Сопоставление этой записки с другими сохранившимися источниками позволяет отметить и неточность утверждений С. Милутиновича и И. Чарапича, будто бы «русские генералы», прибыв спешно к Малайнице, здесь якобы «медлили напасть на турков», почему и Карагеоргию пришлось их «уговаривать», сказав в гневе, что «сербам весьма нужно себя и братий своих за-

* Здесь и далее написание слов сохранено по документу.

щищать и спасать» и что он сам «ударит на турок»²⁹. Напротив, как видно из письма самого Карагеоргия Якову Ненадовичу от 21 июня (2 июля) 1807 г., «братья наши премилые и предорогие Москвы (т. е. русские. — Е. Н.) во вторник, т. е. 18 этого месяца, вечером пришли к нам, а в среду утром мы ударили на турецкие планцы»³⁰; иными словами, все это «промедление» выражалось лишь в том, что Карагеоргий и Исаев осмотрели позиции и расположили свои войска в боевой порядок, естественно, это было необходимо для успешной атаки³¹.

После победы объединенных русско-сербских войск при Майнице, как указывается в записке, «Георгий Черный возвратился, а русские отошли к Дунаю, ниже Кладова, и здесь остались на левом его береге. Оттуда граф (генерал Цукато. — Е. Н.) послал свой отряд для нападения вместе с сербами на Кладово, но приступ был неудачен; Кладова взять не могли, и как сербы, так и русские много убитыми, русских в особенности погибло слишком 400 человек. После этого по наступлении уже зимы русские возвратились в Валахию на зимние квартиры»³².

Поскольку в августе 1807 г. между Россией и Османской империей было заключено перемирие, имевшее силу и для Сербии, то, как указывается в записке, в 1808 г. «русские в Сербии не появлялись и ничего не делали, да и сербы не имели в них надобности против неприятеля, с которым на реке Дрине не происходило ничего, кроме перестрелки»³³.

Далее в записке С. Милутиновича и И. Чарапича отмечается, что в 1809 г. сербы (поскольку перемирие продолжалось до марта этого года), «предвидя, что с наступлением лета все силы турков беспрепятственно обращены будут на Сербию, положили предупредить турков и сделали нападение на все четыре стороны вне границ Сербии и везде с успехом»³⁴. Только недалеко от Ниссы (Ниша. — Е. Н.) при селе Каменице разбит был воевода Милое, и турки оттуда мало-помалу дошли до самого устья Моравы с знатным числом войска и при селе Петке, на берегу Дуная, основали свой лагерь»³⁵.

Трудное положение сербских повстанцев, как известно, усугублялось тем, что ранее русские войска по условиям перемирия были выведены из Сербии, а в момент османского наступления на сербов основные силы русской Молдавской армии находились главным образом в восточной Валахии, так как главнокомандующий А. А. Прозоровский стремился нанести поражение османским силам на нижнем Дунае, тем самым облегчив и положение Сербии. Как отмечается далее в записке, Карагеоргий «был вынужден вследствие этого возвратиться с войском из России (т. е. Рацки. — Е. Н.) от Новапазара, с границ Черногории, и тотчас послать нарочито депутатию к главнокомандующему Прозоровскому с уведомлением об этой неудаче и с просьбой о непременной и неотложной присылке помощи, без которой вся Сербия пропадет безвозвратно». Для соединения с сербами и помочи им А. А. Прозоровский приказал И. И. Исаеву выступить против

Кладова, но эта операция окончилась неудачей³⁶. В соответствии с отправкой второй сербской депутации к Прозоровскому по его приказу, как указывается далее в записке, «отряжен был с дивизией русский генерал Марков (как говорят, родом серб), он перешел Дунай, сжег все предместья Рущука, оставил там небольшое количество войска для удержания турков в крепости, а сам бросился к Неболу и Карлову, в сердце Турции, к Румелии»³⁷.

В записке справедливо отмечается сложность положения сербских повстанцев в тот момент и значение русских боевых операций для ликвидации угрозы, нависшей над Сербией: «Сербия была в это время в крайней опасности, ее можно было считать почти погибшую, ибо не только многие сербы из малодушия оставили честь и отечество, но бежали из Белграда и русский дипломат Родофиникин и с ним вместе митрополит Сербии Леонтий (фанариот). Но упомянутым движением русских турки приведены были в такой страх и трепет, что без оглядки бежали день и ночь обратно; сербы их преследовали и здесь отстили им за их опустошения. Таким образом кончился 1809 год, и с того времени Сербия могла считаться свободною и в святом союзе и под всегдашим покровительством России»³⁸.

Более подробно авторы записи рассматривают здесь военные действия и русско-сербское боевое сотрудничество в 1810 г. Как указывается в записке, тогда «видинский паша Ибрагим-Видинлия, которого сам Мулла-паша поставил на свое место начальником войска, вознамерился отомстить (сербам. — Е. Н.) за поражение, понесенное турками при Штубике (и Малайнице. — Е. Н.), собрал еще более против прежнего число войска, призвал к себе на помощь еще четырех пашей и с ними перешел Тимок. Так как турки после битвы при Штубике, когда перед зимою сербы и русские неудачное делали нападение на Кладово³⁹, возвратили под свою власть Неготин и всю Крайну, то видинский паша дошел до Прахова без всякого сопротивления, остановился тут, сделал несколько шанцев и укрепил эту древнюю римскую твердыню. Против них Георгий Черный тотчас же послал воевод своих Петра Добрынца, Вуйцу Смедеревца, Хайдук-Велько Петровича, Танассия Чарапича и Иву Момировича, которые и подошли к Бырза-Паланке и нашли в ней турков, окопавшихся двумя шанцами. Сербы тотчас же вступили здесь в бой и разрушили шанцы. Русские, видя это с противоположного берега Дуная и не будучи призываляемы, пришли к сербам на помощь, окружили вместе с сербами Кладово, где, оставив часть для наблюдения, между тем как сербы пошли взять Бырзу, русские направились к Прахову противу турков, которых и разбили, действуя из пушек с обоих берегов Дуная. Спустя несколько дней сербы взяли и очистили Бырзу (Браа-Паланка. — Е. Н.) и соединились в Прахове с русскими», после чего, как отмечается в записке, иногда случались отдельные перестрелки или небольшие стычки с османскими отрядами.

В одной из таких стычек, указывают С. Милутинович и И. Чарапич, «погиб знатный сербский воевода Танасия Чарапич, родной и достойный брат Васо Чарапича», погибшего при взятии Белграда (1806); Т. Чарапич был дядей самого И. Чарапича⁴⁰.

Далее в записке дано подробное описание совместных русско-сербских операций по отражению османского наступления на Сербию. «Спустя три дня после смерти воеводы Танасия получено в Прахове письмо от Георгия Черного на имя графа Цукато⁴¹, что сердар Рашид-паша и серезский бег с 40 т[ысяч] самого отважного войска неожиданно вторгнулся в Сербию и доехал до Крушевца, почему вождь и просил графа, чтобы немедленно послана была ему некоторая часть русского войска в помощь, он просил поспешить наискорее потому именно, что войску этому предстояло пройти почти половину Сербии, и поэтому необходимо было, чтоб оно выступило и прибыло вовремя. Вследствие этого тотчас был отряжен шеф полка граф Оурк с своим полком, батальоном пехоты и двумя эскадронами улан, которых он имел право преимущественно держать при себе под непосредственною своею командою, а также и две сотни донских казаков. Таким образом двинулся он оттуда тотчас же с некоторою частию также и сербских войск, бывших под начальством Хайдук-Велько и, проходя по Сербии, пытал[ся] овладеть укреплением при Гургосице, но без успеха; оставив его, он подошел к Бане, которую тотчас же взял приступом, при сем погибло 39 русских, кроме сербов и кроме раненых» (как известно, Баня была взята отрядом Оурка 4 (16) сентября 1810 г. — Е. Н.)⁴².

«Оттуда граф Оурк, — продолжают в своем описании С. Милутинович и И. Чарапич, — направился прямо к Яссике, что против Крушевца, где он и застал уже Георгия Черного; но помощь эта показалась верховному вождю недостаточною, почему он послал в Прахово приказание, чтобы немедленно пришло к нему ополчение Смедеревской и Грочанской пахий. Узнав он о смерти воеводы этой последней пахии, он тотчас послал на место его воеводою Илию Чарапича (т. е. одного из соавторов данной записки. — Е. Н.), старшего сына Васо Чарапича, который получил место это не по заслугам своим, а из уважения к достоинствам его предков, и как 19-летний юноша не имел нужных к сему званию способностей». В то время, указывается в записке, Кладово сдалось русскому отряду, причем ключи от этой крепости были переданы сербам. Этот отряд из Прахова беспрестанно беспокоил турок своими выступлениями и «увеличил в них страх, которым они были уже объяты сдачею Кладова до того, что бежали, будучи преследуемы и русскими, и сербами до самого Неготина, где отняты были у них две пушки. После этого русско-сербская конница тотчас же бросилась на Брегово, выгнала из оного всех турков и принудила находившихся в шанцах бежать с прочими. Эти русские войска остались на реке Тимоке до самой зимы беречь Крайну сербскую со стороны Видина»⁴³.

Далее записка сообщает об операциях русского отряда под командованием графа Оурка у Варварина. В частности, Оурк, «прибыв к Ясику, дал вместе с Георгием Черным одно сражение туркам, но уверясь, что местность Ясики сколько удобна для сербов, столько неудобна для регулярного войска, предложил вождю отступить и избрать место более ровное; таким образом перешли они на Темникское поле, к Варварину, где часть сербов заняла низменности Моравы, а другая построила шанцы. Граф же Оурк с кареями (каре. — E. H.) своими стал посреди поля, чтобы ни глазу его, ни пушке его не препятствовали ни дуб, ни куст, чтобы действие его не было безуспешным. Так хорошо расположенные русские и сербы в продолжение целой недели имели каждый день довольно жаркие с турками сшибки, в особенности же в двух генеральных сражениях; турки, намеревавшиеся разбить гияуров (неверных) и проникнуть в Шумадию, к Тополе, претерпели совершенное поражение, были обращены в бегство и преследованы как этими войсками, так и находившимися в Прахове. Таким образом кончилась здесь павсегда война с этими отважнейшими турками. При этом случае русских, кроме сербов и кроме раненых, осталось на месте 200 человек, павших за православную веру и за любовь к сербам»⁴⁴.

После этого описания сражений у Ясики и Варварина 7—8 (19—20) сентября 1810 г. авторы записки переходят к рассказу о боевых действиях на Дрине. Так, согласно записке, позднее Карагеоргий «с своими сербами двинулся к Дрине, против босняков, куда вслед за ним приспел и капитан Никич с одним эскадроном вольнонабранных казаков. Граф Оурк, возвращаясь в Неготинскую Крайну, к Дунаю, на зимние свои квартиры, взял по дороге с одними только русскими, без малейшей помощи сербов Гургусовац и ключи его передал одному из сербских старейшин»⁴⁵.

Во время военных действий на Дрине, говорится в записке, отличился названный выше капитан Никич, который «с своею командою часто составлял конвой верховного вождя. Однажды, спускаясь по берегу вниз Дрины, капитан Никич был ранен в локтъ, пуля осталась в нем, но храбрый капитан этот, не заботясь о своей ране, принимал участие в главном сражении на Тичарском поле при Лознице, продолжавшемся два дни сряду, и лечился уже после. Когда и здесь турки успешно, с божией помощью совершили были разбиты сербами, тогда вождь возвратился с войском своим на зимовье, и тем кончились действия и в 1810 году»⁴⁶.

Далее в записке говорится о русско-сербском военном сотрудничестве в 1811 г. В частности, в феврале этого года в Белград прибыл «шеф Балла с своим Нейшлотским полком, откуда послал он один батальон в Шабац. Полк этот и батальон оставались в тех местах год и пять месяцев без всяких военных действий, кроме одного батальона, ходившего с Георгием Черным до Горня-Громады и возвратившегося опять без всякого действия по неимению

с кем сразиться»⁴⁷. Более подробно описаны в данном источнике военные действия на восточной границе Сербии.

«В то самое лето и по прибытии к Горня-Грамаде вождь отрядал из Баны к графу Орурку под команду его и в помощь русским воеводам своих Хайдук-Велько, Илию Чарапича и Раицу Бикотинца, которые нашли графа на Тимоке у Брегова. Здесь русская и сербская конница переходила каждый день через границу и беспрестанно беспокоила турков. В конце октября граф Орурук со всеми своими и сербами, при нем находившимися, выступил на Видинское поле, на котором встречен был 12 тысячами делиев (воинов. — Е. Н.). Поставив всю пехоту свою в одно каре, перемешав их наполовину с сербами, так что возле каждого русского было по обеим сторонам по одному сербу, а у этого по одному русскому, он приказал сербам стрелять вольно, а русским солдатам — только по его команде и в таком порядке двинулся к самому Видину. Когда подошли под пушечный выстрел крепости и бросившиеся делии окружили русскую и сербскую конницу, как и самое каре, и стеснили их до того, что дело доходило до рукопашной схватки (до зубов и чубов), тогда граф Орурук, как некогда непобедимый Суворов, вдруг осипал неприятеля картечью, от которой неприятель, невзирая на огонь, производимый с крепости, валился, подобно спонам, в продолжение целого дня и был разбит наголову. После сего дела граф Орурук мог бы войти и в самую крепость, если бы она не была сильно вооружена артиллерию и если бы он имел несколько более войск. Бой этот едва окончился за полчаса до ночи и тогда, когда турки, рассеянные картечью, искали спасения в крепостном рву и стенах; убитых при этом случае турков было около 2000, русских же и сербов не более 40 человек, хотя всего русско-сербского войска было тут 3200 человек, а при них 4 русских и 3 сербских пушки, действия коих были чрезвычайно сильны и метки; турки же не вывозили в поле ни одной пушки в надежде на многочисленность свою — почти в десять раз более русских и сербов — и на удалство свое в конных битвах», причем авторы записки (вероятно, сам С. Милутинович) здесь сочли нужным привести сербскую пословицу: «без наездника нет и мастерства, а без мастерства нет и наездника»⁴⁸.

После этого сражения, отмечается в записке, Орурук «приказал сделать на этом месте по одному выстрелу из каждого рода оружия» в ознаменование победы, а затем «граф-молодец (юнак) в полдень со всеми своими медленно двинулся в Флорентину (при Дунае) на ночлег, откуда спустя четыре дня перешел Тимок и возвратился в Неготин. Здесь остались русские зимовать, а с ними вместе и Хайдук-Велько, назначенный воеводой Крайны, другие же сербские воеводы возвратились зимовать по домам. С того времени русские никаких военных действий в Сербии не предпринимали до самого возвращения их в Россию тотчас по заключению мира с Портою в 1812 году в Бухаресте»⁴⁹.

Примечательно, что авторы записки не ограничиваются сообщениями о совместных русско-сербских боевых операциях, но сообщают также и о планах азиатической экспедиции 1812 г., направленных против Франции (как известно, и против Австрии)⁵⁰. В записке говорится о тех конкретных мероприятиях, которые проводились летом 1812 г. в связи с этим, а также с вероятным участием сербских войск в походе: «На случай войны с Бонапарте доставляемы были на все пункты Сербии разные запасы провизии, сколько только можно собрать в полном изобилии для совершения перехода через Сербию в Боснию, Боку (Боку Которскую. — Е. Н.), Далмацию и Италию противу французов, и все это Россия делала для того, чтобы прикрыть и защитить как себя, так и бедную и несчастную Австрийскую монархию, если б она вступила в союз с Россиею; а если б она не хотела или не смела того сделать, то и тогда Россия имела в виду каким бы то ни было образом при содействии народа сербского не только сделать диверсию, чтобы заслонить, принудить, освободить и к своему союзу привлечь, подобно тому как сделала Россия впоследствии для крайне разоренной Пруссии, по чтоб этой же полумертвой Австрии ее почти угасшее политическое бытие возвратить, оживить, увеличить, как и Пруссию, в такой мере, в какой истинное, благоразумное, общеполезное и для всей остальной Европы, а особенно для всех славян, как славян русских, так и славян вне России, требовать будет, ибо брат за брата стоит твердо и все устраивает к лучшему, как и немцы стоят за себя», но, делают здесь примечание авторы записки, «почти всегда опираясь на славянские рамена (плечи)». Поэтому в соответствии с планом данного похода летом 1812 г. «впопы перешли в Сербию русских три полка пехоты и один казачий⁵¹. Это было предтечей еще большего дружества и союза с сербами. Пробыв несколько месяцев в Полянице без всякого назначения, войско это, с намерением или без намерения, а более всего для обеспечения заключенного с Портою тогда мира, того же лета возвратилось в Россию, и все намерения и приготовления русских для Сербии и для единоплеменных им народов рушились⁵², и так все они, кроме одного русского дипломата (Ф. И. Недобы. — Е. Н.), оставили Сербию и направились к защите отечества своего против Бонапарта», который, как подчеркивается в записке, повлек за собой «почти все народы Европы (кроме англичан и сербов!)».

Далее следует рассказ о миссии Ивелича. «По заключении Бухарестского мира был прислан в Сербию русский сенатор граф Марко Ивелич (родом серб, из приморья Которского, из г. Рисны), чтоб объяснить народу сербскому причину возвращения русских войск (из Сербии. — Е. Н.), которая столь охотно жертвовала собою для блага России. На этот конец сербы, невзирая на опасность, им угрожающую, как оставленные одни против всех сил Турецкой империи, составили адрес (завещание) следующего содержания: «Сербия и народ сербский, помня бесчисленное благодеяние к ним России, сим обещаются и обязуются еди-

новерной и единоплеменной России и в будущее время и во все века оставаться верными и приверженными, и никогда и ни в чем ей не изменять, как до сего времени это было доказываемо и словом, и делом, и верою — всегда и при всяком случае». Адрес этот, подписанный и утвержденный печатями всех воевод, всех советников, всех попечителей и самим верховным вождем и господарем Сербии, в полном смысле бесподобным и беспримерным, в монастыре Вратевшице 16 (28) августа 1812 года, вручен графу Ивеличу, который и возвратился с ним в С.-Петербург к императору Александру и лично представил ему»⁵³.

В заключительной части данной записки ее авторы касаются одного из документов по истории русско-сербских связей той поры, который, по их словам, хранится в семье Карагеоргия. «В 1813-м году в конце января месяца прибыл из С.-Петербурга посланный от императора Александра коллежский асессор Симеон Орлович (родом серб из Кроации, города Лика) с собственноручным его величества письмом на имя вождя и господаря Сербии Георгия Черного следующего содержания: «Любезный брат Георгий Петрович! Крайне сожалею, что Россия принуждена ныне оставить Сербию и обратиться всеми силами против Бонапарта и спасать себя, но дай бог, чтоб Россия спаслась и осталась в целости, Сербию не оставит, хотя б Сербия и паче чаяния пострадала, то Россия ее избавит и восстановит и лучше, как она была. Александр»⁵⁴.

По своему содержанию к данной записке С. Милутиновича и И. Чарапича примыкает анонимное и недатированное «Краткое описание кампании корпуса генерал-лейтенанта Засса в Малой Валахии 1811-го года»⁵⁵, содержащее некоторые сведения о русско-сербском боевом содружестве той поры и принадлежащее перу какого-то русского офицера или военного историка. В частности, в этой анонимной записке вначале кратко сказано о действиях отряда генерал-майора О. К. Орурка, входившего в состав корпуса генерала Засса: «В Сербии находился г[енерал-] м[айор] граф Орурук, у него были 6 батальонов пехоты, полк улан и полк казаков. 2 батальона из сего числа были в Белграде, прочие стояли лагерем близ Неготина»⁵⁶. В заключительной части записи говорится о положении сербских повстанцев в 1811 г. и об участии русских частей в военных действиях той поры.

Примечательно, гласит текст записи, что «сербы обыкновенно ожидают неприятельского нападения с двух сторон — с востока и юга, где граница по Тимоку и по Мораве и где нападали на них в прежние годы турки из Видина и Ниссы (Ниш. — Е. Н.) и часть албанцев; на западе же — где граница их по реке Дрине от паши Боснии. С стороны Тимока сего года они были безопасны, ибо все силы турецкие заняты были около Видина тщетною надеждою ворваться в Валахию. Верховный вождь сербского народа Карагеоргий имел, следовательно, способ соединить больше сил и защищаться с успехом на Дунае (ошибка, нужно: на Дрине. — Е. Н.) против болгар, которые сверх того еще и

Меньше страшны сербам, нежели албанцы и войска видинские, привыкшие к оружию по беспрестанным между собою войнам в Болгарии с самого времени Пасван-оглу. В начале октября турки, бывшие около Дрины, после некоторых малозначащих сражений разошлись по домам, и Карагеоргий, отбив еще после того вместе с одним российским батальоном (Нейшлотского полка) покушение паши Нисского на сербские деревни около крепостей Бан и Кургузовцы, распустил также войска свои по квартирам, и так кончилась у них кампания 1811 года»⁵⁷.

В записке содержатся сведения о помощи русских воинов сербским повстанцам в 1808 и 1810 гг. Анонимный автор указывает здесь, что «генерал-майор Исаев в 1808 году и генерал-майор граф Орурк в 1810 году быстротой и решимостью своих действий много принесли пользы сербскому народу и завладением турецких крепостей внутри и на границе Сербии обеспечили независимость оной даже при самой малой от нас помочи, покамест война с Россиею не позволяет туркам обратить все свои силы на один этот пункт. Весьма сожалительно, что подвиги россиян в Сербии мало известны». Заметив в данной связи о пользе «известности военных подвигов» вообще, о том, что это необходимо для воспитания воинской храбрости, автор восклицает: «Отечество наше возгордилось бы сынами своими, узнав, как Исаев с одним батальоном Олонецкого полка и с одним полком казаков с гордостью, достойною истинного российского воина», сумел доказать превосходство регулярного войска и, «предложив тотчас атаковать сильной укрепленной турецкой лагерь, неустршимо впереди их (сербов. — Е. Н.) штыками во оной ворвался». О радости сербов после этой победы, пишет автор, позволяет судить такой факт: «Когда Карагеоргий теперь встречается где-нибудь с российскими войсками, он всегда спрашивает, тут ли его братья (так он называет сей батальон), и буде тут, то тотчас идет к солдатам, целует их и говорит с ними про Исаева и про славное это дело»⁵⁸.

В анонимной записке говорится также о действиях русских отрядов у Варварина и Бани. «В 1810 году генерал-майор граф Орурк доказал, что он достоин занимать место храброго Исаева (к несчастию, в том же году от лихорадки умершего), получив известие, что Карагеоргий около местечка Варварисси атакован всеми силами турецкими и требует помощи. Ближайшая дорога ему идти туда в сей гористой земле лежала на укрепление Бан, но в оном был сильной турецкий гарнизон; [у] графа же Орурка был только один пехотный полк (Ладожский) и на два дни всего хлеба. Другой бы почел довольною причиной (это. — Е. Н.), чтоб идти назад и, сперва взявши провиант, искать другой дороги; но сим бы не поддержал ни имени российского генерала, ни славы покойного Исаева. Несмотря на число своих подчиненных, но [будучи] уверен в их неустршимости, граф Орурк пошел на Баню, взял опную штурмом, хотя с большею потерюю, отдал оное укрепление в руки пришедшем за ним сербам и, взяв

сколько было нужно из найденных тут же турецких запасов, пошел на другой день к Варварисси. Соединившись с сербами, отбил две атаки 20 тыс. турецкой армии и принудил их к оставлению сербской границы. Идучи назад на соединение к генерал-лейтенанту Зассу, пошел еще другой дорогой и, получив сикурс, атаковал и решительным действием на пистолетный выстрел всей своей артиллерии немедленно взял еще турецкую крепость Кургувозцы» (Гургусовац) ⁵⁹.

Таким образом, охарактеризованные выше записки в известной мере расширяют введенный в научный оборот фонд материалов о совместных русско-сербских операциях во время Первого сербского восстания (1804—1813). Сбор материалов позволяет судить о русско-сербском научном сотрудничестве в области изучения истории Сербии начала XIX в. В сборе свидетельств принял участие и известный сербский писатель С. Милутинович-Сарайлия. Эти источники, помогая уточнить определенные детали боевых операций той поры, содействуют дальнейшему углублению анализа истории Первого сербского восстания и боевого руско-сербского сотрудничества начала XIX в.

- 1 Ђорђевић М. Р. Србија у устанку 1804—1813. Београд, 1979; Арсенијевић-Баталака Л. Историја српског устанка. 2-е изд. Београд, 1979, кн. I—II; Поповић Ј. Ст. Кнез Јанко из Коњске и дахија Аганилија. — Глас Српске Академије наука и уметности, 1979, СССХIV, од. јез. и књиж., кн. 10; Први српски устанак: Приручник за предавања. Београд, 1979.
- 2 Первое сербское восстание и Россия (1804—1807). М., 1980.
- 3 Грачев В. П. История Первого сербского восстания 1804—1813 гг. в сокращении Богилича. — В кн.: Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974; Наумов Е. П. Из истории русско-сербских культурных связей 40—60-х годов XIX в. — В кн.: Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
- 4 Например: Михайловский-Данилевский А. И. Описание турецкой войны в царствование императора Александра с 1806 по 1812 г. СПб., 1843, ч. 1—3.
- 5 Наумов Е. П. Из истории..., с. 327—328.
- 6 Арсенијевић-Баталака Л. Историја српског устанка. Београд, 1899, део 2, с. 854; Перовић Р. Прилози за историју Првог српског устанка: Небјављења грађа. Београд, 1954, с. 21.
- 7 Перуничић Б. Град Ваљево и његово управно подручје 1815—1915. Ваљево, 1973, с. 15—47; Он же. Град Светозарево 1806—1915. Београд, 1975, с. 19—111.
- 8 Перуничић Б. Град Светозарево..., с. 17 (искажены фамилии русских генералов Исаева, Засса, Орурка).
- 9 Перуничић Б. Град Ваљево..., с. 16—27; ср. также: Перовић Р. Прилози..., с. 18—19, 76 и сл.
- 10 Перуничић Б. Град Светозарево..., с. 68—78; ср.: Перовић Р. Прилози..., с. 87—89.
- 11 Перуничић Б. Град Светозарево..., с. 103—111.
- 12 Новаковић С. Устанак на дахије. Београд, 1954, с. 36—37.
- 13 См.: Странјаковић Д. Вучићева буна 1842 г. Београд, 1936, с. 37.
- 14 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2887, л. 9—20 об. Сохранился также черновой перевод этой записи: ЦГИА, ф. 673, оп. 1, д. 316, л. 14—26.
- 15 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2887, л. 21—22. В ЦГИА хранится другой вариант письма, вероятно, черновой его перевод: ф. 673, оп. 1, д. 316, л. 27—28.

- ¹⁶ Скерлић Ј. Историја нове српске књижевности. Београд, 1953, с. 148 и сл.
- ¹⁷ См.: Карадић В. С. Скупљени историски и етнографски списи. Београд, 1898, кн. 1, с. 11.
- ¹⁸ Скерлић Ј. Историја..., с. 152—153; см. такође с. 148.
- ¹⁹ Новаковић С. Устанак..., с. 50—52.
- ²⁰ О политици Австројуга по односу до Србије у начелу 40-их година XIX в. см.: Страњаковић Д. Вучићева..., с. 144—152.
- ²¹ В устах приверженцев уставобранитељской партии эта жалоба на Устав (т. е. Конституцију) Сербскога књежевства, који после удаљења от власти уставобранитеља служил целим режима кн. Михаила Обреновића, заслуживае внимание.
- ²² Попов Н. А. Россия и Сербия. М., 1869, т. 2, с. 110—114, спр. такође с. 136.
- ²³ Об овој «сече кнезов» и других репресија јануараша см.: Ђорђевић М. Р. Србија..., с. 53—54; Новаковић С. Устанак..., с. 69 и сл.; Достян И. С. Борба српскога народа против турецкога ига (XV—начало XIX в.). М., 1958, с. 156; и др.
- ²⁴ Подробнее об обращении сербов к Австројугу и России см.: Ђорђевић М. Р. Србија..., с. 86—89; см. там же, с. 110, 115—116, 119—120; Историја Југославије. М., 1963, т. I, с. 312; Достян И. С. Россия и балканский вопрос. М., 1972, с. 50—51; Прво српско восстание..., с. 249—250, 254.
- ²⁵ Арсенијевић-Баталака Л. Историја... Београд, 1898, т. 1, с. 213—214; Прво српско восстание..., с. 254.
- ²⁶ Руске војске под командовањем генерал-майора И. И. Исаева подошли к Маланици (Вост. Сербия) на помоћь сербам вечером 18. јуна 1807. г. (Историја Југославије, т. I, с. 316; Перовић Р. Први српски устанак: Акта и писма на српском језику. Београд, 1977, кн. 1, док. № 226, с. 268; Прво српско восстание..., с. 359 и сл.).
- ²⁷ Карагеоргиј виначе сматрао отряд Исаеваслишком малочисленом (Ђорђевић М. Р. Србија..., с. 214; Арсенијевић-Баталака Л. Историја..., део 1, с. 258).
- ²⁸ Срп.: Прво српско восстание..., с. 377—379.
- ²⁹ О горячности Карагеоргия см.: Благой Д. Д. Два стихотворения Пушкина о Георгии Черном.—В кн.: Славяне и Запад. М., 1975, с. 22—23 и др.
- ³⁰ Перовић Р. Први српски устанак..., с. 268.
- ³¹ Арсенијевић-Баталака Л. Историја..., део 1, с. 259; спр.: Перуничић Б. Град Светозарево..., с. 97, спр. там же, с. 32, 81—82, 103; Он же. Град Ваљево..., с. 17.
- ³² Видимо, имају се у виду попутки генерала Исаева занять Кладово у јулу 1809. г. и тем самим облегчить положаје српских повстанаца (Ђорђевић М. Р. Србија..., с. 272).
- ³³ Срп.: Прво српско восстание..., с. 418—419, 423—424, 427—429.
- ³⁴ Ђорђевић М. Р. Србија..., с. 263—268.
- ³⁵ Историја Југославије, т. I, с. 320; Ђорђевић М. Р. Србија..., с. 270.
- ³⁶ См. примеч. 32.
- ³⁷ Срп, например: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2875, ч. 2, л. 28 и об.
- ³⁸ Историја Југославије, т. I, с. 320; Ђорђевић М. Р. Србија..., с. 274—276, 283—285; Грађа из земунских архива за историју Првог српског устанка. Београд, 1961, кн. II, с. 260—261, 267—268 и сл., 328—329.
- ³⁹ Срп. примеч. 32.
- ⁴⁰ Арсенијевић-Баталака Л. Историја..., део 2, с. 796—798; Михайловацкий-Данилевскиј А. И. Описаније..., ч. 2, с. 7, 97—100; Ђорђевић М. Р. Србија..., с. 298—299. О В. Чарачиће см. с. 40.
- ⁴¹ Срп.: Михайловацкий-Данилевскиј А. И. Описаније..., ч. 2, с. 101.
- ⁴² О взятии Бани 4. септембра 1810. г. см. Михайловацкий-Данилевскиј А. И. Описаније..., ч. 2, с. 102; Арсенијевић-Баталака Л. Историја..., д. 2, с. 800—801.
- ⁴³ Срп.: Арсенијевић-Баталака Л. Историја..., део 2, с. 798—799.

- ⁴⁴ Там же, с. 801—804; *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание..., ч. 2, с. 103—106.
- ⁴⁵ О взятии Гургусовца спр.: *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание..., ч. 2, с. 107—108.
- ⁴⁶ О боях у Лозницы 17—18 октября 1810 г. и о Никиче спр.: *Арсенијевић-Баталака Л.* Историја..., део 2, с. 821, 828.
- ⁴⁷ Там же, с. 835; *Ђорђевић М. Р.* Србија..., с. 305; *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание..., ч. 2, с. 241.
- ⁴⁸ *Арсенијевић-Баталака Л.* Историја..., део 2, с. 901—902; *Ђорђевић М. Р.* Србија..., с. 313; спр. описание действий корпуса генерала Засса (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2887, л. 223).
- ⁴⁹ Ср., например: *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание..., ч. 2, с. 241; *Достян И. С.* Россия..., с. 72—73.
- ⁵⁰ *Достян И. С.* Россия..., с. 75, 77.
- ⁵¹ О прибытии корпуса О. К. Орурка см. там же, с. 77.
- ⁵² Там же, с. 77—78.
- ⁵³ О миссии М. Ивелича см.: *Ђорђевић М. Р.* Србија..., с. 322—323; *Арсенијевић-Баталака Л.* Историја..., д. 2, с. 933—939, 949—951.
- ⁵⁴ *Достян И. С.* Россия..., с. 90—91.
- ⁵⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2887, л. 215—217 об., 218—227 об. О составлении подробного рода записок, описаний, обозрений и других материалов по истории русско-турецкой войны 1806—1812 гг. см.: *Достян И. С.* Русская общественная мысль и балканские народы: От Радищева до декабристов. М., 1980, с. 186, 191—203.
- ⁵⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2887, л. 216 об.
- ⁵⁷ Ср. с запиской С. Милутиновича и И. Чарапича.
- ⁵⁸ Имеется в виду сражение у Малайницы в 1807 г. Ср. с запиской С. Милутиновича и И. Чарапича, а также: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2875, ч. 1, л. 84.
- ⁵⁹ Ср. с текстом записи С. Милутиновича и И. Чарапича, а также с записками М. Миличевича «Бой у Ясики и Варварина в 1810 г.» (*Петровић Р.* Прилози..., с. 136—137).

Материалы к истории русско-греческих связей начала XIX в.

Г. Л. АРШ

История русско-греческих связей насчитывает многие столетия. Можно, однако, утверждать, что в начале XIX в. — накануне национального освобождения Греции — связи эти достигли апогея. Ряд причин способствовал интенсификации контактов между Россией и Грецией в этот период. После Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. царское правительство активно проводило политику «покровительства» православному населению Балкан. Греки же в жизни православной общине Османской империи играли тогда весьма значительную роль. В народных массах Греции росли национально-освободительные настроения и одновременно поддерживалась возникшая в первые века османского господства вера в освободительную миссию России. В самой России широкие круги общественности с большим сочувствием относились к борьбе греков и других балканских народов за свое освобождение.

За последние десятилетия многие документы советских архивов, относящиеся к этому интересному и насыщенному периоду русско-греческих связей, впервые увидели свет. Речь прежде всего идет о фундаментальной публикации «Внешняя политика России XIX и начала XX века», создавшей прочную документальную базу для изучения русско-греческих связей первой четверти XIX в. Цель настоящей публикации — дать дополнительный материал для изучения некоторых проблем, пашедших отражение в этом издании дипломатических документов, и осветить другие аспекты русско-греческих связей начала XIX в. Большая группа публикуемых документов относится к проблеме греческих военных подразделений на Ионических островах. В 1805 г. командование дислоцированных тогда на островах русских войск сформировало из добровольцев, прибывших из различных районов Греции и Албании, Греческий корпус (легионы легких стрелков). В публикуемом списке офицеров Греческого корпуса (док. № 2) можно найти имена Анагности Папаиорги (Анагностарас), М. Бочари (Маркос Боцарис), Я. Колокотрони — впоследствии известных военачальников периода войны за независимость.

После 1807 г. греческие подразделения перешли на службу Франции и Англии, последовательно оккупировавших Ионические острова. Английское правительство, под протекторат которого в 1815 г. перешли острова, расформировало военные подразделения греков. Оставшиеся без средств греческие солдаты и офи-

церы обратились к русским властям с просьбой разрешить им переселиться в Россию и поступить там на военную службу. Российский посланник в Константинополе энергично поддержал греческих ветеранов. Но Александр I, как явствует из публикуемых документов, по соображениям внутреннего и внешнеполитического порядка отклонил их просьбу. В то же время, руководствуясь стремлением сохранить свое влияние в Греции, петербургский кабинет предпринял определенные усилия для облегчения участия ветеранов. Им была оказана, в частности, некоторая материальная помощь, сделаны попытки устроить греческих солдат и офицеров на неаполитанскую военную службу¹.

Ряд документов свидетельствует о покровительстве, оказывавшемся русским правительством некоторым грекам, позднее ставшим активными деятелями тайной национально-освободительной организации «Филики Этерия». Особый интерес представляют данные о прибытии в 1806 г. в Петербург Александра Ипсиланти и оказанной ему русским правительством финансовой помощи, об обстоятельствах поступления братьев Ипсиланти на службу в русскую армию.

Другая группа документов (док. 9 с приложениями) посвящена малоизвестной странице русско-греческих экономических связей начала XIX в. В условиях, господствовавших в Османской империи, когда не существовало гарантii для жизни и имущества населения, многие судовладельцы Архипелага с помощью фиктивных сделок превратили формально свои корабли в собственность России. В результате после Бухарестского мира большая часть греческого флота плавала под русским флагом. Практика эта вызывала неоднократные протесты Порты. Проводя после 1815 г. линию на нормализацию русско-турецких отношений, Александр I в 1818 г. предписал посольству в Константинополе «подумать» о способах постепенного возвращения греческих судов, плававших под русским флагом «в их первоначальное естественное состояние»².

Однако, как явствует из публикуемых документов, посольство в Константинополе считало, что в этом важном вопросе, затрагивавшем престиж России среди христианского населения Османской империи, нужно действовать весьма осторожно и без какой-либо спешности. В результате до начала революции 1821 г. греческий флот продолжал плавать под защитой русского флага.

В целом публикуемые документы говорят о важном значении русско-греческих связей этого периода для подготовки успешной борьбы Греции за национальное освобождение.

¹ См.: Ариш Г. Л. И. Каподистрий и греческое национально-освободительное движение. 1809—1822 гг. М., 1976, с. 96—97, 114—115.

² ВПР, сер. II, т. II (XI), с. 687.

№ 1

Письмо министра иностранных дел А. Я. Будберга попечителю Петербургского учебного округа Н. Н. Новосильцову относительно обучения А. Ипсиланти

С.-Петербург, 24 ноября (6 декабря) 1806 г.

Проект письма от министра иностранных дел к тайному советнику Новосильцову.

Государю императору благоугодно было одобрить изъявленное желание воложским господарем князем Ипсилантием: для окончания воспитания сына своего оставить его здесь в Петербурге и для того его поместить в Педагогическом училище¹. Во изъявление особливого благоволения своего к упомянутому господарю, его величество соизволяет, чтоб сына его, по главному вашему начальству над училищем, в коем он будет находиться, в. пр-во принять изволили под особливый надзор Ваш и попечение как по части собственно воспитания, так и относительно его содержания, одним словом, всего, что может для него быть нужно.

На все издержки, по сим разным предметам нужные, е. и. в-во изволил назначить по 12 000 рублей в год, которые от министра финансов и будут доставляемы в распоряжение Ваше за каждый год вперед.

Сообщая в. пр-ву сию высочайшую волю, должен я к тому прибавить, что так как молодой князь Ипсиланти в упомянутом училище будет только продолжать свои науки, а для жительства его уже нанята особливая квартера, то вероятно, что для первого домашнего его обзаведения нужно будет сделать значущие издержки, которых, может статься, неудобно будет заимствовать из 12 000 рублей, единственно на воспитание и содержание его определенных. Я не сумневаюсь в таком случае, чтоб государь император не соизволил назначить на то особливую сумму, но предоставляю уже в. пр-ву испросить по предмету сему повеление е. в-ва.

Пребываю...

Высочайше утвержден 22 ноября 1806 г.

Подписано и отправлено 24 нояб[ря] 1806 г.

АВПР, ф. ГА, III-11, 1806 г., д. 2, л. 5—7. Отпуск.

¹ К. Ипсиланти (1760—1816) — низложенный Портой господарь Валахии — прибыл в Петербург в ноябре 1806 г. После кратковременного пребывания в столице России вернулся в Валахию, куда были введены русские войска, оставил в Петербурге 14-летнего сына Александра для завершения образования. Через несколько месяцев К. Ипсиланти, окончательно покинув Валахию, получил убежище в России и вместе с семьей поселился в Киеве.

№ 2

Отношение военного министра А. А. Аракчеева товарищу министра иностранных дел А. Н. Салтыкову о патентах для офицеров греческих подразделений на Ионических островах с приложением списка офицеров

№ 1346

С.-Петербург, 11 (23) февраля 1809 г.

Милостивый государь мой, граф Александр Николаевич!
Министр иностранных дел г-н действительный тайный советник граф Румянцев в сентябре 1807 г. сообщил предместнику моему, что государь император, одобрив представление полномочного в Корфу графа Мощениго, дабы набранные там и состоящие на жалованье нашем разные греческие корпусы были распущены, высочайше повелеть изволил чиновникам, в оных находившимся, выдать патенты, и дабы проект таковым представлен был е. в-ву на усмотрение.

По утверждении оного государем императором в генваре истекшего года объявлено мною государственной военной коллегии высочайшее повеление о напечатании патентов для помянутых чиновников по высочайше апробованной форме.

Ныне, получив оные патенты всего для 99-ти человек, имею честь препроводить к вашему сиятельству по списку, у сего прилагаемому, прося покорнейше Вас, милостивый государь мой, о доставлении их по принадлежности учинить с Вашей стороны распоряжения.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть Вашего сиятельства покорнейший слуга

Граф Аракчеев

СПИСОК

*чиновникам, состоявшим в легионе легких стрелков в Корфу,
коим приготовлены патенты*

№	Чины, имена и прозвания	На какие чины изготовлены патенты
Майорам		
1	Анагности Папапорги	Майорские
2	Пьери Глигораки	
Капитанам		
3	Георгию Драко	
4	Джиму Зервасу	
5	Диаманди Даглы	
6	Душа Зервасу	
7	Фото Джавеласу	
8	Фото Марасу	
9	Михайлес Карапицо	Капитанские
10	Кирко Калоэро	
11	Зигурюло Джавеласу	

№	Чины, имена и прозвания	На какие чины изготовлены патенты
12	Ефимию Антонию	
13	Георгию Калаэро	
14	Василию Зервасу	
15	Гога Даглы	
16	Марко Бочари	
17	Константину Пятимесу	
18	Гику Сетосу	
19	Яни Либеропуло	
20	Димо Дуку	Капитанские
21	Константину Зуласу	
22	Яни Колокотрони	
23	Александру Еракораки	
24	Георгию Бейзаде	
25	Афонасию Пити	
26	Дику Сипро	

Поручикам

27	Георгию Колиодимитрию	
28	Наста Джимасу	
29	Кичи Белису	
30	Пано Фемасу	
31	Иорди Марко	
32	Кока Панаютису	
33	Наси Димасу	
34	Кичо Пандази	
35	Пандуле Дондасу	
36	Иорын Зервасу	
37	Фото Панаюти	
38	Фанаси Агу	
39	Вейко Зервасу	
40	Стефану Кесарису	
41	Димитрию Аргирокастрити	
42	Пилио Гуси	Поручичьи
43	Настасу Карабинису	
44	Димитрию Янису	
45	Джиму Пандуласу	
46	Николо Паносу	
47	Косту Кутуку	
48	Настули Лефису	
49	Фанаси [Валасу?]	
50	Писко Маламасу	
51	Димитрию Вретосу	
52	Кичо Паскосу	
53	Диаманди Джиму	
54	Начо Лакиотису	
55	Николи Нинасу	
56	Въero Дуку	
57	Константину Каракулио	
58	Захо Костасу	
59	Анастаси Кокино	
60	Врано Бочи	
61	Косту Чуросу	
62	Алекси Стилосу	

№	Чины, имена и прозвания	На какие чины изготовлены патенты
63	Димитрию Зарифису	
64	Стомателию Турколесу	
65	Коце Афонасу	
66	Анастаси Каракалечису	
67	Илье Войди Мавромикайли	
68	Василию Политако	
69	Михайле Шуфано	
70	Занету Григораки	
71	Спиро Фанасису	
72	Николо Дайкосу	
73	Павлу Попандополо	
74	Спизию Димо	
75	Нику Дааросу	
Прапорщикам		
76	Христо Папу	
77	Наси Хиросу	
78	Николо Переvoхъ	
79	Ламбру Диамасу	
80	Кичо Диамандису	
81	Яно Каломиросу	
82	Постоли Джамалису	
83	Пано Анастаси	
84	Наастасу Лялиасу	
85	Яносу Карабинису	
86	Фано Фотосу	
87	Кичо Костасу	
88	Ламбру Гусису	
89	Христо Мучкосу	
90	Христо Димасу	
91	Спиро Ионису	
92	Фанаси Гикасу	
93	Василию Махеру	
94	Яни Сулиоти	
95	Василию Ксархако	
96	Христо Халанису	
97	Михайле Панаитако	
98	Христо Никасу	
99	Иоргосу Фокасу	

АВПР, ф. ГА, II-25, 1809 г., д. 2, л. 1—4. Подлинник.

№ 3

Письмо К. Ипсиланти Александру I с просьбой о принятии на русскую военную службу трех его сыновей

С.-Петербург, 1 (13) апреля 1815 г.

Sire! Après mon retour de la Valachie, je déposai aux pieds de v. m. i. l'offre que je lui faisais de tous mes enfants, Alexandre, Démetrius, Georges, Nicolas et Grégoire, pour être admis à son service militaire. V. m. voulut bien l'agrérer à me répondre par la lettre du 9 avril 1808, «qu'elle avait placé l'aîné au régiment des chevaliers-gardes avec le rang d'officier et qu'elle en ferait autant

pour ses frères, à mesure qu'en avançant en âge, et après achevé leurs études, ils lui seraient présentés». Au mois de mars de l'année passée, j'adressai une supplique à v. m. i. par mon fils Alexandre pour la prier de recevoir à son service militaire mon fils Démetrius qui dès lors a achevé ses études d'une manière distinguée, comme v. m. saura l'apprécier. Elle agréa ma supplique avec bonté, quoiqu'il n'y ait encore, à ma connaissance, aucun ordre de donné à ce sujet. Arrivé à St. Petersbourg avec l'agrément de v. m. i., j'ai emmené avec moi les deux puînés, Georges et Nicolas, qui sont déjà en âge et en état d'entrer à son service. Je me flattais, Sire, d'avoir le bonheur de vous les présenter moi-même; mais dans les circonstances actuelles, j'ai cru qu'il était de mon devoir, ainsi que de l'honneur de mes fils, qui comme leur frère aîné n'ont qu'un voeu, qu'ils ne cessent de me répéter, celui de vivre et de mourir pour votre auguste personne, de vous présenter par cette supplique, Sire, mes trois fils, Démétruis, Georges et Nicolas, pour être admis dans ses gardes impériales. Le plus jeune, Grégoire, n'étant pas encore en âge de pouvoir la servir, je n'ose le lui présenter. V. m. ajouterait beaucoup à ses bontés en daignant permettre que le plus âgé Démetrius soit placé auprès de M. le général Rayeffsky. Il possède plusieurs langues, a fait un cours complet de mathématiques, de sorte qu'il pourra être employé avec utilité dans ce genre de service.

Je suis. . .

Prince Constantin Ypsilanti

Полу[чен]о 14 апреля в Вене.

АВПР, ф. ГА, III-5, 1815 г., д. 11, л. 1. Подлинник.

Перевод

Государь. После своего возвращения из Валахии я положил к стопам в. и. В-ва просьбу о принятии всех моих детей: Александра, Димитрия, Георгия, Николая и Григория — на Вашу военную службу. В. в-во соблаговолил ответить мне письмом от 9 апреля 1808 г., «что он определил старшего в Кавалергардский полк в офицерском чине и что он сделает то же самое и для его братьев после того, как они подрастут и по завершении их образования будут ему представлены». В марте месяце прошлого года через моего сына Александра я обратился с прошением к в. и. в-ву о принятии на Вашу военную службу моего сына Димитрия, который к тому времени блестяще завершил свое образование, как в. в-во сможет в этом убедиться. Вы с благосклонностью приняли мое ходатайство, хотя, насколько мне известно, на этот счет не отдано пока еще никаких распоряжений. Прибыв с соизволения в. и. в-ва в Санкт-Петербург, я привез с собой двух младших сыновей: Георгия и Николая, которые достигли уже совершеннолетия и в состоянии вступить на Вашу службу. Я льстил себя надеждой, государь, что буду иметь счастье лично их Вам представить, но в настоящих обстоятель-

ствах я счел своим долгом, а также и вопросом чести моих сыновей, у которых, как и у их старшего брата, есть только одно желание, о котором они твердят мне постоянно, — жить и умереть за Вашу августейшую особу, — представить Вам посредством этого прошения, государь, моих трех сыновей: Димитрия, Георгия и Николая для принятия в Вашу императорскую гвардию. Самый младший, Григорий, еще не достиг возраста, в котором можно там служить, и я не осмеливаюсь представлять его Вам. В. в-во оказал бы еще одну милость, соблаговолив разрешить, чтобы самый старший, Димитрий, был определен при господине генерале Раевском. Он владеет несколькими языками, прошел полный курс математики, так что он с пользой может быть использован для такого рода службы.

Пребываю...

Князь Константин Ипсиланти

№ 4

Письмо Александра I К. Ипсиланти о согласии принять его сыновей на русскую военную службу

Вена, 12 мая 1815 г.

Projet de lettre au prince Ypsilanti

Monsieur le prince! J'ai reçu la lettre que vous m'avez adressée en date du I^e avril et je n'ai pu qu'accueillir avec satisfaction la demande qui en fait l'objet, en rendant justice aux motifs et aux sentiments qui vous l'ont suggéré. Désirant condescendre pleinement à vos désirs, j'ai donné des ordres au général prince Gortschakoff faisant les fonctions de ministre de la Guerre pour que vos fils que vous destinez à la carrière militaire soient placés conformément aux intentions exprimées dans votre lettre. A cette fin le prince Wolkonsky s'est adressé en mon nom au général Rayeffsky relativement à l'aîné.

Je me plais à croire que l'attachement à ma personne et aux intérêts de mon empire dont vous m'avez donné des preuves, se reproduira dans les talents et le zèle de vos fils. Ils justifieront, je n'en doute pas, l'intérêt que m'inspire tout ce qui vous appartient, ainsi que les soins éclairés que vous avez voués à leur éducation.

La presente n'étant à autre fin, je prie dieu, M. le prince, qu'il vous ait en sa sainte et digne garde.

АВИР, ф. ГА, III-5, 1815 г., д. 11, л. 2. Орнуск.

Перевод

Господин князь! Я получил письмо от 1 апреля, которое Вы мне направили, и могу с удовлетворением согласиться на содержащуюся в нем просьбу, отдав должное мотивам и чувствам, вызвавшим ее. Желая полностью пойти навстречу Вашим желаниям, я дал указание генералу князю Горчакову, исполняя-

щему обязанности военного министра, чтобы Ваши сыновья, которых Вы пред назначаете для военной карьеры, были определены в соответствии с пожеланиями, выраженными в Вашем письме. С этой целью князь Волконский от моего имени обратился к генералу Раевскому относительно старшего.

Мне доставляет удовольствие верить, что преданность моей особе и интересам моей империи, доказательства которой Вы мне дали, проявится снова в талантах и рвении Ваших сыновей. Они оправдают, я в этом не сомневаюсь, интерес, который вызывает во мне все, что относится к Вам, так же как и ваши просвещенные заботы об их образовании.

Не имея в этом письме иной цели, я прошу бога, г-н князь, чтобы он был Вам святой и достойной опорой.

№ 5

Донесение Г. А. Строганова К. В. Нессельроде о желании греков, находившихся ранее на английской военной службе, поступить на русскую военную службу

№ 27

Буюкдере, 2 (14) октября 1816 г.

Monsieur le comte! Le rapport ci-inclus de notre consul à Zante *, présentant l'information que quelques officiers et soldats du premier régiment grec, à la solde de l'Angleterre, actuellement dissous et congédié, ont fait la proposition de se transporter en Russie, avec leurs femmes et leurs enfants, pour s'y établir, en exprimant en même temps le désir d'être employés dans notre militaire selon leur grade respectif et d'avoir les moyens pour effectuer leur passage, j'ai cru devoir adresser à ce consul les instructions des quelles copie est ci-jointe **. Elles ont pour but d'en obtenir des renseignements plus complets que ceux qu'il m'a transmis à cet égard et de le mettre à même de faire entrevoir à ces militaires la possibilité de voir exaucer leurs voeux.

La crainte d'être exposé à la persécution ottomane, s'ils rentraient dans leur pays est présentée pour un des motifs de leur désir de se vouer à notre service.

Cette crainte n'est pas sans fondement, lorsqu'on songe, que l'enrôlement de ces Grecs a lieu dès son principe contre la volonté du gouvernement ottoman, nous leur devons actuellement intérêt, puisque c'est nous qui, lorsque nous occupions les îles Ioniennes et Parga, les avons attirés sous nos drapaux; nous ne pourrions pas non plus perdre de vue qu'il n'a pas dépendu d'eux d'y rester et que c'est par un effet de notre propre volonté qu'ils ont dû passer sous ceux de la France qui, de son côté, a dû ensuite les céder à l'Angleterre.

Si ces considérations peuvent prévaloir en faveur de ceux d'entre ces militaires qui veulent encore se consacrer à notre service, v. ex.

* Не публикуется.

** Не публикуется.

trouvera peut-être convenable de me mettre à même de les maintenir dans de telles dispositions, en attendant que je reçoive et présente les renseignements qui devront me parvenir de Zante et d'après lesquelles les résolutions définitives de s. m. l'empereur pourront être manifestées.

J'ai l'honneur. . .

Baron de Stroganoff

Получ[ено]

31-го окт[ября]

АВПР, ф. ГА, II-1, 1816 г., д. 2, л. 1—2. Подлинник.

Перевод

Господин граф. В прилагаемом при сем донесении нашего консула на Запте * сообщается, что некоторые офицеры и солдаты первого греческого полка на содержании Англии, который в настоящее время расформирован и распущен, сделали предложение переехать в Россию вместе со своими женами и детьми и поселиться там, выразив одновременно желание поступить на нашу военную службу в чинах, которые они сейчас имеют, и получить средства на переезд. Я счел своим долгом послать этому консулу инструкции, копию которых прилагаю здесь **. Целью их является получить более подробные, чем те, которые он послал, сведения по этому вопросу и подать этим военнослужащим надежду на возможность осуществления их желания.

Страх подвергнуться преследованию со стороны оттоманов в случае возвращения их на родину является одной из причин их желания поступить к нам на службу. Если подумать, что вербовка этих греков с самого начала происходила вопреки воле оттоманского правительства, то этот страх не лишен оснований. Мы должны теперь проявить к ним участие, так как именно мы во время нашей оккупации Ионических островов и Парги привлекли их на нашу службу, и мы не можем упускать из виду, что не от них зависело остаться на ней и что по нашему желанию они должны были перейти под знамена Франции, которая в свою очередь должна была уступить их Англии.

Если эти соображения смогут воздействовать в пользу тех военнослужащих, которые хотели бы еще посвятить себя нашей службе, в. пр-во, возможно, найдет уместным позволить мне поддерживать их в этом расположении до тех пор, пока я не получу и не представлю сведения, которые должны прийти с Занте и на основании которых окончательное решение е. в-ва императора сможет быть изъялено.

Имею честь...

Барон Строганов

№ 6

Депеша К. В. Нессельроде Г. А. Строгонову об отклонении ходатайства греков с Занте, бывших военнослужащих, о переселении в Россию

С.-Петербург, 16 (28) июня 1817 г.

Projet dépeche à l'envoyé baron de Stroganoff

Monsieur le baron! La dépêche de v. ex. No 27 en date du 2 (14) octobre * ainsi que les pièces y annexées ont fait l'objet d'un rapport soumis à s. m. i. et renfermant l'exposé de la demande des volontaires grecs retirés à Zante, relativement à leur admission en Russie.

L'empereur, notre auguste maître, ayant sanctionné des règles générales portant indistinctement sur la totalité des colons étrangers, qui aspirent à se fixer dans ses Etats, il a plu à s. m. i. de faire munir récemment le conseiller d'Etat actuel Benaki d'une instruction positive à ce sujet¹, motivée par les préparatifs d'émigration, qui se sont manifestés à Parga, depuis la remise de ce canton au gouvernement turc.

Vous en trouverez, M. le baron, copie ci-jointe ainsi que celle du règlement destiné à savoir de norme invariable aux ministres et agents commerciaux de s. m. pour toutes les demandes de la même nature.

Pour ce qui concerne spécialement les militaires grecs de Zante, quoique leurs services antérieurs et dévouement dont ils ont fait preuve envers la Russie, les rangent à la vérité dans une catégorie différente de celle des autres émigrés, comme v. ex. l'observe avec infinité de justice, toutefois il demeura constant, que ces individus avec leurs familles, ne pouvant dans aucun cas être considérés ni accueillis comme militaires et n'étant pas à même de remplir les conditions voulues par la loi en qualité de colons, il serait aussi peu praticable par le fait que pernicieux par l'exemple d'acquiescer à l'objet de leurs sollicitation. Leur colonisation serait une chimère; elle entraînerait à coup sûr des expatriations imprudentes et sans cesse réitérées de tout le littoral de l'Epire: conséquence qu'il est facile de prévoir et à laquelle il importe d'obvier moyennant un refus formel, mais bienveillant et persuasif.

Telles sont les directions que l'empereur m'a ordonné de vous transmettre, M. le baron, afin que v. ex. en fasse connaître la teneur aux agents de sa juridiction, et notamment pour la circonstance présente, au vice-consul Sandrini, dont le langage et les réponses conçus dans le sens le plus convenable auront besoin d'être littéralement dictées par le contenu des ordres qu'il recevra de votre part.

J'ai l'honneur. . .

* *См. док. № 5.*

На подлинном собственною рукою государя императора написано: Быть по сему.

St. Petersbourg le Juin 1817

Transmise au collège pour être expédiée en date du 16 Juin 1817
АВПР, ф. ГА, II-1, 1816 г., д. 2, л. 33—34. Копия.

Перевод

Проект депеши посланнику барону Строганову

Господин барон. Депеша в. пр-ва за № 27, от 2 (14) октября*, а также документы, приложенные к ней, были предметом доклада, представленного е. и. в-ву и содержавшего изложение просьбы отставных греческих волонтеров на Занте о том, чтобы разрешить им приехать в Россию.

Император, наш августейший повелитель, одобрив общие правила, относящиеся ко всем без исключения иностранным переселенцам, желающим поселиться в его владениях, соизволил недавно снабдить действительного статского советника Бенаки определенными указаниями по этому вопросу¹, что было вызвано приготовлениями к эмиграции в Парге после передачи этого округа турецкому правительству. В приложении, г-н барон, Вы найдете ее копию, так же как и копию положения, которые должно служить неизменным руководством для министров и торговых агентов е. в-ва в том, что касается просьб такого же рода.

Что же касается специально греков-военнослужащих, находящихся на Занте, то, хотя их прежние заслуги и преданность России, которую они доказали, позволяет отнести их к иной, чем другие эмигранты, категории, как это весьма справедливо отмечает в. пр-во, тем не менее остается неизменным, что эти люди и их семьи ни в коем случае не могут рассматриваться и быть припятными в качестве военных. А так как в то же время в качестве переселенцев они не соответствуют требованиям, предъявляемым законом, то было бы непрактично по существу, и вредно как прецедент удовлетворить их ходатайство. Поселение их как колонистов является химерой: оно наверное немедленно повлекло бы за собой необдуманную экспатриацию населения всего побережья Эпира — следствие, которое легко можно предвидеть и которое важно предотвратить посредством отказа, убедительного и доброжелательного.

Таковы указания, которые император приказал передать Вам, г-н барон, чтобы в. пр-во сообщил их содержание подчиненным Вам агентам и прежде всего, исходя из обстоятельств дела, вице-консулу Сандрини, выражения и ответы которого, сделанные в наиболее подходящей форме, должны будут точно соответствовать содержанию указаний, которые он от Вас получит.

Честь имею...

Передано в коллегию для отправки под датой: 16 июня 1817 г.

¹ В депеше К. В. Нессельроде генеральному консулу в Барлете Л. П. Бенаки от 10 (22) июня 1817 г. (АВПР, ф. ГА, II-1, 1816 г., д. 4, л. 5—6) речь шла о Парге, прибрежном городке Эпира, который английское правительство собиралось передать Порте. В связи с тем, что некоторые жители Парги выразили желание эмигрировать в Россию, русское правительство дало согласие на переселение паргиотов, но на общих основаниях, без предоставления им каких-либо субсидий.

№ 7

Докладная записка Александру I от неустановленного лица с изложением просьбы Александра Ипсиланти о возобновлении ему ежегодной пенсии в размере 12 тыс. руб.

С. Петербург, 14 (26) июля 1818 г.

Reclamation du prince Alexandre Ypsilanti.

Le prince Alexandre Ypsilanti réclame de la générosité de v. m. i. la continuation d'une pension de douze mille roubles qu'elle a daigné lui accorder en 1807 et qui vient d'être supprimée par ordre du ministre des finances¹.

La perte de ce revenu est d'autant plus sensible au prince Ypsilanti qu'il n'en touche pas d'autre, outre ses appointements; l'entretien de sa mère, de ses frères, la dotation de sa soeur et la liquidation de plus de cinq cent mille roubles de dettes, absorbant la totalité des 120 000 roubles annuels, que sa famille retire de ses biens.

АВПР, ф. ГА, III-1, 1816 г., д. 15, л. 7. Подлинник.

Перевод

Просьба князя Александра Ипсиланти

Князь Александр Ипсиланти обращается к великодушию в. и. в-ва с просьбой продолжить выплату ему пенсии в размере 12 тыс. руб., которую Вы пожаловали ему в 1807 г. и выплата которой была прекращена по распоряжению министра финансов¹.

Потеря этого дохода для князя Ипсиланти тем более ощутима, что он не имеет никакого другого, кроме жалованья; содержание матери, братьев, пособие сестре, уплата долгов, превышающих 500 тыс. руб., полностью поглощают ежегодный доход в размере 120 тыс. руб., который его семья имеет от своего имущества.

¹ Ежегодная субсидия в 12 тыс. руб. была назначена Александром I на «содержание и воспитание» А. Ипсиланти, прибывшего в Россию вместе с его отцом К. Ипсиланти в ноябре 1806 г. (см. док. № 1). После получения образования и поступления на военную службу А. Ипсиланти продолжал получать эти деньги. Выплата их была прекращена в марте 1818 г. по распоряжению министра финансов Д. А. Гурьева на том основании, что «помянутый князь Ипсиланти находится ныне на службе генерал-майором» (АВПР, ф. ГА, III-1, 1816 г., д. 15, л. 5—7).

№ 8

Письмо К. В. Нессельроде министру финансов Д. А. Гурьеву о распоряжении Александра I возобновить выплату пенсии Александру Ипсиланти

№ 5231

С.-Петербург, 19 (31) августа 1818 г.

Министру финансов от графа Нессельроде

М[илостивый] г[осударь] Дмитрий Александрович!

Е. и. в-во высочайше повелеть соизволил определенные указом 29 ноября 1806 г. на содержание и воспитание сыну воложского господаря князю Александру Ипсиланти, который ныне генерал-майором, 12 тыс. руб. продолжать ему производствовать ежегодно в виде пенсиона со дня прекращения выдачи сих денег. Сообщая в. высокопр-ву о сей высочайшей воле для зависящего от Вас, м[илостивый] г[осударь], распоряжения, имею честь...

АВПР, ф. ГА, III-2, 1816 г., д. 15, л. 9. Отпуск.

№ 9

Донесение Г. А. Строганова К. В. Нессельроде об использовании русского флага греческими судами с приложением докладной записки заведующего коммерческой канцелярией М. Я. Минчаки и заметки о греческом судоходстве

№ 54

Буюкдере, 15 (27) апреля 1819 г.

Monsieur le comte! La dépêche de v. ex. sub. no. 2 et le rapport à s. m. l'empereur qui y était annexé¹ ont fait l'objet de mes plus sérieuses méditations. J'ai soigneusement recueilli tous les détails qui pouvaient amener de nouveaux principes à adapter concernant les abus dans la navigation russe. J'ai aussi demandé à la chancellerie de commerce un mémoire motivé sur les moyens les plus propres d'y remédier. V. ex. trouvera ci-inclus cette pièce *, à laquelle je vais joindre quelques observations et développements. Ce n'est pas encore une ordonnance; mais les idées qui y sont contenues lui serviront de base, aussitôt qu'elles auront obtenu la haute approbation de l'empereur.

Une dépêche séparée réfute les plaintes de M. le chargé d'affaires de la cour de Vienne touchant la prétendue facilité, avec laquelle la chancellerie de commerce est censée délivrer des expéditions à des navires autrichiens. Cette allégation est entièrement fausse; la mission est en règle et n'a jamais agi que sur des actes revêtus de toutes les formes légales. Le seul point de vue sous lequel M. le chargé d'affaires peut avoir raison, n'est pas même énoncé dans sa note: celui des ventes simulées qui ont parfois lieu pour des bâtiments ragusais et illyriens, comme pour ceux des rayas. C'est un tort dont les chancelleries étrangères sont exclusivement coupables,

* См. приложение 1.

et il serait impossible de prendre à cet égard des mesures particulières, qui ne concernassent que l'Autriche. Elles doivent rentrer dans la classe des ventes en général, embrassées par la présente dépêche.

La destination des différents navires portant pavillon russe, faite par v. ex. dans son rapport à s. m. i., est très juste. Il n'en existe malheureusement que trop du nombre de ceux, construits dans les Etats ottomans, commandés par des capitaines rayas qui en sont les véritables propriétaires et ayant la totalité de leurs équipages composée de sujets de la Porte. C'est là-dessus que les réclamations des Turcs sont fondées. Mais il n'est pas facile d'extirper ces abus, leurs racines tiennent aux considérations les plus délicates: à notre crédit parmi les Grecs et à la protection qu'ils espèrent de la cour impériale; à la dignité de notre pavillon dont les navires déjà incorporés à la marine russe sont couverts. Notre auguste souverain n'a point rejeté ces vues essentielles aux intérêts de son empire; nous ne pouvons pas y renoncer. D'un autre côté, le maintien des stipulations existantes et les suites fâcheuses qui pourraient résulter de la prolongation des abus signalés, doivent attirer toute l'attention du gouvernement. Ces combinaisons si opposées entre elles ne sauraient guères manquer de produire une certaine retenue dans les mesures qu'on se propose d'adopter et d'en rendre l'effet moins prompt et général.

La mission a dû se contenter jusqu'ici de porter à la connaissance du ministère impérial le véritable état des choses, sans pouvoir y toucher. Les moindres tentatives se seraient trouvées en contradiction avec les principes suivis dans nos provinces limitrophes; elles eussent surtout provoqué les plaintes les plus violentes d'une grande partie de notre commerce. Les conséquences sont inévitables. Le nombre de nos vaisseaux diminuera de plus de la moitié; les capitaines véritablement russes pourront à peine compléter leurs équipages dans les ports de la mer Noire sans enrôler des rayas et par là autoriser les cris de la Porte qui reclamera contre la partie comme elle réclame aujourd'hui contre le tout; les entraves indispensables pour prévenir les ventes simulées seront insupportables à une certaine classe de nos spéculateurs.

Maintenant la mission se voit forte de la volonté de l'empereur et peut admettre le principe malgré ses suites. Elle écartera au moins les abus les plus considérables, sans employer de moyens trop violents; elle s'efforcera de ménager au milieu des réformes le crédit essentiel de la Russie.

Aussitôt que v. ex. aura bien voulu me faire connaître, si les mesures proposées par la chancellerie de commerce sont approuvées, il en sera formé un corps de règlement et les articles les plus essentiels auront force de loi sans aucun délai. Mais il me sera nécessaire d'avoir sous les yeux les ordres donnés aux amirautes et aux gouverneurs des provinces pour les combiner avec notre marche. Sans un concours efficace de la part de ces autorités, sans leur surveillance la plus rigide pour tout ce qui concerne la naturalisation des indivi-

dus en Russie, la délivrance des patentees impériales, les ventes, les procurations, rien ne saurait être fait ici.

La totalité des ordonnances existantes à l'égard de ces articles des modifications et les exceptions qu'elles ont subie, devraient être mieux connues à la mission qu'elles ne l'ont été jusqu'à présent. Pour agir avec assurance et une pleine persuasion que ses efforts en défendant ses justiciables sont légitimes, il faut qu'elle puisse entièrement compter sur les actes et documents qui nécessitent son intervention.

Je passe à un court examen des moyens exposés dans le rapport de la chancellerie de commerce.

L'article 1er est fait pour blesser les ministres étrangers résidants à Constantinople et priver quelques chancelleries de la majeure partie de leur revenu. Cependant, la précaution me paraît très juste. Toutes les ventes simulées se font ailleurs que chez nous, et nous seuls emportons le blâme et les désagréments. Notre crédit auprès de la Porte s'use, pour ainsi dire, en soutenant des intérêts qui ne sont pas les nôtres, au profit de certains spéculateurs. Un contrat passé dans un office étranger ne peut pas être rejeté séparément par nous, sans taxer de faux et les partie contractantes et celui qui a dressé l'acte! Une mesure générale peut seule, à mon avis, prévenir dorénavant de semblables manoeuvres. Les conditions fixées pour autoriser l'achat d'un bâtiment entraveront sans doute plus ou moins ces transactions; mais elles offriront à nos chancelleries la possibilité d'exercer une surveillance active et de démasquer quelquefois la fraude.

L'article 2me est plus arbitraire; il est pourtant fondé sur une longue expérience. Les petits navires sont ceux qui nous donnent le plus d'embarras, car le cabotage et la contrebande sont leurs principales occupations. Tout raya de l'Archipel, muni d'une patente russe, charge son bateau de fruits et de productions de son île et vient les vendre en détail dans le port de Constantinopole, malgré les défenses du gouvernement. Son commerce attire sur lui l'attention; il est bientôt reconnu pour être sujet de la Porte, très souvent domicilié dans la capitale même, et occasionne les discussions les plus fâcheuses.

La chancellerie de commerce exclut déjà de la protection russe, depuis environ deux ans, tout bâtiment d'une portée moindre de quatre mille kilos². Cependant, elle ne peut pas exercer la même sévérité à l'égard de ceux que les autres missions reconnaissent pour leur propriété, en demandant amicalement notre pavillon, afin de leur ouvrir l'entrée de la mer Noire et quelquefois la sortie des Dardanelles. Quant aux navires de cette classe qui se sont glissés dans notre marine à une époque antérieure, il ne sera fait usage du droit de refuser les expéditions que sur un ordre précis du ministre de s. m. et à la suite d'une information exacte: chaque fois on mettra en avant quelque motif plausible et le refus pourra porter sur quelque circonstance particulière au capitaine ou au propriétaire du navire.

L'article 3e n'a pas besoin de commentaire. Une injonction expresse au ministre d'employer cette voie de rigueur au besoin suffira pour tenir en respect beaucoup d'équipages indisciplinés.

L'exécution de l'article 4e est annoncée comme difficile, et elle l'est certainement. Dans un bâtiment idiote ou spezziole le capitaine, le pilote et les matelots ne forment souvent qu'une seule famille. Les intérêts sont communs et chacun a une part fixe dans le profit présumé. Ils s'accordent entre eux: éviteront-ils les contestations avec des étrangers, des inconnus, qu'ils seront obligés de recevoir à leur bord et de solder uniquement pour obéir à l'ordonnance? Il est très probable, que plusieurs se refuseront à cette mesure et passeront à quelque autre pavillon. Cette perte serait à regretter, car la marine des îles mentionnées est excellente et pourrait nous être utile à l'avenir. V. ex. en verra la preuve dans la liste ci-jointe, que je crois nécessaire de transmettre au ministère imperial *. Mais nous n'avons que le choix des inconvénients et les navires ayant d'abord un tiers d'équipage russe ou considéré comme tel, ensuite la moitié et davantage, se trouveront par là moins exposés aux soupçons de la Porte et à la visite dont elle nous menace. Le mal ne sera pas détruit, mais les effets en seront moins sensibles. L'article 5e y contribuera aussi.

J'ai déjà eu l'honneur d'appeler l'attention de v. ex. sur le contenu de l'article 6. L'uniformité de marche et le concours de nos autorités limitrophes sont indispensables. Les priviléges des provinces nouvellement réunies à L'Empire Russe et les motifs qui y nécessitent des déviations aux règlements antérieurs devront être bien combinés avec les abus qui peuvent en résulter à Constantinople et dans les principautés de Moldavie et de Valachie.

La proposition de ne plus accorder à la chancellerie de Naples ni expéditions ni firmans pour la sortie de ses navires dans l'Archipel, est fondée sur les irrégularités qu'elle tolère trop souvent. Il sera cependant nécessaire de rendre le refus général, afin de ne blesser aucune des missions en particulier. La raison d'ailleurs est trop plausible: la Russie est prête à offrir son secours à tous les bâtiments amis, destinés pour la mer Niore, dont l'entrée leur est prohibée par les Turcs. Mais tous peuvent librement sortir des Dardanelles après avoir terminé leurs affaires à Constantinople. La demande de notre pavillon ne peut donc avoir pour objet que le surcroît de protection dont jouit notre marine et, fait ici, donnera toujours lieu à beaucoup de fraude et d'embarras. Les rayas, refusés par nous, obtiendront notre protection, en se faisant recommander comme sujets napolitains. Pour obvier à ces désordres, il conviendrait de n'admettre de pareilles demandes de la part des puissances amies, obligées de recourir à notre pavillon, que dans les ports de la métropole et jamais à Constantinople même. Les gouvernements de Naples, Lisbonne et autres s'adresseraient à nos ministres ou consuls généraux, tout comme les négociants de St. Petersbourg s'adressent

* См. приложение 2.

à l'amirauté; la mission à Constantinople avertie par cette voie s'empresserait de leur faire passer les expéditions que seraient réclamées.

Tels sont les principes qui je soumets à la haute sagesse de la cour impérial et dont j'attendrai l'approbation, avant de procéder à aucune réforme. Les moyens proposés ne sont pas tout à fait suffisants, je le sais; mais de plus violents nuiraient au crédit que nous nous efforcons de maintenir. Notre commerce de la mer Noire et notre navigaiton en ressentiraient un échec trop sensible. Plusieurs articles ne sont que palliatifs; le 2e et le 3e autorisent seuls quelque diminution volontaire dans le nombre actuel de nos vaisseaux. Toutefois l'avenir obtient une garantie essentielle par les entraves mises aux ventes simulées. Cette disposition, bien secondée par les tribunaux de nos ports promet des résultats satisfaisants sinon complets.

J'ai l'honneur . . .

Baron de Stroganoff

Reçu le 12 mai 1819. Deux annexes.

АВПР, ф. Канцелярия, 1819 г., д. 2328, л. 3—8. Подлинник.

Перевод

Господин граф. Депеша в. пр-ва за № 2 и доклад е. в-ву императору, который был к ней приложен¹, стали предметом моих самых серьезных размышлений. Я тщательно собрал все сведения, которые могли бы способствовать принятию новых принципов в вопросе о злоупотреблениях в русском судоходстве. Я также потребовал от коммерческой канцелярии мотивированную докладную записку о наиболее действенных средствах их устранения. В. пр-во найдет здесь в приложении этот документ *, к которому я добавлю свои соображения и дополнения. Это еще не инструкция; но изложенные в нем идеи послужили бы основой для нее, если бы они получили высочайшее одобрение императора.

Отдельная депеша опровергает жалобы поверенного в делах венского двора относительно той легкости, с которой коммерческая канцелярия якобы выдает навигационные документы австрийским судам. Утверждение это совершенно не соответствует действительности. Миссия не допускает каких-либо нарушений и действует только на основании документов, облаченных во все юридические формы. Только в одном пункте г-н поверенный в делах мог бы быть прав, но этот пункт даже не упомянут в его ноте: речь идет о фиктивных продажах судов иллирийцев и ратузинцев, которые иногда имеют место, так же как судов, принадлежащих райе. Но это исключительно вина иностранных канцелярий, и здесь невозможно введение специальных мер, которые касались бы только Австрии. Они должны войти в общий раздел о продажах, охватываемый настоящей депешей.

Классификация различных судов, носящих русский флаг, приведенная в. пр-вом в докладе е. и. в-ву, совершенно правильна. К сожалению, среди них имеется много судов, построенных в оттоманских владениях, капитаны которых — они же настоящие собственники этих судов — являются райей и их команды полностью состоят из подданных Порты. На этом основываются претензии турок. Но устраниТЬ эти злоупотребления нелегко, так как они связаны с весьма деликатными моментами: нашим престижем среди греков и покровительством императорского двора, на которое они надеются, достоинством нашего флага, который носят суда, уже вошедшие в состав русского флота. Наш августейший государь отнюдь не отвергает эти важные, с точки зрения интересов его империи, соображения, и мы не можем от них отказаться. С другой стороны, поддержание существующих постановлений и неприятные последствия, могущие произойти в результате продолжения этих явных злоупотреблений, должны были привлечь внимание правительства. Эти столь противоречавшие друг другу соображения должны, конечно, придать определенную умеренность мерам, которые предполагается принять, и сделают их результаты не столь быстрыми и всеобщими.

До настоящего времени миссия должна была ограничиваться информированием императорского министерства о подлинном положении дел без того, чтобы их затронуть. Ее малейшая попытка в этом направлении оказалась бы в противоречии с правилами, которым следуют в наших пограничных провинциях; прежде всего, они вызвали бы сильнейшее жалобы со стороны большой части наших купцов. Непизбежным последствием будет уменьшение числа наших судов более чем наполовину: русские капитаны вряд ли смогут комплектовать свои команды в портах Черного моря, не вербую райю. Тем самым они вызовут жалобы Порты, которая будет протестовать против этих действий, как ныне протестует против всего; для определенной категории наших предпринимателей препоны, необходимые для предупреждения фиктивных продаж, будут невыносимы.

Теперь, опираясь на волю императора, миссия чувствует себя уверенно и может принять принцип, какими бы ни были последствия. По крайней мере она будет устранять наиболее значительные злоупотребления, не прибегая к слишком сильным средствам; она будет стремиться к тому, чтобы в ходе этих реформ существенно не пострадал престиж России.

Как только в. пр-ву будет угодно сообщить мне, что меры, предложенные коммерческой канцелярией, одобрены, будет составлено уложение и наиболее важные статьи без промедления получат силу закона. Но мне необходимо будет иметь перед глазами указания, данные адмиралтейским правлением и губернаторам провинций, чтобы согласовывать с ними наши действия. Без эффективного содействия со стороны этих властей, без их весьма строгого контроля за всем, что касается натурализации

лиц в России, выдачи императорских патентов, продаж, доверенностей, здесь ничего не может быть сделано. Совокупность предписаний, существующих по этим вопросам, исключения и изменения, которым они подверглись, должны быть лучше известны миссии, чем это было до сих пор. Чтобы действовать уверенно и с полной убежденностью, что ее усилия по защите лиц, относящихся к ее юрисдикции, являются законными, необходимо, чтобы она могла полностью полагаться на акты и документы, делающие необходимым ее вмешательство.

Перехожу к краткому рассмотрению мер, изложенных в докладе коммерческой канцелярии.

Статья 1-я должна задеть иностранных министров, находящихся в Константинополе, и лишить некоторые канцелярии большей части их доходов. Но мера эта кажется мне весьма оправданной. Все фиктивные продажи происходят где угодно, только не у нас, а упрекают за них только нас и только мы испытываем неприятности. Наше влияние на Порту используется, можно сказать, для поддержки чужих для нас интересов и идет на пользу некоторым спекулянтам. Контракт, который был заключен в иностранной конторе, не может быть опротестован нами одними без обвинения в обмане как заключивших его стороны, так и того, кто составил документ! Я полагаю, что только мера общего порядка может предупредить в дальнейшем такого рода махинации. Точно определенные условия для получения разрешения на покупку судна, несомненно, будут затруднять в той или иной степени такие сделки, но они дадут нашим канцеляриям возможность осуществлять активный контроль и иногда раскрывать мошенничество.

Статья 2-я, более произвольная, основана, однако, на долгом опыте. Небольшие суда причиняют нам наибольшие затруднения, так как каботаж и контрабанда являются их основным занятием. Любой райя архипелага, имеющий русский патент, наружает свое судно плодами и изделиями своего острова и продаёт их в розницу в Константинопольском порту, несмотря на запрещение правительства. Этой торговлей он привлекает к себе внимание; вскоре узнают, что это — подданный Порты, очень часто даже житель столицы. В результате происходит весьма неприятное объяснение. Уже около двух лет назад коммерческая канцелярия исключила из сферы покровительства России все суда грузоподъемностью менее 4 тыс. кило². Однако она не может действовать с той же строгостью по отношению к судам, для которых другие миссии, признавая их своей собственностью, просят по дружбе наш флаг, чтобы открыть им вход в Черное море, а иногда и выход из Дарданелл. Что касается судов этой категории, которые проникли в наш флот ранее, то к ним будет применено право отказа в выдаче навигационных документов только в случае определенного распоряжения министра е. в-ва и на основании точных сведений. Каждый раз будет выдвигаться какой-либо правдоподобный предлог, и отказ можно будет мотивиро-

вать каким-нибудь частным обстоятельством данного капитана или собственника судна.

Статья 3-я не требует комментариев. Точного повеления министру применять в случае необходимости эту строгость будет достаточно, чтобы держать в повиновении многие недисциплинированные команды.

Осуществление статьи 4-й считается трудным, и это действительно так. Часто на судах островов Идры и Спецце капитан, лоцман и матросы являются членами одной семьи. У них существуют общие интересы, и каждый имеет определенную долю в предполагаемой прибыли. Между собой они договариваются, но смогут ли они избежать споров с иностранцами — неизвестными людьми, которых они вынуждены будут принять на борт судна и выплачивать им жалованье единственно для того, чтобы повиноваться постановлению? Весьма вероятно, что многие не согласятся с этой мерой и поднимут другой флаг. Потеря эта будет достойна сожаления, так как у указанных островов превосходный флот, который в будущем мог бы оказаться полезным для нас. Доказательство этому в. пр-во увидит в прилагаемом списке, который я считаю необходимым передать императорскому министерству **. Но у нас только выбор между затруднениями. Если вначале команды этих судов будут на треть состоять из русских или считающихся таковыми, а затем наполовину и более, то они меньше будут подвержены подозрениям Порты и осмотру, которым она нам угрожает; зло не будет уничтожено, но последствия его будут менее ощутимы. Статья 5-я также будет содействовать этому.

Я имел уже честь обратить внимание в. пр-ва на содержание статьи 6-й. Согласованность в действиях и помочь со стороны наших пограничных властей необходимы. При предоставлении привилегий новым провинциям, присоединенным к Российской империи, и обосновании необходимых при этом отклонений от ранее принятых положений должны достаточно учитываться злоупотребления, которые в результате могут иметь место в Константинополе и в княжествах Молдавия и Валахия.

Предложение не предоставлять больше неаполитанской канцелярии ни навигационных документов, ни фирманс для выхода ее судов в Архипелаг основывается на нарушениях, допускаемых ею слишком часто. Однако необходимо, чтобы эта мера по-силе общих характер и не задевала таким образом какую-то одну миссию. Впрочем, мотивировка этого шага будет весьма убедительной. Россия готова оказать помощь всем дружественным судам, направляющимся в Черное море, вход которым туда запрещен турками. Но все могут свободно выходить из Дарданелл, после того как закончат свои дела в Константинополе. Просьба поднять наш флаг может рассматриваться как стремление добиться особого покровительства, которым пользуется наш флот, и это обстоятельство всегда будет служить почвой для мошенничества и создаст много затруднений. Райя, которой мы откажем, по-

лучит наше покровительство, выдавая себя за неаполитанских подданных. Чтобы избежать такого беспорядка, следует удовлетворять подобные просьбы дружественных держав, вынужденных использовать наш флаг, только в портах метрополии, но ни в коем случае — в самом Константинополе. Неаполитанское, лиссабонское и другие правительства будут обращаться к нашим министрам или генеральным консулам, так же как купцы в С.-Петербурге обращаются в адмиралтейство. Миссия в Константинополе, получив уведомление этим путем, будет готова выдать запрашиваемые судовые документы.

Таковы исходные положения, которые я представил на высокое усмотрение императорского двора и одобрения которых ожидаю, перед тем как приступить к какой-либо реформе. Я знаю, что предполагаемые меры не являются исчерпывающими, но более сильные нанесли бы ущерб нашему престижу, который мы стремимся поддерживать. Они отразились бы слишком чувствительно на нашем черноморском судоходстве и торговле. Некоторые статьи носят паллиативный характер; только статьи 2-я и 3-я позволяют осуществить по нашему усмотрению некоторое сокращение нынешнего состава наших судов. На будущее, однако, будут иметься серьезные гарантии вследствие препятствий, создаваемых для фиктивных продаж. Эта мера при активном содействии в ее осуществлении со стороны судебных инстанций наших портов обещает дать если не полные, то весьма удовлетворительные результаты.

Имею честь...

Барон Строганов

Получено 12 мая 1819 г. Два приложения.

¹ В депеше К. В. Нессельроде Г. А. Строганову от 16 (28) февраля 1819 г. (АВПР, ф. Канделярия, 1818 г., д. 2327, л. 7—8) и в приложенной к ней докладной записке К. В. Нессельроде Александру I (ВПР, сер. вторая, т. II (Х), с. 684—687) рассматривался вопрос об использовании греческими кораблями, принадлежавшими подданным Порты, русского флага. Посольству в Константинополе давалось указание провести мероприятия по постепенной ликвидации этой практики, вызывавшей постоянные протесты Порты.

² Кило (киле) — мера веса, равнявшаяся приблизительно 20 кг.

Приложение 1

Ab N 54

Buyukdéré, 1819

Copie d'un rapport adressé a s. ex. M. le baron de Stroganoff
par M. le conseiller d'Etat Minciaky en date
(de Péra) le 21 mars 1819

V. ex. a daigné m'ordonner de lui présenter un rapport sur la manière avec laquelle les navires des sujets étrangers, et nommément ceux appartenants à des Grecs rayas, sont couverts du pavillon russe, et sur quelle base et avec quels titres les capitaines qui les

commandent obtiennent de la chancellerie de la légation impériale de Constantinople des expéditions pour leur navigation dans l'Archipel et dans la Méditerranée. Elle a voulu aussi que j'y ajoute mes observations sur les moyens de régulariser autant que possible, la delivrance de ces expeditions afin de prévenir les abus et par là toute espèce de plainte de la part des gouvernements auxquels ces navires ont appartenu.

Lorsque j'ai pris la directionl de la chancellerie impériale, l'usage était déjà établi chez nous d'admettre sous notre pavillon les navires étrangers qui, au moyen de ventes simulées, devenaient propriétés apparentes des sujets russes.

Il ne m'appartient point de remonter à la source ou d'examiner les raisons qui ont pu autoriser cet usage. Le fait est qu'il a attiré sous le pavillon russe un nombre considérable de navires, appartenants à toute sorte de nations qui ont un commerce actif avec la Turquie et avec nos possessions de la mer Noire. L'on compte aujourd'hui environ mille de ces batiments, ainsi passés sous notre pavillon. Une bonne moitié appartient à des Grecs de l'Archipel, sujets de la Porte, parmi lesquels figurent, par leur belle marine, les Speciates, les Idriotes, et ceux de l'ile d'Ipsara. Environ cent cinquante navires sont propriété de sujets autrichiens habitant des côtes de Dalmatie, de Raguse etc. Un très petit nombre appartient, en effet, à des négociants russes ou à des russes naturalisés; le reste se partage entre des sujets européens habitant les îles Ioniennes et les côtes de la Méditerranée.

Tous ces navires, et ceux de Grecs en particulier, sont montés par des capitaines et par des équipages de l'île à laquelle ils appartiennent, et ayant leurs maisons et leurs familles dans le lieu de leur naissance. La plupart de ces capitaines sont les véritables propriétaires des vaisseaux qu'ils commandent, avec autorisation et par procuration de l'acheteur apparent, dont le nom n'est là que parce qu'il a obtenu au navire le pavillon russe, moyennant quelque redevance de la part de celui qui le recherche.

J'ai plus d'une fois, et nommément par mon rapport du 14 novembre 1817, eu occasion de désigner à v. ex. les abus qui résultaitent d'un pareil trafic illicite, qui a réveillé la cupidité de plusieurs de nos négociants à fortune médiocre. Elle y a pourvu en quelque sorte par des sages règlements et surtout par celui qui oblige ces acquéreurs de forme à munir leurs navires de patentes impériales données en leur nom.

Ce n'est pas que ces achats simulés ne portent toute l'empreinte de la régularité et de la légalité qu'il faut pour mettre à couvert de tout reproche la mission qui accorde le pavillon auxdits navires, devenus de cette manière propriété des sujets russes.

V. ex. sait que tous ces contrats d'achats se stipulent dans les chancelleries des autres légations européennes et jamais chez nous. Il y en a aussi qui sont stipulés ou à Odessa ou dans d'autres ports de la chrétienteté. Ce n'est pas à nous à examiner comment et sur quel fondement ces stipulations se font dans les dites chancelleries.

Nous sommes parfaitement en règle lorsque l'acquéreur du navire produit un acte authentique pour constater sa nouvelle propriété; et c'est toujours sur de pareils documents et sur un décret de v. ex. que la chancellerie impériale livre les expéditions, après avoir dûment enregistré l'acte de la nouvelle propriété. Les expéditions se donnent au nom du capitaine qui est le plus souvent le véritable propriétaire du navire. L'acquéreur lui en confie le commandement avec ample procuration de le vendre, hypothéquer, etc., suivant les cas et les circonstances. Et c'est par cette pratique constamment observée que le capitaine, en sa qualité de fondé de pouvoirs, devient propriétaire légal de l'objet qu'il a vendu en apparence, tout en conservant les formes d'un simple administrateur.

Telle est la composition de la nombreuse marine russe qu'on voit actuellement dans le canal de Constantinople et dans l'Archipel. Les avantages et les priviléges, dont jouit le pavillon impérial dans les Etats de la Porte, est sans contredit la principale raison qui le fait rechercher par les navigateurs étrangers. Les Grecs de l'Archipel, indépendamment de ce motif puissant et naturel, accourent avec empressement sous ces enseignes, autant à cause de l'attachement inné qu'ils ont pour la Russie, que pour se mettre à couvert des vexations que les Turcs leur font endurer. Quand on songe, cependant, que tel de nos négociants d'ici qui n'est pas en état d'avoir en propre un seul navire, se trouve être, par cette pratique abusivement admise par les chancelleries étrangères de Constantinople, devenu possesseur de quarante ou cinquante vaisseaux, il est impossible de se faire illusion sur la simulation des contrats d'achats par lesquels ces vaisseaux lui sont acquis.

Si cette espèce de désertion clandestine des bâtiments étrangers, pour se mettre sous notre pavillon, a servi, d'un côté, à étendre l'influence et les relations commerciales de la Russie, elle a dû, de l'autre, exciter la jalouse des autres nations et occasionner des plaintes de la part des gouvernements auxquels ces vaisseaux ont appartenu. La Porte surtout ne peut voir avec indifférence la presque totalité de sa marine grecque passer et repasser sous ses yeux avec pavillon russe. Ces plaintes et ses clamours ne peuvent, cependant, être dirigées que contre les chancelleries et les tribunaux qui admettent de pareilles ventes simulées, car, quant à nous, elles sont légales, et la mission est parfaitement en règle dans les expéditions qu'elle délivre à des navires qui sont, en vertu des actes susmentionnés, devenus propriété russe.

Tout ce que ces gouvernements auraient droit de nous contester, c'est la formation des équipages composés en entier de leurs sujets; et en ceci ils sont, s'ils le veulent, parfaitement les maîtres de défendre à ces équipages de servir sur des navires portant un autre pavillon que le leur; et cette seule mesure, si elle venait à être mise à execution, surtout par la Porte, serait suffisante pour faire rentrer une grande partie de ces bâtiments sous les enseignes naturelles du pays auquel ils appartiennent. Il serait contraire à la dignité de la cour impériale, aussi bien qu'à l'heureuse influence qu'elle exerce

sur tous les chrétiens du Levant, qu'une pareille mesure ou toute autre démarche possible eussent à produire l'effet de voir diminuer ou disparaître cette belle marine, surtout d'Idriotes et de Speciotes, nonobstant que dans le fond elle soit factice pour nous. Le crédit d'opinion équivaut et surpassé souvent le crédit réel. Il faut, à mon avis, maintenir cette marine telle qu'elle est et songer à écarter soigneusement et adroitemment tout ce qui peut causer des réclamations fondées, sans s'embarasser de celles qui ne pourront point nous atteindre.

Pour y parvenir, autant que les circonstances et la nature des choses le rendent possible, j'oserais proposer à v. ex:

1. De couper court à toute nouvelle admission sous le pavillon russe des navires dont les achats ne seront point stipulés dans la chancellerie impériale à Constantinople ou dans celles des consulats généraux du Levant, sous défense expresse auxdites chancelleries de n'admettre que des achats réels et d'écarter tout ce qui pourrait porter l'empreinte d'une collusion entre le vendeur et l'acheteur. Pour parvenir plus sûrement à ce but , il faudra établir pour bases de ce contrat: 1. que la faculté d'acheter des batiments est accordée aux seuls négociants russes de première classe ou à un fondé de pouvoir russe qui achète au nom et pour compte d'un négociant russe de première classe; 2. que l'acheteur russe déclare sous serment qu'il achète le navire pour lui-même ou pour son commettant, et qu'il ne prête point son nom à des étrangers; 3. que l'acheteur du bâtiment sera personnellement responsable des faits de son capitaine; 4. que l'achat des batiments soit nommément défendu à tout sujet étranger sans distinction qui se présenterait comme fondé de pouvoir d'un négociant russe de première classe. Toutes ces mesures auront pour objet d'arrêter le passage illégal déjà trop visible des vaisseaux étrangers sous notre pavillon. Elles. fixeront notre marine actuelle au nombre assez considérable des navires dont cette marine se compose présentement, et fermeront la porte à toute jalouse et réclamation subséquentes.

2. D'écarter petit à petit de la protection tous les bâtiments qui sont d'une portée moindre de quatre mille kilos. Il s'en trouve encore de cette catégorie qui sont d'ancienne acquisition. Ils font souvent la contrebande dans le canal, et ce sont eux qui occasionnent des contestations fréquentes avec le gouvernement turc. Cette opération peut se faire de loin en loin, par des refus d'expéditions et en insinuant aux propriétaires apparents de se défaire de ces petits navires.

3. D'ôter sans ménagement le pavillon aux navires dont les capitaines sont connus par leur mauvaise conduite, et du moment qu'ils auront donné un sujet grave de plainte contre eux.

4. De forcer tous les soi-disants propriétaires de navires à avoir à bord un tiers d'équipage composé de Russes ou d'étrangers non sujets de la Porte, et que les individus ce tiers d'équipage soient munis de passeports personnels, soit ici, soit dans les ports de la mer Noire, avant que le batiment mette à la voile.

NB. Cette mesure, quoique nécessaire à l'objet qu'on a en vué, sera néanmoins d'une difficile exécution surtout pour les capitaines et équipages grecs dont les habitudes et les intérêts sont en opposition avec l'admission à leur bord de ce tiers d'étrangers. D'apres la connaissance que j'ai des moeurs et des intérêts de ces navigateurs, surtout des Indriotes et des Spécioites, il sera plus aisé de réduire les capitaines actuels et un tiers de l'équipage à se naturaliser russes, plutôt que d'admettre des étrangers à leur bord, si toutefois cette naturalisation pouvait être compatible avec les règlements existants.

5. De forcer ces mêmes propriétaires de forme à ne destiner au commandement de leurs navires que des capitaines russes ou étrangers non-sujets de la Porte, au nom desquels les expéditions et les firmans seraient désormais délivrés. Les capitaines actuels, qui sont ordinairement les propriétaires véritables des navires resteraient à bord comme directeurs, et l'administration du navire, ainsi que le capitaine du pavillon lui seraient subordonnées, sans que son nom paraisse dans aucun papier public.

6. De faire en sorte que ces mesures soient également et strictement observées dans nos ports de la mer Noire à l'égard de tous les vaisseaux qui appartiennent à la classe des achats simulés. Sans un union parfaite d'actions et d'intentions entre la mission de Constantinople et les autorités supérieures des ports de la mer Noire, aucune des mesures proposées dans les articles qui précèdent, ne saurait avoir un effet complètement satisfaisant.

7. De ne plus accorder à la chancellerie de Naples ni expéditions ni firmans pour la sortie des navires napolitains dans l'Archipel. Tous les petits bâtiments rayas qui, en vertu des règlements existants ne peuvent plus recevoir le pavillon russe, ayant trouvé moyen d'obtenir, sur la demande de la chancellerie des Deux-Sicils, des expéditions de nous sous des noms simulés; la plupart de ces bâtiments se servent de ces expéditions pour faire, sous notre pavillon, la contrebande dans le canal, ce qui fournit souvent aux Turcs matière de plainte contre la protection dont ces navires font un usage aussi abusif que répréhensible.

Tels sont les réformes et les règlements que je regarde comme salutaires et propres à éloigner pour l'avenir toute plainte légitime de la part des gouvernements étrangers; et quoique par la nature des choses et des hommes avec lesquels on a à faire, ces mesures soient d'une exécution difficile, j'ose toutefois les soumettre à la pénétration éclairée de v. ex. dans la ferme persuasion où je suis qu'on a le désir de ne point renoncer entièrement à l'influence et au crédit que notre marine dans l'Archipel procure à la cour impérial sur les peuples du Levant.

Que si, contre toute attente, l'on adaptait pour principe invariable de faire rentrer dans leur protection naturelle tous les navires qui se trouvent aujourd'hui couverts du pavillon russe, à la faveur d'achats simulés, cette opération, qui frapperait la presque totalité de notre marine marchande, ne peut se faire que très lentement, sans affectation, et en adoptant pour les uns le mode proposé

dans l'article 2 du présent rapport, et le refus pour les autres de renouveler la patente impériale de navigation, à mesure que les vieilles patentnes seront périmées.

АВПР, ф. Канцелярия, 1819 г., д. 2328, л. 9—15. Копия.

Перевод

К № 54

Буюкдере, 1819 г.

Копия донесения г-на статского советника Минчаки
е. пр-ву г-ну барону Строганову

Перса, 21 марта 1819 г.

В. пр-во соблаговолил приказать мне представить докладную записку относительно использования русского флага судами, принадлежащими иностранным подданным, а конкретно — греческой рапие: на каком основании их капитаны получают судовые документы для плавания в архипелаге и Средиземном море в канцелярии императорской миссии в Константинополе. Вы пожелали также, чтобы я присовокупил к этому соображения относительно мер для наведения порядка, по возможности, в деле выдачи этих документов, для того чтобы предупредить злоупотребления и тем самым всякого рода жалобы со стороны правительства, которым принадлежат эти суда.

К тому времени, когда я принял заведование императорской канцелярией, у нас уже установился обычай принятия под наш флаг иностранных судов, ставших посредством фиктивных продаж мнимым имуществом русских подданных.

В мою компетенцию не входит обращаться к истокам или рассматривать причины, которые могли узаконить этот обычай. Осается фактом, что он привлек под русский флаг значительное число судов, принадлежащих разным нациям, которые ведут активную торговлю с Турцией и нашими владениями на Черном море. Этых судов, перешедших таким способом под русский флаг, насчитывается сегодня около тысячи. Добрая половина их принадлежит грекам Архипелага, подданным Порты. Среди них — имеющие превосходный флот специоты, идиоты и жители острова Ипсара. Около 150 судов принадлежит австрийским подданным — жителям побережья Далмации, Рагузы и т. д. Весьма небольшое число действительно принадлежит русским купцам или натурализованным русским; остальные распределены между европейскими подданными — жителями Ионических островов и побережья Средиземного моря.

Капитанами и членами экипажей всех этих судов, в особенности греческих, являются жители островов, которым эти суда принадлежат. Их семьи и дома находятся на их родине. Большая часть капитанов этих судов являются действительными собственниками этих судов, находящихся под их командованием, имея разрешение и доверенность фиктивного покупателя, фамилия

которого фигурирует только потому, что он добился получения русского флага для судна в обмен на определенное вознаграждение со стороны домогавшегося его.

Неоднократно, в частности, в донесении от 14 ноября 1817 г., я имел случай указать в. пр-ву на злоупотребления, происходящие в результате этой недозволенной торговли, возбудившей алчность некоторых наших купцов среднего достатка.

Ее в какой-то степени сдерживали разумные предписания, главным образом то из них, которое обязывает этих фиктивных покупателей снабжать свои суда императорскими патентами, выданными на их имя.

Не следует полагать, что фиктивные эти продажи не носят полностью отпечатка точного соблюдения правил и законности, необходимого для того, чтобы избежать любых упреков в адрес миссии, предоставляющей флаг этим судам, которые таким образом стали собственностью русских подданных.

В. пр-ву известно, что все эти контракты о купле заключаются в канцеляриях других европейских миссий и никогда у нас. Среди них есть и такие, которые были заключены в Одессе или других портах христианского мира. В наши функции не входит рассмотрение того, как и на каких основаниях происходит заключение этих сделок в указанных канцеляриях. Когда покупатель представляет подлинный документ, удостоверяющий его новую собственность, мы действуем с полным соблюдением всех требований закона: только на основании подобных документов и резолюции в. пр-ва императорская канцелярия выдает судовые документы после регистрации должным образом акта на новую собственность. Навигационные документы выдаются на имя капитана, который чаще всего и является настоящим собственником судна. Покупатель вручает ему командование судном с обширными полномочиями продавать его, закладывать и т. п. в зависимости от случая и обстоятельств. Посредством этой постоянно соблюданной практики капитан в своем качестве уполномоченного снова становится законным собственником фиктивно проданного им предмета, формально оставаясь только простым администратором.

Таков состав многочисленного русского флота, который мы видим ныне в Константинопольском проливе и в архипелаге. Льготы и привилегии, которыми пользуется императорский флаг во владениях Порты, несомненно, является главной причиной, побуждающей добиваться его иностранными мореходами. Помимо этого сильного и естественного мотива, греков Архипелага побуждают нетерпеливо стремиться под сень этого флага также их врожденная привязанность к России и стремление найти защиту от притеснений, которым их подвергают турки.

Когда думаешь, однако, что такой-то из наших здешних купцов, который не в состоянии иметь одно собственное судно, стал в результате этой практики, незаконно допускаемой иностранными канцеляриями Константинополя, владельцем 40 или 50 су-

дов, то нельзя сомневаться относительно фиктивности контрактов, в результате которых эти суда приобретены.

Если, такого рода тайное бегство иностранных судов с целью получить наше покровительство служило, с одной стороны, расширению влияния и торговых связей России, то с другой стороны, оно должно возбуждать зависть других наций и вызывать нарекания правительства, которым принадлежали эти суда. Порта, в первую очередь, не может относиться безразлично к тому, что на ее глазах, почти весь греческий флот, проходит, то в одну то в другую сторону, под русским флагом. Эти жалобы и крики, однако, должны направляться в адрес канцелярий и судебных палат, допускающих подобные фиктивные продажи, так как для нас они являются законными и миссия действует абсолютно на законном основании, выдавая навигационные документы судам, ставшим на основании вышеуказанных актов русской собственностью.

Единственно в чем эти правительства имели бы основание предъявить к нам претензии — это состав команд, полностью состоящих из их подданных; по здесь они имеют полную возможность, если захотят, запретить этим командам служить на судах не под их флагом; этой меры было бы достаточно, особенно если бы она была осуществлена Портой для того, чтобы большая часть этих судов снова подняла флаг страны, которой они принадлежат. Был бы нанесен ущерб престижу императорского двора и благотворному влиянию, которым он пользуется у всех христиан Леванта, если бы подобная мера или другой возможный шаг могли создать впечатление уменьшения или исчезновения этого отличного флота, в особенности флота идриотов и специотов, хотя и для нас он по существу и является мнимым. Вес мнения равен и зачастую превосходит реальный вес. Необходимо, как мне кажется, сохранить этот флот таким, какой он есть, и подумать о том, чтобы тщательно и умело избегать всего, что может вызвать обоснованные нарекания, не обращая внимания на те, которые не могут в какой-либо мере нас задеть.

Чтобы добиться этого в той мере, как это позволяют обстоятельства и характер дела, осмеливаюсь предложить в. пр-ву:

1. Полностью прекратить всякое новое предоставление русского флага судам, покупка которых не будет заключена в императорской канцелярии в Константинополе или в канцеляриях генеральных консульств Леванта, дав определенное указание этим канцеляриям разрешать только подлинные покупки и избегать всего, что могло бы носить печать словеса между продавцом и покупателем. Для более успешного достижения этой цели необходимо, чтобы в основу договора легли следующие положения:
1. Право покупки предоставляется только русским купцам первой гильдии или уполномоченному — русскому, который производит покупку от имени и за счет русского купца первой гильдии.
2. Русский покупатель приносит присягу, что он приобретает судно для себя лично или своего доверителя и что он не предо-

ставит взаймы своей фамилии иностранцам. 3. Покупатель судна будет нести личную ответственность за действия своего капитана, 4. Покупка судов определенно запрещается любому, без каких-либо исключений, иностранному подданиму, который представился бы как уполномоченный русского купца первой гильдии. Все эти меры будут иметь целью приостановить нелегальный, но уже слишком заметный переход иностранных судов под наш флаг. Они зафиксируют размер нашего флота в том достаточно большом количестве кораблей, которые составляют его в настоящее время и закроют дверь всяким нареканиям и зависти в будущем.

2. Постепенно лишать покровительства суда грузоподъемностью менее 4 тыс. кило. Есть еще суда этой категории прежних приобретений. Нередко они занимаются контрабандой в проливе, что часто приводит к спорам с турецким правительством. Этую операцию можно провести постепенно, посредством отказа в выдаче навигационных документов и внушая номинальным собственникам, чтобы они избавились от этих небольших судов.

3. Без особых церемоний лишать флага суда, капитаны которых известны своим плохим поведением, сразу же, как только они дадут серьезный повод для жалоб.

4. Заставить всех так называемых собственников судов иметь на борту треть экипажа из русских или иностранцев, не являющихся подданными Порты, и снабдить людей, входящих в эту треть экипажа, личными паспортами здесь или в портах Черного моря перед отплытием судов.

НВ. Эту меру, хотя и необходимую для достижения поставленной цели, будет, однако, трудно осуществить, особенно в отношении греческих капитанов и команд, обычай и интересы которых противоречат допущению на борт их судов этой трети иностранцев. Насколько я знаю обычай и интересы эти моряков, в особенности идириотов и специотов, легче будет побудить нынешних капитанов и треть команды принять русское подданство, если эта натурализация совместима с существующими постановлениями, чем заставить их принять иностранцев на свои суда.

5. Заставить тех же номинальных собственников поручать командование на своих судах только русским капитанам или иностранцам, не являющимся подданными Порты, на имя которых впредь будут выписываться навигационные документы и фирманы. Нынешние капитаны, которые являются, как правило, подлинными собственниками судов, останутся на борту в функции директора. Он управлял бы кораблем и капитан флага подчинялся бы ему, хотя его имя и не фигурировало бы ни в каких официальных документах.

6. Сделать так, чтобы эти меры также строго проводились в жизнь в наших черноморских портах в отношении всех судов, которые были фиктивно проданы. Без полного единства в действиях и намерениях между миссией в Константинополе и высшим начальством черноморских портов ни одна из мер, предложен-

ных выше, не могла бы дать полностью удовлетворительный результат.

7. Больше не выдавать ни навигационных документов, ни фирмансов неаполитанской канцелярии на выход неаполитанских судов в Архипелаг. Все небольшие суда райи, которые в силу существующих правил больше не могут получать русский флаг, нашли способ получать от нас по просьбе канцелярий Королевства обеих Сицилий и навигационные документы на фиктивные фамилии; большинство этих судов пользуются этими документами для того, чтобы заниматься под нашим флагом контрабандой в проливе, что часто дает туркам повод для жалоб на покровительство, которое эти суда используют для незаконных и заслуживающих порицания действий.

Таковы изменения и правила, которые, как мне думается, являются спасительными и пригодными для избежания в будущем любых законных жалоб со стороны иностранных правительств. Хотя осуществить эти меры, учитывая характер вещей и людей, с которыми приходится иметь дело, будет нелегко, тем не менее осмеливаюсь представить их на просвещенное усмотрение в. пр-ва исходя при этом из твердого убеждения, что есть желание не отказываться полностью от влияния и престижа среди народов Леванта, которые доставляет императорскому двору наш флот в Архипелаге.

Если же сверх всякого ожидания будет принят как твердый принцип возвращение всех судов, которые в результате фиктивных покупок носят сегодня русский флаг, под их естественное покровительство, то эта операция, которая затронет почти весь наш торговый флот, должна протекать весьма медленно и спокойно с применением в отношении одних способа, предложенного в статье 2 настоящего донесения, а в отношении других — отказа в возобновлении императорских навигационных патентов по мере того, как срок действия старых патентов будет истекать.

Приложение 2

Ad N 54

Buyukdéré, 1819

Liste des bâtiments des îles d'Idra, Spezzia et Ipsara,
aussi que de leurs principaux propriétaires

L'île d'Idra

80 navires de la portée de 10 mille à 23 mille kilos, tous dans le meilleur état possible, qui auront coûté 15, 20 et 35 mille tal-laris¹ l'un; dirigés chacun de 35 à 60 personnes d'équipage.

Principaux propriétaires

La famille Condourietti
Zamadho
Boudouri
Gioni

La famille Gica
Tombazi
Vulgari]
Orlando

Oeconomus
Fono
Kriazi

Miaouly
Sahiny

L'île de Spezzia

90 navires de la portée de 10 à 17 mille kilos, tous dans le meilleur état possible, qui auront coûté de 10, 12 à 18 mille tallaris l'un; dirigés chacun de 30 à 50 personnes d'équipage.

Principaux propriétaires

La famille Mexi
Anargiry
Botassi
Orloff
Couzzi
Boubly

La family Giny
Chrissina
Boukouri
Panno
Colandrouzi
Bambi

L'île d'Ipsara

76 navires en activité.

8 sur le chantier.

84 de la portée de 7 a 14 mille kilos, tous dans le meilleur état possible, qui auront coûté de 8, 10 à 16 mille tallaris l'un; dirigés chacun de 30 à 40 personnes d'équipage.

Principaux propriétaires

La famille Cogdia
Calimeri
Domestini
Couzonki
Kiparissi
Pappa

La famille Kiriako
Gianizzi
Zanni
Scandali
Giannari
Cacavi

АВПР, ф. Канцелярия, 1819 г., д. 2328, л. 16—17. Подлинник.

Перевод

к № 54

Буюкдере, 1819 г.

Список судов островов Идры, Спецце и Ипсарры,
а также их главных собственников

Остров Идра

80 судов грузоподъемностью от 10 тыс. до 23 тыс. кило, все в наилучшем состоянии, стоимостью каждого 15, 20 и 35 тыс. талеров¹; команда каждого насчитывает от 35 до 60 человек.

Главные собственники

Семья Кондуриотти
» Замадо
» Будури
» Гъони
» Гика
» Томбази
» Вулгари

Семья Орландо
» Экономус
» Фоно
» Криази
» Миаули
» Сахини

Остров Спецце

90 судов грузоподъемностью от 10 до 17 тыс. кило, все в наилучшем состоянии, стоимостью от 10—12 до 18 тыс. талеров каждого; команда каждого насчитывает от 30 до 50 человек.

Главные собственники

Семья Мекси	Семья Гини
» Анаргири	» Хриссина
» Ботасси	» Букури
» Орлов	» Панно
» Куззи	» Коландрузи
» Бубли	» Бамби

Остров Ипсарра

84 судна (76 действующих, 8 в постройке) грузоподъемностью от 7 до 14 тыс. кило, все в наилучшем состоянии, стоимость каждого от 8—10 до 16 тыс. талеров; команда каждого насчитывает от 30 до 40 человек.

Главные собственники

Семья Коджа	Семья Кирьяко
» Калимери	» Гьяннисси
» Доместиини	» Занни
» Кузуки	» Скандали
» Кипарисси	» Гьяннари
» Пацца	» Какави

¹ Талер — название распространенных в Западной Европе в XVIII—XIX вв. серебряных монет различной ценности. Талер, имевший хождение на Ионических островах, в 1816 г. приблизительно равнялся 4 руб. ассигнациями (АВПР, ф. Канцелярия, 1819 г., д. 328, л. 8).

Записка анонимного автора о положении Ионических островов под британским протекторатом (1820)

О. В. МЕДВЕДЕВА

1 (13) апреля 1820 г. консул на о-ве Занте (Закинф) А. Ф. Сандрини направил в российское министерство иностранных дел депешу № 67, в которой сообщал о речи английского верховного комиссара на Ионических островах Т. Мэйтленда на открытии парламента Соединенных Штатов Ионических островов третьего созыва 24 февраля (7 марта) 1820 г.¹

К своей депеше Сандрини приложил два номера местной газеты *Gazzetta degli Stati Uniti delle isole Jonie**, где были опубликованы эта речь и ответное выступление президента сената барона Теотоки, полностью одобравшего все, о чем говорил верховный комиссар².

Речь Мэйтленда звучала гимном английскому господству на островах: финансы их находятся в отличном состоянии; острова благоденствуют и процветают; деятельность английской администрации увеличивает доходы островов и способствует улучшению благосостояния их жителей; деятельность сената Ионического государства достойна всяческих похвал; государственные служащие получают большое жалованье вследствие прочного финансового положения; восстание же, имевшее место на о-ве Св. Мавры (Левкас), было инспирировано противниками англичан и не имело реальных причин.

Сами по себе эти речи не являлись чем-то необычным для английской официальной характеристики положения на Ионических островах под «покровительством» Великобритании. Но депеша имела приложение иного рода, о котором А. Ф. Сандрини писал К. В. Нессельроде, что «посчитал своим долгом приложить составленный здесь (на Островах. — *O. M.*) документ, который ему удалось заполучить, освещающий факты и одновременно служащий раскрытию истины»³.

Документ этот озаглавлен «Откровенные мысли жителя Семи островов по содержанию речи верховного комиссара, произнесенной в день первого заседания парламента третьего созыва этих Штатов, 24 февраля (7 марта) 1820 г., а также по содержанию кратких ответов президента сената барона Теотоки»⁴.

Для того чтобы лучше понять ход мыслей анонимного автора и правильно оценить его записку, необходимо, хотя бы кратко, дать историческую канву событий, упоминаемых в документе.

* Газета Соединенных Штатов Ионических островов (итал.).

В XV—XVI вв. турки-османы покорили почти всю Грецию. Но венецианцам — основным соперникам османов в борьбе за греческие земли — удалось удержать под своей властью Ионические острова и несколько прибрежных городов Эпира. Еще в XV—XVIII вв. в Греции вспыхивали восстания против османского господства. Но особый размах освободительная борьба греческого народа начала принимать в конце XVIII в. В этот период формируется политическая и идеологическая платформа национально-освободительного движения, появляются первые революционные организации, выдвигаются руководители общегреческого масштаба, такие, как Ригас Велестинлис. Для формирования греческого национально-освободительного движения огромное значение имели важные политические события той эпохи: русско-турецкие войны конца XVIII в. и Великая французская революция⁵. Важнейшим очагом освободительной борьбы греческого народа в течение ряда лет были Ионические острова. По русско-турецкой конвенции от 21 марта (1 апреля) 1800 г.⁶ из бывших венецианских владений на островах Ионического моря было создано самостоятельное государство — Республика Семи Соединенных Островов — под гарантшей и покровительством России. Согласно конвенции, турецкий султан оставался сузереном новой республики и она обязана была выплачивать Порте вассальную дань. Несмотря на то что суверенитет нового государства был сильно ограничен, создание и само существование Республики в течение восьми лет (1800—1807) сыграло большую роль в развитии греческого освободительного движения. Роль России в образовании Республики и первые конституции молодого греческого государства (1799 и 1803), выработанные при активном ее участии⁷, укрепляли в греческом народе привязанность к России.

В 1807 г. по Тильзитскому миру Ионические острова отошли к Франции⁸. Русская эскадра под командованием Д. Н. Сенявина покинула острова. Республика Семи Соединенных Островов, первое греческое национальное государство, перестала существовать. Два года спустя, в 1809—1810 гг., Ионические острова (кроме о-ва Корфу) были захвачены англичанами.

Разгром наполеоновских войск вновь возродил надежду у греческого народа на восстановление республики. 9 (21) мая 1814 г. сенат Семи Островов издал акт, переданный находившемуся на русской службе бывшему государственному секретарю Ионической республики И. А. Кацодистрию для вручения Александру I и уполномоченным других держав на предстоящем конгрессе в Вене. В акте содержалась просьба к державам-союзницам формально признать Ионическую республику.

В письме от того же числа вице-председатель сената Сардина просил Кацодистрию отстаивать дело Ионических островов на предстоящем конгрессе⁹.

И. А. Кацодистрия в своем ответе сенату от 15 июля 1814 г. обещал содействовать благоприятному решению ионического вопроса. Но он обратил внимание сената на то, что официально

представлять Ионические острова на Венском конгрессе не сможет, так как находится на русской службе, и просил прислать специального уполномоченного. Но командующий английскими войсками на Островах генерал Дж. Кэмпбелл воспрепятствовал приезду этого уполномоченного¹⁰.

Вокруг статуса Ионических островов на Венском конгрессе развернулась ожесточенная борьба между Австрией, Англией и Россией. Наиболее энергичным и влиятельным защитником их интересов в окружении Александра I был И. А. Кацодистрия. 23 сентября (5 октября) 1814 г. в Вене он представил царю записку об Ионических островах, в которой единственным решением ионической проблемы считал восстановление Республики на островах с присоединением к ним прибрежных городов Превезы, Вонницы и Бутринто, ранее также входивших в венецианские владения¹¹.

Кацодистрия прекрасно понимал, что маленькое государство, не имеющее своих материальных ресурсов и вооруженных сил, не сможет существовать в тех условиях самостоятельно. В новой военно-политической ситуации, создавшейся после наполеоновских войн, Россия не могла снова взять на себя «покровительство» Ионическим островам. На эту роль претендовала Англия, осуществлявшая фактический контроль над Островами, а также Австрия, значительно укрепившая свои позиции на Западных Балканах. Но русское правительство опасалось, что Австрия, получив во владения Ионические острова, использует их для усиления своего влияния на Порту, что значительно ослабило бы позиции России в этом районе, а также учитывало желание большинства жителей Островов, которые, выступая против раздела их родины между великими державами, предпочитали английский протекторат австрийскому господству¹². Габсбургская монархия зарекомендовала себя беспощадным подавлением национальных стремлений народов: именно Австрия выступила пособницей Порты в расправе над Ригасом Велестилисом и его товарищами. В отношении же Англии Кацодистрия считал, что конституционные и либеральные традиции этой державы могут в определенной степени гарантировать гражданские права, а ее морские силы — способствовать экономическому процветанию островов. Кацодистрия приложил все силы к тому, чтобы, насколько возможно, обеспечить Ионическим островам гражданские свободы в условиях протектората Великобритании¹³.

В результате длительных англо-русских переговоров 5 ноября 1815 г. в Париже был подписан договор между Россией и Великобританией о создании на Ионических островах «свободного и независимого государства» с собственным торговым флагом под английским протекторатом. Согласно договору, Англия обязана была оказывать «особое попечение как о законодательстве, так и об общем управлении государством». Для осуществления этих прав принцип-регентом Великобритании назначался лорд — верховный комиссар, наделенный надлежащей властью. Под его ру-

ководством должна была вестись разработка конституции нового государства — Соединенных Штатов Ионических островов. Под военный контроль державы-покровительницы переходили на неограниченный срок все порты и крепости нового государства. Гарантами нового политического статуса Ионических островов становились наряду с Россией Австрия и Пруссия¹⁴.

Во время парижских переговоров по ионическому вопросу английские дипломаты выражали готовность пойти навстречу желаниям Каподистрии лично участвовать в разработке конституции нового греческого государства. Но после подписания Парижского договора министр иностранных дел Великобритании Р. С. Каслри заявил российскому статс-секретарю, что британский кабинет удовлетворится получением от него записки с изложением его точки зрения на политическое устройство нового ионического государства. Каподистрия вынужден был согласиться. В записке «Замечания о внутреннем положении Ионических островов» он дал краткий экскурс в историю Семи островов со времен Венецианской республики, объяснял их административное устройство, стремясь убедить английское правительство в необходимости уважать национальную автономию островов. Он рекомендовал в деле административного устройства предоставить жителям Ионических островов больше самостоятельности, подчеркивая, что английские должностные лица не должны принимать непосредственного участия в управлении страной и в создании ее законов¹⁵.

Но надежды греков на восстановление национальной автономии не оправдались. В феврале 1816 г. Кэмпбелла сменил лорд — верховный комиссар Т. Мэйтленд, который без ведома сената назначал и смешал чиновников, контролировал сбор налогов, распускал местные власти. Российские консульские представители в районе Адриатического моря сразу же обратили внимание на произвольные действия британского верховного комиссара. Так, консул в Венеции С. Н. Наранци, отмечая прибытие Мэйтленда в Венецию в октябре 1817 г., доносил в С.-Петербург, что верховный комиссар стремится исказить смысл договора об Ионических островах, «старается свести Семь островов на положение подлинно английской колонии и погасить в сердцах ее жителей всякое чувство привязанности к России»¹⁶.

О самоуправстве английских властей на Ионических островах тот же Наранци в марте 1818 г. писал, «что пышные наименования, вроде парламента, сената... в сущности лишены смысла. При новых назначениях на лучшие посты государственных чиновников предпочтение было отдано многим англичанам. Но на подобные должности не назначаются все те, кого могли заподозрить или действительно подозревают в привязанности к России»¹⁷.

Характерно, что управление Ионическими островами было отнесено к ведомству министерства колоний Великобритании и введенная в 1817 г. конституция Соединенных Штатов Иониче-

ских островов была выработана в этом министерстве¹⁸. Она закрепляла всю полноту власти в руках верховного комиссара. В ответ на замечания посла в Лондоне Х. А. Ливена, что записанные в конституции свободы ограничены из-за широких полномочий британского комиссара, Батерст заявил, что важно было «уравновесить полноту предоставляемой пачи свободы с моральными склонностями, которыми она обладает, и с ее способностью познать подлинный смысл этой свободы»¹⁹. Но Учредительное собрание, созванное Мэйтлендом в мае 1817 г., одобрило эту конституцию.

Установление протектората Англии над Ионическими островами вызвало раскол среди местной правящей верхушки, состоявшей в основном из аристократии. Те, кто безропотно принял систему британского правления, получив взамен доступ к участию в местной администрации, получили название «боязливые». Но были и другие, выступавшие за изменение конституции 1817 г., они объединились в партию «независимцев»²⁰.

Большое значение для роста оппозиционных настроений среди ионитян имела уступка Англией Порте г. Парги. Уступку эту английское правительство рассматривало как «прекрасный случай» ускорить присоединение Турции к Парижскому договору об Ионических островах²¹. Однако она вызвала возмущение не только на Островах, но и по всей Греции, так как фактически означала переход Парги в руки ее врага Али-паши Янинского, защиты от которого неоднократно просили жители Ионической республики²². Все четырехтысячное население этого города решило эмигрировать. В результате длительных переговоров о компенсации гражданам за оставляемое ими имущество паргиоты получили 500 тыс. талеров вместо установленных ранее английскими властями 2 млн. 300 тыс. талеров²³.

Неблагополучие на Ионических островах, связанное с деятельностью английской администрации, наблюдал во время своего пребывания на родине — мае 1819 г. И. А. Каподистрия. В письме, направленном им 11 (23) апреля 1819 г. с о-ва Корфу посланнику в Константинополе Г. А. Строганову, он дал характеристику политики Англии на Островах как направленную на насильственное подавление национальных устремлений греков и чреватую поэтому опасностью революции²⁴.

Безусловно, существовала связь между поездкой Каподистрии на родину и последовавшим затем его визитом в Лондон.

Статс-секретарь испросил разрешение у Александра I на эту поездку и на объяснения по поводу положения на Ионических островах, на что получил согласие²⁵. Александр I направил также личные письма Веллингтону и Каслри, в которых просил их содействовать улучшению положения жителей Ионических островов²⁶. В письме к К. В. Нессельроде от 3 (15) сентября 1819 г. во время своего пребывания в Лондоне Каподистрия уведомлял его, что имел беседы с Каслри, Веллингтоном и Батерстом по делам Ионических островов, а также был принят принцем-реген-

том. В ходе беседы с Батерстом он передал жалобы своих соотечественников и министр колоний попросил его изложить свои пожелания²⁷. Свои замечания о положении на Ионических островах Каподистрия изложил позже в записке от 1 (13) октября, которая была направлена Батерсту 6 (18) октября 1819 г.²⁸.

Как бы в подтверждение опасений российского кабинета по поводу неблагополучия на Ионических островах 16 (28) сентября вспыхнуло восстание крестьян на о-ве Св. Мавры. В донесениях российских консулов — Л. П. Бенаки (Барлетта), А. Сандрини (Занте), С. Папандопуло (Корфу), — хранящихся в Архиве внешней политики России, дается подробная картина восстания²⁹.

Поводом к открытому выступлению послужило постановление сената Ионических островов о введении новых обременительных налогов на скот, вино и даже воду. В момент, когда это постановление должно было вступить в силу, жители деревни Сфакья собрались в церковь и поклялись сопротивляться введению новых налогов. Затем, объединившись с жителями соседних деревень, 4 тыс. вооруженных крестьян двинулись к главному городу острова, где навстречу им вышел английский комендант с отрядом солдат местного гарнизона. Он предложил восставшим изложить свои требования в письменном виде для передачи правительству Ионических островов.

Крестьяне подали петицию с требованием отмены налогов, разрешения торговли с материком и уменьшения чрезмерно высокого жалованья государственным чиновникам. Однако комендант не направил петицию восставших правительству, а, получив военное подкрепление с Корфу, жестоко подавил восстание. Деревня Сфакья была сожжена, много крестьян убито³⁰. В прокламациях Ф. Адамса, замещавшего в это время Мэйтленда, опубликованных 6 (18) и 8 (20) октября 1819 г. в «Газете Соединенных Штатов Ионических Островов», сообщалось, что принятые самые жестокие меры для установления порядка и учреждена следственная комиссия для наказания виновных³¹. Четверо руководителей восстания, в том числе священники Аспрогеракас и Ставроскидиасис, были повешены³².

В С.-Петербурге на основании изложенных выше донесений консулов было составлено резюме «Обзор известий, полученных в С.-Петербурге». Управляющий министерством иностранных дел К. В. Нессельроде направил 22 ноября (4 декабря) 1819 г. этот документ Х. А. Ливену в Лондон с предписанием Александра I привлечь самое серьезное внимание британского правительства к событиям на о-ве Св. Мавры³³.

Депеша № 67 с приложенными к ней запиской анонимного автора и номером газеты была направлена в июле 1820 г. И. А. Каподистрий британскому правительству. При этом в личном письме послу в Лондоне Х. А. Ливену статс-секретарь писал: «...Британскому правительству угодно было повторить, что мои личные предубеждения побуждают только меня и некоторых моих друзей усматривать произвольные и притеснительные меры во

всех мероприятий, проводившихся генералом Мэйтлендом с момента его назначения на этот высокий пост. Судя по записке лорда Батерста³⁴ можно сказать, что искусство, с каким я умею представлять претензии Семи островов, является единственным основанием для них. Если Вы соблаговолите просмотреть прилагаемый документ, то Вам легко будет убедиться, г-н граф, в том, что оба эти утверждения в равной степени ложны. Посылаемое мною опровержение речей, произнесенных или продиктованных генералом Мэйтлендом, не оставляет никаких сомнений в обоих этих случаях, и я персылаю эти документы в оригинале вместе с сопроводительной депешей, чтобы доказать Вам, что я не винил нашemu консулу в Занте и не составлял той записи, которую он посыпает нам». Предписывалось при случае зачитать Веллингтону опровержение, о котором идет речь. «Оно указывает на приводившиеся мной факты и тем самым доказывает, как я только что сказал, что любой беспристрастный наблюдатель рассматривает их таким же образом и делает отсюда те же самые выводы». В постскриптуре своего письма Каподистрия просил прислать ему документы обратно, когда они больше не будут нужны Ливену³⁵.

Депеша Сандрини с приложениями была возвращена Ливеном в сентябре 1820 г. после того, как с содержанием документов ознакомились Батерст и Веллингтон³⁶.

Российский консул не называл автора этого документа (возможно, он и не знал его). Но судя по осведомленности автора записи он принадлежал к верхушке правящей чиновно-аристократической прослойки, а антианглийская направленность документа свидетельствует о том, что его автор примыкал к ионической оппозиции.

В документе дается подробный сопоставительный анализ речи Мэйтленда и действительного положения на островах. Он представляет большой интерес с точки зрения реакции населения на политику угнетения, проводимую здесь англичанами, и для оценки экономического и политического положения в стране в тот период.

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1820 г., д. 12386, л. 57. Депеша А. Ф. Сандрини К. В. Нессельроде от 1 (13) апреля 1820 г.

² Там же, л. 69—77.

³ Там же, л. 57.

⁴ Там же, л. 59—68.

⁵ Подробнее об этом см.: Ариш Г. Л. Этеристское движение в России. М., 1970, с. 77—128; Станиславская А. Н. Россия и Греция в конце XVIII—начале XIX века. М., 1976, с. 289—297.

⁶ ВПР, сер. первая, т. I, с. 704—706.

⁷ ВПР, сер. первая, т. I, примеч. 87, 88, 151, 152, 298.

⁸ ВПР, сер. первая, т. III, док. 259.

⁹ Rodocanachi E. Bonaparte et les Iles Ioniennes (1797—1816). Paris, 1899, p. 248—250; ВПР, сер. первая, т. VIII, примеч. 26.

¹⁰ Подробнее см.: Ариш Г. Л. И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. М., 1976, с. 68—71.

¹¹ Rodocanachi E. Bonaparte..., р. 251; ВПР, сер. первая, т. VIII, с. 112.

¹² Rodocanachi E. Bonaparte..., р. 234—235.

- ¹³ ВПР, сер. первая, т. VIII, док. 161, примеч. 311, с. 387, 497; *Арш Г. Л.* И. Каподистрия..., с. 68—84.
- ¹⁴ *Мартенс Ф.* Собрание трактов и конвенций, заключенных Российской и иностранными державами. СПб., 1895, т. XI, с. 250—255.
- ¹⁵ *Papadopoulos-Vretos A.* Mémoire biographique-historiques sur le président de la Grèce le comte Jean Capodistrias. Paris, 1837, т. 1, п. 167—180.
- ¹⁶ ВПР, сер. вторая, т. II (Х), примеч. 137.
- ¹⁷ ВПР, сер. вторая, т. II (Х), док. 91.
- ¹⁸ Текст конституции 1817 г. опубликован в кн.: Le tre costituzioni (1800. 1803, 1817) delle sette Isole Ionie. Corfu, 1849, п. 191—245.
- ¹⁹ ВПР, сер. вторая, т. II (Х), примеч. 34.
- ²⁰ Подробнее см.: *Арш Г. Л.* И. Каподистрия..., с. 99—100.
- ²¹ ВПР, сер. вторая, т. I (IX), примеч. 29, 117, 237.
- ²² ВПР, сер. первая, т. I, док. 237, примеч. 323.
- ²³ Подробнее см.: *Арш Г. Л.* И. Каподистрия..., с. 100—101.
- ²⁴ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 1, д. 118, л. 62—65. Письмо И. А. Каподистрии Г. А. Строганову от 11 (23) апреля 1819 г. На русском языке приводится в кн.: *Арш Г. Л.* И. Каподистрия..., с. 103—108.
- ²⁵ Записка графа Иоанна Каподистрии о его служебной деятельности. — В кн.: Сборник имп. Русского исторического общества. СПб., 1868, т. 3, с. 246—250.
- ²⁶ *Rodocanachi E.* Bonaparte..., п. 275—276.
- ²⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1819 г., д. 903, л. 2—3.
- ²⁸ *Rodocanachi E.* Bonaparte..., п. 279—292.
- ²⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1820 г., д. 328, л. 49—50, 58—60; д. 12386, л. 48—64; д. 6887, л. 341—347.
- ³⁰ ВПР, сер. вторая, т. III (XI), примеч. 116.
- ³¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1820 г., д. 328, л. 51—52. Л. П. Бенаки — К. В. Несслероде, 14 (26) октября 1819 г.
- ³² АВПР, ф. Канцелярия, 1820 г., д. 328, л. 64. Л. П. Бенаки — К. В. Несслероде, 18 (30) ноября 1819 г.
- ³³ АВПР, ф. Канцелярия, 1820 г., д. 6887, л. 341—347.
- ³⁴ Письмо Батерста И. А. Каподистрии от 19 февраля 1820 г. опубликовано: *Vane Ch. Correspondence, Despatches and other papers of Viscount Castle-leagh. London, 1848—1853*, в. XII, п. 190—209; ВПР, сер. вторая, т. III (XI), примеч. 182.
- ³⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1820 г., д. 6900, л. 243—245. Личное письмо И. А. Каподистрии Х. А. Ливену от 18 (30) июля 1820 г.
- ³⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1820 г., д. 13406, ч. 1, с. 346—352.

Записка анонимного автора о положении Ионических островов под британским протекторатом

Не ранее 24 февраля (7 марта)
и не позднее 1(13) апреля 1820 г.*

Pensées franches d'un citoyen septinsulaire sur le contenu du discours du haut commissaire anglais, prononcé le jour de la première séance du troisième parlement de ces Etats, en date de 26 février (7 mars) 1820, ainsi que sur le contenu des réponses laconiques rendues par le président du sénat le baron Théotoqui

Quand on se met à examiner des propositions, il faut d'abord connaître le motif qui leur donna la première impulsion, et de là

* Документ датируется по промежутку времени между произнесением речей барона Теотоки и Мэйтленда и отправкой данного документа в МИД России.

nous pourrons deviner le dessein de l'orateur qui nous parle. Il faut ensuite calculer la situation de celui qui parle et la position de celui qui est obligé de l'écouter. Il est aussi nécessaire d'être au fait des intérêts individuels de ceux qui composent son auditoire pour connaître s'ils sont liés, ou non par quelque rapport que ce soit, avec ceux qui lui appartiennent. Ce sont des renseignements indispensables qui nous mettent à même de juger sur la loyauté des propositions et de leurs réponses là-dessus.

Pour confuter le discours et les réponses dont il s'agit, il fallait tracer ici l'histoire exacte de toutes les circonstances qui ont eu lieu dans ces Etats, après la convention de Paris du 5 novembre 1815 et après l'arrivée du haut commissaire, jusqu'à présent. Mais comme les événements qui ont eu lieu depuis son arrivée jusqu'à l'époque de ce dernier discours, sont consultés et connus presque partout, ainsi nous nous bornons simplement à développer tous les replis de ces derniers manœuvres, à faire l'analyse la plus exacte sur leurs principaux points de vue, à faire remarquer franchement l'esprit qui les a dictées, et tirer enfin la vérité par dedans les ténèbres, dans le sein desquelles on s'efforce très gauchement de la cacher.

Ce serait une chose très difficile et même superflue que celle de suivre pas à pas une infinité de phrases et de répétitions continues, et dont on fait abus, *non sine quare*, avec une étude remarquable aux yeux même des moins clairvoyants: nous préférons le parti d'en restreindre en peu de mots les articles les plus importants, en les rangeant par proposition et consultation, et fixer par là d'une manière convenable l'attention de nos lecteurs sans crainte de les ennuer dans la discussion d'une matière aussi scandaleuse que désagréable, comme celle qui forme le sujet de nos pensées présentes.

Le lord haut commissaire s'explique d'abord dans son discours d'avoir remarqué dans l'assemblée législative la circonspection, la prudence et la modération.

Il parle de prospérité.

Il trace l'histoire de St.-Maure et s'efforce de prouver que le mécontentement déjà éclaté du

Par ces épithètes il déclare que nul être titré serait de son bon plaisir, que celui de la soumission aveugle et que le zèle, l'amour de la patrie, les talents et la franchise devenaient le sujet de son indignation.

La prospérité de tout Etat doit être appuyée sur des faits favorables et non sur des phrases pompeuses, contraires à la réalité évidente et incontestable des mesures opposées au bien-être de la nation.

Si l'on examine sans prévention l'histoire de ces îles, après la destination du haut commissaire,

côté des habitants de cette île, n'ait pas été occasionné par les taxes et impôts énormes qui y avaient été mis sous ses auspices; mais que cette rébellion ait eu origine par le moyen de fausse conception contre des fonctionnaires publiques, comme trai-tres de la patrie et même contre la constitution.

si l'on veut se resouvenir des charges de ces Etats dans les temps, où les Russes et les Français les avaient tour à tour occupés, et si enfin l'on veut comparer ces charges aux impôts qui ont eu lieu dans ces derniers temps, on trouve sans difficulté la raison réelle de la révolte de St.-Maure, comme aussi du mécontentement général qui régne dans toutes ces îles.

La taxe mise pour le creusement du canal de St.-Maure aurait été bien volontiers satisfaite, si la juste répartition était observée, si à prétexte d'une dépense modique, elle n'aurait été portée à un degré beaucoup plus éminent; si les plus réputés de ses habitants auraient été mis à la place des collecteurs anglais qui en percevaient la recette par des moyens extrêmement vexatoires; et si enfin les autres impôts qui y ont eu lieu en même temps n'auraient pas enlevé tout moyen aux habitants de correspondre à la portée de la dite taxe.

Pour ce qui a rapport à la charte constitutionnelle imposée par s. ex. à cette nation, nous avons autrefois prévu, comme nous sommes convaincus par le fait aujourd'hui, qu'elle ne pouvait pas convenir au bien-être de ces peuples ni par rapport à leurs droits, ni moins par rapports à leurs intérêts. Etant par cette constitution les agents anglais fournis de tous les pouvoirs gouvernatifs, et ce qui est pis, des pouvoirs absous sur la finance, il était de conséquence tout ce qui est arrivé par la suite et qui pousse les habitants septinsulaires au dernier désespoir. Et comme le choix arbitraire des fonctionnaires publiques était fait par le même esprit, n'y a rien d'extraordinaire que les insurgés de St.-Maure aient eu motif raisonnable de crier contre des gens vendus, qui font cause commune avec les agents anglais, en trahissant les droits et les plus chers intérêts de leur patrie.

Il prétend que cette révolte ait été occasionnée par des bruits qui décréditaient la justice du gouvernement en la peignant tyrannique.

Si s. ex. le haut commissaire aurait axécuté les dispositions de la convention de Paris 1815; si abusant de sa mission il n'aurait d'abord banni de chez lui le langage de la vérité et de la justice par une proscription

infamante; s'il n'aurait nommé lui-même les individus qui composèrent le conseil primaire et qui devait préparer la charte constitutionnelle sous ses ordres s'il aurait laissé la liberté aux syncrites¹ de Sept îles de choisir leurs représentants au corps législatif, sans les avoir obligés à voter sur une liste de quatorze noms designés par lui, pour le choix de sept individus pour, chaque île; s'il n'aurait pas exécuté son projet de vouloir s'entourer des gens méprisables,

pour empiéter sur les droits sacrés de cette nation s'il n'aurait pas foulé aux pieds tout principe de convenance; s'il n'aurait pas porté des coups mortels à l'industrie, à l'agriculture et au commerce par des dispositions vexatoires, s'il n'aurait pas exigé du corps constituant à lui livrer l'administration des finances et presque tous les pouvoirs qui composent le gouvernement entier de ces Etats; si l'instruction publique n'aurait pas été persécutée sous ses auspices, il aurait une forte raison de se plaindre des bruits qui se sont répandus dans toutes les îles et qui sont encore en vigueur contre son despotisme et son injustice.

Il exige qu'une commission, prise du corps de l'assemblé législative, réexamine tout ce qui a rapport à la révolte de Sainte-Maure, quoique cette île malheureuse soit maintenant assujettie aux lois de son bon plaisir.

semble qu'on veut intéresser le corps législatif entier à faire cause commune avec s. ex., afin de se déterminer à sanctionner de son approbation, tout ce qui lui a plu faire exécuter là-dessus.

Il passe à peindre la circonstance favorable que la cession de Parga eut en quelque manière obligé la Porte Ottomane à reconnaître la disposition qui place pour toujours ces îles sous la seule et exclusive protection de s. m. britannique: il en retrace les avantages d'une sanction pareille du côté du grand-seigneur, laquelle met à niveau les intérêts anglais à ceux des natifs de ces îles, qui pour des affaires commerciales, fréquentent la vaste étendue de l'Etat turc.

Si tout ce qui a rapport à cette catastrophe eut été fait d'après la raison et le droit, cette commission devient superflue, et si au contraire les opérations qui y ont eu lieu s'opposent à la justice et aux droits des gens, elle est hors de saison. Mais par les phrases qui précèdent il

Il y aurait beaucoup à dire là-dessus; mais nous nous bornons seulement à examiner les sentiments des Septinsulaires sur ce qui a rapport à la cession de Parga. Trop cher à la vérité coutume aux coeurs grecs la grâce que la Porte Ottomane leur fait de les reconnaître sous la protection britannique! Combien d'intérêts, de religion, de nationalité, de sûreté de commerce mutuel entre les îles, n'ont été sacrifiés dans une cession pareille! Combien d'alarme et de méfiance elle n'a pas répandues dans les esprits indignés de ces habitants!

tants! Le haut commissaire s'efforce de justifier cette cession en la considérant comme un effet de la convention 1800; mais il aurait fait mieux de ne point toucher cette matière aussi révoltante en parlant aux Grecs; car il a redoublé ainsi leur douleur et leur indignation. Qu'il se rapporte plutôt aux cris dont retentirent les voûtes des salles des parlements d'Angleterre sur ce propos, pour en démêler la matière sur le droit, ou sur l'illégalité de la cession qui a en lieu.

Il commence par donner un aperçu sur l'état des finances de ces îles; mais par un tour de mots inconcevables il s'arrête aux bienfaits que le gouvernement septinsulaire versa sur les Pargagnotes, sans prouver rien qui puisse avoir rapport au trésor de l'Etat.

Parga, cette dépense a été supputée sur une partie de leur indemnisation. Si cela veut signifier la faveur qu'on a décernée d'être inscrits citoyens septinsulaires, nous pouvons franchement soutenir que c'était unsulter à leur malheur par cet acte ridicule. Pauvres Pargagnotes, gens infortunés! La perte de votre patrie et de vos biens ne devait être dans balancés que par quart de leur valeur et par une patente d'inscription au nombre d'autres Grecs, qui quoique libres en droit, gémissent dans un esclavage révoltant en effet! C'est la deuxième fois que s. ex. nous ébauche ce fameux tableau de finances, qu'il nous fait entrevoir des avances, qu'il nous fait enfin espérer que la richesse du trésor pourra un jour nous soulager de nos charges; mais malheureusement ces dernières augmentent tous les jours, et les avances du trésor viennent à la fin absorbées dans des parties dictées par l'imagination de M. le colonel Hankey², rédigées par la confusion bien étudiée de s. ex., et acquittées par l'exactitude commerciale de M. le colonel Robinson³.

Il descend à nous faire remarquer comme s. a. r. le prince régent (aujourd'hui roi) est disposée de faire présent de la dette de ces Etats envers la couronne d'Angleterre, de la somme de quarante quatre mille tallériss pour les réparations de la forteresse de St.-Maure.

dans un tableau de finances, bien construit par le fameux inspecteur Reinaud et mieux poli par M. Meyer, ci-devant secrétaire du gouvernement et présentement consul général anglais à Jannina. Voilà donc deux fois payée par les îles cette somme, laquelle forme à présent le sujet d'un don que s. m. britannique est disposée de nous faire; c'est- à-dire ces Etats sont par là exempts de payer cette dette pour la troisième fois aux Anglais.

Il passe enfin à parler contre l'opinion générale sur l'augmen-

Avant que de répondre sur ce qui a rapport aux finances en général, qu'il nous soit permis de demander quels sont les bienfaits éclatants dont les Pargagnotes ont joui de la libéralité de cet gouvernement dominé par s. ex. Si cela est attribué au biscuit qu'on leur a fourni dès le moment de leur évasion de

Voilà pour la troisième fois que les réparations des fortifications de St.-Maure forment le sujet de la comptabilité anglaise. Cette dépense a été pour la première fois payée sous le gouvernement du général Airys⁴, et toutes ces îles qui étaient alors occupées par les forces britanniques, en ont contribué leur contingent. Cette même dépense fut portée une autre fois par le général Campbell⁵

Les dépenses de tout Etat doivent être proportionnées à ses recet-

tation des appointements des fonctionnaires publiés, et il conclue que si dans les époques précédentes la modicité des appointements et d'autres dépenses n'ont été capables de rendre le trésor de l'Etat aussi florissant, comme il est aujourd'hui, cela prouve que la générosité par laquelle le gouvernement paye les fonctionnaires, ne choque en aucune manière à la bonne économie le l'Etat.

le pouvoir administratif local, n'étaient point payés. Or, le sénat seul, sous les auspices de la constitution 1817, coûte presque autant à la finance de ces Etats, que ce qui formait la dépense autres fois de toute entière la liste civile⁶.

On y augmente tous les jours des besoins inutiles et même pernicieux pour avoir l'occasion d'envisager quelque nouvel impôt. S'il s'agissait ici de former un tableau statistique qui puisse servir de réponse analytique à l'article de finances que le haut commissaire nous met sous les yeux, nous pourrions donner le juste relief à une infinité d'abus et d'erreurs en économie bien entendue, et aux mensonges effrontés, par le moyen desquels s. ex. cherche d'en imposer en cachant aux regards de l'étranger, l'état véritable des finances le ces pays infortunés.

Mais pour toute réponse nous nous bornons de lui dire que la bonne administration de trésor dans le temps de la République septinsulaire a pu faire face aux dépenses énormes occasionnées par l'agression de Sainte-Maure du côté d'Ali pacha, et à celles dont nous nous vîmes exposés pour mettre en état de défense tous les points des îles Ioniennes à l'époque de la guerre entre la Russie et la Porte Ottomane, en y ajoutant les frais d'une force militaire et maritime qui était à la solde de la république, et les traitements nécessaires des ministres septinsulaires établis à St.-Pétersbourg et à Constantinople. Mais que malgré toutes ces charges, la paix de Thilsit trouve le trésor de la république fourni de huit cents mille francs, qui ont été versés dans la caisse militaire du gouvernement français, tandis que les revenus de l'Etat étaient bornés tout au plus, à quatre cents cinquante mille talleris par un; deux pourcent desquels étaient entretenus pour l'administration locale de chaque île pour ses besoins municipaux.

Or, les impôts qui ont été établis après la constitution du 1817, portent le revenu du trésor de ces Etats à la somme épouvantable de plus d'un million de talleris par an; somme qui venant à être toute entière versée dans la caisse général, n'offre pas un sou pour les dépenses municipales, dont les besoins s'augmentent tous les jours; et si l'on veut en satisfaire à quelqu'un, on y est obligé de

tes. Dans un petit Etat les dépenses doivent être modiques, afin d'éloigner la nécessité de surcharger d'impôts les petites fortunes de ses habitants.

La république septinsulaire marchait tout droit à son bonheur par le moyen de ses plus zélés citoyens qui se contentaient de la servir gratuitement par cet intérêt qu'une bonne mère a le droit d'exiger de ses bons enfants.

Le pouvoir judiciaire, ainsi que

recourir à des impôts momentanés, qui passent ensuite à former une ressource nouvelle au trésor général à perpétuité; comme il est arrivé dernièrement du deux pour-cent que le conseil minicipal de Zante imposa au raisin de Corinthe pour la réparation du môle de cette île jusqu'à la durée d'un pareil besoin, et qu'enfin le corps législatif de cette année a rendu perpétuel.

Quoique les ressources de la caisse générale soient portées à un si haut dégré de perception et tandis que pour les besoins municipaux cette caisse n'offre le moindre secours, nous voyons que le résultat des avances annuels contenues dans le tableau de s. ex., ne surpassent point la somme de cinquante mille talleris, dont la moitié est réduite en monnaie de billon doublement rapportée sur l'état passif qu'il nous présente.

D'après ces observations qui sont basées sur des faits incontestables, que l'on fasse à présent la critique à l'ancienne administration des finances de ces îles, qu'on en compare à celle où nous couronnons à présent, et que l'on ait le courage de soutenir que l'enormité du traitement des fonctionnaires de l'Etat, ne choque en nulle manière à la bonne économie du trésor! Mais nous répéterons ici ce qu'un orateur français a dit à l'égard de Napoléon Bonapart: il créa un corps législatif composé de muets, et un sénat composé d'aveugles, tous deux chérement payés, l'un pour ne rien dire, l'autre pour ne rien voir.

Il finit le sujet de finances par la remarque que si quelques impôts ont été dernièrement établis sur les riches denrées de ces Etats, ils sont néanmoins balancés par l'abolition de plusieurs autres existants, qui en blessant les articles de subsistance, gravitaient sensiblement sur la classe des pauvres.

Pour répondre à la proposition qui met en balance les impôts qui ont été nouvellement établis, et ceux qui ont été abolis, il est nécessaire de connaître d'abord les premiers qui sont la suite de l'innovation.

Sans nous perdre dans l'examen des petits détails là-dessus, nous nous bornerons simplement à faire l'énumération des principales de ces charges.

On a imposé un talleri de plus par barrique d'huile, droit d'exportation. Cela porte le résultat de 150 mille talleris toutes les deux années pour Corfou, 50 mille pour Zante, et 80 mille complessivement pour les autres îles. Somme totale 280 mille talleris par an d'augmentation.

On a imposé pour Zante deux pourcents de plus pour le prix de raisin de Corinthe qui réduit à six millions de livres de poids par an, somme moyenne et au prix de seuls 50 talleris par millier, cela porte la somme de six mille talleris par an.

On évolue par approximation le résultat de l'augmentation des droits imposés sur tous les actes judiciaire, y compris le quatre pourcent sur les enchères publiques et droits imposés sur les dépôts, à la somme de 30 mille talleris par an pour toutes les îles.

L'augmentation des droits des douanes d'un 3 et 4 pour-cent de plus sur l'importation et exportation des tous les articles, même sur l'importation des bois à construction (ce qui était auparavant gratuit) porte la somme de 150 000 talleris par an pour toutes les îles: Arrêtons-nous ici, et n'allons plus loin, Le produit de ces augmentations forme la somme totale de 400 000 talleris par an, abstraction faite à l'augmentation de l'impôt du sel et d'autres articles, comme ceux qui portent les ordonnances des portes, des postes, des inspections de santé, de celle des lazarets etc., etc, qui font surpasser la somme annuelle de 600 000 talleris d'augmentation; laquelle somme ajoutée à l'odinaire qui existait auparavant, compose le revenu du trésor général à plus d'un million de talleris par an. Voyons à présent le résultat des anciens droits abolis.

La dîme du blé pour les îles de Zante et de Céphalonie donnait complètement la somme de 13 mille talleris par an; on a donc diminué à Zante 6 mille talleris de ce côté-là. Mais à Céphalonie on a substitué 30 paras par mesure l'importation des blés, ce qui rend le double de Sept mille talleris qu'on retirait de l'impôt ancien. Pour ce qui a rapport à l'île de Corfou on a aboli un petit impôt établi au temps des français sur les comestibles, qu'il rendait tout au plus trois mille talleris par an; mais pourtant ceux des autres îles y ont été maintenus.

On fait un grand bruit sur l'abolition du droit direct du vin qui portait une piastre par barrique; mais cet impôt n'a commencé à exister, qu'après l'entrée des Anglais dans les îles, ce qui le constituait un droit tout neuf, lequel après même que les Anglais ont vérifié leur entrée à Corfou, n'a pas eu lieu dans cette dernière île.

Si l'on veut faire cas de l'abolition du droit du tymbre, qu'on donne un coup d'oeil sur les droits nouvellement établis à la charge des actes judiciaires, dont nous avons fait parole ci-dessus, et l'on verra claire qui l'innovation sur le même article surpassé du double le droit aboli, qui pourtant n'avait commencé à exister que du temps des Français.

Après ces calculs évidents, il nous manque le courage de répondre à des mensonges aussi manifestés, et à des impostures aussi impertinentes, comme celles qui résultent par la plus légère opération arithmétique.

Il fait sa cour aux membres du corps législatif en les considérant comme des individus, qui ayant soutenu pour le passé les charges principales du gouvernement septinsulaire, il appelle à leur expérience et à leurs lumières sur la vérité de ses propositions.

Pour confuter la manière dont il affecte de considérer les gens de son cercle comme des individus qui aient soutenu les plus importants emplois du gouvernement, avant l'invasion anglaise dans ces Etats, il suffit de prendre la liste civile qui marque les employés depuis l'institution de la République Septinsulaire, et jusqu'au moment où les

Anglais se sont présenté dans les îles et l'on pourra le convaincre de la fausseté de sa proposition, et qu'abstraction faite à quatre ou cinq individus, tout le rest est composé des seules personnes qu'il a choisies exprés; pour lui obéir et pour lui accorder des faux témoignages toutes les fois qu'il en fait connaître le besoin.

Il prétend que les droits des douanes gênaient le commerce en laissant leur perception à l'arbitre d'un entreprenant et que le système de régie est préférable. Que par ce moyen notre commerce est plus florissant que jamais ne l'a pas été.

Tout peuple doit avoir la forme de perception de ses droits publics d'après la nature de ses produits et de son commerce. Il est prouvé par l'expérience de siècles que pour les îles Ioniennes la manière de cette perception, ne peut pas avoir une bonne issue, qu'en les délivrant par adjudication, vu leurs

nombreux besoins de subsistance et d'autres articles d'importation qui occupent le cabotage journalier à cela employé, et qui fait un produit considérable à la finance.

L'adjudicateur qui est surveillé par l'administration du gouvernement local, ne peut pas abuser dans la perception, ayant tout négociant le droit de réclamer contre lui; et le gouvernement celui de le juger d'après sa convention qui doit être relative à son adjudication pour ces droits.

Mais les octrois établis pour la perception des mêmes droits à titre de régie doivent être administrés par des personnes qui sont les agents mêmes du gouvernement, qui leur confie tout son pouvoir, dont ils pourront abuser toujours, et dans toute querelle ils pourront déguiser la vérité sous le masque du zèle pour l'intérêt d'Etat, et ils pourront vexer les négociants toutes les fois, qu'ils ne voudront accéder à leurs intérêts particuliers.

Nous sommes dans le cas d'attester, que cela arrive tous les jours dans ces pays, après que les droits de la finance sont établis par octrois de régie, administrée par des collecteurs anglais.

Que le commerce de ces îles soit plus florissant à présent, que lorsque les droits étaient perçus par des adjudicateurs, c'est une fausseté aussi impudente que grossière, en comparaison de faits qu'il est impossible de cacher aux yeux de personne.

Il passe ensuite à parler favorablement pour l'entreprise du gouvernement établie sur le blé qui se consomme à Corfou. Il s'efforce de persuader qu'une mesure pareille fut la cause que l'île de Corfou déjà menacée d'une disette, a pu avoir du pain à un prix bas et incomparablement mineur de ce qu'il coûtait auparavant, et qu'enfin le pain

On ne peut pas concevoir comment l'effronterie puisse être poussé jusqu'au point où s. ex. l'étend, voulant pour la troisième fois prouver les avantages que l'établissement du monopole établi à Corfou occasionne aux habitants de ce pays disgracié. Le fait est, que tandis que dans autres îles le blé se vend à un talleri par mesure, Corfou est

de Céphalonie était porté dernièrement à un prix un peu plus haut, abstraction faite d'une petite diminution de prix dont jouissait l'île de Zante, qui forme à sa façon une très légère exception à la règle générale par lui établie là-dessus.

Corfou, où ils le vendent pour Laissos, laissons de nous entretenir de plus sur ce sujet, car il est si révoltant qu'il ne mérite pas l'honneur d'une discussion raisonnée! Il suffit de dire que l'on compte jusqu'à présent un million de talleris gagnés par M. Robinson de cet article.

Il touche enfin comme en passant, les branches des cultes, de la milice royale, c'est-à-dire de la garde nationale à sa façon, des règlements sanitaires, de l'instruction publique, et enfin des codes et des procédures pénales et civiles.

obligé de l'acheter des mains du gouvernement, ou pour mieux dire, de celles de M. le colonel Robinson à deux talleris et demi.

Dans le moment où nous écrivons, les agents anglais arrivés à Zante de Corfou, achètent le blé à six et sept piastres par mesure, et ils en font des expéditions à compte du gouvernement à seize.

Il est inutile de répondre sur ces articles par un mot. Tous ces bienfaits viennent tour à tour promis toutes les fois que le corps législatif se rassemble, mais la fait est que par tout il règne la confusion, l'impertinence et le mépris à tout principe de devoir et de droit: et si quelquefois par hasard on verse sur un de ces articles, on envisage tout de suite quelque nouvelle charge à imposer sur les fortunes de ces habitants.

Il finit ce fameux discours apolégtique par conclure que la constitution du 1817 soit la source de tous ces bienfaits; qu'elle est bien calculée pour le bonheur de ces îles, et que ses bons résultats soient évidents et certains; que d'ailleurs s'il y a quelqu'un des représentants de ces Etats qu'il puisse en avoir des doutes là-dessus, qu'il doit les communiquer avec candeur pour les améliorations nécessaires. Mais que le haut commissaire est si convaincu que cette constitution soit bien adapter pour ces îles, qu'il ne sera jamais disposé à l'altérer dans son plus petit dégré, quoiqu'on puisse

L'éloge qu'il fait à la constitution du 1817 n'est autre chose que celui des pouvoirs absolus qu'elle lui accorde. Si elle est conforme à la convention de Paris du 1815, la confrontation la plus simple peut bien de démontrer. Si elle a donné des résultats bienheureux pour les habitants ioniens, le cri général de ces peuples met à même les gens de la classe moins instruite à la connaître.

C'est une grande faveur d'ailleurs pour le corps législatif le droit que s. ex. lui accorde de lui soumettre ses doutes là-dessus, dans le moment où il lui déclare qu'il ne permettrait jamais la

dire en théorie; sinon dans le seul cas de la plus forte démonstration en pratique de son incompétence pour la prospérité des îles Ioniennes.

Le président du corps législatif, celui du conseil primaire et celui de la commission instituée à réexaminer les faits et les mesures relatifs à la révolte de Sainte-Maure, font tour à tour l'éloge à tout ce que le haut commissaire a conçu, a opéré et a fait; et ils finissent par sanctionner sa gestion depuis sa destination, jusqu'à nos jours.

ment celui de la soumission de discernement modéré. Elle a donc déterminé d'avance le caractère des gens qui l'entourent, et par conséquent le résultat de leurs opérations, ne peut être qu'analogue au mérite de leur choix.

Le président du Sénat en réponse de ce que le comité de l'Assemblée législative a prononcé au pouvoir exécutif, dit, que le vice des anciennes constitutions était celui de tenir en discorde les pouvoirs de l'Etat. Il met au niveau de ce vice ceux des baux à ferme des droits des douanes, ceux de la vente des emplois lucratifs et des actes juridiques; les restrictions de l'agriculture, les impôts sur les art cles de première nécessité, les capitations et les taxes extraordinaire, et tant d'autres fausses institutions. Il dit enfin que les temps sont changés, que l'esprit grec y trouve un noble essort; que nos droits civils et politiques sont garantis: que nos finances sont heureuses, tandis que nos sujets payaient moins d'impôts de ce qu'ils payaient auparavant; que notre commerce

moindre altération à la constitution qui forme le sujet de cet article, sans une plus longue et forte expérience qui fasse connaître par d'autres fautes supérieures à son incompétence.

Il suffit de connaître individuellement la portée, l'espérience, les lumières, les besoins et les buts de tous ces fonctionnaires, pour pouvoir déterminer son opinion sur leur façon de s'exprimer là-dessus. S. ex. et ses agents délégués ont fait déjà sentir sa volonté suprême. Elle s'est engagée solennellement que le choix des fonctionnaires publics, loin d'être l'effet des talents et de l'influence, ce sera seulement

de la modération et du discernement modéré. Il n'est pas vrai qu'il n'y ait jamais existé pour le passe aucune mé-sintelligence entre les pouvoirs de l'Etat mais la constitution du 1803 établit une balance parfaite entre eux, afin que l'un surveille l'autre, et afin que par une confusion entre le pouvoir légitime et l'arbitraire n'occasionne le danger de l'usurpation et de la mort de la liberté sociale. Nous avons déjà répondu sur ce qui a rapport aux adjudications douanales.

Après le constitution septinsulaire, il n'y eut point de vente sur les emplois, ni pas non plus sur les actes de justice. Il est vrai d'ailleurs que la nation anglaise nous donne à présent le bon exemple là-dessus; puisqu'elle met à vente les rangs militaires qui partout ailleurs, ne sont que l'effet de l'éducation et du mérite personnel,

est florissant, que les fortunes particulières s'augmentent, et tout cela est l'effet de la bienveillance du souverain qui protégé, comme aussi le résultat de notre constitution.

Les restrictions à l'agriculture ne proviennent que du côté des impositions. Jamais l'agriculture des îles Ioniennes ne fut plus animée que sous le gouvernement septinsulaire, et jamais elle ne fut plus découragée qu'après la constitution de 1817.

Nous avons fait voir plus haut, quels ont été les impôts sur les comestibles. Mais nous appellons là-dessus à M. le colonel Robinson avec son fameux monopole de blé, pour comparer notre état actuel avec celui, dont on fait la critique.

Nous ne connaissons point quelles ont été les fausses institutions à l'époque de l'ancien régime et dont M. le Président du sénat entend de parler dans son obceur laconisme.

Pour ce qui regarde d'ailleurs aux capitulations, cela a eu lieu pour une seule fois au premier moment de l'institution de la République, et qui était justifiée par les besoins urgents du moment: quant aux taxes extraordinaires, il y eut quelquefois des emprunts et qui ont été exactement acquittés avec leur intérêt.

Il est vrai que les temps sont changé, que l'esprit grec est accablé par la trahison des mauvais citoyens et par le despotisme du haut commissaire! Que nos droits civils et politiques sont empiétés par la fausse application du système qui avait établi notre liberté! Que les finances de nos Etats ne présentent aucune économie, tandis que les fortunes des Septinsulaires sont surchargées de tels impôts qui n'ont jamais existés chez nous auparavant! Que notre commerce languit par motif des dépenses énormes imposées à la navigation, et par l'augmentation des droits d'importation et d'exportation! Que la constitution actuelle a livré tous nos priviléges dans les mains des agents étrangers qui abusent de nos malheurs, nous dépouillent et nous méprisent! Et qu'enfin l'influence de l'auguste souverain qui nous protège, aurait été bienfaisante, si l'infidélité de ses agents et la trahison de nos concitoyens auraient laissé à la voix de la liberté et de la justice, libre l'accès jusqu'à son trône puissant!

АВПР, ф. Канцелярия, 1820 г., д. 12386, л. 69—77. Перевод, очевидно, с итальянского языка, современный подлиннику.

Перевод

Откровенные мысли жителя Семи островов по содержанию речи верховного комиссара, произнесенной в день первого заседания парламента созыва этих Штатов, 24 февраля (7 марта) 1820 г., а также по содержанию кратких ответов президента Сената барона Теотоки

Прежде чем приниматься за рассмотрение каких-либо выскаживаний, следует вначале ознакомиться с поводом, давшим пер-

вый толчок к ним, и уже исходя из этого мы сможем догадаться о замысле оратора, который обращается к нам. Затем следует определить положение того, кто говорит, и позицию того, кто вынужден его слушать. Необходимо также быть в курсе индивидуальных интересов тех, кто составляет его аудиторию, чтобы знать, связаны они или нет каким-либо образом с теми, кто принадлежит ему. Это — необходимые сведения, которые дают нам возможность судить о честности высказываний и вышеупомянутых ответов на них.

Чтобы разобраться в речи и в ответах, о которых идет речь, следовало бы набросать здесь точную историю всех обстоятельств, имевших место в этих областях после подписания Парижского договора от 5 ноября 1815 г. и после прибытия верховного комиссара и до настоящего времени. Но поскольку события, имевшие место с момента его прибытия до времени этой последней речи, отмечены и известны почти повсюду, мы ограничимся просто развитием всех скрытых изгибов этих последних маневров и самым точным анализом их основных точек зрения; тем, что заставим ясно понять дух, продиктовавший их, и извлечь, наконец, правду из потемок, в которых тщетно силятся ее спрятать.

Это было бы очень трудным и даже излишним делом прослеживать шаг за шагом бесконечное количество фраз и содержащихся в них повторений, которыми злоунробляют, *non sine quare** в исследовании, являющемся примечательным по мнению даже самых несведущих людей. Мы предпочтем ограничиться в нескольких словах наиболее важными положениями, расположив их последовательно, и обратить на них соответствующим образом внимание наших читателей, не опасаясь утомить их обсуждением дела, столь же скандального, сколь и неприятного, как то, которое является предметом настоящих наших мыслей.

В начале своей речи лорд верховный комиссар отметил в деятельности Законодательного собрания осмотрительность, осторожность и умеренность.

Он говорит о процветании.

Он кратко излагает историю о-ва Св. Мавры и силится доказать, что вспыхнувшее недо-

Б в этих выражениях он заявляет, что только слепое подчинение заслуживает его одобрения и что рвение, любовь к родине, талант и искренность вызывают его негодование.

Процветание всего государства должно быть основано на приятных фактах, а не на помпезных фразах, противоречащих очевидной и неоспоримой действительности мер, противных благосостоянию нации.

Если рассмотреть без предубеждения историю этих островов после назначения верховного

* Не останавливаясь перед тем, чтобы спросить, почему (лат.).

вольство жителей этого острова было вызвано не огромными пошлинами и налогами, которые взымались там под его покровительством, но что это восстание произошло вследствие ложных настроений против должностных лиц как предателей родины и даже против конституции.

так же как и всеобщего недовольства, царящего на всех этих островах.

Пошлина, введенная для строительства канала на Св. Мавре, была бы охотно уплачена, если бы соблюдалось справедливое распределение, если бы под предлогом умеренной затраты она не была бы поднята до гораздо более высокого уровня; если бы на место сборщиков-англичан, которые взымали этот сбор крайне оскорбительными способами, были назначены наиболее видные из его жителей; и если бы, наконец, остальные налоги, которые там одновременно имели место, не лишали жителей всякой возможности уплачивать вышеупомянутую пошлину в установленном размере.

В том, что касается конституционной хартии, навязанной этой пачки его превосходительством, мы когда-то предвидели, как сегодня мы убеждены в этом на деле, что она не могла способствовать благосостоянию этих народов ни с точки зрения их прав, ни с точки зрения их интересов.

Так как в соответствии с этой конституцией английские служащие были снабжены всеми полномочиями в управлении и, что еще хуже, абсолютными полномочиями в области финансов, следствием этого явилось все то, что затем произошло и что приводит жителей Семи островов в крайнее отчаяние. Поскольку же произвольный выбор должностных лиц был сделан в том же духе, нет ничего сверхъестественного в том, что у повстанцев Св. Мавры были основательные причины выступить против продажных людей, делающих общее с английскими должностными лицами дело, предавая права и самые сокровенные интересы родины.

Он утверждает, что этот бунт был вызван слухами, которые дискредитировали справедливость правительства, изображая его деспотическим.

Если бы его превосходительство верховный комиссар осуществлял постановления Парижского договора 1815 г., если бы, злоупотребляя своей миссией, он прежде всего не попирал правды и справедливости, осуществляя позорные высылки, не назначал бы по своему усмотрению лиц, которые составили Подготовительный совет и которые должны были подготовить по его указаниям конститу-

комиссара, если пожелать снова вспомнить о налогообложении этих областей во времена, когда русские и французы поочередно оккупировали их, и если, наконец, пожелать сравнить это обложение с налогами, которые имели место в это последнее время, без труда становится очевидной истинная причина восстания на Св. Мавре,

ционную хартию, если бы он предоставил синклитам¹ Семи островов свободу выбирать своих представителей в Законодательный корпус, не обязывал бы их голосовать за список из четырнадцати имен, указанных им, чтобы выбрать семь человек от каждого острова; если бы он не осуществил своего плана окружить себя достойными презрения людьми, чтобы посягнуть на священные права этой нации; если бы не попрал все приличия; если бы он не нанес смертельных ударов по промышленности, сельскому хозяйству и торговле притеснительными постановлениями; если бы он не потребовал от Учредительного корпуса передать ему управление финансами и почти все полномочия по управлению государством; если бы народное образование не подвергалось при его покровительстве гонениям, то он имел бы веское основание жаловаться на слухи о его деспотизме и несправедливости, которые распространились на всех островах и которые до сих пор еще в ходу.

Он требует, чтобы комиссия, составленная из членов Законодательного корпуса, вновь рассмотрела все, что имеет отношение к бунту на Св. Мавре, хотя этот несчастный остров сейчас подчинен угодным ему законам.

денным выше фразам, кажется, хотят побудить весь законодательный корпус действовать заодно с его превосходительством, чтобы было санкционировано все, что тому заблагорассудится учинить.

Он переходит к изображению того благоприятного обстоятельства, что уступка Парги в какой-то мере вынудила Оттомансскую Порту признать постановление, которое навсегда ставит эти острова под единственное и исключительное покровительство его британского величества. Он излагает преимущества подобной санкции со стороны султана, которая уравнивает английские интересы и интересы уроженцев этих островов, посещающих по торговым делам обширные территории турецкого государства.

рассматривая ее как следствие договора 1815 г., но он сделал бы много лучше, если бы вовсе не касался этого столь возмутитель-

Если бы все, что имеет отношение к этой катастрофе, было бы сделано в соответствии с разумом и правом, эта комиссия была бы излишней, а если, напротив, события, которые имели там место, противны правам человека и справедливости, — она не уместна. Но судя по приведенным выше фразам, кажется, хотят побудить весь законодательный корпус действовать заодно с его превосходительством, чтобы было санкционировано все, что тому заблагорассудится учинить.

Следовало бы многое сказать по этому поводу. Но мы ограничимся тем, что рассмотрим чувства жителей Семи островов в отношении уступки Парги. На самом деле сердцам греков слишком дорого обошлась милость, которую оказала им Порта, признав британский протекторат! Сколько религиозных, национальных, взаимных межостровных торговых интересов было принесено в жертву при подобной уступке! Сколько тревоги и недоверия она вселила в возмущенные умы этих жителей! Верховный комиссар силится оправдать эту уступку,

ного вопроса, обращаясь к грекам, ибо таким образом он удвоил их скорбь и негодование. Пусть бы он обратился скорее к голо-сам, которые раздавались под сводами залов английского парла-мента по этому поводу, чтобы на их основании судить о право-мерности или незаконности имевшей место уступки.

Он начинает с того, что дает обзор состояния финансов этих островов. Но в результате нево-образимого оборота слов он останавливается на благодея-ниях, оказанных правительством Семи островов паргиотам, не доказывая ничего, что могло бы иметь отношение к казне го-сударства.

возмещения. Если это должно стать гражданами Семи островов, мы можем искренне утверждать, что этот смехотворный акт являлся издевательством над их несчастью. Бедные жители Парги, обездоленные люди! Потеря вашей родины и вашего имущества должна была быть уравновешена всего лишь четвертью стоимости этого имущества и причислением вас к числу остальных греков, которые, хотя юридически и свободны, на самом деле стонут в оскорбительном рабстве! Это уже второй раз, когда е. пр-во набрасывает нам столь замечательную картину состояния финансов, когда он намекает на какие-то выгоды, когда он, наконец, заставляет нас надеяться, что богатство казны сможет в один прекрасный день облегчить нам тяготы, но, к несчастью, эти тяготы постоянно возрастают и доходы казны оказываются в конце концов поглощеными в статьях, продиктованных воображением господина полковника Ханки², составленных в хорошо обдуманном беспорядке е. пр-вом и оплаченных с коммерческой точностью полковником Робинсоном³.

Он нисходит до того, чтобы об-ратить наше внимание на то, что е. в-во принц-регент (в на-стоящее время король) распо-ложен сейчас поручиться за эти областя перед английской коро-ной за сумму в 44 тыс. талеров на починку крепости Св. Мавры

сен генералом Кэмпбеллом⁵ в финансовую таблицу, составленную известным инспектором Рейно и прекрасно отредактированную г-ном Мейером, прежде секретарем правительства, а ныне анг-

Прежде чем ответить на то, что имеет отношение к финансам вообще, нам позволительно бы-ло бы спросить, каковы те гром-кие благодеяния, которыми жи-тели Парги воспользовались от щедрот этого правительства, доминируемого е. пр-вом. Если это связано с галетами, кото-рыми они были снабжены с мо-мента их эвакуации из Парги, то этот расход пошел за счет их

означать пожалованную им ми-островов, мы можем искренне сказать, что это явилось издевательством Парги, обездоленные люди! Потеря вашей родины и вашего имущества должна была быть уравновешена всего лишь четвертью стоимости этого имущества и причислением вас к числу остальных греков, которые, хотя юридически и свободны, на самом деле стонут в оскорбительном рабстве! Это уже второй раз, когда е. пр-во набрасывает нам столь замечательную картину состояния финансов, когда он намекает на какие-то выгоды, когда он, наконец, заставляет нас надеяться, что богатство казны сможет в один прекрасный день облегчить нам тяготы, но, к несчастью, эти тяготы постоянно возрастают и доходы казны оказываются в конце концов поглощеными в статьях, продиктованных воображением господина полковника Ханки², составленных в хорошо обдуманном беспорядке е. пр-вом и оплаченных с коммерческой точностью полковником Робинсоном³.

Вот уже третий раз, как по-чинка укреплений на Св. Мавре попадает в английскую от-четность. Этот расход в первый раз был уплачен при правле-нии генерала Эйре⁴, и все эти острова, оккупированные тогда английскими войсками, внесли свою часть. В другой раз тот же самый расход был занесен генералом Кэмпбеллом⁵ в финансовую таблицу, составленную известным инспектором Рейно и прекрасно отредактированную г-ном Мейером, прежде секретарем правительства, а ныне анг-

лийским генеральным консулом в Янине. Итак, дважды уплаченная островами сумма в настоящее время составляет предмет дара, который е. британское в-во расположено нам сделать; что значит, что эти области избавлены от уплаты в третий раз того же самого долга англичанам.

Он переходит, наконец, к опровержению общего мнения относительно увеличения жалованья государственным служащим и делает вывод, что если в предшествующие времена умеренность жалованья и других расходов не могла сделать государственную казну столь процветающей, как сейчас, то это доказывает, что щедрость, с какой правительство платит государственным служащим, ни в коей степени не наносит ущерба казне государства.

Расход любого государства должен быть пропорционален его доходам. В маленьком государстве расходы должны быть умеренными, чтобы избежать необходимости отягощать налогами небольшие состояния его жителей. Республика Семи Островов двигалась прямым путем к своему благополучию с помощью наиболее ревностных граждан, которые довольствовались бесплатным служением ей, руководствуясь той же заинтересованностью, какую хорошая мать имеет право требовать от своих хороших детей.

Судебные должности, так же как и административные должности на местах, никак не оплачивались. И в то же время один Сенат под покровительством конституции 1817 г. обходится финансам этих областей почти во столько же, во сколько обходились прежде все расходы по цивильному листу⁶. С каждым днем увеличиваются бесполезные и даже гибельные нужды, чтобы появился повод рассмотреть какой-нибудь новый налог. Если бы здесь речь шла о составлении статистической таблицы, которая могла бы служить обстоятельным ответом на финансовую статью, представленную нам верховым комиссаром, мы могли бы дать истинную картину бесконечных злоупотреблений и очевидных ошибок в ведении хозяйства и бесстыдной лжи, с помощью которой е. пр-во старается ввести в заблуждение, спрятав от посторонних глаз действительное состояние финансов в этой несчастной стране.

Но мы ограничимся в отчете тем, что скажем ему, что хорошее управление казной во времена Республики Семи островов смогло покрыть огромные расходы, вызванные враждебными действиями Али-паша против Св. Мавры, и расходы, необходимые для приведения в оборонительное состояние всех пунктов на Ионических островах в период войны между Россией и оттоманской Портой. К этому надо прибавить издержки на содержание военных и морских сил, которые оплачивались Республикой, и на выплату жалованья министрам Семи островов, находившимся в С.-Петербурге и Константинополе. Но несмотря на все это бремя, Тильзитский мир застал в казне Республики 800 тыс. франков, которые поступили в военную кассу французского правительства,

тогда как годовой доход государства не превышал 450 тыс. талеров, 2% от которых отчислялось местной администрации каждого острова на муниципальные нужды. В то же время, налоги, установленные после конституции 1817 г., приносят казне этих областей ежегодный доход на невероятную сумму — более 1 млн. талеров, целиком вносимую в генеральную кассу; ни одно из них не получают на свои расходы местные органы управления, нужды которых возрастают изо дня в день и которые, желая удовлетворить эти нужды должны прибегать к временным налогам, они затем становятся постоянными источниками доходов генеральной кассы, как это недавно случилось с 2%-ным налогом на коринку, введенным муниципальным советом Занте с целью восстановления мола этого острова на период, пока будет существовать в этом необходимость, и увековеченным в конце концов Законодательным корпусом в этом году. Хотя взимание налогов на пополнение ресурсов генеральной кассы доведено до столь высокого уровня и хотя эта касса никак не содействует удовлетворению муниципальных нужд, мы видим, что итог ежегодных ссуд, представленных в таблице е. пр-ва, никак не превышает суммы 50 тыс. талеров, из которых половина обращается в билон, дважды занесенный в пассив баланса, который он нам представил.

В соответствии с этими наблюдениями, основанными на неопровергнутых фактах, пусть теперь критикуют прежнюю финансовую администрацию этих островов, пусть ее сравнят с той, которую мы имеем в настоящий момент, и пусть найдут мужество утверждать, что чрезмерность оплаты государственных должностных лиц ни в какой мере не задевает сохранности казны! Но мы повторим здесь то, что один французский оратор сказал применительно к Наполеону Бонапарту: он создал Законодательный корпус, состоящий из немых, и Сенат, состоящий из слепых, и им обоим дорого платят: одному — за то, чтобы он ничего не говорил, другому — за то, чтобы он ничего не видел.

Он завершил финансовую тему замечанием, что, если в последнее время и были установлены кое-какие налоги на изобильное продовольствие этих областей, они тем не менее уравновешены отменой некоторых других существующих налогов, которые, затрагивая предметы питания, чувствительно давили на класс неимущих.

каждую бочку масла. В результате в течение двух последних лет это приносит 150 тыс. талеров о-ву Корфу, 50 тыс. — Занте и в целом 80 тыс. — остальным островам. Общая сумма прироста налога составляет 200 тыс. талеров в год.

Чтобы ответить на фразу, сравнивающую недавно установленные налоги с теми, которые были отменены, необходимо вначале составить представление о первых, являющихся продолжением нововведений. Не углубляясь в анализ вышеподложенных мелких деталей, мы просто ограничимся перечислением основных из этих налогов. Добавили еще по одному талеру вывозной пошлины на

На Занте надбавили лишних 2% на стоимость коринки, ежегодное производство которой составляет 6 млн. фунтов по средней стоимости 50 талеров за тысячу; это дает сумму в 6 тыс. талеров в год.

Конечную сумму от повышения налогов на все правовые акты, в том числе 4% на публичные торги и пошлины за хранение, оценивают приблизительно в 30 тыс. талеров в год для всех островов в целом.

Повышение таможенной пошлины соответственно на 3 и 4% на ввоз и вывоз всех видов товаров, даже на ввоз строительного леса (что раньше не подвергалось обложению), дает сумму в 150 тыс. талеров в год для всех островов в целом.

Остановимся на этом, не пойдем дальше. Итог этих повышений исчисляется общей суммой в 400 тыс. талеров в год, не говоря о повышении налога на соль и других статьях, таких, например, что содержат положения о портах, почте, карантинах, лазаретах и т. д. и т. п., что доводит ежегодную сумму, полученную от повышений, до более чем 600 тыс. талеров.

Сумма эта, будучи прибавленной к обычной сумме, существовавшей прежде, дает доход генеральной казне более чем в 1 млн. талеров в год.

Рассмотрим теперь результат отмены прежних налогов.

Десятина на зерно на островах Занте и Кефалония давала в целом 13 тыс. талеров в год; таким образом, отмена десятины составила уменьшение налогов для Занте на 6 тыс. талеров, но на Кефалонии установили налог в 30 парà за меру импортного зерна, что составляет вдвое больше тех 7 тыс. талеров, которыми исчислялся прежний налог. Что касается о-ва Корфу, там отменили маленький налог, который некогда был установлен французами на продовольственные продукты и который давал всего лишь более 3 тыс. талеров в год, однако на других островах он остался в силе.

Очень много шумят по поводу отмены прямого налога на вино, составляющего 1 пиастр на бочку; но этот налог был установлен лишь после занятия островов англичанами, что делало его налогом совершенно новым, который не имел места на Корфу даже после того, как англичане подтвердили свое вступление на этот остров. Если желают придать значение отмене пошлины на марки, пусть обратят взор на вновь установленные пошлины на отправление правовых актов, о которых мы упоминали выше, и тогда ясно увидят, что нововведения по той же статье вдвое пре-восходят отмененный налог, который, однако, начал существовать лишь со времени французов.

И после столь убедительных расчетов нам не хватает мужества ответить на ложь столь явную и на клевету столь наглую, как те, что становятся очевидными в результате простейшей арифметической операции.

Он заигрывает с Законодательным корпусом, рассматривая его членов как людей, которые прежде несли на своих плечах основное бремя управления Семью островами. Он льстит их опыту и осведомленности с целью добиться подтверждения ими правильности его предложений.

Чтобы разобраться в том, каким образом он делает вид, что рассматривает людей своего окружения как лиц, которые занимали наиболее важные правительственные должности перед захватом англичанами этих областей, достаточно взять цивильный лист, в который занесены те, кто был на службе Республики с момента ее учреждения и до появления англичан на островах, и можно убедиться в фальшивости его слов и в том, что, за исключением четырех или пяти лиц, все остальные — это личности, которых он специально подобрал для того, чтобы они повиновались ему и лжесвидетельствовали всякий раз, когда он укажет на необходимость в этом.

Он утверждает, что когда сбор таможенных пошлин отдается на произвол предпринимателя, то это стесняет торговлю, и что предпочтительным является государственное управление сбором налогов, что благодаря этому наша торговля процветает как никогда прежде.

На рах, которые обеспечиваются регулярным каботажем и которые приносят значительный доход финансам.

Откупщик налогов, находящийся под присмотром местной правительственной администрации, не может совершать злоупотребления при взимании налога, так как каждый купец имеет право жаловаться на него; а правительство имеет право оценивать его исходя из своего постановления, которое должно быть принято относительно откупа этой пошлины. Но государственная система взимания пошлин должна осуществляться людьми, которые являются доверенными лицами правительства, и им доверена вся власть, которой они могут всегда злоупотребить, и в любом спорном случае они могут исказить истину под маской рвения в интересах государства, и они могут притеснять купцов всякий раз, когда те не захотят уступить им в их частных интересах.

В данном случае мы можем засвидетельствовать, что все это ежедневно происходит в этих областях после того, как взимание пошлин стало монопольным правом, осуществляемым англичанами.

Сличая факты, видно, что являются ложью столь наглой, сколь и грубой, утверждения, что торговля на этих островах в настоящее время процветает по сравнению с тем временем, когда пошлины взимались откупщиками, и эту ложь невозможно утаить от очевидцев.

Затем он переходит к правительству подряду на зерно, потребляемое на Корфу, дав ему положительную оценку. Он старается убедить, что только благодаря подобной мере о-в Корфу, которому уже грозил голод, смог получить хлеб по низкой цене, несравненно меньшей, чем существовавшая прежде, и, что, наконец, недавно кефалонский хлеб несколько подорожал, закрывая глаза на то, что для Занте была установлена чуть более низкая цена, составляющая своего рода исключение из общего правила, на котором сам же он настаивает выше.

Оставьте, оставьте рассуждать на эту тему, так как это настолько возмутительно, что не заслуживает быть предметом серьезной дискуссии! Достаточно сказать, что до сегодняшнего дня начитывают 1 млн. талеров, полученных по этой монополии г-ном Робинсоном.

Наконец он мимоходом касается области культа, королевского войска, явившегося в своем роде национальной гвардией, постановлений, относящихся к здравоохранению, общественному образованию, и, наконец, гражданского и уголовного кодексов и их процессуальных аспектов.

Нельзя постичь, до какого предела дойдет бесстыдство е. пр-ва, когда он в третий раз стремится доказать выгоды, которые установление монополии на Корфу принесло жителям этой несчастной страны.

Является фактом, что в то время, когда на других островах зерно продаётся по 1 талеру за меру, Корфу обязан покупать его у правительства, а точнее — у г-на полковника Робинсона, по 2,5 талера. В описываемый нами момент английские представители, прибывшие на Занте с Корфу, покупают зерно по 6 и 7 пиастров за меру и оттуда отправляют его на Корфу, где продают в пользу правительства по 16.

Невозможно ответить на это одним словом. Все эти благодеяния по очереди обещаются всякий раз, как собирается Законодательный корпус, но остается фактом то, что всюду царствуют беспорядок, наглость и презрение к любому принципу долга и права; и если порой случайно дадут деньги на одну из этих статей, то тут же рассматривают какую-либо новую подать для обложения состояний жителей.

Он заключает свою знаменитую оправдательную речь тем, что конституция 1817 г. является источником благосостояния, что она хорошо продумана на благо этих островов и что ее благотворные результаты очевидны и известны; впрочем, если у некоторых представителей этих областей есть сомнения, о которых говорилось выше, следует откровенно высказать их для ее совершенствования. Но верховный комиссар столь уверен в полной приспособленности конституции к островам, что никогда не согласится ее изменить, основываясь лишь на теории, пока не случится что-либо, что весьма убедительно докажет на практике ее несостоятельность для благополучия Ионических островов.

Председатели Законодательного корпуса, Подготовительного совета и Комиссии, созданной для повторного рассмотрения фактов и мер относительно бунта на Св. Мавре, поочередно произносят хвалу всему, что верховный комиссар задумал и осуществил. Они закончили свои выступления одобрением его правлений с момента назначения до настоящего времени.

Порочность прежних конституций, сказал председатель Сената

Похвала конституции 1817 г. является не чем иным, как похвалой абсолютной власти, которую эта конституция ему предоставила. Сообразуется ли она с Парижским договором 1815 г. — самое простое сличение может легко это показать. Принесла ли она прекрасные результаты ионическим жителям — общийston этого народа позволит даже наименее просвещенным людям это понять. Впрочем, великой милостью для Законодательного корпуса является право, предоставленное е. пр-вом высказывать ему указанные выше сомнения в тот момент, когда он заявляет, что никогда не допустит ни малейшего изменения в конституции, о которой идет речь, без длительной и тщательной проверки, которая посредством других грубых ошибок выявила бы ее несовершенство.

Достаточно знать в отдельности способности, опытность, просвещенность, потребности и цели каждого из этих деятелей, чтобы определить мнение каждого по манере высказываться: Е. пр-во и назначенные им лица уже дали почувствовать верховную волю. Он торжественно обязался, что выбор государственных чиновников, отнюдь не основывающийся на таланте и влиянии, требует от них только **повиновения, покорности и умеренного рассуждения**. Итак, заранее определен характер людей, которые его окружают, и, следовательно, результат их деятельности может только соответствовать выбору их.

Неправда, что когда-либо в прошлом существовало разно-

та в ответ на заявление комитета Законодательной ассамблеи об исполнительной власти, состояла в том, что они способствовали сохранению разногласий между государственными властями; недостатками их он считает арендный договор на взимание таможенных пошлин, продажу прибыльных должностей, упадок сельского хозяйства, налоги на продукты первой необходимости, подушную подать и чрезвычайные налоги и множество других порочных учреждений. Он говорит, наконец, что времена меняются, что греческий дух черпает в этом вдохновение, что наши гражданские и политические права гарантированы, что наши финансы в прекрасном состоянии, так как наши граждане платят меньше налогов, чем раньше; что наша торговля процветает, что частные состояния увеличиваются; и все это является результатом благосклонности суверена, покровительствующего нам, так же как и результатом нашей конституции.

на с его известной монополией на зерно, чтобы сравнить наше современное положение с тем, которое подвергается критике. Мы совсем не знаем, каковы были ложные институты, существовавшие при прежнем режиме и подразумеваемые г-ном президентом Сената в его непонятной краткой речи. Что касается поголовной подати, то это имело место единственный раз в первый момент установления Республики, и это диктовалось срочными нуждами момента. Что касается чрезвычайного налога, то несколько раз проводились займы и они аккуратно выплачивались вместе с процентом.

Действительно, времена изменились, греческий дух подавлен изменой плохих граждан и деспотизмом верховного комиссара! Действительно, наши гражданские и политические права задушены ложным применением в жизнь системы, предоставившей нам свободу! Действительно, наши финансы не устроены, тогда как состояния ионических граждан отягощены такими налогами, кото-

гласие между властями, но конституция 1803 г. установила между ними совершенное равновесие, чтобы одна присматривала за другой и чтобы смешение законодательной и судебной властей не стало причиной узурпации и смерти общественной свободы. Мы уже ответили относительно откупа таможенных налогов.

Согласно конституции Семи островов, не было продажи ни должностей, ни тем более судебных актов. Впрочем, английская нация сейчас дает нам прекрасный пример, о котором упоминалось выше, пустьив в продажу военные чины, являющиеся везде в других местах следствием образования и личных заслуг. Ограничения в сельском хозяйстве касались только налогов. Никогда сельское хозяйство Ионических островов не было так поощряемо, как при правительстве Семи островов, и никогда оно не было в таком упадке, как после конституции 1817 г. Выше мы показали, каковы были налоги на продовольствие. Выше мы называли г-на полковника Робинсона

на зерно, чтобы сравнить наше современное положение с тем, которое подвергается критике. Мы совсем не знаем, каковы были ложные институты, существовавшие при прежнем режиме и подразумеваемые г-ном президентом Сената в его непонятной краткой речи. Что касается поголовной подати, то это имело место единственный раз в первый момент установления Республики, и это диктовалось срочными нуждами момента. Что касается чрезвычайного налога, то несколько раз проводились займы и они аккуратно выплачивались вместе с процентом.

рых никогда не было прежде! Действительно, наша торговля чахнет вследствие огромных расходов на судоходство, увеличения ввозных и вывозных пошлин! Действительно, современная конституция предоставила все привилегии иностранцам, которые злоупотребляют нашими несчастьями, нас грабят и нас презирают! Й, наконец, действительно, влияние нашего августейшего государя, нашего покровителя, было бы благодетельным, если бы бесчестность его доверенных лиц и предательство наших сограждан оставили бы голосу свободы и правды прямой доступ к его могущественному трону!

¹ Синклит — местное самоуправление на Ионических островах.

² Полковник Ханки — секретарь Т. Мэйтленда.

³ Полковник Робинсон — лицо, занимавшее ключевые позиции в английской администрации на Ионических островах.

⁴ Генерал Д'Эйре — командующий английскими войсками на Ионических островах в 1811—1813 гг.

⁵ Джеймс Кэмпбелл — английский генерал, в 1814—1815 гг. — генерал-губернатор Ионических островов.

⁶ Цивильный лист — список государственных служащих.

Герцог Веллингтон в Петербурге

В. Н. ВИНОГРАДОВ

Миссия герцога Веллингтона в Петербурге весной 1826 г. широко отражена в источниках и подробно проанализирована в исторической литературе. Уже современники придавали ей большое значение. Редко когда случалось, чтобы политическое шило так откровенно выглядывало из протокольного мешка; всем было ясно, что официальное поручение — поздравить нового императора Николая I с восшествием на престол, — лишь слегка прикрывало подлинный смысл визита: попытаться распутать весь клубок англо-русских противоречий на Балканском полуострове и Ближнем Востоке.

Неудивительно, что нет ни одного труда по истории внешней политики России либо Великобритании того времени, международных отношений в Юго-восточной Европе или Османской империи, в котором миссии Веллингтона не уделялось бы соответствующего внимания. Начиная с книги личного секретаря тогдашнего британского министра иностранных дел Джорджа Каннинга О. Степлтона, опубликовавшего после смерти патрона посвященное его деятельности исследование, в котором были напечатаны некоторые связанные с поездкой Веллингтона в русскую столицу документы, и до второго издания известного советского труда «История дипломатии», — повсюду говорится о миссии. Советскому читателю подписанное Веллингтоном в Петербурге 23 марта (4 апреля) англо-русское соглашение более всего известно по тексту, опубликованному в т. 11 фундаментального «Собрания трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами».

И все же представляется, что хранящиеся в архиве внешней политики России материалы дают возможность внести интересные уточнения в наши представления о ходе происходивших в Петербурге переговоров и, главное, проливают свет на непосредственную связь заключенной здесь конвенции с требованиями влиятельных кругов в руководстве греческой революции 1821—1829 гг.

Восстание на древней земле Эллады было воспринято в правительственные сферах Лондона с крайней тревогой и неодобрением: оно являлось явным покушением на равновесие сил в Европе — основу основ тогдашней британской политики на континенте. Континентальные державы должны были сторожить и сдерживать друг друга, в то время как британский флот рыскал по морям, добывая короне новые владения, а промышленности «мастерской мира» — новые рынки сбыта. Руководитель британского ведомства иностранных дел лорд Р. Каслри приложил

в 1814—1815 гг. немало усилий, чтобы на смену наполеоновскому господству пришел тот баланс сил, о котором авторы «Кембриджской истории внешней политики Великобритании» пишут: «Мирное урегулирование 1814—1815 гг., что бы ни говорили о его справедливости, установило вполне сносное равновесие»¹. Что при этом были вопиющим образом попраны национальные права поляков, норвежцев, бельгийцев, что на шею другим народам были посажены возвращенные на «прадительские троны» тираны, ни правительство тори, ни либеральную оппозицию в Лондоне, не смущало.

Общий принцип — баланс сил в Европе — распространялся и на юго-восточную часть. По веским соображениям сохранение существовавшего положения именно в этом регионе служило предметом особых забот Уайт-холла. Свообразие обстановки состояло в том, что политика России объективно способствовала развитию национально-освободительного движения балканских народов. Занятность России в выходе к Черному морю, в подрыве могущества Османской империи, стремление царизма усилить свое влияние в Юго-восточной Европе приводили к тому, что и путем переговоров, и в ходе многочисленных войн Россия упорно и в целом успешно добивалась расширения прав южных славян, греков, молдаван и валахов. Кючук-Карнайджийский (1774), Ясский (1791), Бухарестский (1812) мирные договоры явились значительными вехами в жизни балканских народов. После вхождения Грузии в состав России в начале XIX столетия границы последней вклинились далеко в Закавказье и британским правителям казалось, что над важнейшими императорскими путями нависла угроза.

Все это вызывало крайнюю тревогу в Лондоне. Оберегание коммуникаций с Индией от посягательств, явных или только мнимых, стало предметом первой заботы его правительства. Три экспедиции русского флота в Средиземное море (1768—1774, 1798—1800, 1805—1807), победоносные военные операции против турок и французов были восприняты британским кабинетом как предупредительный сигнал. Постепенно вызревала мысль о необходимости опереться на султанский режим в противодействии России. Слабевший на глазах нескольких поколений и явно бессильный посягнуть на владения британской короны и пути к ним, он стал восприниматься как идеальный страж Черноморских проливов. Великобритания перешла к систематической поддержке Османской империи. Первым материальным проявлением этой политики явился договор 1799 г., который гарантировал неприкосновенность османских владений на 8 лет. Но еще до истечения этого срока превратности европейской политики привели к тому, что султан оказался в союзе с наполеоновской Францией и в состоянии войны с Великобританией. Однако принцип неприкосновенности его владений (в первую очередь в той их части, что примыкала к России) пустил уже столь глубокие корни в умах британских политиков, что именно тогда, при са-

мых, казалось бы, неподходящих обстоятельствах Джордж Каннинг во время первого своего управления министерством иностранных дел (1807—1809) оформил этот принцип как доктрину². По мирному договору, заключенному в 1809 г., у Порты удалось «исторгнуть», по удачному выражению английского историка Дж. Клейтона³, обязательство закрывать в мирное время Босфор и Дарданеллы для военных кораблей всех держав. Статья XI англо-турецкого договора о мире, торговле и военном союзе ссылалась при этом на «древний обычай Османской империи»⁴. Русский военный флот оказался запертым в Черном море. На Венском конгрессе 1814—1815 гг. британская дипломатия пыталась включить Турцию в систему европейских гарантит, официально распространив на нее действие подписанных договоров⁵. Этого не получилось. На Даунинг-стрит утешали себя тем, что принцип легитимизма, в приверженности которому поклялись европейские монархи во главе с царем, сам по себе являлся ручательством сохранения статус-кво султанских владений. Правда, существовали многочисленные пункты русско-турецких разногласий: неурегулированность пограничной линии в Закавказье, нарушение интересов русской торговли, попрание автономных прав Дунайских княжеств, нежелание Порты претворять в жизнь положения Бухарестского трактата 1812 г. о предоставлении самоуправления сербам. Однако Александр I заверял союзников, что преисполнен желания уладить дело миром.

Греческое восстание 1821 г. еще больше осложнило обстановку в Юго-восточной Европе. Форин оффис переполошился; постоянный заместитель министра иностранных дел Дж. Планта писал в августе 1821 г.: «За рубежом у нас нет иных интересов, кроме связанных с греками, турками и русскими и с русско-турецкой войной, которой все опасаются»⁶. Послы четырех держав в Стамбуле — Англии, Франции, Австрии и Пруссии — обратились к грекам с призывом не «бунтовать» против своего «законного правителя», что-де противоречит принципам евангелия и христианской морали⁷. Каслри и австрийский канцлер К. Меттерних начали тонкую и коварную игру на охранительных и религиозно-мистических настроениях царя, пугая его распространением пенавистной революции на Юго-Восток Европы. Греческое восстание, писал Каслри британскому послу в Петербурге для передачи царю, «составляет разновидность того... мятежа, который систематически проявляет себя по всей Европе и приводит к взрыву там, где по какой-либо причине рука правительства ослабела»⁸.

Конечно, не только и не столько реакционные настроения Александра, сколько реальные факторы: враждебное отношение всех без исключения крупных монархий к перспективе русско-турецкой войны, трудное экономическое положение России, еще не залечившей ран после Отечественной войны 1812 г., неподготовленность армии к военной кампании — толкали русскую дипломатию на пассивный путь. Но поскольку греческая революция

явно содействовала ослаблению Османской империи, немало влиятельных сановников считали нужным продолжать в создавшихся условиях тот курс, который они именовали екатеринским. Между двумя несовместимыми принципами — легитимизма и подрыва могущества Османской империи — и заметалась русская дипломатия. На бесплодные усилия по сколачиванию блока держав с целью побудить султанских сановников к уступкам по спорным вопросам и к прекращению кровопролития в Греции было затрачено пять лет. Попытка воздействовать на них путем отзыва русской миссии из Стамбула на деле привела к тому, что дипломатические позиции были без боя сданы англичанам. По курьезному стечению обстоятельств уполномоченным по русским делам здесь оказался британский посол виконт Стрэнфорд, один из авторов пресловутого призыва дипломатов к восставшим грекам смириться, и, по свидетельству британской историографии, ярый «протурок». Неудивительно, что за четыре года непрестанных «усилий» он так и не смог преодолеть сопротивления дивана и достигнуть удовлетворявшего русскую сторону решения хотя бы по одному из спорных вопросов.

Покинутые царизмом, греки обратили свои взоры к Лондону. Сюда явилась делегация греческого правительства, которой удалось получить заем. Пришедший к управлению внешними делами в августе 1822 г. Джордж Канинг⁹, крупнейший из британских политиков XIX в., сумел в еще большей степени увеличить английский престиж в глазах повстанцев: в 1823 г. он признал их воюющей стороной. По принятой британской историографией точке зрения, для того времени это был прагматический шаг¹⁰: значительный военный флот греков серьезно мешал средиземноморской торговле и признание их воюющей стороной давало Канингу возможность воздействовать на греческие власти.

Но это вовсе не означало перехода британского министра на греческую сторону. Он недвусмысленно объяснил ее представителям, что Османская держава являлась старым и надежным политическим и торговым клиентом Великобритании, ссориться с которым не было никакого смысла: «Забывают, — сказал грекам министр, — что между Англией и Турцией издавна существуют договоры, обеспечивающие защиту далеко идущих британских интересов в турецких владениях; турки лояльно их соблюдают; эти интересы будут сразу же поставлены под угрозу, а обязательства по договорам, их гарантирующим, сознательно нарушены первым же выстрелом, который Великобритания произведет как союзник Греции во враждебных действиях против Турции»¹¹.

В сущности Канинг изыскивал комбинацию в духе поговорки «и волки сыты, и овцы целы». Он хотел добиться турецко-греческого примирения при сохранении Греции в составе Османской империи, но с предоставлением ей известной автономии. Как реалист, он понимал, что неизменным положение сохранить невозможно. Его скромные планы потерпели фиаско: греки настаи-

вали на самостоятельности и лишь в 1825 г. под влиянием тяжелых поражений стали склоняться к возможности удовлетвориться самоуправлением. Турецкий диван отвергал всякую возможность уступок «взбунтовавшейся рапе».

Каннинг взывал к разуму османских сановников, не скучился не лесть, уговоры в его демаршах перемежались с едва скрытыми угрозами, но ничего не помогало. В инструкции двоюродному брату Чарльзу Стрэтфорду-Каннингу, назначенному в 1825 г. посланником в Стамбул, предлагалось напомнить, «какие усилия и граничащую с принуждением настойчивость» пришлось употребить Лондону, чтобы «удержать русское правительство и народ... в покое и предотвратить объявление войны в защиту нации, исповедующей одну с тобою религию». Ни одна страна в Европе, с какими бы опасениями она не относилась к планам Петербурга, не встанет в этой войне на сторону Порты. Великобритания и впредь будет прилагать максимум усилий, поощряя долготерпение русского двора и порицая «воинственные наклонности» общественности. Однако каждая Османская победа в Греции будет способствовать росту симпатий Европы к грекам, «недуга же Османской империи, если такая произойдет, породит соблазн рассматривать ее как легкую добычу»¹².

И этот маневр кончился полным провалом. Порта категорически отвергла попытку вмешательства во внутренние дела империи, «коя волею всевышнего является свободною и независимою»¹³. Рухнула надежда Каннинга на то, что удастся при единоличном посредничестве Великобритании добиться греко-турецкого примирения, укрепившись при этом в Греции, сохранив свое влияние в Стамбуле и воспрепятствовав развязыванию русско-турецкой войны с ее возможными далеко идущими последствиями (упрочение позиций царизма на Балканах). Вывести Россию из большой политической игры на Юго-востоке Европы не удалось.

По всем признакам в 1825 г. терпение российских сановников и самого Александра I истощилось. Перед своей последней в жизни поездкой на юг России «кочующий деспот» запросил мнение видных дипломатов о способах решения русско-турецких разногласий. Ответ был единодушен: бесконечные и бесплодные переговоры подорвали позиции России и завели ее в тупик. Российский посол К. О. Поппо ди Борго писал из Парижа: «На Балканах каждый преследует свои интересы... У одной России нет ни роли, ни места. Ни Европа, ни турки, ни греки не обращают на нас ни малейшего внимания»¹⁴. Войну все считали неизбежной.

Каннинг уловил смену настроений. Надо было менять тактику и налаживать сотрудничество с царским правительством. Известный британский историк Гарольд Темперлей так характеризует преследуемые при этом цели: «Меттерних потерпел поражение, пытаясь сдержать Россию, не предпринимая ничего... Для Англии было лучше действовать с нею, нежели остаться

изолированной и бессильной». Каннинг поэтому мог удержать ее (т. е. Россию, — *B. B.*) в границах, предпринимая «что-то»¹⁵. Переговоры происходили осенью 1825 г. В Лондоне, Сифорде и Брайтоне — в курортных городках, куда удалились Каннинг и чета Ливенов, чтобы без помех обменяться мнениями. Восшествие на престол нового царя Николая I явилось подходящим моментом для того, чтобы направить в Петербург высокопоставленного и авторитетного политического деятеля для достижения договоренности. Кровь декабристов, пролитая новым самодержцем, Каннинга не смущала — он выразил восторг «величию, мудрости и умеренности» королованного карателя¹⁶. В качестве чрезвычайного британского посла была избрана самая представительная фигура того времени — победитель Наполеона при Ватерлоо герцог Артур Веллингтон. Каннинг снабдил его подробной инструкцией. Британский министр излагал свои мысли следующим образом: Необходимо предотвратить русско-турецкую войну, чреватую разгромом Порты. Бессмысленно делать это, прибегая «к общим призывам поддерживать мир и спокойствие... Терпение императора России (Александра I. — Авт.) истощилось, начало войны было предотвращено» его смертью. Попытки удержать Россию от вмешательства в греческие дела не имеют шансов на успех. Веллингтон должен был предложить британское посредничество в урегулировании греко-турецкого конфликта, или, если со стороны не согласятся, предусматривалось совместное вмешательство Англии и России. Какими средствами и до каких пределов — Каннинг не уточнял. Но он настойчиво отрицал право России объявлять войну даже в случае провала демаршей двух держав¹⁷. Веллингтон в Петербурге подчеркивал, что совместные действия должны «ограничиться представлениями»¹⁸.

Британского гостя встретили в русской столице с распостертыми объятиями. Установление сотрудничества с Англией вывело Петербург из изоляции, в которой он ощущал себя среди «союзников». На Дворцовой площади надеялись, что наконец-то удастся вырвать у «Европы» долгожданный мандат на войну.

Переговоры велись по широкому кругу вопросов, ибо русско-турецкие разногласия не ограничивались Грецией. Оставалась перешенной серия проблем, связанных с положением Дунайских княжеств и Сербии, с торговлей через проливы, с пограничной линией в Закавказье. Уже до приезда Веллингтона было решено предпринять энергичные шаги для форсирования решений всех этих вопросов.

В исторической литературе высказывалось мнение, что русская погта чуть ли не тайно от Веллингтона была отправлена Стамбулу с требованием урегулирования спорных вопросов. Так, академик Е. В. Тарле писал: «Не говоря ни слова Веллингтону и обдумав беседу с ним, царь внезапно послал Турции нечто очень похожее на ультиматум»¹⁹. Профессор А. В. Фадеев придерживался сходного взгляда: «Любезно беседуя с Веллингтоном, Николай I без его ведома заготовил пространную ноту»²⁰.

Оба известных историка допускали неточность. Возможно их ввел в заблуждение абзац из отчета российского министра иностранных дел К. В. Нессельроде о переговорах: герцог «застал курьера, который должен был отвезти в Константинополь ультиматум вашего императорского величества, готовым к отъезду»²¹. Этую фразу следует понимать лишь фигурально, ибо Веллингтон не только ознакомился с проектом депеши, но и внимательно ее изучил и сделал поправки, в значительной мере учтенные, о чем свидетельствует его переписка с Нессельроде. «Я с особой тщательностью изучил ноту, которую намерены вручить Порте через господина Минчаки», — писал Веллингтон 27 февраля (11 марта) 1826 г. 1 (13) марта в записке к Нессельроде он просил отсрочить отправку депеши с тем, чтобы он, Веллингтон, мог снести с Лондоном и британское правительство имело бы время и возможность побудить Порту принять ее условия. Британский посол просил представить Порте на размышление месяц²². Последнее и некоторые другие пожелания Веллингтона были учтены: на ответ османскому правительству давалось шесть недель. 27 мая (ст. ст.) того же года Нессельроде, сообщая Веллингтону о принятии ноты турецкой стороной, писал герцогу: «Вы, г-н герцог, принимали столь активное и просвещенное участие в дискуссиях между нашими двумя правительствами по поводу этого демарша до его осуществления, что я считаю в известном смысле своей обязанностью известить Вас непосредственно об его успехе». По словам ministra, Веллингтон «с присущей ему откровенностью» признал справедливость русских претензий и представил «замечания», которые почти все были приняты²³; со своей стороны он рекомендовал Стрэтфорду поддержать усилия русской дипломатии.

Действительно, 1 (13) марта Веллингтон направил британскому послу в Стамбуле депешу, в которой говорилось: «Как друг мира, я не могу не учитывать возможных произойти последствий, не предупредив правительство Порты²⁴ об их опасности не побудив его принять меры для того, чтобы дать его императорскому величеству удовлетворение, которого он вправе ожидать»²⁵. Известно, что в турецкой столице Стрэтфорд и посланники Австрии и Франции оказали русскому представителю Минчаки поддержку и под натиском четырех дипломатов османские министры капитулировали. Нессельроде послал Веллингтону поздравление с успехом, в котором, как считал российский министр, доля заслуг припадлежала британскому фельдмаршалу.

Веллингтон в данном случае осуществлял курс своего правительства на смягчение русско-турецких отношений и предотвращение войны, о чем ясно говорилось в инструкциях, которыми его снабдил Каннинг и которые требовали уступок со стороны Порты.

Параллельно с обсуждением русской ноты Турции герцог начал переговоры о греческих делах. Связь между этими двумя вопросами была непосредственной. Как писал в своем отчете

о беседах Нессельроде, британский представитель понимал, что, «хотя Россия хранила молчание по вопросу об умиротворении Греции, она легко найдет возможности и средства установить мир по своей воле и в соответствии со своими видами»²⁶.

И ход, и итог переговоров — англо-русская конвенция от 23 марта (4 апреля) 1826 г. — широко освещены и детально проанализированы советской историографией²⁷. Нет нужды повторять хорошо известные положения этих работ. Мы хотим остановиться лишь на двух документах, которые до сих пор не фигурировали в исследованиях и важность которых заключается в том, что они позволяют установить прямую связь между положениями о государственном устройстве Греции и ее отношениях с Портой, записанными в конвенции, и требованиями греческой стороны. Это — собственноручная записка А. Веллингтона Нессельроде от 1 (13) марта и «Суммарные пункты возможного урегулирования», выработанные в российском МИД и врученные, как указывалось в помете, герцогу «из рук в руки» 11 (23) марта. В первой излагаются подробнее, нежели это отражено до сих пор в историографии, результаты беседы Стрэтфорда с представителями греческого правительства во главе с Маврокордатосом у берегов о. Идры. Под влиянием тяжелых военных неудач влиятельные круги в руководстве восстанием умерили свою программу, что выразилось, в первую очередь, в отказе от лозунга полной независимости. Как видно из «Суммарных пунктов», русская сторона приняла положения, которые представители греческого правительства предлагали Стрэтфорду как базу возможного урегулирования — в них вполне определенно говорилось о согласии «взять за основу предложения, сделанные г-ну Стрэтфорду-Каннингу греческими вождями»²⁸, и попытаться добиться для Греции статуса, которым некогда пользовалась Рагузская (Дубровницкая) республика. Веллингтон в своем ответе подтвердил, что будущее урегулирование «должно основываться на предложении, переданном г-ну Стрэтфорду-Каннингу на о-ве Идра, а именно, что греки, пользуясь внутренним самоуправлением и полной свободой торговли, будут оставаться под сузеренитетом Порты, что они будут платить Порте дань; что они выплатят разумную компенсацию за принадлежащую мусульманам собственность в Греции и на островах и что Порта будет иметь известное участие в назначении правительства, создаваемого в Греции»²⁹.

При всей компромиссности этих условий, отраженных в конвенции от 23 марта (4 апреля), ее сильная сторона заключалась в том, что пункты о государственном устройстве Греции и ее отношениях с Портой не были навязаны извне, а повторяли мнение греков, высказанное в беседе со Стрэтфордом, и почти совпадали с пожеланиями греческого правительства, выраженными в письме к тому же лицу, составленном с учетом реальной военно-политической ситуации³⁰. В отличие от Петербургского протокола, оставлявшего определение территории Греции на буду-

щее, в последнем греческом обращении, присланном Стрэтфорду в апреле 1826 г., было выдвинуто трудно исполнимое требование о гарантии одинаковых прав всем частям Греции независимо от хода военных операций. Важнейшим параграфом Петербургского протокола был третий, предусматривавший, что в случае неудачи посредничества стороны будут считать выдвинутые в нем условия основой примирения, «имеющего совершившегося при их участии, общем или единоличном, между Портой и греками»³¹. Вызванное у Великобритании согласие на сепаратное вмешательство в греко-турецкий конфликт и было, с точки зрения Петербурга, самым ценным результатом переговоров. Протокол допускал широкое толкование этого пункта, нигде не оговаривая, что военные действия исключаются из числа возможных форм вмешательства. Обстановка была такова, что вероятность подобного оборота событий ввиду неурегулированности русско-турецких отношений по целому ряду вопросов отнюдь не исключалась. Публикуемый меморандум российского МИД от 11 (23) марта свидетельствует об этом со всей очевидностью. Петербург заранее отказывался от каких-либо планов территориального расширения в Европе, давая самые категорические заверения и самый недвусмысленный ответ на запросы Веллингтона. Герцог писал 1 (13) марта Нессельроде: «Е. и. в-во не раз выражал мне свою великодушную решимость не присоединять ни единой деревни к своим владениям и не увеличивать своего влияния с помощью какого-либо политического акта... Правительство короля с глубоким удовлетворением восприняло бы возможность устраниТЬ всякое беспокойство в данном отношении, получив письменную декларацию в этом смысле»³². Статья 5 Петербургского протокола содержала отказ сторон от какого-либо увеличения своих владений, влияния и исключительных торговых выгод³³.

Ни Веллингтон, ни британский кабинет в целом не скрывали, что и впредь будут прилагать всяческие усилия для того, чтобы предотвратить перерастание русско-турецкого конфликта в войну. Объективно этот курс помогал Османской империи сохранять свои балканские владения и тормозил развитие здесь освободительного движения. Грекам он затруднял достижение удовлетворявшего их урегулирования с Портой. Визит Веллингтона в Петербург был задуман как серьезный акт на пути предотвращения войны и связанных с нею и внушавших британскому правительству тревогу крутых перемен на Юго-Востоке Европы. Но, пойдя на неизбежные уступки России, кабинет преступил ту грань, которая означала для него потерю политической и дипломатической инициативы, перешедшей в руки Петербурга. Англо-русский протокол, несмотря на его архискоренную форму, определил расстановку международных сил на решающей стадии Восточного кризиса 20-х годов XIX в. Подписав его, британский кабинет лишился возможности выступить против России, когда события приняли нежелательный для него оборот и разразилась русско-турецкая война.

- ¹ The Cambridge History of British Foreign Policy. Cambridge, 1923, v. 2, p. 1.
- ² Temperley H. England and the Near East: The Crimea. London; New York; Toronto, 1936, p. 47.
- ³ Clayton G. D. Britain and Near East: Missolonghi to Gallipoli. London, 1971, p. 34.
- ⁴ Hurewitz J. C. Diplomacy in the Near and Middle East: A Documentary Record. New York, 1971, v. 1, p. 83.
- ⁵ Webster Ch. K. The Congress of Vienna. London, 1920, p. 84.
- ⁶ Webster Ch. K. The Foreign Policy of Castlereagh. London, 1925, p. 583.
- ⁷ Nichols I. C. Hellas Scorned: the Affair of the Ambassadorial Adress to the Greeks 1821. — East European Quarterly, 1975, N 3.
- ⁸ Webster Ch. K. The Foreign..., p. 360—361.
- ⁹ 12 августа 1822 г. Р. Каслри покончил жизнь самоубийством.
- ¹⁰ The Cambridge History..., v. 2, p. 86.
- ¹¹ Parliamentary Debates, 3-rd Ser., v. 234, p. 747—748.
- ¹² Stapleton A. G. The Political Life of George Canning. London, 1831, v. 2, p. 457—458.
- ¹³ АВПР, ф. Канцелярия, 1826 г., д. 6958, л. 387—389.
- ¹⁴ Ковалевский Е. Восточные дела в двадцатые годы. — Вестник Европы, 1868, № 3—4, с. 143—144.
- ¹⁵ Temperley H. The Foreign Policy of Canning. London, 1925, p. 392.
- ¹⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1826 г., д. 6956, л. 424. Х. А. Ливен — К. В. Несслероде, 9 (21) августа 1826 г.
- ¹⁷ Stapleton A. G. The Political..., v. 2, p. 468—469.
- ¹⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1826 г., д. 4455, л. 83.
- ¹⁹ История дипломатии. 2-е изд. М., 1959, т. I, с. 539.
- ²⁰ Фадеев А. В. Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века. М., 1958, с. 149.
- ²¹ Martens F. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами, СПб., 1895, т. XI, с. 340.
- ²² АВПР, ф. Канцелярия, 1826 г., д. 4455, л. 158, 162—165, 169. В меморандуме без даты (карандашная помета, сделанная, видимо, в российском МИД, — 18 марта) выдвинутые в ноте требования разбирались по существу и содержалась попытка несколько смягчить их, устранив намек на войну (там же, л. 151). Ноту Николай I санкционировал 5 (17) марта 1826 г.
- ²³ АВПР, ф. Канцелярия, 1826 г., д. 4456, л. 14.
- ²⁴ Так в оригинале.
- ²⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1826 г., д. 4455, л. 196.
- ²⁶ Martens F. Собрание трактатов и конвенций..., т. XI, с. 340.
- ²⁷ История дипломатии. 2-е изд., т. I; Фадеев А. В. Россия...; Киняпина Н. С. Внешняя политика России в первой половине XIX в. М., 1963; Шпаро О. Б. Внешняя политика Каннинга и греческий вопрос. — Вопр. истории, 1947, № 12; Достян И. С. Россия и балканский вопрос. М., 1972.
- ²⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1826 г., д. 4456, л. 2—3.
- ²⁹ Там же, д. 4455, л. 22—26. Британский меморандум от 14 (26) марта 1826 г.
- ³⁰ Там же, д. 6958, л. 399—404. Copie d'une lettre de la Commission permanente de l'Assamblée nationale de la Grece à l'ambassadeur de S. M. Britannique près de la Porte (апрель 1826 г.).
- ³¹ Martens F. Собрание трактатов и конвенций..., т. XI, с. 341—343.
- ³² АВПР, ф. Канцелярия, 1826 г., д. 4455, л. 113.
- ³³ Martens F. Собрание трактатов и конвенций..., т. XI, с. 343.

№ 1

Письмо члена британского кабинета герцога Веллингтона статс-секретарю России по иностранным делам К. В. Нессельроде о беседе британского посла в Стамбуле Ч. Стратфорд-Каннинга с некоторыми членами греческого правительства и их условиях возможного урегулирования греко-турецких отношений

С. Петербург, 1(13) марта 1826 г.

Private

M. le Comte! I have the honor to inform you that in a conversation which Mr. Stratford Canning had with certain leading persons in Greece while his passage through the Archipelago, they stated that the Greeks were desirous of terminating their contest with the Porte by means of an amicable arrangement, and that they were charged by their Gov [ernmen]t to solicit the good offices of Great Britain.

The terms which the persons above referred to stated that the leading men of the country were of opinion that it would be in their interest to accept were of [attaining (?)] an arrangement similar to that by which the republic of Ragusa had formerly been placed under the sovereignty of the Porte. It was considered that the Greeks would be content to pay an annual tribute to the sultan, and perhaps to indemnify the Turkish landholders for the loss of their property in the Morea, provided (?) that they enjoyed a total separation from the turks. Objections were stated to a form of Gov[ernmelt] similar to that which prevails in the Principalities on the Danube¹, although those who made this communication were not disposed to reject altogether the idea of according to the Porte some degree of participation in the appointment of principal authorities.

In respect of the extent of territory to be included in the denomination Greece the same two men appeared to think that that point must depend upon the state of the operations of the war.

Accepter M. le comte les assurances de ma considération très distinguée.

Wellington

АВПР, ф. Канцелярия, 1826 г., д. 4455, л. 219—220. Автограф.

Перевод

Частное

Господин граф! Имею честь сообщить Вам, что в разговоре, который г-н Стратфорд-Каннинг имел с некоторыми руководящими лицами в Греции во время проезда через Архипелаг, они сказали, что греки желают прекратить конфликт с Портой путем дружественного урегулирования и что их правительство поручило им прибегнуть к добрым услугам Великобритании,

Условия, принятые по словам вышеуказанных лиц, которые отвечали бы, по мнению руководителей страны, их интересам, заключаются в [достижении?] положения, подобного тому, в котором прежде Рагузская республика находилась под суверенитетом Порты. Считают, что греки могли бы согласиться платить ежегодную дань султану и, возможно, возместить турецким землевладельцам убытки за потерю собственности в Морее при условии, что они будут полностью отделены от турок. Были выдвинуты соображения против формы управления, подобной той, которая преобладает в Дунайских княжествах¹, хотя те, кто делал это сообщение, не расположены отвергать совершенно идею о предоставлении Порте некоторой доли участия в назначении главных властей.

В отношении территории, подлежащей включению в Грецию, те же два лица, как создается впечатление, полагают, что этот вопрос должен зависеть от состояния военных операций.

Примите, г-н граф, заверения в самом высоком уважении.

Веллингтон

¹ В 1821 г. османские войска подавили восстание Т. Владими雷斯ку в Валахии и заняли Дунайские княжества. Оккупация продолжалась, когда произошла встреча Ч. Стрэтфорда с греческими представителями. Недивительно, что последние не считали автономию Дунайских княжеств достаточно прочной. Она была упрочена и расширена по русско-турецкой Аккерманской конвенции 1826 г. и в дальнейшем по Адрианопольскому миру 1829 г.

№ 2

Памятная записка русского МИД герцогу Веллингтону с изложением возможных условий урегулирования русско-турецких отношений и выражением согласия на предложения греческой стороны в деле решения греко-турецкого конфликта

С.-Петербург, не ранее 1 (13) марта 1826 г.
и не позднее 11 (23) марта 1826 г.*

Перевод

*Суммарные пункты возможного урегулирования
для представления герцогу Веллингтону*

Императорский кабинет готов дать заверения, что, если Порта, отвергнув требования, которые ей представит г-н Минчаки¹, вынудит императора принять принудительные меры, е. в-во не будет питать никаких честолюбивых замыслов, никакого желания распространить в Европе свое влияние и владения России, а лишь настаивать на своих прежних требованиях

* Датируется на основании ноты Веллингтона от 1 (13) марта 1826 г. и пометы о вручении на данном документе.

885. - 18 Mary 1826.
Private

219

F. Peterburgh March $\frac{3}{12}$
1826

Marie wrote

I have to thank you for the air a
communication which Mr. Webster having had
with certain leading Persons in Great Britain, whom he hoped
through the Anti-slavery, they stated that the
Heels were desirous of communicating their intention
with the public by means of an immediate announcement,
and that they were engaged at their first Committee
to find offices of great renown.

The terms which the persons above referred to
stated that the leading Men of the country
the late Henry Hunt Napier, were of

Автограф письма герцога Веллингтона

Span that it could be for their interest
brought, were of a nature to an arrangement
under & that of which the Republic of
Naples had formerly been placed under the
Sovereignty of the Port. It was considered
that the ports would be an excellent place for an
annual tribute & the like; and perhaps
to indemnify the islands from the loss
of their Prebably in the Morea, provided the
Portuguese could be spared from the like.
Portuguese were stated to a few of port, similar
& that which prevails in the Principality
on the Danube; although those who made

Автограф письма герцога Веллингтона (продолжение)

communication were all shipped & sent
together to the Isle of Wight & the late
late degree of participation in the affair
of the Rumpel brother.

In itself & the extent of injury the article
in the communication here has further offend
I think that the point now depends upon
the facts of the operations of the war.

Another point will be as follows
as his son brother to distinguish
Wth Mr Wth M^r

Автограф письма герцога Веллингтона (окончание)

и на урегулировании других вопросов, не решенных между двумя империями с 1816 г.² Е. в-во присоединит к этому требование возмещения военных расходов.

В качестве ответной меры справедливости Великобритания обязуется вовремя не только признавать, как это она делает ныне через е. пр-ва герцога Веллингтона, справедливость претензий и требование возмещения, о которых идет речь, но и поспешит предложить свои добрые услуги в момент, когда Порта согласится по всем этим пунктам с желаниями е. и. в-ва.

Россия и Великобритания договариваются сверх того о следующих принципах.

Если Порта отвергнет требования императора и, следовательно, разразится война между Россией и этой державой, петербургский двор обязуется воспользоваться положением, в котором он тогда окажется, чтобы побудить вместе с Великобританией диван согласиться на достижение наиболее подходящих условий счастливого и прочного мира между Турцией и континентальной Грецией и островами Архипелага.

Если Порта согласится с требованиями е. и. в-ва и тем самым удастся избежать нависшей войны, Россия и Великобритания, имея первое свидетельство возможности внуширить дивану добрые намерения, объединят свои усилия для того, чтобы побудить Порту признать при их посредничестве условия мира с Грецией, ниже излагаемые. Россия и Великобритания представят их с этой целью дивану как естественное продолжение той здравой политики, которой и ему следует придерживаться в отношении императорского кабинета, как необходимое дополнение к отношениям дружбы и доброго понимания, которые он намерен установить с главными дворами Европы. Кроме того, как Россия, так и Англия объявят, что император в такой же степени, как и его британское величество, не допустит утверждение новой мусульманской державы на Средиземном море независимо от того, действительно ли Ибрагиму-паше поручено истребить в Греции ее христианских обитателей, или же он вопреки приказам султана продолжит осуществление мер, которые не только заставляют верить в существование подобного проекта, но и в то, что приступлено к его выполнению³.

Если принцип посредничества между Турцией и Грецией будет принят Портой в итоге демарший, предписанных г-ну Стратфорду-Каннингу, Россия будет содействовать своими военными операциями в случае разрыва и своим влиянием в случае примирения с Портой успеху этого посредничества, к которому она с готовностью присоединится.

Что касается условий мира, подлежащих обсуждению и относящихся к Греции и островам Архипелага, Россия и Великобритания пока что могут договориться принять за основу предложения, сделанные г-ну Стратфорду-Каннингу руководителями греков, с которыми этот министр имел встречу.

Следовательно, Россия и Великобритания придерживаются мнения: что греки могли бы платить Порте ежегодную дань; что они * приобрели бы мусульманскую собственность, находящуюся в Греции;

что они взамен могли бы пользоваться полной свободой совести, внутренней администрации и торговли;

что в целом посредничающие дворы могли бы постараться поставить греков в отношения с Портой, в которых находилась прежде Рагузская республика.

Россия и Великобритания оставляют за собой право принять в дальнейшем наиболее подходящие меры для устройства, первые соображения о котором здесь набросаны, для фиксации границ территории под именем Греция и островов, на которые блага этого устройства будут распространены, для определения в деталях условий существования и внутренней администрации, которая будет предоставлена грекам, для ведения необходимых переговоров как с ними, так и с турками.

Изложенные эвентуальные статьи будут доведены кабинетами Петербурга и Лондона до сведения других союзных дворов, которых пригласят дать им свое одобрение, и те из них, которые с ними согласятся, примут участие в гарантии окончательного соглашения, имеющего целью умиротворение Греции.

Передано герцогу Веллингтону из рук в руки 11 (23) марта 1826 г.

АВПР, ф. Канцелярия, 1825 г., д. 4456, л. 2—5. Отпуск.

* Здесь зачеркнуто: могли бы использовать фонды, полученные от уже сделанных ими займов, для

¹ М. Я. Минчаки — поверенный в делах России в Стамбуле.

² В инструкциях, данных в 1816 г. вновь назначенному в Стамбул посланнику Г. А. Строганову, суммировались неурегулированные вопросы русско-турецких отношений (см.: ВПР, сер. вторая, т. I (IX), № 65, с. 207, 700, примеч. 74). Разрешить их тогда не удалось.

³ Вторжение египетских войск (1825 г.) под командованием Ибрагима-паши в Грецию сопровождалось страшными жестокостями. Это привело к распространению сведений о намерении Ибрагима истребить в Морее греков и населить ее выходцами из Азии. На запрос английского офицера египетский генерал ответил, что он — всего лишь слуга Порты, к которой и нужно обращаться за разъяснениями. Порта отказалась дать официальный ответ, но частным образом сообщила, что плана полового истребления греков не существует. АВПР, ф. Канцелярия, 1826 г., д. 6958, л. 382, 389, 395, 398.

Деятельность Одесской греческой вспомогательной комиссии в 1821—1831 гг.

(По материалам Государственного архива
Одесской обл.)

Г. М. ПЯТИГОРСКИЙ

В советской историографии имеется уже немало исследований, посвященных политике России в греческом вопросе в первой трети XIX в.¹ Однако некоторые стороны этой политики еще не изучались специально. Речь идет, в частности, о действиях правительства и общественности России по оказанию помощи мирным греческим жителям — жертвам массовых репрессий — в период греческой национально-освободительной революции 1821—1829 гг. Один из важных аспектов этой большой темы — деятельность Одесской греческой вспомогательной комиссии — рассматривается в настоящем сообщении. Хотя о комиссии и упоминается в некоторых работах советских ученых², а также в дореволюционных русских изданиях³, история ее деятельности остается неизученной. Неопубликованные материалы Государственного архива Одесской обл. (ГАОО) позволяют осветить эту интересную страницу русско-греческих связей.

В марте 1821 г. греческий народ поднял знамя национально-освободительной революции. В связи с восстанием под руководством Александра Ипсиланти в Дунайских княжествах и последовавшим за ним восстанием греков в Морее и на островах Эгейского архипелага началась волна террора против греческого населения в Константинополе и других местах Османской империи. Тысячи беженцев вынуждены были искать спасения в пределах соседних государств. Значительное их число устремилось к границам единоверной России. Как известно, правительство Александра I осудило революционное выступление Ипсиланти. В то же время, руководствуясь политическими соображениями и опираясь на признанное международными договорами право России «покровительствовать» православному населению Османской империи, оно решительно осудило огульные репрессии Порты против мирного населения. Беженцы из Османской империи получали в России убежище и материальную помощь. Основной поток беженцев шел двумя путями: сушей — через русско-турецкую границу по Проту, морем — через одесский порт. Мы рассмотрим эмиграцию в Одессу, бывшую преимущественно греческой⁴.

Первые беженцы из Османской империи появились в Одессе уже 10 (22) марта 1821 г.⁵, а в июне их число в городе только по официальным данным достигло почти 4 тыс. человек⁶. Основную часть греческих беженцев составляли жители Константиноополя, меньшую — прибывшие из других прибрежных городов Османской империи.

Пропускная греческих беженцев в Одессу, городские власти установили для них прохождение предварительного 14-дневного карантина. По истечении этого срока им выдавался «билет» на право жительства в городе. К 18 (30) июня карантин прошло около 1200 человек⁷. Число прибывающих постоянно увеличивалось. Чтобы разместить всех их в одесском порту, дополнительно были созданы временные карантины.

В Одессе оказалась большая часть греческих беженцев из Османской империи — путь в этот город был для них наикратчайшим. Кроме того, в Одессе существовала уже греческая община, причем наиболее богатая и преуспевающая на всем юге России. Из-за отсутствия статистических данных мы не можем точно определить удельный вес, который составляли греки в населении Одессы к 1821 г.⁸ Они занимались в городе различными ремеслами, в частности были булочниками, каменщиками, плотниками. Но самый большой процент греки составляли среди купеческого сословия Одессы. Коммерция являлась основой благосостояния греческой общины Одессы. Богатством и размахом торговых операций особенно выделялись купцы Т. Серафино, А. Мавро, Д. Инглези, А. Кумбари, В. Яннопуло, Г. Маразли, К. Папахаджи, И. Манеси, И. Амвросиу, Д. Палеолог. Их состояние оценивалось миллионами рублей.

Еще с конца XVIII в. греческих эмигрантов привлекали в город быстрый рост материального благосостояния греческой общины Одессы, ее постоянные и многосторонние контакты с Грецией и заграничными греческими колониями, сохранение общинной национальной самобытности и покровительство одесских городских властей национально-патриотической деятельности греков. Именно здесь, в Одессе, в 1814 г. греческими эмигрантами Н. Скуфасом, А. Цакаловым и Э. Ксантосом была основана тайная революционная организация «Филики Этерия» (Дружественное общество), возглавившая национально-освободительную борьбу греческого народа на решающем этапе непосредственной подготовки к свержению османского ига. В Одессе находился и один из крупных центров греческого национально-просветительного движения. Из общего числа учащихся в городе в 1812 г. дети греков составляли не менее 22%⁹. Среди греческих учебных заведений Одессы выделялось основанное в 1817 г. на деньги местных купцов Греческое коммерческое училище, ставшее одним из самых значительных греческих учебных заведений той эпохи. На сцене одесского городского театра в 1814—1820 гг. греческий любительский театр ставил пьесы национально-патриотического содержания. Все это способствовало распространению греческого языка и культуры в Одессе.

нению славы об одесской греческой общине как о прочном образовании, имеющем будущее. Прибывающие в Одессу в годы греческой революции беженцы из Османской империи смотрели на этот город как на лучшее убежище в России.

Большая часть греческих беженцев оказалась в трудном материальном положении. Об этом свидетельствует целый поток прошений о помощи, поданных на имя новороссийского генерал-губернатора А. Ф. Ланжерона весной и в начале лета 1821 г.¹⁰ Однако, поскольку беженцев тогда было еще немного, русское правительство посчитало достаточным оказание им материальной помощи только из средств государственной казны, для чего было ассигновано 150 тыс. руб.¹¹ Вся сумма была перечислена в одесскую контору государственного банка. Для ее распределения 20 июня (2 июля) 1821 г. в Одессе учреждается временный комитет под председательством беженца силистрийского митрополита Кирилла.

Вскоре, однако, выявились явная недостаточность денежной суммы, выделенной царским правительством на оказание материальной помощи греческим беженцам, число которых постоянно росло. Не лучшим было их положение и в Бессарабии. Об этом стало известно как в России, где наиболее сильно было распространено сочувствие к грекам как к единоверцам, страдавшим под османским игом, так и за границей.

В этих условиях царские власти были вынуждены принять меры, необходимые для организации широкой помощи греческим беженцам. 24 июля (5 августа) 1821 г. министр духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицын разослав всем губернаторам и епископам России обращение правительства о сборе денежных средств. Царское правительство старалось не давать повода своим коллегам по Священному союзу заподозрить Россию в поддержке греческого восстания. Оно придало сбору пожертвований христианско-филантропический характер. В обращении говорилось об «ужасных происшествиях в Константинополе», о том, что «тысячи несчастных жертв гонения с самого марта месяца сего 1821 года ищут убежища в Одессе и Бессарабской области... Но пособия, им оказываемые, недостаточны к признанию столь великого числа семейств, со дня на день возрастающего», что «добрые христиане, конечно, услышат голосей, простираемый к ним в вере и любви; и не откажутся принимать участия в открываемой ныне подписке в пользу находящихся в Одессе и Бессарабии греческих и молдавских изгнанников»¹².

По всей России начался сбор пожертвований. Даже консервативные круги русского общества не остались в стороне от этого мероприятия, а для свободомыслящих людей, прежде всего будущих декабристов, участие в нем явилось одним из способов выражения сочувствия борющейся Греции. В сборе пожертвований приняли участие М. Ф. Орлов, П. С. Пущин и другие видные участники декабристского движения¹³. Всего до конца

1821 г. было собрано несколько сотен тысяч рублей. Эти деньги пропровождались в Одессу и Кишинев — места наибольшего сородочения греческих беженцев. А. Ф. Ланжерон во второй половине 1821—начале 1822 г. получил от жителей Петербурга 33 000 руб., Астрахани — 2440, Тобольска — 1120 руб. и т. д. Военнослужащие Волынского уланского полка прислали в Одессу 850 руб., Житомирского пехотного полка — 115, служащие Сибирского почтамта — 100, чиновники Тельминской суконной фабрики — 55 руб. Активное участие в сборе денежных средств приняли прихожане и русское православное духовенство: почти ежемесячно в Одессу пересыпали большие суммы курский епископ Евгений, ректор Нижегородской духовной консистории архиепископ Гавриил, вятский епископ Амброзий, екатеринославский архиепископ Иова¹⁴. Крестьяне с. Введенское Макарьевского уезда Нижегородской губ. И. Кузнецов, А. Семенова, П. Кудрявцев, Д. Лобазников и Ф. Болдырев в пользу греческих беженцев, находящихся в Одессе, собрали 17 руб.¹⁵, мещане г. Тюмени Ф. Проскуряков, М. Романов, Г. Башалин, И. Космарев, Г. Решетников, И. Ященков и др. (всего 39 человек) — 251 руб.¹⁶

Сбор пожертвований происходил и в Одессе. Получив программу подписки, А. Ф. Ланжерон распорядился перевести ее на греческий, немецкий и итальянский языки и распространить среди местных жителей¹⁷. К сожалению, мы не располагаем суммарными данными о деньгах, собранных в городе. Среди жертвователей находим имена действительного статского советника Байкова, генерал-лейтенанта Бороздина¹⁸, видных представителей греческой общины Одессы Д. Инглези, А. Мавро, А. Кумбари, И. Амвросиу, Т. Серафино, В. Яннопуло¹⁹.

Для распределения средств, поступающих в фонд помощи греческим беженцам и для их дальнейшего устройства, царское правительство предписало новороссийскому генерал-губернатору А. Ф. Ланжерону и полномочному наместнику Бессарабской обл. И. Н. Инзову создать специальные греческие вспомогательные комиссии. Ланжерону и Инзову вменялся контроль за деятельность названных комиссий. 23 октября (4 ноября) 1821 г. А. Ф. Ланжерон доложил И. А. Голицыну об учреждении им в Одессе греческой вспомогательной комиссии²⁰. Председателем ее был назначен выходец из Греции, длительное время находившийся на русской дипломатической службе, Матвей Яковлевич Минчаки, «которому по бытности пред сим в Константинополе совершенно известны были все несчастные обстоятельства и лица, потерпевшие разорение»²¹. Казначеем комиссии стал один из самых богатых греческих купцов Одессы Д. Инглези. В том же месяце была создана и Кишиневская комиссия.

В Одесской комиссии, состоявшей из девяти человек, семь были греками, причем двое из них (Д. Инглези и Е. Аврамиоти) входили ранее в состав временного комитета по оказанию помощи греческим беженцам. Такой состав комиссии был не слу-

чаен, ибо ее первейшей задачей являлось определение происхождения беженцев и того материального положения, какое они имели на родине, — от этого зависел размер назначаемого пособия. Решить эту задачу, по мнению А. Ф. Ланжерона, могли только греки, лично знавшие многих своих соотечественников, особенно «благородного происхождения». «Комиссия будет делать пособия греческим и молдавским фамилиям и лицам среднего и низшего класса, т. е. купцам, мещанам, мастеровым, служителям и матросам. Что же касается до знатнейших княжеских и дворянских фамилий и лиц, то попечение об оных предоставлено мне (А. Ф. Ланжерону, — Г. П.)»²². Однако позже, в 1823 г., когда новороссийским генерал-губернатором и полномочным наместником Бессарабской обл. стал М. С. Воронцов, последний передал эти функции комиссии.

Свое первое заседание Одесская греческая вспомогательная комиссия открыла 25 октября (6 ноября) 1821 г. в здании городской думы²³. На этом заседании ею были разработаны впоследствии утвержденные правительством правила распределения денежных пособий, которым она руководствовалась на протяжении 10 лет своего существования: «Первое — все просьбы, поступившие от греков, с вытребованными о них сведениями из одесского карантина и градской полиции разделить на три класса, поместив в 1-й класс купеческие фамилии и другие лица, имевшие в Константиноополе достаточное состояние, во 2-й класс — фамилии и лица ремесленников, мелочных продавцов и других подобных жителей среднего состояния, а в 3-й класс — таковых же людей низшего состояния: рабочих и слуг. Второе — по мере высланных доселе денежных пожертвований определить на каждый день для 1-го класса: одинокому — 2 руб. 50 коп., фамилиям, состоящим из двух душ, — 3 руб. 50 коп., из трех душ — 4 руб.; из четырех и пяти душ — 4 руб. 50 коп., из шести до восьми душ — 5 руб. 50 коп., из девяти и более — 6 руб.; для 2-го класса: одинокому — 1 руб. 50 коп., фамилиям: из двух душ — 2 руб. 70 коп., из трех душ — 3 руб., из четырех и пяти душ — 3 руб. 50 коп., из шести и семи душ — 4 руб., из восьми душ — 4 руб. 50 коп., из девяти душ и более — 5 руб. 50 коп.; для 3-го класса: одинокому — 60 коп., фамилиям: из двух душ — 1 руб. 50 коп., из трех душ — 2 руб., из четырех и пяти душ — 2 руб. 75 коп., из восьми душ и более — 4 руб. Матросам и подобным им холостым людям: одному — 40 коп. в сутки. Третье — выдачу производить всем тем... кои подали просьбы и внесены в списки комиссии, удостоверяясь о числе душ на паспортах, долженствующих быть у всякого из прибывших сюда греков»²⁴.

Для регистрации выдачи денежных пособий были заведены специальные книги: кроме росписи, оставляемой в них, о полученной сумме, в паспорте каждого беженца делалась отметка²⁵. Кроме того, Ланжерон и Инзов, чтобы не дать возможности одним и тем же лицам получать пособие в обеих вспомогательных

комиссиях, договорились еженедельно извещать друг друга о назначенных пособиях²⁶. Деньги, присылаемые из разных мест России в Одессу для оказания помощи греческим беженцам, хранились в одесской конторе государственного банка. Комиссия же по мере надобности сама должна была запрашивать требуемую сумму.

Общая сумма этих пожертвований быстро росла. Если к моменту открытия Одесской греческой вспомогательной комиссии она составляла всего около 60 тыс. руб.²⁷, то к 1 (13) декабря 1821 г. — уже 110 640 руб.²⁸ Пожертвования продолжались вплоть до закрытия комиссии. Всего за период с 1821 по 1831 г. в Одесскую комиссию поступило 1 149 224 руб. 70 коп.²⁹

Значительные суммы были переведены и в распоряжение Кишиневской комиссии. Согласно «Ведомости о расходе Кишиневской греческой вспомогательной комиссией денег в пользу неимущих обитателей Греции и Молдавии», составленной 31 декабря 1821 г. (12 января 1822 г.), пособия получали 1002 семейства «простого» звания³⁰.

В течение ноября-декабря 1821 г. Одесская греческая вспомогательная комиссия произвела первую выдачу денежных пособий на три месяца вперед (в дальнейшем денежные суммы также выдавались раз в несколько месяцев): на 82 человека из 1-го класса было распределено 9490 руб., на 552 человека из 2-го класса — 49 845, на 642 человека из 3-го класса — 33 077, на 744 матроса и других людей «самого низшего класса» (4-й класс) — 24 642 руб.³¹ Всего на 2020 человек было израсходовано 117 054 руб.³² Как видим, основная масса беженцев принадлежала к неимущим и малоимущим слоям греческого населения, получавшим наименьшие денежные пособия.

Самое большое число беженцев «простого звания» за все время существования комиссии обеспечивалось денежным пособием в апреле 1822 г. — 2443 человека (вместе с членами семей)³³, из них около 2 тыс. относились к 3-му и 4-му классам³⁴. Почти все эти беженцы прибыли в Одессу еще в 1821 г., но часть выходцев из самого низшего класса стала обеспечиваться пособием во вспомогательной комиссии лишь с начала 1822 г. ибо в предшествующее время находилась на содержании Греческого филантропического общества, о чем речь пойдет ниже. Выходцев же из греческих «благородных» фамилий, получавших денежное пособие весной 1822 г. непосредственно из рук А. Ф. Ланжерона, было 126 человек (вместе с членами семей)³⁵. Таким образом, общее число беженцев, получавших в Одессе денежное пособие, равнялось 2569 человекам. Их социальный состав был неоднородным, но основную часть греческих беженцев составляли матросы, рабочие и другие представители «низших» классов.

Тех мизерных пособий, которые получали представители «низших» классов, едва хватало на самое необходимое. Большие суммы поглощала плата за квартиру: 25 руб. в месяц, например,

платила за квартиру одесскому домовладельцу Рубановскому вдова София Николаева, прибывшая из Константинополя с семейством из восьми человек³⁶. Сажень дров в Одессе в те годы стоила 20 руб., 1 пуд сальных свечей — 4 руб., 1 пуд мыла — 3 руб. 50 коп., 1 пуд пшеничной муки — 1 руб.³⁷, 1 пуд кофе низкого сорта — 27 руб., 1 пуд сала — 8 руб. 70 коп.³⁸ Но даже выдача тех небольших сумм, которые получали греческие беженцы из «низших» классов, часто прерывалась, ибо зависела от сумм пожертвований, поступающих в комиссию. Последняя же старалась прежде всего обеспечить постоянный уровень пособий имущим слоям греческого населения. И хотя пожертвования продолжались до 1831 г. и составили указанную выше круглую сумму, частота присыпаемых денег со временем снижалась. Большинство жертвователей через год-два перестали вносить денежные суммы в большом размере, а некоторые совсем прекратили взносы.

Уже 14 (26) января 1822 г. Ланжерон докладывает Голицыну о том, что «присыпаемых в Одесскую вспомогательную комиссию пожертвований едва достает на удовлетворение самых необходимых нужд бедных греческих фамилий и лиц низшего класса»³⁹. А в конце апреля 1822 г., напоминая К. В. Нессельроде об уменьшении числа поступаемых пожертвований, Ланжерон просит содействия министра иностранных дел в его ходе тайстве перед царем в выделении денежных сумм с целью сохранить пособия «несчастным ... на все время, пока они приуждены будут находиться в теперешнем положении»⁴⁰. Лишь в январе 1825 г. после неоднократных докладов А. Ф. Ланжерона, а затем М. С. Воронцова царское правительство препроводило в Одесскую греческую вспомогательную комиссию 256 539 руб. 53 коп., взятых из той суммы, которая еще в 1822 г. была выделена государственной казной на выкуп пленных хиосцев⁴¹. Второй и последний раз за время своего существования Одесская греческая вспомогательная комиссия в пользу греческих беженцев «простого звания» получила денежную сумму из государственной казны в начале 1829 г.: «Его в-во, приемля во внимание затруднительное положение греческих пришельцев, по неизвестности, когда откроется им возможность возвратиться в свое отчество, — сообщал 5 (17) февраля 1829 г. М. С. Воронцову К. В. Нессельроде, — всемилостивейше повелеть соизволил отпустить в Ваше распоряжение из государственного казначейства 70 тыс. руб. для обращения в комиссию, учрежденную для пособий помянутым пришельцам»⁴². В общей сложности на оказание помощи греческим беженцам «простого звания», находившимся в Одессе, из государственных средств было выделено 326 539 руб. 53 коп.

Городские власти Одессы и греческая вспомогательная комиссия вынуждены были не раз обращаться к населению города за содействием в деле оказания помощи греческим беженцам. Как правило, все жители Одессы проявляли симпатии к беженцам,

многие предоставляли им свой кров, одежду. Так, одесский купец, грек по происхождению, Алексей Мими «в пользу бедных гречанок, спасшихся из Константинополя», предоставил 50 заячьих мехов⁴³. Свой кров разделили с греческими беженцами отставной солдат Андрей Тарасов, унтер-офицер Воробьев, одесские греки: Анастасия Скопилити, Вайано Палеолог, Барба Полизон, Дмитрий Муруки и др. Некоторые беженцы были поселены в здании Одесского греческого коммерческого училища⁴⁴. Подчеркнем, что греки Одессы вели активную деятельность по оказанию помощи своим соотечественникам, прибывающим в город.

1 (13) августа 1821 г. на собрании 76 представителей одесских греков и беженцев из Османской империи, состоявшемся в помещении греческого училища, было принято решение о создании Греческого филантропического общества. Эта организация стала оказывать материальную помощь греческим беженцам сразу с момента возникновения, а с 1 (13) ноября 1821 г. она взяла на свое попечение 300 греческих семей из числа матросов и других лиц самого «низшего» класса. Согласно предварительной договоренности с греческой вспомогательной комиссией, филантропическое общество обязывалось обеспечивать их денежным пособием в течение полугода, назначив каждому беженцу по 40 коп. в сутки, т. е. столько, сколько они получали бы в названной комиссии⁴⁵. Кроме того, общество собиралось снабжать беженцев одеждой и питанием. Об этом докладывал 23 октября (4 ноября) 1821 г. А. Н. Голицыну Ланжерон. За полгода по его примерному подсчету «таковое благотворительное пособие... будет стоить тому обществу более 40 тыс. руб.»⁴⁶ В состав исполнительного комитета Греческого филантропического общества вошли И. Амвросиу, А. Мавро, К. Кумбари, Г. Маразли и В. Палеолог. Им, избранным «из числа самых богатых греков этого города, — свидетельствует письмо Ланжерона к Нессельроде от 31 декабря 1821 г. (12 января 1822 г.), — ... было поручено собирать пожертвования и распределять их, внося дополнительно немало собственных средств; указанные пять членов общества взяли на себя расходы по содержанию 300 семей, которые поэтому не обращались за вспоможением в наш комитет (Одесскую греческую вспомогательную комиссию. — Г. П.)⁴⁷. Помимо этого, Греческое филантропическое общество проявляло заботу об укрывшихся в России бывших повстанцах из Дунайских княжеств, участниках выступления А. Ипсиланти, которым правительственные комиссии не оказывали помощи. Общество взяло на учет и поддерживало в той или иной форме свыше 2 тыс. воинов в Одессе и 3 тыс. в Бессарабии — всего свыше 5 тыс. человек⁴⁸. Оказание материальной помощи греческим беженцам из числа мирного гражданского населения было важной, но не основной целью Греческого филантропического общества. Официально общество приглашало всех «греков и филэллинов и породных вспомогать великолодушным пособием, словом и делом к облегчению участи стражущих⁴⁹, фактически же, являясь прямой преемственницей одес-

ской эфории «Филики Этерии», оно преследовало политические цели. Общество просуществовало всего 5 месяцев. Усмотрев в нем политическую организацию под маской благотворительного общества, Александр I поспешил закрыть его. Царское правительство пыталось сдержать патриотический энтузиазм греков Одессы и направить его в русло благотворительности по отношению к соотечественникам, в большом числе прибывающим в город.

Одесской и Кишиневской греческим вспомогательным комиссиям вменялось в обязанность заниматься не только раздачей пособий, но и трудоустройством беженцев. Одесскому городскому магистрату предписывалось оказывать всяческое содействие греческим беженцам, которые занимаются в городе тем или иным ремеслом, освободив их от каких-либо взносов в городскую казну⁵⁰. Однако большая часть беженцев осталась не у дел. До начала греческой революции русская черноморская торговля контролировалась богатыми греческими купцами и эмигранты могли находить источник к существованию в традиционных, привычных для них сферах деятельности — торговле и мореходстве. Теперь эта возможность вследствие застоя в торговле отпала. Если, например, в 1817 г. оборот черноморской торговли (суммируя показатели экспорта и импорта) равнялся 15% общероссийского оборота, то в первые годы греческой революции он составил 8,6%, а оборотный капитал одесских купцов, производивших внешнюю торговлю, снизился с 11 634 328 руб. серебром в 1817 г. до 5 567 945 руб. серебром в 1825 г., т. е. более чем в 2 раза⁵¹. Между тем только по данным Одесской комиссии в апреле 1822 г. в городе находились 1031 матрос и 141 купец (все из числа греческих беженцев)⁵².

Русское правительство разработало программу по трудоустройству греческих беженцев. Еще в первой половине 1822 г. К. В. Нессельроде разъяснил Ланжерону, что греческие выходцы, которые еще не нашли работы в Одессе, до окончания восстания должны остаться в России и получить пропитание. Ланжерону было предписано:

1. Разделить всех греков «низшего» состояния на особые разряды по принципу их ремесла и роду занятий.
2. Правительственная комиссия должна найти им работу.
3. Для размещения этих людей император назначает все «полуденные области» (имелись в виду Новороссийский край и Бессарабия, разумеется, за исключением самого места нахождения комиссии — Одессы. — Г. П.).
4. Эти люди могут быть поселены в данных областях небольшими партиями.
5. Греческие матросы могут быть приняты на работу в Николаеве и других военных портах.
6. Если в кассе комиссии окажется недостаточно денег, то она должна дождить императору об этом.
7. Комиссия должна стараться обойтись без помощи государственного банка⁵³.

Однако надежды правительства на осуществление этой программы оправдывались не всегда. Например, в рапорте Одесской греческой вспомогательной комиссии А. Ф. Ланжерону от 15 (27) сентября 1822 г. сообщалось, что «из числа греков 17 человек одиноких и 14 семейств, согласившихся было перейти в полуденные губернии для снискания себе работою пропитания, большая часть и все почти семейства объявили впоследствии намерение остаться в Одессе, одни — по болезням и семейным обстоятельствам, а другие — по неспособности к работам здешнего края, совершенно для них чуждым»⁵⁴.

Естественно, что исходя из традиционных связей с верхушкой греческого общества и в силу своей классовой природы царское правительство прежде всего заботилось о беженцах из среды высшего духовенства и «благородных» греческих фамилий.

В 1821—1822 гг. в Одессе нашли убежище некоторые высшие служители греческой православной церкви: митрополит силистрийский и экзарх всех задунайских прибрежных мест Кирилл, общий проповедник Великой церкви и всех православных церквей Константин Экономос, экзарх всей Фессалии Герасим, архиерей Синодский Иаков, митрополиты Филофей Навплийский, Мелетий Метронский, архимандрит Софоний. Всем им, за исключением последнего, была назначена ежегодная пенсия по 2 тыс. руб.⁵⁵. Архимандрит Софоний получал 1200 руб. в год⁵⁶.

Согласно «Списку благородным греческим эмигрантам, получающим в Одесской греческой вспомогательной комиссии пенсион...», составленному весной 1822 г., таковых было 126 человек (вместе с членами семей). В «Списке» значатся члены семейств высшего духовенства и фанариотов. Среди последних — княгиня Мария Маврокордато, княгиня Зоя Мурузи («мать всех князей Мурузи»), княгиня Ефросинья Мурузи (вдова князя Дмитрия Мурузи), княгиня Ралу Мурузи (вдова князя Константина Мурузи) с восьмью детьми, княгиня Роксандра Ханджери (вдова князя Михаила Ханджери) с сыном, князь Григорий Суццо, вдова княгиня Мария Суццо с сыном и сестрой Еленой Гераки, великий постельник Молдавии Василий Калиархи с женой и тремя детьми, гетман Александр Мано с женой, их сын постельник Константин Мано, Смарагда Мано (вдова драгомана Михаила Мано) с тремя детьми, постельник Константин Плагино с малолетней дочерью, княгиня Гика, пахарничаса Елена Афанасаки, спатарь Яков Ризо с женой и двумя детьми и др.⁵⁷

«Благородные» греческие эмигранты составляли не более 5% общего числа беженцев. В последующие годы это соотношение почти не изменилось. На представителей высших слоев греческого общества тратились колоссальные денежные суммы. За весь период своего существования Одесская греческая вспомогательная комиссия употребила на них 1 421 247 руб. 66 коп.⁵⁸, за тот же период на греческих эмигрантов «простого» звания, составлявших абсолютное большинство беженцев, ненамного больше — 1 469 200 руб. 97 коп.⁵⁹ За обеспечением эмигрантов из греческой

знати внимательно следил Александр I. Еще 20 декабря 1821 г. (1 января 1822 г.) он в целях обеспечения денежным пособием выходцев из «благородных» греческих фамилий распорядился отпускать для Одесской греческой вспомогательной комиссии из общих государственных доходов ежемесячно по 13 тыс. руб.⁶⁰ Киншиневской комиссии ежемесячно выделялось по 5 тыс. турецких левов⁶¹. В феврале 1822 г. Нессельроде известил Ланжерона об указаниях императора, согласно которым уменьшение или отмена назначенного пособия этой категории греческих беженцев могли производиться только с его санкции⁶². Сам же размер денежного пособия также должен был утверждаться царем⁶³. С целью сохранить уровень ежемесячных пособий для именитых греческих выходцев обеим комиссиям было предписано «принять за непременное правило: суммы, назначенные в раздачу боярам, не смешивать с теми, из которых делается пособие грекам низшего происхождения»⁶⁴. В отличие от греческих беженцев «простого» звания денежное пособие боярам выдавалось не раз в несколько месяцев, а ежемесячно.

Так, княгиня Мария Суццо на трех человек ежемесячно получала по 1000 руб.⁶⁵, княгиня Зоя Мурузи на одного человека — по 500 руб.⁶⁶, вдова драгомана Михаила Мано Смарагда на четыре человека — по 200 руб., великий постельник Молдавии Василий Калиархи на пять человек — по 200 руб.⁶⁷ Переселенцам «простого» звания сумма 500—600 руб., как правило, составляла пособие на семью на целый год: 500 руб. в год на два человека получала София Христо Потера — вдова стекольщика, 700 руб. на четыре человека — купеческая вдова Елена Марабути, 600 руб. на три человека — вдова каменщика Анфиса Макристамати⁶⁸.

Отезжающим за границу по различным делам греческим выходцам «благородного» происхождения сохранялось денежное пособие на все времена их отсутствия. Кроме того, Одесская греческая вспомогательная комиссия снабжала их деньгами на дорогу⁶⁹.

Непосредственное участие комиссия приняла в устройстве детей греческих беженцев. Они определялись как в русские, так и греческие учебные заведения города. Закономерно, что особое внимание было уделено детям из «благородных» семей. Именно для них открыли свои двери Одесский институт благородных девиц и Ришельевский лицей. Одесская греческая вспомогательная комиссия полностью оплачивала их содержание в названных учебных заведениях на протяжении всех лет своего существования. Так, ежегодно в Одесский институт благородных девиц пропровождалось 16 тыс. руб.⁷⁰ В 1830 г. в этом институте обучалось 25 детей греческих беженцев⁷¹. В Ришельевском лицее в том же году на содержании вспомогательной комиссии находилось 10 мальчиков. На их обеспечение ежемесячно выделялось по 1,5 тыс. руб.⁷²

Специально для детей греческих беженцев «простого» звания в 1822 г. было открыто временно девичье греческое училище⁷³. Для создания этого нового учебного заведения Одессы греческая

вспомогательная комиссия выделила 2500 руб.⁷⁴ Кроме того, ежемесячно на содержание учащихся попечитель училища Э. Персиани и его директриса Аврамопуло получали из комиссии по 500 руб.⁷⁵ В 1827 г. в училище насчитывалось 65 учащихся, которых обучали 4 учителя⁷⁶.

Значительно пополнилось за счет детей беженцев Греческое коммерческое училище Одессы: в 1827 г. в нем было 280 учащихся⁷⁷. К началу 20-х годов XIX в. в Одессе насчитывалось несколько частных греческих школ. В 1825 г. появилась еще одна, основанная греческим беженцем Х. Констандиниди⁷⁸, а спустя год открылось училище при греческой церкви Одессы⁷⁹. Однако вместить всех желающих эти учебные заведения не могли: платное обучение не всем родителям было под силу. В исключительных случаях дети греческих беженцев «простого» звания отправлялись за казенный счет на учебу в другие города России. Среди счастливцев оказались три молодых хиосца — Михаил Антониу, Пандели Антониу и Стотати Пулагу, которые в марте 1824 г. по ходатайству Одесской греческой вспомогательной комиссии перед императором были направлены в Казанскую гимназию⁸⁰.

Вместе с тысячами беженцев из Османской империи в Одессе нашли убежище немало учителей и других представителей греческой национальной интеллигенции. В их числе учитель словесности Николай Сибрика⁸¹, лекарь Константин Леопиди⁸² (все из Константинополя) и др. Некоторые представители интеллигенции заняли преподавательские должности в учебных заведениях Одессы. Под руководством преподавателей-греков Ришельевского лицея его воспитанники организовали драматический кружок. 17 (29) февраля 1827 г. «Одесский вестник» сообщал: «... мы не можем умолчать о драматических представлениях, данных любителями театра на греческом языке. Многим из наших читателей приятно будет узнать, что греческие музы не вовсе забыты в граде, населенном частью греками. Воспитанники Ришельевского лицея посвящают свободные от занятий часы драматическому искусству, и в продолжение масленицы мы видели с истинным участием игранные ими на греческом языке трагедию «Заир». Она переведена на новогреческое наречие известным поэтом Г. Ризо»⁸³.

Однако не всех представителей интеллигенции смогла обеспечить работой Одесская греческая вспомогательная комиссия⁸⁴.

Долголетняя война Греции за независимость завершилась успешно, в чем огромную роль сыграла военная акция России. Русско-турецкая война 1828—1829 гг. закончилась подписанием Адрианопольского мирного договора, предоставившего Греции широкую автономию, а в 1830 г. была провозглашена полная независимость греческого государства. Еще в первые годы национально-освободительной войны многие беженцы из «низших» классов выехали в Грецию. Но основная масса греков стала покидать Одессу в 1828—1830 гг. К началу 1830 г. в Одессе осталось 96 семейств и 61 одинокий — всего 478 человек⁸⁵. В период с 7

(19) марта 1830 г. по 1 (13) января 1831 г. город покинуло еще 84 человека⁸⁶. 20 сентября (2 октября) 1830 г. М. С. Воронцов уведомил председателей Одесской и Кишиневской греческих вспомогательных комиссий о том, что «государь император по уважению, что настоящее положение дел представляет возможность грекам беспрепятственно возвратиться в свое отчество, высочайше повелеть соизволил — отпуск суммы, на содержание греческих эмигрантов определенный, прекратить с истечением 1830 г.»⁸⁷

В связи с этим 21 октября (2 ноября) 1830 г. Одесская греческая вспомогательная комиссия произвела общую окончательную раздачу денежных пособий⁸⁸. Кроме суммы за несколько месяцев вперед, всем отъезжающим было выдано единовременное пособие на путевые расходы. Получающим окончательный расчет был установлен двухнедельный срок, в течение которого они должны были покинуть пределы России. Так, например, нежинский грек Москулий Палеолог дал «подписку греческой вспомогательной комиссии в том, что Петро Паника с женой и двумя малолетними сыновьями через 10 дней непременно отправится из Одессы в Константинополь. В противном случае он ответит собственностью за него в тех деньгах, которые он получит в споможение себе для проезда»⁸⁹. Городские власти стремились предотвратить новые трудности в обеспечении греческих беженцев, которые могли возникнуть после закрытия греческой вспомогательной комиссии.

Многие из выехавших представителей «благородных» греческих семейств, находясь в Греции, продолжали получать пособие из Одесской греческой вспомогательной комиссии вплоть до ее закрытия. Среди них, например, вдова Гаритон — сестра юлашского господаря А. Суццо, уехавшая в 1829 г.⁹⁰, ага Николай Левиди, уехавший в 1830 г.⁹¹, и др. О некоторых бывших греческих беженцах «благородного» происхождения беспокоился сам президент Греции граф И. Каподистрия. Так, в письме от 16 (28) декабря 1829 г., посланном на имя Воронцова, Каподистрия ходатайствовал о продолжении выдачи денежного пособия из Одесской греческой вспомогательной комиссии вдовам Папаригопуло и Сканави, выехавшим на родину⁹². После непродолжительной переписки с министерством иностранных дел М. С. Воронцов получил ответ о том, что «государь император соизволил сохранить получаемое помянутыми вдовами содержание из Одесской комиссии до того времени, пока они в отечестве своем приищут средства к пропитанию себя»⁹³. В июне 1831 г. была закрыта Одесская греческая вспомогательная комиссия, а в следующем году — Кишиневская.

Одесская и Кишиневская греческие вспомогательные комиссии были созданы русским правительством. В качестве главной перед ними стояла задача распределения денежных средств, поступавших в фонд помощи грекам, нашедшим убежище в России в связи с репрессиями, обрушившимися на них в Османской империи. Эти репрессии были вызваны начавшейся в марте 1821 г. греческой национально-освободительной революцией.

Одесская греческая вспомогательная комиссия оказала помощь 2569 беженцам, на которых за 10 лет своей деятельности она израсходовала 2 890 448 руб. 63 коп. Если же учесть и деньги, распределенные между греческими беженцами ранее существовавшим в Одессе времененным комитетом, то общая сумма составит 3 040 448 руб. 63 коп. Суммарными данными о работе Кишиневской греческой вспомогательной комиссии мы, к сожалению, не располагаем⁹⁴.

Разумеется, наилучшие условия для пребывания в России царские власти стремились обеспечить представителям фанариотских семей и высшего духовенства. Но эта консервативная сторона деятельности комиссии не должна заслонять от нас ту объективно положительную роль, которую она сыграла в оказании материальной помощи греческим беженцам. Кроме того, нельзя забывать, что в деятельности Одесской греческой вспомогательной комиссии нашло определенное отражение сочувствие русского народа освободительным стремлениям греков. Пожертвования от населения России в пользу греческих беженцев, находившихся в Одессе, составили 1 149 224 руб. 70 коп. — более $\frac{1}{3}$ всех денег, израсходованных комиссией.

Русско-греческие связи в период греческой национально-освободительной революции — один из важных этапов в истории взаимоотношений России с Грецией. Апогеем этих связей на данном этапе явилась русско-турецкая война 1828—1829 гг., позволившая грекам успешно завершить борьбу за освобождение. Но помочь греческому народу Россия оказывала на протяжении всего периода его национально-освободительной борьбы. Важное дополнительное свидетельство тому — деятельность Одесской и Кишиневской греческих вспомогательных комиссий.

¹ Укажем наиболее значительные работы по этой проблематике: *Фадеев А. В. Россия и Восточный кризис 20-х гг. XIX века*. М., 1958; *Шпаро О. Б. Освобождение Греции и Россия (1821—1829)*. М., 1965; *Арш Г. Л. Этеристское движение в России: Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи*. М., 1970; *Он же. И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809—1822 гг.* М., 1976; *Достян И. С. Россия и балканский вопрос: Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в.* М., 1972; *Шеремет В. И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г.: Из истории Восточного вопроса*. М., 1975; *Станиславская А. М. Россия и Греция в конце XVIII—начале XIX века: Политика России в Ионической республике в 1798—1807 гг.* М., 1976; *Нарочницкий А. Л. Греческое национально-освободительное движение и Россия. — Вопр. истории*, 1980, № 12.

² *Арш Г. Л. Этеристское движение..., с. 330—331; Иовва И. Ф. Бессарабия и греческое национально-освободительное движение*. Кишинев, 1974, с. 153—163; *Оганян Л. Н. Общественное движение в Бессарабии в первой четверти XIX в.* Кишинев, 1974, ч. 2, с. 54.

³ *Скальковский А. Первое тридцатилетие истории города Одессы (1793—1823). Одесса, 1837, с. 250—251; Одесса 1794—1894. Одесса, 1895, с. 708; Халиппы И. Н. Восточные святители, нашедшие пристанище в пределах Кишиневской епархии среди смут греческого восстания 1821—1828 гг. — Тр. Бессарабск. губ. учен. архивной комис., Кишинев, 1900, т. I, с. 29.*

- ⁴ Спасшиеся беженцы из Молдавии и Валахии нашли убежище главным образом в Кишиневе и других городах Бессарабии. В их числе, кроме греков, находились и представители других народов, проживавших в Дунайских княжествах. Так, в «Списке о числе находящихся в городе Кишиневе заграничных пришельцев, перешедших в Бессарабию во время происходившего беспокойства во владениях Оттоманской Порты», составленном в ноябре 1823 г. Кишиневской греческой вспомогательной комиссией, значится: греков 1190 человек, молдаван 796, болгар 262, сербов 242, армян 3, немцев 14, евреев 177 — всего 2684 человека. ГАОО, ф. 1, оп. 214, д. 22, 1823 г., л. 40.
- ⁵ В этот день в город прибыло 11 человек: «князь Александр Ханджери, жена его Смарагда — урожденная Калиархи, дети их — Григорий, Телемак, Екатерина, Мария; зять их Гартман; Александр Дросино, doch' ego Смарагда; Василий Яни; спутник Николай Суццо». ГАОО, ф. 1, оп. 221, д. 4, ч. 1, 1821 г., л. 57. «Список о прибывших из Константинополя в Одессу греках и по благополучном выдержании карантинного термина выпущенных из карантина в город».
- ⁶ Там же, ч. 4, л. 2. В это число, кроме беженцев из числа мирного гражданского населения, входили и бывшие повстанцы из армии А. Испиланти.
- ⁷ ГАОО, ф. 1, оп. 221, д. 4, ч. 1, 1821 г., л. 57—72. «Список о прибывших из Константинополя в Одессу греках...»
- ⁸ Вероятно, он был достаточно ощутимым: еще в 1795 г. греки составляли более 10% населения города (244 из 2349 жителей). См.: Бернштейн С. Исторический и торгово-экономический очерк Одессы. Одесса, 1881, с. 23. В дальнейшем население Одессы быстро росло: в 1807 г. в городе жило 12 500 человек, а в 1817 г. — 32 740. См.: Одесса 1794—1894, с. 56.
- ⁹ Скальковский А. Материалы для истории общественного образования в Одессе. Одесса, 1867, с. 14.
- ¹⁰ Так, только в одной из частей дела «Об учреждении Комитета для вспомоществования константинопольским грекам, прибывшим в Одессу» их содержится около 1000. ГАОО, ф. 1, оп. 221, д. 4, ч. 5, 1821 г.
- ¹¹ ГАОО, ф. 1, оп. 221, д. 4, ч. 1, 1821 г., л. 133. «Об учреждении Комитета для вспомоществования константинопольским грекам, прибывшим в Одессу».
- ¹² Там же, ч. 4, 1821 г., л. 2. См. также: Documente privind istoria României: Răscoala din 1821. Bucureşti, 1960, v. IV, p. 207—208.
- ¹³ Ариш Г. Л. Этеристское движение..., с. 330.
- ¹⁴ ГАОО, ф. 1, оп. 221, д. 4-а, 1821 г., л. 1—29. «Книга на запись денег, получаемых г. херсонским военным губернатором из разных мест для пособия грекам».
- ¹⁵ Там же, д. 4, ч. 4, 1821 г., л. 801 об. «Именной список, составленный в Нижегородской духовной консистории тем лицам, кои внесли добровольные приношения в пользу обитателей Греции, оставляющих отчизну и все имущество для спасения жизни и семейств своих, с показанием, кто именно из них какою суммою денег пожертвовал» (в конце списка дата — 11 (23) марта 1822 г.).
- ¹⁶ Там же, л. 243—243 об. «Подпись к человеколюбивому пособию греческим семействам, гонимым из своей отчизны, прибывшим под покров любезнейшего нашего отечества» (Получена А. Ф. Ланжероном из г. Тюмени 14 (26) ноября 1821 г.).
- ¹⁷ Там же, л. 118.
- ¹⁸ Там же, д. 4-а, 1821 г., л. 2 об.
- ¹⁹ ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 14, 1821 г., л. 5—6.
- ²⁰ ГАОО, ф. 1, оп. 221, д. 4, ч. 4, 1821 г., л. 118—120.
- ²¹ Там же, л. 12. А. Н. Голицын — А. Ф. Ланжерону, 25 августа (6 сентября) 1821 г. См. также частное письмо А. Ф. Ланжерона к М. Я. Минчаки от 23 октября (4 ноября) 1821 г. — Там же, л. 132—132 об. Вторые пять лет деятельности комиссии (1826—1831) в ней председательствовал статский советник П. Я. Марини.

- ²² Там же, л. 124. А. Ф. Ланжерон — «комиссии, учрежденной в Одессе для вспомоществования грекам», 23 октября (4 ноября) 1821 г.
- ²³ Там же, л. 125. В этом здании комиссия располагалась все 10 лет своего существования. Выбор места был, видимо, не случаен: с 1818 г. городскую думу, являвшуюся главным органом городского общественного управления, возглавлял Д. Инглези, а в 1821 г. его сменил другой видный одесский грек, член Одесской греческой вспомогательной комиссии (с 1822 г.) И. Амвросиу.
- ²⁴ Там же, л. 293.
- ²⁵ Там же, л. 294.
- ²⁶ Там же, л. 163. И. Н. Инзов — А. Ф. Ланжерону, 31 октября (12 ноября) 1821 г.
- ²⁷ Там же, л. 149. А. Ф. Ланжерон — И. Н. Инзову, 28 октября (9 ноября) 1821 г.
- ²⁸ Там же, л. 305. «Список о деньгах, полученных херсонским военным губернатором для пособия грекам по 1 декабря 1821 г.»
- ²⁹ ГАОО, ф. 1, оп. 200, д. 72, 1829 г., л. 389 об. «Общий отчет Одесской греческой вспомогательной комиссии о приходе, расходе и остатке сумм на пособие простого звания греческим эмигрантам с 1821 по 1831 г.»
- ³⁰ ГАОО, ф. 1, оп. 214, д. 8, 1821 г., л. 213.
- ³¹ ГАОО, ф. 1, оп. 221, д. 4, ч. 4, 1821 г., л. 1001. «Записка о всей операции Одесской греческой вспомогательной комиссии с ноября 1821 по 16 сентября 1822 г.»
- ³² Кишиневская греческая вспомогательная комиссия до конца 1821 г. на упоминавшиеся нами 1002 семейства израсходовала 52 880 турецких левов. ГАОО, ф. 1, оп. 214, д. 8, 1821 г., л. 213.
- ³³ ГАОО, ф. 1, оп. 221, д. 4, ч. 4, 1821 г., л. 1001.
- ³⁴ В мае того же года 63 человека из числа представителей «низших» классов были «отправлены из Одессы для поселения на земле графа Орлова-Денисова». В связи с этим им выдано окончательное пособие (всего 3003 руб. 80 коп.). Там же.
- ³⁵ ГАОО, ф. 1, оп. 221, д. 4, ч. 2, 1821 г., л. 84—84 об. «Список благородным греческим эмигрантам, получающим в Одесской греческой вспомогательной комиссии пенсион...»
- ³⁶ Там же, ч. 5, л. 208. Прошение об оказании денежной помощи, поданное С. Николаевой на имя председателя временного комитета от 23 июня (5 июля) 1821 г. (на греч. яз.).
- ³⁷ Скальковский А. А. Из портфеля первого историка г. Одессы. — В кн.: Из прошлого Одессы. Одесса, 1894, с. 231.
- ³⁸ Одесский вестник, 1829, № 11, 33.
- ³⁹ ГАОО, ф. 1, оп. 221, д. 4, ч. 4, 1821 г., л. 458.
- ⁴⁰ Там же, л. 826. А. Ф. Ланжерон — К. В. Нессельроде, 22 апреля (4 мая) 1822 г.
- ⁴¹ ГАОО, ф. 1, оп. 200, д. 2, 1825 г., л. 3. «О деньгах, пожертвованных на искупление хиосцев».
- ⁴² Там же, д. 72, 1829 г., л. 28.
- ⁴³ См.: Сопроводительная записка А. Ф. Ланжерона Одесской греческой вспомогательной комиссии в связи с передачей ей этих мехов «для раздачи беднейшим гречанкам», 24 декабря 1821 г. (5 января 1822 г.). ГАОО, ф. 1, оп. 221, д. 4, ч. 4, 1821 г., л. 343.
- ⁴⁴ Данные сведения почерпнуты из записей (автор их нам не известен), сделанных во временном комитете по распределению денежных пособий, на отдельных прошениях греческих беженцев об оказании им материальной помощи. Эти документы датированы июнем-июлем 1821 г. ГАОО, ф. 1, оп. 221, д. 4, ч. 5, 1821 г., л. 78, 165, 173, 175, 178, 183 об., 204, 223.
- ⁴⁵ Там же, ч. 4, л. 294. Рапорт Одесской греческой вспомогательной комиссии А. Ф. Ланжерону, 24 ноября (6 декабря) 1821 г.
- ⁴⁶ Там же, л. 119 об.
- ⁴⁷ ВПР, сер. вторая, т. XII, с. 408. А. Ф. Ланжерон — К. В. Нессельроде, 31 декабря 1821 г. (12 января 1822 г.).
- ⁴⁸ Архи Г. Л. Этеристское движение..., с. 337.

- ⁴⁹ ГАОО, ф. 1, оп. 221, д. 4, ч. 4, 1821 г., л. 27. Устав Греческого филантропического общества (копия, перев. с греч. яз.). Приложение к донесению одесского градоначальника Н. Я. Трегубова А. Ф. Ланжерону от 12 (24) сентября 1821 г.
- ⁵⁰ ГАОО, ф. 1, оп. 221, д. 4, 1821 г., л. 910—910 об. А. Ф. Ланжерон — Одесскому городскому магистрату, 28 июня (10 июля) 1822 г.
- ⁵¹ См.: Дружинина Е. И. Южная Украина в 1800—1825 гг. М., 1970, с. 353, 356.
- ⁵² ГАОО, ф. 1, оп. 221, д. 4, ч. 4, 1821 г., л. 1001.
- ⁵³ Иовва И. Ф. Бессарабия..., с. 159.
- ⁵⁴ ГАОО, ф. 1, оп. 221, д. 4, ч. 4, 1821 г., л. 998.
- ⁵⁵ Халиппы И. Н. Восточные святители..., с. 28, 31.
- ⁵⁶ ГАОО, ф. 1, оп. 200, д. 72, 1829 г., л. 144.
- ⁵⁷ ГАОО, ф. 1, оп. 221, д. 4, ч. 2, 1821 г., л. 84—84 об.
- ⁵⁸ См.: ГАОО, ф. 1, оп. 200, д. 72, 1829 г., л. 326—343. «Отчет о приходе, расходе и остатке денег, высочайше назначенных в пенсион греческим благородным фамилиям... с 1821 по 1831 г.»
- ⁵⁹ В эту сумму мы включили израсходованные комиссией 1 142 661 руб. 44 коп. из тех денег, которые были пожертвованы общественностью России в пользу греческих беженцев, и 326 539 руб. 53 коп., полученных от казны.
- ⁶⁰ ГАОО, ф. 1, оп. 221, д. 4, ч. 2, 1821 г., л. 7. Министр финансов граф Д. А. Гурьев — А. Ф. Ланжерону, 29 декабря 1821 г. (10 января 1822 г.).
- ⁶¹ ГАОО, ф. 1, оп. 214, д. 22, 1823 г., л. 215. М. С. Воронцов — председателю Кишиневской греческой вспомогательной комиссии А. Н. Пизани, 29 марта (10 апреля) 1826 г.
- ⁶² ГАОО, ф. 1, оп. 221, д. 4, ч. 1, 1821 г., л. 157. К. В. Нессельроде — А. Ф. Ланжерону, 16 (28) февраля 1822 г. (на франц. яз.).
- ⁶³ Там же, л. 144. К. В. Нессельроде — А. Ф. Ланжерону, 22 декабря 1821 г. (3 января 1822 г.) (на франц. яз.).
- ⁶⁴ ГАОО, ф. 1, оп. 214, д. 22, 1823 г., л. 216. М. С. Воронцов — А. Н. Пизани, 29 марта (10 апреля) 1826 г.
- ⁶⁵ ГАОО, ф. 1, оп. 221, д. 4, ч. 2, 1821 г., л. 84. «Список благородным греческим эмигрантам, получающим в Одесской греческой вспомогательной комиссии пенсион...» (весной 1822 г. — Г. П.).
- ⁶⁶ Там же, ч. 1, л. 134. «Реестр, кому из греческих благородных фамилий выдано денежное пособие по 1 декабря 1821 г.»
- ⁶⁷ Там же, л. 84. «Список благородным греческим эмигрантам, получающим в Одесской греческой вспомогательной комиссии пенсион...» (весной 1822 г.); см. также: ГАОО, ф. 1, оп. 200, д. 72, 1829 г., л. 12—13. «Отчет Одесской греческой вспомогательной комиссии о приходе, расходе и остатке сумм, получаемых из Одесского уездного казначейства... в пенсион греческим благородным фамилиям с 1 января 1828 г. по 1 января 1829 г.»
- ⁶⁸ ГАОО, ф. 1, оп. 221, д. 4, ч. 4, 1821 г., л. 483. «Именной список вдовам-гречанкам, коим определены пенсии из трехтысячной суммы, пожертвованной действительным тайным советником князем Алексеем Борисовичем Куракиным».
- ⁶⁹ Там же, ч. 2, л. 82. А. Ф. Ланжерон — К. В. Нессельроде, 5 (17) августа 1822 г.
- ⁷⁰ ГАОО, ф. 1, оп. 200, д. 72, 1829 г., л. 339. «Отчет о приходе, расходе и остатке денег, высочайше назначенных в пенсион греческим благородным фамилиям... с 1821 по 1831 г.»
- ⁷¹ Эти сведения содержатся в циркулярном письме министра финансов Е. Ф. Канкрина, исполняющему должность новороссийского и бессарабского генерал-губернатора А. И. Красовскому от 23 октября (4 ноября) 1830 г., в котором последнему предписывалось уведомить греческих беженцев «благородного» происхождения, возвращающихся на родину, дети которых обучаются в Одесском институте благородных девиц и Ришельевском лицее, о том, что выделяемые на содержание этих детей «институту и лицею деньги беспрепятственно будут производиться из

- Херсонской казенной палаты, если родители пожелают их оставить до окончания курса». ГАОО, ф. 1, оп. 200, д. 72, 1829 г., л. 287—288.
- Сохранился «Именной список детям греческих эмигрантов, воспитывающимся в Одесском благородном институте», составленный в апреле 1831 г. В нем указаны время поступления в институт и его окончания греческими воспитанницами. Там же, л. 420.
- ⁷² Там же, л. 338. «Отчет о приходе, расходе и остатке денег, высочайше назначенных в пенсион греческим благородным фамилиям... с 1821 по 1831 г.»
- ⁷³ Одесский вестник, 1827, № 46.
- ⁷⁴ ГАОО, ф. 1, оп. 221, д. 4, ч. 4, 1821 г., л. 1001. «Записка о всей операции Одесской греческой вспомогательной комиссии с ноября 1821 по 16 сентября 1822 г.»
- ⁷⁵ ГАОО, ф. 1, оп. 200, д. 72, 1829 г., л. 440 об. Исполняющий должность новороссийского и бессарабского генерал-губернатора Ф. П. Пален — К. В. Нессельроде, 6 (18) мая 1831 г.
- ⁷⁶ Одесский вестник, 1827, № 46.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Одесса 1794—1894, с. 634.
- ⁷⁹ В том же году в нем обучалось 13 учащихся. См.: Одесский вестник, 1827, № 46.
- ⁸⁰ С целью «присмотра за сими мальчиками» был отравлен вместе с ними «иностранный грек Николай Страфиоти и при них извозчик одесский мещанин Арон Сирота». ГАОО, ф. 2, оп. 11, д. 186, 1824 г., л. 60. Рапорт Одесской греческой вспомогательной комиссии одесскому градоначальнику графу А. Д. Гурьеву от 12 (24) марта 1824 г.
- ⁸¹ ГАОО, ф. 1, оп. 221, 1821 г., д. 4, ч. 5, л. 157. Прошение Н. Сибрики об оказании ему материальной помощи, поданное во временный комитет по распределению денежных пособий между греческими беженцами 25 июня (7 июля) 1821 г. (на греч. яз.).
- ⁸² Там же, л. 139. Прошение К. Леониди об оказании ему материальной помощи, поданное во временный комитет по распределению денежных пособий между греческими беженцами 1 (13) июля 1821 г. (на греч. яз.).
- ⁸³ Одесский вестник, 1827, № 14.
- ⁸⁴ Не у дел оказался и прибывший в 1822 г. в Одессу из Константино-поля доктор философии и медицины Михаил Гобделас. После многочисленных хлопот Одесская греческая вспомогательная комиссия назначила ему денежное пособие. См.: ГАОО, ф. 1, оп. 221, д. 4, ч. 4, 1821 г., л. 838. А. Ф. Ланжерон — А. Н. Голицыну, 29 апреля (11 мая) 1822 г. и др.
- ⁸⁵ ГАОО, ф. 1, оп. 200, д. 72, 1829 г., л. 105. «Рапорт Одесской греческой вспомогательной комиссии М. С. Воронцову, 1 (13) января 1830 г.»
- ⁸⁶ Там же, л. 318. «Отчет Одесской греческой вспомогательной комиссии о приходе, расходе и остатке сумм в ее распоряжении, состоявших с 1 января по 1 июля 1830 г.»; см. также л. 323. «Отчет Одесской греческой вспомогательной комиссии о приходе, расходе и остатке сумм с 1 июля 1830 по 1 января 1831 г.»
- ⁸⁷ Там же, л. 254.
- ⁸⁸ Там же, л. 323. «Отчет Одесской греческой вспомогательной комиссии о приходе, расходе и остатке сумм с 1 июля 1830 по 1 января 1831 г.»
- ⁸⁹ Там же, л. 499, см. также л. 502 и др.
- ⁹⁰ Там же, л. 79. К. В. Нессельроде — М. С. Воронцову, 29 августа (10 сентября) 1829 г.
- ⁹¹ Там же, л. 207. М. С. Воронцов — П. Я. Марини, 6 (18) июня 1830 г.
- ⁹² Там же, л. 141. И. Каподистрия — М. С. Воронцову, 16 (28) декабря 1829 г. (на франц. яз.).
- ⁹³ Там же, л. 140. К. В. Нессельроде — М. С. Воронцову, 18 февраля (2 марта) 1830 г.
- ⁹⁴ По имеющимся в нашем распоряжении отчетам названной комиссии за 1824—1832 гг., ею за этот период было израсходовано 37 865 турецких левов и 127 888 руб. ассигнациями. См.: ГАОО, ф. 1, оп. 200, д. 71, 1829 г., л. 168—171, 173—184.

Из истории балканской политики России

1856—1867 гг.

(Отношение русской дипломатии
к болгарскому национально-освободительному движению)

Н. В. ЗУЕВА, Е. М. ШАТОХИНА

Предлагаемая публикация представляет собой доклад государственного канцлера А. М. Горчакова Александру II, в котором содержится обзор деятельности министерства иностранных дел России на протяжении 11 лет после Крымской войны. В нем дается анализ внешней политики России в этот отрезок времени, ее задач, обусловленных внутриполитическим положением страны, сложившимся в результате поражения в войне.

Особый интерес представляет вторая часть документа, посвященная внешней политике России на главном для нее тогда направлении — Балканах. Этот основной раздел документа авторы считают целесообразным предложить вниманию читателей, опустив его начало — вступительную часть, в которой изложены причины, поставившие русское самодержавие перед необходимостью принять неблагоприятные условия Парижского мирного договора 1856 г., и показано тяжелое внутреннее и международное положение России после Крымской войны¹. Опущено также реюме, повторяющее основные положения доклада.

Исследования по проблемам балканской политики России, ее отношения к национально-освободительному движению второй половины XIX в. занимают значительное место в советской историографии². Тем не менее нельзя сказать, что они получили исчерпывающее освещение. Публикуемый документ позволяет внести некоторые дополнения в исследование данной проблематики, а также позиции царского правительства относительно национальных устремлений порабощенных народов. Представляют интерес характеристика А. М. Горчаковым состояния Османской империи того периода, его отношение к назревавшему антиосманскому выступлению балканских народов и др.

Поражение царизма в войне вскрыло несостоятельность феодально-крепостнического строя России, ускорило складывание революционной ситуации в стране. В повестку дня был поставлен вопрос об освобождении крестьян от крепостного права. Реформами сверху правящие круги России пытались предотвратить революционные выступления народных масс и сохранить власть в своих руках. В сложившихся условиях царское правительство для успешного проведения внутренних преобразований стремилось избегать внешнеполитических осложнений, чреватых военными конфликтами, и вместе с тем не допускать по возможности

нарушения равновесия сил в Европе, которое могло бы нанести ущерб политическим интересам России³.

Основными задачами, определявшими существование внешнеполитического курса России после Крымской войны, были, как известно, отмена ограничительных статей Парижского трактата, восстановление утраченных позиций и влияния в балканском регионе.

Стремясь после войны выйти из изоляции, Россия пыталась прежде всего найти союзника среди европейских держав, недавних своих противников. Наиболее результативными в этом плане оказались отношения с Францией, с которой в отдельные периоды царскому правительству удавалось устанавливать дипломатическое сотрудничество. Французская дипломатия, нуждаясь в поддержке петербургским кабинетом своей политики на Западе, шла на некоторые уступки России в вопросах, касавшихся балканских дел. В результате согласованных действий с Францией России удалось достигнуть определенных успехов в вопросе объединения Дунайских княжеств в 1859 г.⁴, в отстаивании интересов черногорского народа и др.⁵ Однако надежды правящих кругов России с помощью Франции добиться осуществления своей основной цели не оправдались. Тюильрийский кабинет, стремясь прежде всего укрепить свои экономические и политические позиции в Османской империи, не мог допустить здесь усиления влияния России. Тем не менее петербургский кабинет продолжал ориентироваться на Францию как на наиболее возможного партнера из всех западных держав.

Противоречия, вновь обострившиеся между европейскими державами, устранили угрозу создания новой враждебной коалиции против России. Англо-французские разногласия на Ближнем Востоке, в Северной Америке в конце 50-х — начале 60-х годов, франко-итало-австрийская война и процесс объединения Италии (1859—1861), прусско-датский конфликт (1864), австро-прусская война и объединение Германии (1866—1867) привели к серьезным изменениям в расстановке сил на международной арене. Царская дипломатия, видевшая в усилении Пруссии угрозу равновесию в Европе, пыталась с помощью коллективной акции предотвратить австро-прусскую войну, но не встретила поддержки со стороны Англии и Франции⁶.

В сложившихся условиях Россия стремилась использовать создание германского государства, ставшего опасным соперником Франции, в своих интересах и поддерживать между ними определенное равновесие.

Австрия, вытесненная из Италии, потерпевшая поражение в войне с Пруссией, устремилась на Балканы. Добиваясь упрочения здесь своих экономических и политических позиций, она столкнулась с интересами России и вступила с ней в борьбу за влияние. Антиславянские тенденции Австрии, близкие Порте, делили ее открытым противником России.

Царизм, вынужденный после войны сосредоточить все усилия на внутренних преобразованиях в стране, для решения своих внешнеполитических задач стремился использовать мирные, преимущественно дипломатические средства. Поддержка национально-освободительных устремлений балканских народов, в лице которых он видел своих естественных союзников, становится в это время одним из основных принципов русской политики на Балканах.

В свою очередь порабощенные народы этого региона постоянно обращали свои взоры к России, без помощи которой, как показывал опыт прошлого, они не могли добиться успеха в борьбе против османского господства. Для христианского населения Европейской Турции «... русская помощь, — подчеркивал Ф. Энгельс, — являлась единственным прибежищем от турецкого гнета...»⁷.

Вместе с тем в силу своей реакционности русское самодержавие не могло проводить до конца последовательную политику поддержки освободительных движений угнетенных народов. Нерешительный, колеблющийся характер этой политики был следствием не только реальной оценки сложившейся обстановки, своих внутренних возможностей, но и постоянного страха перед революционной активностью масс. Кроме того, классовая ограниченность царизма проявлялась в недооценке сил национально-освободительных движений балканских народов, в игнорировании деятельности радикальных буржуазных организаций, их идей и программ. В Болгарии недоверие правящих кругов России вызывали действия революционного крыла освободительного движения, его идеолога Г. Раковского и др.

Опираясь на консервативное крыло русофильской части болгарской буржуазии, царское правительство, с одной стороны, сдерживало болгарский и другие народы от «разрозненных, изолированных» выступлений, а с другой стороны, оказывало моральную и материальную поддержку культурно-национальному развитию этих народов, их борьбе за национальное самоопределение. Значительную помощь на протяжении этого периода Россия оказывала болгарскому просвещению (школам, церквам), подготовке кадров болгарской интеллигенции в русских учебных заведениях и др.⁸, создавая необходимые предпосылки для образования самостоятельного государства в будущем.

Вместе с тем Россия в определенных конкретных условиях поддерживала балканские народы и в решении их основной задачи — освобождения от чужеземного ига.

Подъем национально-освободительного движения в европейских провинциях Турции (Боснии, Герцеговине, Болгарии, Албании) в начале 60-х годов, нараставший под влиянием революционной борьбы итальянского народа против австрийского господства, сопровождался обострением сербско-турецких и черногорско-турецких отношений, готовых разразиться военными конфликтами. Сложившаяся ситуация благоприятствовала возникно-

вению общеславянского движения на Балканах. Как известно, тогда же появились и планы совместной борьбы балканских народов за освобождение, которые составлялись в расчете на финансую и дипломатическую помощь России⁹.

Русское самодержавие, преследуя в этом регионе собственные интересы, искало опору у порабощенных народов, выступавших против чужеземных угнетателей. Это по существу обусловило объективно-положительную позицию России относительно освободительного движения на Балканах.

Рассматривая Сербию в качестве ядра в намечавшемся союзе балканских государств, царское правительство приложило немало усилий на дипломатическом поприще для укрепления прежде всего политического статуса княжества, а также для организации и развития его военных сил. Готовясь к войне с султанской Турцией, Сербия брала на себя инициативу объединения южных славян. В начале 60-х годов велись переговоры о совместных действиях против общего врага между Сербией и Грецией, Сербией и Черногорией, Черногорией и Грецией¹⁰.

Не без содействия русской дипломатии был предоставлен крупный заем Сербии с тем, чтобы он был использован для финансирования так называемого Белградского комитета, образованного в 1860 г. во главе с известным сербским публицистом Матией Баном с целью подготовки восстания в Боснии и Герцеговине¹¹. Особенно активную связь с южнославянскими деятелями поддерживали российский посланник в Вене В. П. Балабин и генеральный консул в Белграде А. Г. Влангали. В планах деятелей национально-освободительного движения они видели реальную возможность для подготовки с негласной помощью России всеобщего восстания на Балканах, в результате которого, по мнению русских дипломатов, могли сложиться благоприятные условия и для отмены ограничительных статей Парижского договора. По плану М. Бана Россия, сохранив официально нейтралитет, должна была обеспечить южным славянам условия для освобождения от османского владычества их собственными силами. Имелось в виду представление русским правительством необходимых материальных средств и ограждение от вмешательства в их борьбу против Османской империи со стороны западных держав. Этот план по существу нашел одобрительный отклик у царя, который на полях документа к вышеизложенному тексту сделал помету: «Справедливо»¹².

Под воздействием усилившейся освободительной борьбы балканских народов царская Россия, опасаясь утратить влияние на эти народы, должна была учитывать их интересы и вносить корректизы в свою политику. Следуя в основном принципу сдерживания народов от разрозненных и несвоевременных выступлений, Россия в периоды подъема национально-освободительного движения допускала возможность всеобщего восстания при условии объединения их сил для совместных действий. Как публикуемый, так и ряд других документов отражают попытки русской

дипломатии убедить деятелей, возглавлявших движение, в необходимости преодолеть взаимные разногласия, которые наносили ущерб общей борьбе балканских народов против османского господства. «Мы трудимся над тем, чтобы ослабить разногласия между христианами и предотвратить конфликты, которые могли бы обернуться лишь им в ущерб», — говорилось в записке МИД «Современная политика»¹³.

В намечавшемся союзе балканских государств и порабощенных народов правящие круги России предусматривали и участие болгар. Исходя из вышеизложенных соображений, царская дипломатия на протяжении 60—70-х годов упорно добивалась решения церковного вопроса путем примирения на основе обоюдного согласия между греками и болгарами. Понимая политический характер национально-церковного движения, являвшегося по существу борьбой болгарского народа за национальное самоопределение в пределах Османской империи, Россия поддерживала требование болгарской буржуазии о воссоздании самостоятельной болгарской церкви. Горчаков подчеркивал, что церковный вопрос мог быть решен мирным путем еще в 1860 г., если бы Константинопольская патриархия удовлетворила справедливые требования болгар и предоставила им такие же права, какие имела сербская церковь¹⁴. Царское правительство считало необходимым условием для положительного решения болгаро-греческого вопроса добровольное согласие константинопольского патриарха на предоставление автономии болгарской церкви, с одной стороны, и признание болгарами номинальной власти патриарха — с другой. Таким путем оно надеялось предотвратить враждебный раскол между болгарами и греками, в единстве которых видело благоприятные условия для укрепления своего влияния и необходимый элемент в их борьбе против общего угнетателя.

Одновременно с церковно-национальным движением нарастала и усиливалась борьба болгарского народа за свое политическое освобождение. Заслуживают внимания сообщения русских консулов о возникновении в 1860—1861 гг. патриотических обществ в Адрианополе, Тырнове, их планах организации восстания, формирования отрядов волонтеров¹⁵. Русские дипломаты не только сочувственно относились к планам болгарских патриотов, но и обосновывали перед руководителями МИД необходимость оказать им материальную помощь. Сообщая о действиях в Болгарии капитана Илии, «благодетельного разбойника вроде Гарибальди», консул в Адрианополе Н. Д. Ступин писал: «Если помочь ему оружием, порохом, деньгами через Сербию, началось бы общее восстание христиан»¹⁶. Александр II, ознакомившись с информацией о капитане Илии, сделал на документе следующую помету: «Иметь такого человека, как капитан Илия, в запасе, на случай всеобщего восстания, может быть, весьма полезно, но самое восстание желательно было бы не торопить и, если можно, еще отложить. Во всяком случае считаю небесполезным, чтобы

Геров (вице-консул в Филиппополе. — Н. З., Е. Ш.) вошел с ним в сношение¹⁷.

Начало 60-х годов — время активной революционной деятельности Г. Раковского, связывавшего в этот период освобождение болгарского народа с планами Сербского княжества, которое обещало в случае восстания в Болгарии оказать помощь. Для подготовки восстания им был разработан детальный план и в течение 1861—1862 гг. из болгарских добровольцев сформирована в Белграде Первая болгарская легия¹⁸. Попимая, что ни один из балканских народов собственными силами не мог добиться успеха в борьбе со все еще сильным противником — Османской империей, Г. Раковский с присущей ему энергией и убежденностью ратовал за объединение и союз всех балканских народов против общего врага. Несмотря на крушение планов организации балканского союза и всеобщего восстания в 1860—1862 гг., он не утратил веры в возможность осуществления идеи объединения. Весной 1863 г. Раковский принял деятельное участие в переговорах с Грецией и Черногорией. По инициативе сербского правительства он был направлен в Афины с целью достичь договоренности с Греческим королевством относительно общих акций против Порты¹⁹. Русская дипломатия была в курсе миссии Раковского. Посланник в Афинах А. Д. Блудов не раз встречался с ним и в своих донесениях отмечал его высокую образованность и ум. Хорошо зная сложную политическую обстановку в Греции, Блудов охарактеризовал ее Раковскому как неблагоприятную для ведения переговоров о совместных действиях против Османской империи²⁰.

Новый подъем национально-освободительной борьбы балканских народов, начавшийся в 1866 г. с восстания на Крите, вновь поставил в повестку дня вопрос о Балканском союзе и общем антиосманском восстании. В течение 1866—1868 гг. Сербия заключила договоры о союзе с Черногорией, Грецией и Румынией. Создание Балканского союза происходило при явном покровительстве России. Активизируется деятельность болгарской буржуазной эмиграции. Болгарское национально-освободительное движение в этот период развивалось главным образом в центрах эмиграции, находившихся в Румынии, Сербии, России, Константинополе. Продолжая по-прежнему отводить Сербскому княжеству роль объединительного центра на Балканах, правительство России ориентировало и умеренные круги болгарской буржуазии, в частности Добротельную дружину в Бухаресте, на соглашение с ним. По инициативе последней в 1867 г. велись переговоры с сербскими правящими кругами о создании сербско-болгарского государства; в том же году при материальной помощи России в Белграде было открыто военное училище под названием «Вторая легия» для подготовки болгарской молодежи. В Бухаресте, Белграде, Одессе создавались политические организации болгарской буржуазии. На территории Румынии, Сербии формировались болгарские вооруженные отряды (четы), которые с началом

сербо-турецкой войны должны были перейти в Болгарию и поднять там восстание.

По свидетельству русских консулов из Рущука, Варны, Адрианополя и других городов, во внутренних районах Болгарии нарастало волнение. Они сообщали о готовящемся там восстании, а вице-консул в Варне В. И. Нягин в связи с действиями вооруженных чет Панайота Хитова и Филиппа Тотю прямо писал в своем донесении о назревавшей революции²¹.

Искренне сочувствуя национально-освободительным устремлениям болгарского народа, русские дипломаты в своих донесениях не без умысла преувеличивали размеры движения в Болгарии, стремясь привлечь к нему внимание правящих кругов России и убедить в необходимости оказать ему помощь. Информируя посла в Константинополе и Азиатский департамент МИД о подготовке восстания в Болгарии, они высказывали свои соображения относительно его организации, вносили конкретные предложения в план действий повстанческих отрядов²².

Разрозненность сил, разогласия между отдельными группировками болгарской буржуазии, а главное — отсутствие внутренней организации, способной подготовить народ к восстанию, явились причинами неудач, постигших болгарское освободительное движение на данном этапе. Не состоялось и намечавшегося на весну-лето 1867 г. выступления Сербии, Греции, Черногории против Османской империи, которое должно было послужить сигналом к всеобщему восстанию балканских народов. Несмотря, однако, на неудачи и жестокие репрессии, подготовка к восстанию продолжалась как в Болгарии, так и в других областях Европейской Турции. Оно откладывалось до весны 1868 г.

Отдавая безусловное предпочтение постепенному, ненасильственному пути решения балканских проблем, царское правительство тем не менее понимало, что проведение политики умиротворения по отношению к христианским народам стало невозможным без ущерба своему влиянию в этом регионе. В инструкциях консулам на местах министерство, обращая внимание на неблагоприятную политическую обстановку, рекомендовало им убеждать национальных деятелей соблюдать крайнюю осторожность и особенно тщательно сохранять и упрочивать «единодушное соглашение между различными народностями»²³.

Директор Азиатского департамента П. Н. Стремоухов во время пребывания представителей Добротельной дружины Хр. Георгиева и Г. Шопова в Петербурге в конце 1867 г. советовал им «не действовать опрометчиво и согласовывать свои планы и стремления с Сербией, которая обладает уже правительственным центром и некоторыми условиями для энергичного действия»²⁴. В этом же направлении продолжало действовать русское правительство и по церковному вопросу, рассматривая тактику примирения болгар с греками как важный шаг в решении задачи сближения их для совместной борьбы против османского владычества. Стремоухов просил Игнатьева употребить все усилия к примире-

нию обеих сторон, считая, что при взаимных уступках со стороны болгар и со стороны константинопольского патриарха церковный вопрос может получить надлежащее разрешение и «тем самым значительно облегчить преследуемую нами задачу сближения всех христиан между собою ввиду готовящихся важных политических событий на Востоке»²⁵.

В борьбе против османского господства балканские народы по-прежнему рассчитывали на помочь России, правящие круги которой тоже понимали, что она не сможет остаться в стороне, если эти народы будут терпеть поражение. В таких условиях царское правительство считало наиболее целесообразным взять на себя инициативу в обеспечении невмешательства европейских держав в тот момент, когда борьба балканских народов приобретет широкий размах. Как показывает прилагаемый документ, выдвинутый принцип невмешательства отвечал желаниям деятелей национально-освободительного движения на Балканах. В октябре 1867 г. Россия обратилась с официальной декларацией к кабинетам западных держав о невмешательстве. Следует отметить, что, раскрывая существо этого принципа, государственный канцлер подчеркивал, что он мог применяться только к «христианским правительствам» (имея в виду кабинеты европейских держав), в то время как эти правительства, требовали распространения принципа невмешательства на Сербию, Грецию и Черногорию. «Требовать спокойствия Сербии, составляющей часть Османской империи, или Черногории, независимость которой никогда Порта не признавала, означало бы отдать герцеговинцев, жителей Эпира и Фессалии или болгар на избиение туркам, — писал А. М. Горчаков, — ибо тогда они оказались бы лишенными поддержки своих единоверцев, находящихся под одним и тем же господством. Давая такое широкое толкование принципу невмешательства, мы станем палачами наших единоверцев»²⁶.

На протяжении 11 лет основные усилия царской дипломатии относительно болгарского и других народов, остававшихся под властью султанской Порты, ограничивались рамками борьбы за улучшение их положения. В практической программе России это находило выражение, помимо принципа невмешательства, в стремлении добиться для балканских народов административной автономии в пределах Османской империи²⁷. В этом плане российская дипломатия в 1866—1867 гг. выступила с проектом реформ европейских провинций Турции, который не мог не встретить противодействие Порты и западных держав.

Что касается болгарского национально-освободительного движения, то царское правительство отводило ему подчиненную роль в своей балканской политике. Особое место в политике России в тот период занимала борьба болгарского народа за независимую церковь. Она составляла существо так называемого болгарского вопроса, в решении которого русская дипломатия принимала активное участие.

Под влиянием нараставшего национально-революционного движения в Болгарии, изменений в расстановке сил на Балканах (внутриполитическая борьба в Сербии, распад Балканского союза и др.) к концу 60-х годов наметился постепенный поворот в позиции царского правительства и его дипломатии в сторону болгарского освободительного движения²⁸.

- ¹ АВПР, ф. Секретный архив (далее — С. а.), 1867 г., д. 9, л. 3—16.
- ² Подробно см.: Струкова К. Л. Проблема национально-освободительного движения балканских народов. — В кн.: БИ. Вып. 5. Основные проблемы балканистики в СССР. М., 1979; Бочкарёва С. И., Вяземская Е. К. Россия и Балканы в XVIII—начале XX в. — Там же.
- ³ АВПР, ф. С. а., 1867 г., д. 9, л. 8 об.
- ⁴ Виноградов В. Н. Россия и объединение румынских княжеств. М., 1961, с. 100—105.
- ⁵ Рыжова Р. И. Из истории русско-черногорских отношений (Дипломатическая борьба 1857—1858 гг. вокруг вопроса о независимости Черногории). — Ист. зап. Ин-та истории, 1958, № 63, с. 130, 140—141; Хитрова Н. И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50—70-х годах XIX в. М., 1979, с. 121—125.
- ⁶ АВПР, ф. С. а., 1867 г., д. 9, л. 12—13.
- ⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 9, с. 32.
- ⁸ Степанова Л. И. Культурные связи с Болгарией в политике России после Крымской войны. — В кн.: 100-летие освобождения Болгарии от османского ига. 1878—1978. М., 1978, с. 63—82.
- ⁹ Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858—1876 гг. М., 1960, с. 150.
- ¹⁰ Јакшић Г., Вучковић В. Спольна политика Србије за владе кнеза Михаила (Први Балкански савез). Београд, 1963, с. 72—80; Хитрова Н. И. Черногория..., с. 159—165, 239.
- ¹¹ Фрейдзон В. И. О Белградском «комитете» М. Бана (1860—1861). — В кн.: Славянский архив. М., 1963, с. 100—115; Райкова А. Стефан Веркович и българите. София, 1978, с. 14—15.
- ¹² АВПР, ф. Канцелярия, 1860 г., д. 78, л. 108—109; Фрейдзон В. И. О Белградском «комитете»..., с. 106—107.
- ¹³ АВПР, ф. Канцелярия, 1864 г., д. 82, л. 323.
- ¹⁴ АВПР, ф. Отчеты МИД за 1861 г., л. 236 об.—237.
- ¹⁵ АВПР, ф. ГА, IV-2, 1856—1872 гг., д. 13, ч. 1, л. 53—58. Н. Д. Ступин — Е. П. Ковалевскому, 9(21) ноября 1860 г.
- ¹⁶ Там же, л. 59—64. Н. Д. Ступин — Е. П. Ковалевскому, 23 ноября (5 декабря) 1860 г.
- ¹⁷ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1860 г., д. 1006-а, л. 226—227.
- ¹⁸ Трайков В. Георги Стойков Раковски: Биография. София, 1974, с. 226—235.
- ¹⁹ Там же, с. 236—237, 264—275.
- ²⁰ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1863 г., д. 1174, л. 13—15 об. А. Д. Блудов — Е. П. Новикову, 5(17) июня 1863 г.
- ²¹ Улуния А. А. Из истории национально-освободительного движения в Болгарии 60—70-х годов XIX в. (По донесениям русских дипломатов). — Изв. на Ин-та за историю, София, 1968, т. 20, с. 278.
- ²² АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1867 г., д. 2183, л. 56—57, 74—75. А. Е. Сученков — Н. И. Игнатьеву, 23, 30 мая (4, 11 июня) 1867 г.; ф. Консульство в Бухаресте, 1867 г., д. 1143/2, л. 138. А. Е. Сученков — Г. Г. Оффенбергу, 12 (24) июля 1867 г.; ф. Посольство в Константинополе, 1867 г., д. 4327, л. 6—7 об. М. И. Золотарев — Н. П. Игнатьеву, 3 (15) марта 1867 г.
- ²³ Документи за българската история. Т. I. Архив на Найден Геров, ч. I (1857—1870). София, 1931, с. 449.
- ²⁴ Улуния А. А. Из истории..., с. 284.

- ²⁵ АВПР. ф. Посольство в Константинополе. 1867 г., д. 432, л. 575 об.—576.
П. Н. Стремоухов — Н. П. Игнатьеву, 16 (28) ноября 1867 г.
- ²⁶ АВПР. ф. Канцелярия. 1866 г., д. 17, л. 301—302.
- ²⁷ Косев Д. Русия. Франция и българското освободително движение. 1860—1869. София, 1978, с. 97.
- ²⁸ Никитин С. А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970, с. 167—172; Косев Д. Русия..., с. 33—61.

Из доклада министра иностранных дел России А. М. Горчакова Александру II о деятельности министерства с 1856 по 1867 г. по балканским проблемам*

С.-Петербург, 23 декабря 1867 г. (4 января 1868 г.)

[...] Quant à l'Orient, outre les intérêts directs et vitaux que nous avons de ce côté, il y a des traditions et des sympathies nationales qui engagent notre politique.

Nos intérêts positifs se rattachent à notre situation dans le bassin de la mer Noire et à l'équilibre général de l'Orient.

Sous ce premier rapport le fardeau légué par la paix de Paris ne s'est pas allégé. Il continue de peser sur nous d'une manière intolérable.

Toutefois c'est une question qui ne saurait être séparée de la situation générale de l'Orient. L'une et l'autre sont dans une étroite dépendance. Elles ne se résoudront que par la force.

C'est l'élément de solution qui nous a manqué jusqu'à présent. Le jour où nous serons assez forts pour résoudre l'une de ces questions, l'autre sera tout naturellement résolue.

Dévancer ce moment ne serait pas d'une sage politique.

Les traités n'ont de valeur que par la persistance des causes qui les ont amenés.

En 1856 ces causes ont été, d'une part, la coalition européenne formée contre nous, d'autre part, l'impossibilité matérielle où nous nous sommes trouvés d'y faire face.

La première de ces causes s'est affaiblie. L'état de l'Europe ne rend guère possible le retour d'une coalition contre nous à moins de provocations directes de notre part, qui feraient disparaître les motifs de discorde qui divisent aujourd'hui les grandes puissances. C'est ce qu'avec un peu de prudence nous sommes à même d'éviter.

Il dépend également de nous de faire disparaître avec le temps la seconde cause, c'est-à-dire les obstacles matériels qui nous ont paralysés de 1853 à 1856. C'est à quoi tend le travail qui s'accomplit à l'intérieur du pays et qui contient notre avenir.

Quant à la situation générale dans la presqu'île des Balkans, l'événement a prouvé que les puissances se sont fait une étrange illusion en s'imaginant avoir résolu la question d'Orient par la paix de 1856.

* Археографическая обработка французского текста и редактирование перевода выполнены Е. М. Заблудовской.

Le problème est plus ardu, plus pressant que jamais.

Au lendemain de la paix, la Porte de concert avec l'Autriche s'est efforcée d'en développer les conséquences dans le sens d'une extension de ses droits de souveraineté¹.

Par notre rapprochement avec la France dans l'affaire d'Italie nous avons déjoué cette politique. Le concours, que le cab[in]e[lt] des Tuileries nous a prêté, a été, il est vrai, peu sincère et très restreint. En outre, les collisions auxquelles la Porte s'est trouvée exposée avec ses sujets et vassaux chrétiens ont été partielles, successives, isolées, ce qui en a rendu la répression possible. Toutefois elles ont révélé la décadence progressive de la domination ottomane devant la marée montante des aspirations chrétiennes.

Si nous n'avions à apprécier le problème oriental qu'au point de vue de la politique pure, cette situation suffirait pour nous rassurer. Déjà en 1802 le cab[in]e[lt] impérial avait énoncé comme un axiome que: «dans son état de faiblesse actuelle la Turquie était le voisin le plus commode que nous puissions désirer».

Cette doctrine a été confirmée d'une manière éclatante en 1829 au moment où nos troupes victorieuses occupaient Adrinople. Il fut solennellement reconnu que: «de toutes les combinaisons imaginables, l'empire Turc était encore celle qui convenait le mieux aux intérêts de la Russie».

Assurement, l'affaiblissement de la Turquie n'a fait qu'augmenter depuis cette époque. Il a même fait des progrès depuis la paix de 1856, et la désaffection croissante des sujets chrétiens du sultan met ce souverain hors d'état de nous nuire.

Mais nous ne pouvons pas envisager la question sous ce seul point de vue. Les sympathies de race et de foi qui nous unissent aux chrétiens d'Orient sont une force morale chez nous et au dehors. Nous devons en tenir compte sans y sacrifier nos intérêts positifs.

Dans ce but nous avons cherché à détourner les populations chrétiennes de la Turquie des agitations incohérentes et isolées, qui n'aboutissaient qu'à faire verser inutilement leur sang et à empirer leur position. Nous avons tâché de les engager à concentrer, unifier et développer leurs forces avec patience et persévérance, dans la conviction que, par le cours naturel des choses, la décadence progressive de l'islamisme amènerait finalement la prépondérance des races chrétiennes et que, si une solution violente était inévitable, encore valait-il mieux s'y préparer, eux et nous, avec maturité, plutôt que de gaspiller nos forces par des tentatives inconsidérées.

Cette marche était incontestablement la plus sage, car l'émancipation de l'Orient chrétien ne peut s'accomplir d'une manière rationnelle et solide que par la Russie.

Elle seule, grâce à ses sympathies nationales désintéressées, peut servir de lien entre ces races hétérogènes, soit pour assurer leur avènement à la vie politique, soit pour les mettre à même de la conserver.

Sans cela, elles tomberaient dans la confusion et l'anarchie qui les livrerait, soit à la domination des Turcs soit aux exploitations de l'Occident.

Or, pour pouvoir remplir cette mission, la Russie doit être en possession de la plénitude de ses forces.

Toutefois, les conseils de la raison trouvaient difficilement accès auprès de populations peu développées, sans relations suivies entre elles, manquant d'unité et de centre d'action, autant que de ressources matérielles, sans maturité politique, n'ayant d'idées communes que le sentiment de leur foi, de leurs souffrances et de leur haine pour l'islamisme². Le voisinage et l'exemple de l'Italie, les instigations d'agents provocateurs de la révolution cosmopolite avaient enflammé leurs espérances.

Les rapports que nous recevions de l'Orient s'accordaient à constater l'impossibilité de les contenir plus longtemps. Toutes les populations chrétiennes croyaient non seulement que l'heure était venue de secouer un joug abhorré, mais encore que le moment actuel était peut-être le dernier, parce que le système poursuivi par la France, toléré par l'Angleterre, accepté par les Turcs, tendant à relever l'empire Ottoman par les progrès matériels, aurait pour résultat de mettre à la disposition de l'autorité dominante toutes les ressources civilisatrices de l'Occident et d'énerver, par un bien être importé du dehors, le sentiment de la foi et de la nationalité qui étaient les seules forces vivaces de l'Orient chrétien.

Elles se considéraient comme suffisamment fortes pour accomplir leur délivrance pourvu que l'Europe ne s'en mêlat pas. Tenant compte de nos préoccupations intérieures, tout ce qu'elles nous demandaient au nom de nos traditions, c'était de leur assurer le bénéfice de la non-intervention. Enfin, elles ne nous laissaient pas ignorer que, si nous continuions à leur prêcher une patience impossible, elles porteraient ailleurs leurs espérances et leurs sympathies.

Dans cet état de choses nous avons pensé que:

d'une part la situation de l'Europe s'étant profondément modifiée par les résultats de l'unité italienne et germanique qui paralyait l'action de la France et de l'Autriche, et par les conséquences de la guerre d'Amérique qui pesaient sur la politique anglaise, et nos adversaires de 1854 à 1856 se trouvant hors d'état de refaire l'ancienne coalition, nous n'avions ni droit, ni intérêts à arrêter l'élan des populations chrétiennes, au risque de nous les aliéner et de les jeter ainsi dans les bras des influences hostiles de l'Occident.

D'autre part, ne pouvant pas, comme les Français en Italie, jeter 200 mille hommes en trois jours au-delà des Balkans et occuper Constantinople comme Rome du consentement de l'Europe; toute assistance matérielle directe de notre part devant au contraire entraîner une conflagration, qui deviendrait européenne et absorberait toutes nos forces, nous n'avions ni droit, ni intérêt à exciter les chrétiens d'Orient par des encouragements imprudents.

Il nous eût, sans doute, été facile, en semant parmi eux quelque

argent et quelques armes, comme on nous l'a conseillé, de les soulever contre la domination turque.

Le soin que nous avions pris d'amener entre eux plus de concert et d'union autorisait certainement la conviction qu'un pareil soulèvement général eût fortement ébranlé l'empire Ottoman.

Mais il nous était impossible de croire à la réalité des espérances qu'ils fondaient sur l'énergie de leurs aspirations, plutôt que sur leurs forces effectives.

L'expérience nous avait malheureusement appris que ces races si profondément divisées et éprouvées par l'histoire, n'étaient suffisamment mûres, ni pour conquérir, ni pour conserver à elles seules leur indépendance.

Nous aurions donc été dans l'obligation ou de les secourir au risque d'allumer une conflagration pour laquelle nous ne sommes pas prêts, ou bien de les livrer à la supériorité des armées régulières et des ressources de la Turquie, appuyée par le fanatisme du monde musulman reveillé de sa léthargie, secondée moralement, financièrement et peut-être maritiment par le concours des puissances de l'Occident; c'était un jeu politique odieux qui ne pouvait pas entrer dans la pensée de sa majesté l'empereur.

Nous avons pu, il y a un siècle, essayer d'un pareil système, mais nous avions alors l'excuse: d'abord de la nécessité, qui nous obligeait, dans l'intérêt même de l'avenir de l'Orient chrétien, à assurer par une diversion efficace la conquête de la Crimée, qui portait un coup décisif à la prépondérance de la Turquie dans la mer Noire et préparait celle de la Russie, ensuite, nous avions l'excuse de l'inexpérience de ce théâtre stratégique, des forces de résistance de l'islamisme et des ressources agressives des insurrections chrétiennes.

Aujourd'hui nous ne saurions alléguer les mêmes motifs. Une pareille combinaison n'eut pas même été d'une bonne politique. Les chrétiens nous auraient, un jour ou l'autre, demandé compte de leur sang inutilement versé!

Le cabinet impérial a donc jugé que le seul parti à prendre était de laisser le champ libre aux chrétiens d'Orient, à leurs risques et périls, de ne pas leur laisser ignorer qu'ils n'avaient à attendre de nous aucune assistance matérielle directe, que nous nous bornerions à un appui moral, chaleureux et sympathique, mais subordonné à nos nécessités intérieures et que, dans leur propre intérêt et, pour leur assurer le bénéfice de la non-intervention nous devrions même nous abstenir de toute action trop apparente, afin d'écartier le fantôme de l'ambition russe, qui leur attirerait immanquablement l'hostilité de l'Europe.

Telle est en effet la marche que nous avons suivie.

Nous avons convié les cabinets à une entente et une action diplomatique commune dans un intérêt de conciliation, d'apaisement et d'humanité.

C'était écarter nettement toute prétention exclusive qui aurait pu nous être attribuée.

Nous avons même pris l'initiative du principe de non-intervention et en avons proposé l'adoption à toutes les puissances.

Nous avons cherché à profiter des embarras de la politique française en Occident pour la rapprocher de nous sur le terrain de l'Orient et à cet effet nous nous sommes efforcés de réduire la question aux proportions d'un intérêt d'humanité, sur lequel toutes les puissances chrétiennes pouvaient et devaient s'entendre.

Le voyage de s. m. l'empereur à Paris a été entrepris en grande partie dans cette intention³.

Rien de ce qui dépendait de nous n'a été négligé pour assurer le succès de ces efforts. Il nous aurait été impossible d'être plus pressants, plus énergiques sans sortir du cadre où la situation de l'Europe permettait d'espérer une entente collective et sans exciter la défiance des cabinets sur nos vues définitives.

Tout ce travail n'a pas été entièrement stérile. S'il a été paralysé par le manque d'accord entre les puissances, le mauvais vouloir ou peu de bonne foi de quelques unes, nous ne saurions en être responsables.

Cependant ces causes réunies avaient rassuré les Turcs sur la portée de ce concert européen, plus apparent que réel; ils s'obstinaient dans leur résistance à toutes les démarches collectives. Nous nous trouvions placés dans une impasse, d'autant plus dangereuse que, d'un côté, notre action diplomatique en faveur des chrétiens, commentée par la presse russe avec plus d'ardeur que de tact, accentuée d'ailleurs par le nouveau lien de famille contracté entre la maison impériale de Russie et la maison royale de Grèce⁴, avait suscité au plus haut degré les espérances des populations chrétiennes de l'Orient, et que d'un autre côté, la résolution de plus en plus énergique qu'elles manifestaient en conséquence de soutenir, d'éten dre, de généraliser la lutte et de vaincre ou de mourir, nous portait à rendre plus pressante et plus ferme notre insistance auprès du gou v[ernemen]t turc et des cabinets.

Il y avait là une pente dangereuse, qui pouvait aboutir à des déceptions, soit que les chrétiens s'exagérassent le but et la limite de notre concours, dans l'espoir de nous entraîner malgré nous, soit que nous fussions involontairement conduits à nous faire illusion sur la nature et la portée de leurs déterminations.

C'est pour sortir de cette impasse et écarter tout malentendu, que nous avons émis notre dernière déclaration⁵.

Elle coupe court à des pourparlers rendus stériles par des réticences et des arrière-pensées⁶. Elle dégage notre responsabilité, elle met face à face les Turcs et les chrétiens en les avertissant qu'ils ne doivent compter que sur eux-mêmes, et établit le champs clos en écartant toute intervention, et plus particulièrement celle de l'Autriche qui, plus que toute autre puissance, paraissait y être disposée.

Ce n'est pas une solution. C'est une position nette et franche, exempte de pièges et d'obscurités, qui nous laisse libres de notre

action et concilie ce que nous nous devons à nous même avec ce que nous devons aux chrétiens d'Orient.

C'est à eux à consulter leurs forces et les signes du temps, à décider si leur position est de celles où un peuple ne prend conseil que de son propre désespoir et de son énergie, ou bien s'il est préférable d'ajourner, de graduer la pression menaçante de leur attitude jusqu'à ce qu'eux et nous soient prêts à profiter de circonstances favorables [.]

Gortchacow

АВПР, ф. СА, 1867 г., д. 9, л. 16—28. Подлинник.

Перевод

[...] Что касается Востока, то, помимо наших прямых и жизненно важных интересов в этом регионе, существуют традиции и национальные симпатии, оказывающие влияние на нашу политику.

Наши подлинные интересы связаны с нашим положением в бассейне Черного моря и с общим равновесием на Востоке.

В отношении нашего положения бремя Парижского мира не облегчено. Оно продолжает нестерпимо тяготеть над нами.

Однако этот вопрос нельзя отделять от общей обстановки на Востоке. И тот и другой находятся в тесной зависимости друг от друга. Их можно разрешить только силой.

Этого элемента решения нам до сих пор недостает. В тот день, когда мы будем достаточно сильны, чтобы решить один из этих вопросов, второй разрешится сам собой.

Опережать этот момент было бы с политической точки зрения неразумно.

Договоры имеют силу до тех пор, пока сохраняются вызвавшие их причины.

В 1856 г. такими причинами были, с одной стороны, европейская коалиция, созданная против нас, с другой — отсутствие у нас в то время материальной возможности ей противостоять.

Первая из этих причин потеряла свою силу. Состояние Европы таково, что возрождение коалиции против нас совершенно невозможно, если не будет прямых провокаций с нашей стороны, которые уничтожили бы причины разногласий, разделяющих ныне великие державы. Этого мы можем избежать, проявив некоторую осторожность.

Именно от нас также зависит устраниТЬ со временем и вторую причину, т. е. материальные препятствия, парализовавшие наши действия с 1853 по 1856 г. На это и направлена работа, совершающаяся внутри страны и содержащая в себе наше будущее.

Что касается общего положения на Балканском полуострове, то события доказали, что державы питали странные иллюзии, вообразив, что мирным договором 1856 г. они решили Восточный вопрос.

Эта проблема стала более трудной и более неотложной, чем когда бы то ни было.

Сразу же после заключения мирного договора Порта в соглашении с Австрией попыталась развить его последствия в направлении расширения своих суверенных прав¹.

Своим сближением с Францией в итальянских делах мы помешали осуществлению этой политики. Содействие, которое оказал нам тюильрийский кабинет, было, сказать по правде, не очень искренним и весьма ограниченным. Кроме того, столкновения Порты с ее христианскими подданными и вассалами носили частичный, разрозненный, изолированный характер, что сделало возможным их подавление. Тем не менее они свидетельствовали о прогрессирующем упадке османского господства перед лицом нарастающей волны устремлений христиан.

Если бы мы расценивали восточную проблему лишь с точки зрения чистой политики, такого положения было бы достаточно, чтобы нас успокоить. Уже в 1802 г. императорский кабинет высказывал как аксиому, что «в своем нынешнем состоянии слабости Турции является самым удобным соседом, какого мы могли бы желать».

Эта доктрина получила яркое подтверждение в 1829 г., в тот момент, когда наши победоносные войска заняли Адрианополь. Было торжественно признано, что «из всех возможных комбинаций Турецкая империя все еще является такой, которая больше всего соответствует интересам России».

Несомненно, с того времени ослабление Турции лишь увеличилось. Оно даже прогрессировало после мира 1856 г., а возрастающее недовольство христианских подданных султана лишает его возможности вредить нам.

Но мы не можем рассматривать этот вопрос только под таким углом зрения. Расовые и религиозные симпатии, объединяющие нас с христианами Востока, являются для нас внутренней и внешней моральной силой. Мы должны принимать это в расчет, не жертвуя, однако, нашими позитивными интересами.

В этих целях мы пытались отклонить христианское население Турции от разрозненных и непоследовательных выступлений, которые приводили лишь к бесполезному кровопролитию и ухудшению их положения. Мы старались побудить их к тому, чтобы они терпеливо и упорно сосредоточивали, объединяли и развивали свои силы, ибо мы убеждены в том, что естественный ход вещей, постепенный упадок исламизма приведут в конце концов к преобладанию христианских народов и что если насильтвенное решение будет неизбежно, то тем более следует и нам и им зрело подготовиться к этому, а не растрачивать наши силы на опрометчивые попытки.

Бессспорно, такой путь был бы самым мудрым, поскольку освобождение христианского Востока может осуществляться разумным и прочным образом только Россией.

Только она в силу своих бескорыстных национальных симпатий может служить связующим звеном между этими различными народами либо для того, чтобы обеспечить им участие в политической жизни, либо для того, чтобы сохранить им такую возможность.

Без этого они окажутся в состоянии беспорядка и анархии, в результате которого станут жертвой либо господства турок, либо эксплуатации со стороны Запада.

Однако, чтобы выполнить эту миссию, Россия должна обладать в полной мере своими силами.

Но советы разума с трудом воспринимаются этими слаборазвитыми народами, не имеющими ни постоянных связей друг с другом, ни единства и центра действий, ни материальных ресурсов, не обладающими политической зрелостью, не имеющими других общих идей, кроме чувства веры, своих страданий и нетерпимости к исламизму². Соседство и пример Италии, подстрекательство провокаторов — агентов космополитической революции — воспламенили их надежды.

Донесения, полученные нами с Востока, единодушно констатировали невозможность сдерживать их дальше. Все христианские народы думали не только о том, что пришел час сбросить пешавистское иго, но и о том, что настоящий момент может быть последним, так как политика, преследуемая Францией, терпимая Англией и принимаемая турками, направлена на восстановление Османской империи с помощью материального прогресса; в результате она приведет к тому, что в распоряжение господствующей власти будут предоставлены все ресурсы западной цивилизации, и тем самым подорвет благодаря импортированному извне благополучию чувства веры и национальности, являющиеся единственными животворными силами христианского Востока.

Они считали себя достаточно сильными, чтобы добиться своего освобождения, лишь бы не вмешалась Европа. Они отдавали себе отчет относительно наших внутренних забот, а поэтому все, что они требовали от нас во имя наших традиций, — это обеспечить им преимущество невмешательства. Наконец, они не скрывали от нас, что, если мы будем продолжать призывать их к невозможному терпению, они обратят свои надежды и симпатии в другую сторону.

При таком положении вещей мы полагали следующее: с одной стороны, поскольку положение Европы глубоко изменилось в результате объединения как Италии, так и Германии, что парализовало действия Франции и Австрии, а также в результате последствий американской войны, повлиявших на английскую политику, и поскольку наши противники с 1854 по 1856 г. оказались не в состоянии восстановить свою прежнюю коалицию, мы не имели ни права, ни выгоды останавливать движение христианских народов; в противном случае мы рисковали бы оттолкнуть их от себя и бросить тем самым в объятия враждебных влияний Запада.

С другой стороны, поскольку мы не имели возможности, как французы в Италии, перебросить 200 тыс. человек в течение трех дней за Балканы и занять Константинополь, как Рим, с согласия Европы и поскольку прямая материальная помощь с нашей стороны, напротив, вызвала бы пожар войны, которая стала бы европейской и поглотила бы все наши силы, мы не имели ни права, ни интереса возбуждать христиан Востока неосторожными поощрениями.

Несомненно, нам было бы легко распределить среди них некоторое количество денег и оружия, как нам советовали, и поднять их против турецкого господства.

Усилия, которые мы прилагали, чтобы добиться большего согласия и единства между ними, позволяли, конечно, надеяться, что подобное всеобщее восстание сильно поколеблет Османскую империю.

Но мы не могли поверить в реальность их надежд, которые основывались скорее на энергии их устремления, нежели на их действительных силах.

К сожалению, опыт показал нам, что эти народы, столь глубоко разделенные и подвергавшиеся испытанию историей, еще недостаточно созрели ни для того, чтобы завоевать, ни для того, чтобы сохранить собственными силами свою независимость.

Таким образом, мы были бы вынуждены либо помочь им, рискуя зажечь пожар войны, к которой мы не готовы, либо предоставить их превосходству регулярных армий и ресурсов Турции, опирающейся на мусульманский мир, пробужденный от летаргического сна, и получающей моральную, финансовую и, возможно, военно-морскую помощь от западных держав. Это была бы отвратительная политическая игра, мысль о которой не могла прийти в голову е. в-ва императора.

Век назад мы уже испытали подобную систему, но тогда у нас было оправдание: прежде всего необходимость, которая обязывала нас в интересах будущности христианского Востока обеспечить с помощью эффективной военной демонстрации покорение Крыма, что нанесло решительный удар превосходству Турции на Черном море и подготовило условия для преобладания России; затем у нас было оправдание в том, что мы не имели опыта на этом стратегическом театре, не знали силы противодействия исламизма и наступательных ресурсов христианских восстаний.

Сегодня мы не могли бы сослаться на те же самые доводы. Подобная комбинация не была бы даже хорошей политикой. Рано или поздно христиане представили бы нам счет за напрасно пролитую кровь!

Итак, императорский кабинет рассудил, что единственное, что можно сделать, — это предоставить христианам Востока свободное поле деятельности на их страх и риск, не скрыв от них, что они не должны ждать от нас никакой прямой материальной помощи, что мы ограничимся горячей моральной поддержкой и со-

чувствием, подчиненным нашим внутренним нуждам, и что в их собственных же интересах и в интересах обеспечения им преимущества невмешательства мы должны воздерживаться от каких бы то ни было слишком явных действий в целях устраниния призрака русских домогательств, который неизбежно навлек бы на них враждебность Европы.

Таков именно путь, по которому мы следуем.

Мы призвали к соглашению и к общей дипломатической акции в интересах успокоения, умиротворения и гуманности.

Это полностью устранило все исключительные претензии, какие могли бы нам приписать.

Мы даже выступили с инициативой принципа невмешательства и предложили всем державам принять его.

Мы стремились воспользоваться затруднениями политики Франции на Западе, чтобы сблизиться с ней на Востоке, и с этой целью пытались ограничить вопрос интересами гуманности, к чему могли и должны были присоединиться все христианские державы.

Поездка е. в-ва императора в Париж была предпринята главным образом с этой целью³. Ничего из того, что зависело от нас, не было упущенено для обеспечения успеха этих усилий. Мы не могли быть более настойчивыми, более энергичными, не выходя при этом за определенные рамки, когда положение Европы позволяло надеяться на коллективное согласие, и не возбуждая недоверие кабинетов к нашим окончательным намерениям.

Вся эта работа не была полностью бесполезной. Если она и была парализована отсутствием согласия между державами, отсутствием добной воли и добросовестности некоторых, мы, видимо, не несем ответственности за это.

Между тем эти причины вместе взятые убедили турок в том, что европейское согласие было, скорее, видимым, чем реальным; они оказывали настойчивое сопротивление всем коллективным демаршам. Мы оказались в тупике, тем более опасном, что, с одной стороны, наша дипломатическая акция в пользу христиан, комментированная русской прессой с большим пылом, нежели тактом, привлекшая к себе, кроме того, внимание благодаря новому семейному союзу российского императорского дома с греческим королевским домом⁴, до высшей степени возбудила надежды христианских народов Востока; а, с другой стороны, проявляемая ими все более энергичная решимость поддержать, расширить борьбу, сделать ее всеобщей и либо победить, либо умереть — заставляли нас проявлять все более решительную и твердую настойчивость перед турецким правительством и кабинетами.

Именно здесь был опасный уклон, который мог привести к разочарованию либо потому, что христиане преувеличили бы цели и пределы нашей помощи в надежде увлечь нас за собой помимо нашей воли, либо потому, что мы невольно строили бы иллюзии относительно характера и значения их решимости.

Именно для того, чтобы выйти из этого тупика и избежать какого бы то ни было недоразумения, мы выступили с нашей последней декларацией⁵.

Она кладет конец этим переговорам, ставшим бесплодными из-за недомолвок и скрытых помыслов⁶. Она освобождает нас от ответственности и ставит лицом к лицу мусульман и христиан, предупреждая их, что они должны рассчитывать только на самих себя, и определяет место столкновения, исключая какое бы то ни было вмешательство, и особенно Австрии, которая больше, чем другие державы, кажется, к этому расположена.

Это — не решение. Это — определенная и откровенная позиция, лишенная ловушек и пеяностей, которая предоставляет нам свободу действия и приводит в соответствие то, что мы должны делать для самих себя, с тем, что мы должны делать для христиан Востока.

Они должны сообразовываться со своими силами и обстоятельствами времени, чтобы решить, является ли их позиция такой, когда народ руководствуется лишь своим отчаянием и своей энергией, или предпочтительнее отложить постепенно усиливающийся натиск, угрожающий их положению, до тех пор, пока они и мы будем в состоянии воспользоваться благоприятными обстоятельствами [...]

Горчаков

¹ Это проявилось прежде всего по отношению к Черногории и Дунайским княжествам. Порта, поддерживаемая венским кабинетом, требовала от Черногории признания суверенитета султана. См.: Хитрова Н. И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорское отношение в 50—70-х годах XIX в. М., 1979, с. 113, 121 и др.

Что касается Дунайских княжеств, Порта и правительство Австрии оказывали противодействие их объединению. Первая видела в объединении Молдавии и Валахии угрозу целостности Османской империи. Габсбургская монархия вынашивала планы установления своего господства на всем протяжении Дуная. См.: История Румынии. 1848—1917 гг. М., 1971, с. 102—103.

² В целом реально оценивая силы, которыми располагали балканские народы в борьбе против османского ига, А. М. Горчаков вместе с тем ввиду своей классовой ограниченности принижал уровень развития этих народов, был ярым врагом революционных движений.

³ Имеется в виду поездка Александра II на Всемирную промышленную выставку в Париже в 1867 г.

⁴ Речь идет о брачном союзе греческого короля Георга I с русской великой княжной Ольгой.

⁵ Имеется в виду декларация о невмешательстве от 18 октября 1867 г.

⁶ На протяжении 1866—1867 гг. велись переговоры между Россией и западными державами относительно судьбы Крита и реформ в европейских провинциях Османской империи, которые к моменту написания данного документа не по вине петербургского кабинета зашли в тупик.

Проблема освобождения народов Балканского полуострова в русско-сербских отношениях начала 70-х годов XIX в.

Д. Ф. ПОПЛЫКО

Отобранные для данной публикации документы из Архива внешней политики России относятся к одному из переломных моментов в истории русско-сербских отношений второй половины XIX в. Они освещают события 1872 г., фактически завершающие период русско-сербских дипломатических отношений в годы правления регентов в Сербском княжестве, т. е. после смерти князя Михаила Обреновича (1868) и до совершеннолетия князя Милана (1872).

Центральной проблемой публикации является сербский национальный вопрос, однако в силу того, что Сербия претендовала на роль южнославянского Пьемонта, в русско-сербской дипломатической переписке той поры этот вопрос рассматривался в теснейшей связи с проблемой освобождения других балканских народов.

Как известно, правление Михаила Обреновича в 1860—1868 гг. характеризовалось внешнеполитической активностью, особенно широкой и успешной после австро-пруссской войны 1866 г. Осуществление своей внешнеполитической программы — достижение независимости княжества и объединение южнославянских народов под эгидой сербской монархии во главе с династией Обреновичей — Михаил считал возможным достичь путем освободительной войны против Османской империи в союзе с другими балканскими народами.

По мере реализации намеченной программы правительство Сербии создало для подготовки восстания широкую сеть тайных агентов в славянских областях Османской и Австрийской империй. Был подписан военный союз с Черногорией, причем в случае успешного окончания войны с Турцией черногорский князь отказывался от престола в пользу Михаила Обреновича. На основе проекта о создании единого южнославянского государства велись переговоры с представителями болгарской эмиграции в Бухаресте; началось сотрудничество с хорватскими политическими партиями. Был также заключен союз и подписаны военное соглашение с Грецией и договор о пейтранитете с Румынией; установлены связи с венгерской эмиграцией во главе с Кошутом. И наконец, Белград стал местом формирования повстанческих чет; особый болгарский легион возглавил Г. Раковский¹.

Создававшийся Балканский союз активно поддерживала Россия. В 1866—1867 гг. русская дипломатия предприняла ряд шагов по оказанию помощи Сербии в деле сплочения этого союза. Иной была политика правительства Австрии (с 1867 г. — Австро-Венгрии). Являясь противницей большого славянского государства на Балканах, боясь освободительного движения славян в пределах своих владений, австрийское правительство всячески препятствовало созданию союза. Через тогдашнего сербского военного министра М. Блазнаваца австро-венгерские политические деятели предпринимали успешные попытки переориентировать Сербию на Австро-Венгрию.

Огромным внешнеполитическим планам Михаила не суждено было осуществиться в силу причин международного и внутриполитического характера. Одной из самых серьезных из них являлась консервативная внутренняя политика правительства Михаила. Стремясь к усилению абсолютской власти и опираясь на буржуазно-консервативные силы, князь вызвал широкое недовольство увеличением налогов, связанным с реорганизацией армии, укреплением полицейско-бюрократического режима, гонениями на либералов и др.

После смерти Михаила, убитого заговорщиками в 1868 г., Блазнавац при помощи армии провозгласил князем Сербии Милана Обреновича, а сам до его совершеннолетия встал во главе государства, разделив власть регента с Й. Ристичем и Й. Гавриловичем. Установилось правление, известное в истории Сербии под названием регентства (наместничества). Основную роль играли два первых регента — М. Блазнавац, из-за которого в известной мере ухудшились русско-сербские отношения, и Й. Ристич — глава правого крыла либеральной партии (название «партия» условно).

В первые годы своего правления регенты сосредоточились на внутренних вопросах, отодвинув внешнеполитические задачи страны на задний план².

Ориентация на Австро-Венгрию привела к скрытости, лавированию и лицемерию регентов в отношениях с русским генеральным консулом в Белграде Н. П. Шишким. Анализ его донесений показывает, что часто русский представитель не имел вообще личных контактов с регентами, его не ставили в известность о переговорах политического характера; если же он и получал аудиенцию у правителей, то слышал от них объяснения, противоположные действительному положению вещей.

Обстановка не изменилась к лучшему и в начале 1869 г., она заставила Шишкина в донесении от 24 марта (5 апреля) директору Азиатского департамента МИД П. Н. Стремоухову отметить: «...круг моих личных и официальных сношений со временем кончины князя Михаила не только не расширился, а, напротив, сделался ограниченнее как потому, что лица, вошедшие в состав нового правительства, воздерживаются от установления со мною близких сношений, так и потому, что многие другие, в прежнее

время весьма часто меня посещавшие, должны были прекратить свои посещения, чтобы не быть включенными в число лиц, подозрительных для наместников»³.

Но с конца февраля (начала марта) 1871 г. в донесениях Шишкина начали появляться такие фразы: «из доверительных рассказов г. Ристича», «желая, вероятно, дать мне доказательство искренности своих отношений к императорскому правительству, второй регент сообщил мне...»⁴ и т. д., а середина июля 1871 г. может быть отмечена как определенный рубеж в отношении регентов к России. Донесение Шишкина Стремоухову от 13(25) июля 1871 г. диссонирует со всеми предшествовавшими. «При последнем свидании со мною первый регент поведал мне совершенно доверительно», — сообщал Шишкин, — что сербское правительство «не предпримет ничего без согласия и содействия своей всегдашней покровительницы России»⁵. Несколько дней спустя столь же «откровенным» с русским дипломатическим агентом постарался быть и второй регент — Ристич⁶.

Вскоре последовал еще более неожиданный для русского представителя в Сербии и для санкт-петербургского кабинета шаг регентов: обращение с просьбой к российскому императору принять Милана, которого должен был сопровождать Блазнавац. Характер отношений между правительствами и одиозная для русского двора фигура первого регента, разумеется, осложняли решение этого вопроса. Тем не менее согласие русского двора было получено, и Милан с Блазнавацем был принят царем в Ливадии 10—11 (22—23) октября 1871 г. Шишкин сопровождал их в поездке.

Столь резкая периориентация на Россию со стороны сербского правительства заставила Шишкина тотчас после возвращения из поездки проанализировать причины такого шага. Мы считаем необходимым особо остановиться на этом, используя в дополнение к октябрьскому донесению Шишкина ряд замечаний и наблюдений, разбросанных по его ранним сообщениям.

Так, Шишкин сообщал в конце сентября (начале октября) 1868 г., что Блазнавац официально поставил его в известность о сближении своего правительства с венгерским, продолжая тем самым внешнеполитический курс последних лет правления князя Михаила⁷. Венгерское правительство обещало помочь Сербии добиться дипломатическим путем Боснии.

Почти параллельно началось и разрасталось разочарование общественности Сербии и бывших ее союзников по освободительной борьбе в политическом курсе регентов. В самом начале 1869 г. в газете «Единство» наместники вынуждены были изложить программу своей внешней политики. Появление ее объяснялось, по предположению Шишкина, тем, что регенты заметили «неблагоприятное впечатление, произведенное во всех славянских землях молчанием сербской печати» в период активизации национально-освободительных сил⁸. Статья представляла собой не только абстрактные рассуждения о необходимости для Сербии

быть крайне осторожной во внешней политике, но и стремление обосновать выгоду от сближения ее с Австро-Венгрией.

Шишкин в донесении от 15(27) января 1869 г. отметил, что «большинство публики не разделяет влечения наместников к австро-мадьярской монархии и не основывает на дружбе с нею никаких корыстных для Сербии расчетов», более того, «в Белграде уже начинают обнаруживаться признаки неудовольствия против настоящего правительства». В заключение данного донесения русский консул подводил определенные итоги правления регентов. «Вся деятельность гг. Блазнаваца и Ристича в течение семимесячного их управления пришла, насколько мне известно, только к одному результату: вместо того чтобы следовать политической системе князя Михаила, она привела Сербию к совершенному бессилию на поприще внешней политики и к умножению партий и усилинию вражды между ними на поприще внутренней политики. Если наместники еще не сознаются в шаткости своего положения, это не мешает им окружать себя предосторожностями, доказывающими только, что уверенность их только наружная»⁹.

В противоположность нерешительности регентов, которые в окружавших Сербию славянских землях, по словам Шишкина, «поселили уже сильное разочарование», с весны 1869 г. все явственнее ощущалось усиление роли Черногории. Ориентация на Россию делала ее притягательным центром для югославян. Князь Николай льстил себя мыслью возглавить югославянское освободительное движение¹⁰. Самым крупным тогда политическим выигрышем черногорского правительства была периориентация «Омладины» (организации «Объединенной сербской молодежи»¹¹) на Черногорию и ее князя.

Омладинские газеты, прежде всего «Застава», в условиях близкого, как казалось их издателям, разрешения национального вопроса на Балканах атаковали регентов по всем вопросам внешней политики Сербии. Как отмечалось в донесении Шишкина от 16(28) ноября 1870 г., сербские газеты выступали за широкий союз Сербии со всеми народами Балканского полуострова, как во времена князя Михаила, однако переговоры с Черногорией шли трудно из-за стремления каждого из правительств «сделаться единственным руководителем» движения¹². В Боснии и Герцеговине Черногория действовала более успешно, чем Сербия. «Слишком занятые своими внутренними затруднениями, — отмечал далее Шишкин, — здешние правители едва обратили рассеянное внимание на предложения албанских вождей». Регенты не сделали даже попытки восстановить добрые отношения с болгарами, равно как и союзнические отношения с Грецией и Румынией. Сербское правительство «не сумело удержать за собой сочувствие и доверие, которые питали к нему хорваты и австрийские сербы... С одной стороны, ложный либерализм регентства, с другой — явное недоброжелательство к своим братьям, живущим по ту сторону Савы и Дуная, восстановили против него всех сер-

бов, и с некоторого времёни не одни только новосадские радикальные газеты наполняются самыми яростными нападками на сербских правителей, которых выставляют обманщиками и изменниками общему делу». Хорваты также отказались «от всякого дальнейшего соглашения с Сербией». Шишкин делал вывод, что регентство восстановило против себя «всех своих естественных союзников»¹³. 14 (26) апреля 1871 г. он писал, что с регентством «невозможно помышлять о создании из Сербии центра, вокруг которого могло бы сплотиться все южное славянство»¹⁴.

Как известно, под предлогом крестин наследника князя Николая в сентябре 1871 г. в Цетинье собралась та часть омладинцев, которая была настроена на решительную борьбу, создав для этой цели боевую организацию «Дружину за освобождение и объединение сербское»¹⁵. Там же были и представитель петербургского двора полковник Толстой, которого сопровождал русский консул в Дубровнике А. С. Ионин. Последний отмечал, что торжественность происходящего являлась как бы намеком на новое значение, приобретенное Черногорией. В числе приглашенных были западноевропейские консулы из Скутари (Шкодер) и греческий вице-консул из Рагузы (Дубровник).

В донесении Стремоухову от 18 (30) сентября 1871 г. о празднествах в Цетинье, сопровождавшихся военными маневрами, А. С. Ионин специально останавливается на политической стороне этого события, указывая, что черногорский князь продемонстрировал свою ориентацию на Россию. Ионин пишет, что «прямые и смелые отношения к России лиц, поставленных во главе сербов, все-таки дают им обстоятельную силу» и увлекают массы. К последним он отнес более тысячи человек, прибывших из Австрии, и между ними большое число членов «Омладины». В целом Ионин считал, что «эти праздники были демонстрацией, более полною и решительную, чем то можно было предвидеть. Сербское, австрийское и турецкое правительства, вероятно, обратят на них особенное внимание и будут ими недовольны», но важнее их отголосок «в Воеводине и Бачке, а особенно в Белграде». Ведь омладинские газеты и общественное мнение Сербии тогда «особенно нападали на регентов за их двусмысленные отношения к Венгрии, за их отчуждение от России, за политическое бездействие и, наконец, за ссору с Черногорией»¹⁶. Именно поэтому, по мнению руководителей «Омладины», основу южнославянского сотрудничества должны были составлять союз Сербии и Черногории и ориентация их на Россию. В «Меморандуме» омладинцев князю Николаю говорилось: «Нравственное сплочение сербского народа и единодушие между ним немыслимы без опоры и содействия России»¹⁷. Л. Костић, с которым говорил Ионин, был настроен боевито и выражал уверенность, что омладинцы заставят действовать правителей обоих княжеств. На вопрос Ионина «что подразумеваете вы под этой деятельностью?» Костић ответил: «Борьбу против Турции, к которой мы готовы присоединиться». «Легко сказать — «борьба против Турции», — продолжал я, —

а вы ее еще усложняете тем, что хотите к ней присоединиться, — это уже выйдет борьба не только против Турции, но чуть ли не против всей Европы. Думаете ли вы, что сербы и черногорцы могут ее предпринять хотя бы и соединенными своими силами? — Нет, для этого нужна опора и согласие России»¹⁸.

Ионин в отличие от сербских регентов не считал «Омладину» «сборищем экзальтированных крикунов и вредных утопистов» и не был настроен к ней так отрицательно, как Шишкин, считавший и С. Милетича, и других людьми крайних революционных стремлений. В приватной беседе с князем Николаем Ионин дал ему совет быть с сербской организацией «в хороших отношениях и не оказывать ей ни презрения, ни противодействия», при этом, однако, не делая ее «ни своим органом, ни еще менее своим руководителем»¹⁹.

Как известно, «Омладина» была прогрессивной в целом, но пестрой в политическом и идеином отношениях организацией. Представители буржуазных демократов Милетич и Костић ради союза с князем Михаилом, а позднее с регентами сняли все внутриполитические требования, оставив только национальный вопрос. Революционно-демократическое крыло организации во главе со Св. Марковичем выступало за демократические преобразования в Сербии и революции в угнетенных Османской империей славянских областях. Оно не нашло общего языка с князем Николаем и регентами.

Показательно, что, получив сообщения о празднествах в Цетинье от своего представителя подполковника Боевича, регенты почти тотчас же попросили приема у русского императора.

В донесении от 28 октября (9 ноября) 1871 г. Н. П. Игнатьеву Шишкин выделил три основные причины, «заставившие» (он не случайно употребил именно это слово) регентов просить приема: 1) Полное разочарование сербской общественности в политике сближения с венграми. Теперь регенты, согласно их заявлениям, решили порвать с Австро-Венгрией и сверх того посредством поездки князя с одним из регентов к царю надеялись восстановить «исчезнувшее доверие к ним всех прочих южных славян»; 2) Сведения, привезенные Боевичем о воодушевлении присутствовавших в Цетинье сербов, в том числе «Омладины», в связи с провозглашением князем открытой ориентации на Россию и недоверия к тогдашнему сербскому правительству; рассказы эти утверждали регентов «в намерении предпринять что-либо, могущее воскресить их популярность»; 3) Самой существенной причиной Шишкин считал «шаткое положение регентства на собственной почве». Преданные Блазнавацу и Ристичу люди советовали найти средство для утверждения своего положения, «указывая при этом как на самое действительное — на торжественное сближение с Россией»²⁰.

Впечатление в стране от поездки князя в Ливадию было в высшей степени положительным и достаточно сильным в силу своей неожиданности, что отметил и Шишкин²¹. Однако этот шаг

вызвал резко отрицательную реакцию находившихся в Белграде дипломатических агентов Великобритании, Австро-Венгрии, Германии, Франции и Италии²².

Оценивая последствия поездки Милана в Крым, Шишкин, хотя и характеризовал Блазнаваца как легкомысленного деятеля, который «менял свои политические убеждения, как мундиры», тем не менее считал, что в результате этой поездки в последующие девять месяцев (до передачи власти Милану) внешнеполитическая ориентация Сербии не будет меняться, ибо переход во враждебный России стан никогда не будет прощен народом. Однако в системе внутреннего управления, навлекшей на регентов «неудовольствие и парекание народа», писал он, никаких перемен ожидать нельзя²³.

Последующий период в отношениях между сербскими регентами и русским дипломатическим агентом в Белграде характеризуется большей откровенностью со стороны первых к представителю России. После поездки в Крым, писал Шишгин Игнатьеву 14 (26) февраля 1872 г., «первый регент всеми средствами старается доказать мне свое доверие и откровенность». Донесения Шишкина этого времени постоянно содержат указания на то, что тот или иной регент информировал его по важнейшим внешнеполитическим вопросам. Наконец, в Петербурге становится известно самое главное — о подготовке силами «Омладины» восстания в провинциях Османской империи, в которых проживало сербское население (Боснии, Герцеговины, Южной Сербии)²⁴. Действительно, несмотря на разочарование омладинцев в черногорском князе и пассивности регентов, организация готовила восстание на февраль 1872 г.²⁵ Придавая большое значение помощи сербского правительства, ее руководство решило через посредничество митрополита Сербского Михаила вступить в сношения с Блазнавацем. Первым посланцем Главного комитета «Омладины» к регентам был брат Светозара Марковича Ефрем, сообщивший Блазнавацу план восстания и информировавший его о наличных средствах для осуществления задуманного. Комитет потребовал от сербского правительства помощи деньгами, оружием и амуницией, а также дипломатической поддержки²⁶. Не имея достаточных средств и надежных союзников, организация неоднократно переносила сроки восстания, продолжая искать пути к сотрудничеству с сербским правительством. Переговоры с регентами вел в феврале 1872 г. Л. Костић²⁷. 18 (30) марта того же года «Омладина» представила регентам «Меморандум» как основу для новых переговоров. Автором его принято считать Св. Милетича, в Белград его доставил видный деятель ее революционного крыла В. Пелагич, снабженный полномочиями для ведения переговоров и подписания соглашения²⁸.

Фактически «Омладина» подчиняла сербское правительство своим планам, и это явилось одной из причин отказа регентов сотрудничать с ней. Очевидно, что для немедленного выступления не было благоприятных условий, средства для успешного восстания

ния были явно недостаточны. Не последнюю роль сыграла и позиция России²⁹.

Дипломатическая активность регентов стала проявляться в другом направлении. В конце 1871 г. они сформулировали свою внешнеполитическую программу и довели ее до сведения русского дипломатического агента в Белграде для представления петербургскому кабинету. Существо этой программы изложено в крайне интересном и важном донесении Шишкина Игнатьеву от 17 (29) декабря 1871 г. По убеждению регентов, сообщал Шишкин, значение и влияние Сербии на австрийских славян «было бы несравненно сильнее, если бы она сама могла усилиться, особенно в своем численном составе». Речь шла о возрождении Сербии в исторических рамках Душанова царства. Далее Шишкин писал: «Гг. Блазнавац и Ристич понимают вполне, что указываемая ими цель может быть вернее и скорее всего достигнута в настоящую минуту путем насилия, т. е. провозглашением независимости княжества и открытою борьбою против Турции, долженствующей окончиться разделом достояния последней между ее естественными наследниками. Но им кажется, что, помимо этого насилиственного средства, могущего быть несообразным с видами и намерениями императорского правительства, без участия и согласия которого они отказываются решительно приступить к какому-либо действию для устройства будущности Сербии, есть и другое, которое не произведет столь коренного переворота и продолжит шаткое существование Турецкой империи до той минуты, пока все естественные наследники ее достигнут политической зрелости, достаточной, чтобы избежать непоправимых беспорядков, могущих иметь за собой вмешательство Европы»³⁰.

Прежде чем перейти к изложению этого «другого средства», следует прокомментировать данное место донесения Шишкина. Фактически регенты изложили здесь суть тогдашней балканской политики русского правительства. В одном из донесений — 13 (25) июля 1871 г. — Шишкин писал, что сам пытался убедить регентов в том, что «образ мыслей нашего кабинета относительно частных попыток к низвержению турецкого владычества несколько не изменился и что всякое предприятие подобного рода не только не встретит содействия со стороны императорского правительства, но даже не возбудит в нем сочувствия, ибо повлечет за собою совершенно напрасное пролитие крови и бесполезную растрату сил, которые могут пригодиться для общего дела в более благоприятное мгновение»³¹.

Не выступая, таким образом, против позиции русского двора, регенты предложили другое средство решения «национальной» проблемы: «Таковым средством, — писал Шишкин, — является, по их мнению, отдача Боснии, Герцеговины и Старой (т. е. Южной — Д. П.) Сербии в управление князю сербскому, который не пресечет до времени вассальных уз, связующих его с Турецкою империею. Регенты сознаются, что чрезвычайно трудно будет склонить к этому государственных людей Турции, но они думают,

что к этому можно было бы их привести постепенно, — например убедивши их сначала подчинить сербские епархии духовному главенству митрополита сербского, наподобие того как это уже сделано для болгарской церкви, что распространит в то же время прямое влияние княжеского правительства на школы, общины и управление в этих областях. Они убеждены, что при увеличивающихся ежедневно административных затруднениях и недостаточности предпринимаемых в Турции преобразований императорскому правительству не невозможно было бы при дружественном содействии некоторых великих держав привести султана и его министров к согласию на меру, могущую продлить на несколько времени настоящий порядок вещей»³². Для осуществления своих планов регенты просили помощи России.

Как выяснилось из доверительной беседы Блазнаваца с Шишким, между двумя первыми регентами существовали большие разногласия по программе в целом. Идея провозглашения независимости Сербии в момент совершеннолетия князя Милана принадлежала Ристичу, который хотел для ее осуществления воспользоваться созывом в этой связи Великой народной скупщины. По мнению Ристича, таким средством регентство «избавит себя от упрека, беспрестанно ему делаемого, что оно ничего не хотело предпринять для осуществления сербской народной программы»³³.

Ристич с чрезвычайной настойчивостью отстаивал свое предложение. Блазнавац с большим трудом убедил его «в непрактичности онного». Первый регент считал, что без осуществления других пунктов «народной программы» провозглашение независимости Сербии только усложнило бы положение князя при вступлении его в управление. Даже если бы не было «дурных последствий», Сербию объявили бы нарушительницей Парижского трактата, что лишило бы ее гарантии великих держав, поставило вне международного права, и, не получив признания ни с чьей стороны, она подорвала бы свой авторитет среди «единоплеменников». По словам председателя Государственного совета Сербии И. Мариновича, Ристич исходил из острой необходимости поправить внутреннее положение, любыми средствами поднять авторитет и популярность правительства. Маринович был убежден, что было бы безрассудно предпринимать подобное дело при политических обстоятельствах того времени и при недостаточной военной организации княжества³⁴.

Таким образом, в самом конце 1871 г. два первых регента поменялись ролями, ибо ранее Блазнавац был автором всяких «несбыточных замыслов», писал Шишкин, а Ристич «играл роль благоразумного и хладнокровного собеседника». Изменение позиции каждого из них Шишкин считал крайне важным явлением, хотя объяснить пока не мог.

Вопрос об отношении русского правительства к изложенной внешнеполитической программе сербского правительства крайне волновал регентов. Шишкин писал 11 (23) марта 1872 г. А. М. Горчакову о том, что регенты не переставали запрашивать

его, получил ли он какие-либо известия на свое донесение. Получив от Игнатьева копию предписания Горчакова от 22 января (3 февраля) 1872 г., Шишкин использовал документ в беседах с регентами. Он «стремился доказать им опасность, могущую возродиться для Сербии от увлечений гипотетическими расчетами, составленными в ее соседстве (т. е. «Омладиной» в Воеводине. — Д. П.), и от вмешательства в борьбу партий, продолжающуюся в Австро-Венгрии³⁵, равно как и несостоительность сообщенного мною ими предположения о возможности усилить Сербию, домогаясь от Турции дипломатическим путем уступок, на которые она могла бы согласиться только после несчастливо для нее окончившейся войны»³⁶.

Несмотря на все старания Шишкина, ему не удалось достичь желаемых результатов. «К сожалению, — писал он по поводу своих бесед с регентами, — я должен сознаться, что усилия мои удержать порывы регентов остались безуспешными. Они не перестают настаивать на необходимости изменения к лучшему политического положения своего отечества». Сербские правители боялись упускать время. Они считали, что положение Сербии осложняется с каждым днем и осуществление намеченою программы делается все более сомнительной. По их мнению, выжидательная позиция Сербии истощает ее средства, выделяемые на поддержание военной силы, и делает более несоразмерными препятствия, с которыми ей предстоит бороться: стремление Австро-Венгрии, поддерживающей Германией, подчинить Сербию, военное усиление Турции, укрепление позиций европейского капитализма в Сербии в связи с постройкой через ее территорию железной дороги³⁷.

Вместе с тем регенты осознали и огромные трудности, стоявшие на пути осуществления выдвинутой ими программы. Вскоре они составили «новый план действия», который просили Шишкина также представить русскому правительству. Существо этого плана, изложенного регентами в записках от 3 (15) и 6 (18) марта 1872 г.³⁸, заключается в провозглашении независимости Сербии при вступлении Милана в самостоятельное управление страной.

Анализ нового предложения регентов привел Шишкина к выводу, что «единственное побуждение, руководящее регентами при испрошении согласия императорского правительства на дело, представляющее столь мало ручательства успеха, есть сознаваемая ими необходимость поправить этим трудноисправимые погрешности своего управления и желание удержать за собою высшие должности при становлении нового правительства молодого князя». Шишкин отмечал и полное подчинение Блазнаваца внутренним Ристича: первый регент «сделался ныне ревностным поборником предприятия, два месяца назад строго им осужденного и признававшегося им столь же бесполезным, сколь неудобоисполнимым»³⁹.

Шишкин доносил в МИД России, что Сербия ошибками регентов поставлена в затруднительное положение и ответствен-

ность за них падет тяжким гнетом на князя Милана в начале его самостоятельного правления. Одной из таких ошибок Шишкин считает распространение регентами в течение двух лет печатно и словесно слухов «о переговорах, будто бы ими веденных об уступке Боснии и Герцеговины, ограничивавшихся одною пустою болтовнею и имеющих единственную целью поддержать их популярность». Образ действий Блазнаваца и Ристича Шишкин характеризовал как своеокрыстный и легкомысленный⁴⁰.

Показателем того, как недалек был от истины русский консул насчет проведения в жизнь программы регентов и оценки их замыслов как нереалистичных, является состояние решения вопроса о Малом Зворнике. Этот небольшой участок земли на правом берегу р. Дрины Порта обещала вернуть Сербии в 30-е годы и вторично в 1867 г. при князе Михаиле. Однако, хотя регенты с начала 1872 г. требовали от Порты в ультимативной форме выполнить обещание, причем ни один из европейских консулов не заявил своего протеста против сербских требований, тем не менее поверенный в делах Сербского княжества в Константинополе получил ответ на этот вопрос из канцелярии великого везиря (со ссылкой на решение султана), «что требования сербов насчет очищения Зворника никогда не будут исполнены»⁴¹. Переговоры по этому вопросу продолжались и далее⁴².

Нереальность мирного или дипломатического пути решения сербского национального вопроса ясно видели руководители «Омладины». Убедительным примером для них также был вопрос о Малом Зворнике. Омладинцы писали в своем «Меморандуме» сербским правителям 18 (30) марта 1872 г.: Порта «упорно защищает всякую иядь земли, и, если вопрос о Малом Зворнике порождает такие трудности, можно ли помыслить, чтобы она уступила Боснию и Герцеговину без капли крови»⁴³.

В этот острый момент и появился ряд интересных документов русского МИД, чрезвычайно откровенно в силу своей секретности отвечавших на поставленные регентами вопросы. Доклад А. М. Горчакова пару содерхит анализ двух этапов русской политики по отношению к Сербии, причем второй из них представлял по существу балканскую политику России после Крымской войны. Россия в вопросе освобождения южнославянских народов ориентировалась тогда на Сербию как главную силу, имевшую армию и государственный аппарат. Горчаков совершиает экскурс в недавнее прошлое, сопоставляя внешнеполитическую программу князя Михаила и регентов и реальные возможности их осуществления. Общий вывод Гэрчакова состоит в том, что регенты встали на путь нереалистичной, даже в определенной степени авантюристической внешней политики, ибо не учитывают военную силу Османской империи и реакцию европейских кабинетов.

После одобрения и утверждения выводов Горчакова Александром II была составлена по поручению канцлера секретная записка Стремоухова. Стремоухов в свою очередь критикует внешнюю политику регентов и предлагает для молодого князя Милана по-

литический курс, ориентированный на собирание всех балканских сил, вооружение их и терпеливое ожидание удобного для выступления момента.

Последние из публикуемых документов являются предписаниями русскому агенту провести в жизнь определенную позицию России по отношению к Сербии. В них делается различие между частным вопросом, решение которого возможно, и «большой авантюром» сербских регентов, которым предлагается взять на себя ответственность за ее последствия. В результате регентство приняло решение «отложить до стечения более благоприятных обстоятельств» осуществление своих намерений⁴⁴.

Документы, вышедшие из-под пера высших русских чиновников-монархистов, естественно, несут печать классового отношения авторов к революционной борьбе и левым организациям в Сербии.

- ¹ Подробнее о внешнеполитической деятельности князя Михаила см.: *Јакшић Г., Вучковић В.* Спољна политика Србије на владе кнеза Михаила (Први Балкански савез). Београд, 1963.
- ² Подробнее о внутренней политике регентов см.: *Чубриловић В.* Историја политичке мысли у Србији XIX века. Београд, 1958, с. 321—328.
- ³ См., например, донесение Н. И. Игватьеву от 12 сентября 1868 г. в кн.: Уједињена омладина српска и њено доба. 1860—1875: Грађа из совјетских архива. Нови Сад, 1977, с. 77, 97.
- ⁴ АВПР, ф. ГА, V-А₂, 1871 г., д. 258, л. 21 об., 50.
- ⁵ Уједињена омладина..., с. 191.
- ⁶ АВПР, ф. ГА, V-А₂, 1871 г., д. 258, л. 91.
- ⁷ Князь Михаил ездил в южную Словакию для встречи с главой венгерского правительства Ю. Андراши. После кончины Михаила переговоры вел Орешкович — доверенное лицо Блазнавца (см.: Уједињена омладина..., с. 72, 80).
- ⁸ Там же, с. 87.
- ⁹ Там же, с. 88, 89.
- ¹⁰ Там же, с. 97—98, 101, 113, 114—115.
- ¹¹ Подробнее см.: История Югославии. М., 1963, т. I, с. 485—486; Чубриловић В. Историја..., с. 240—338.
- ¹² О длительности сербско-черногорских переговоров см.: Уједињена омладина..., с. 166—167, 173—175, 181—183, 185—187, 199—201, 204, 210—211.
- ¹³ Там же, с. 157, 159, 194.
- ¹⁴ АВПР, ф. ГА, V-А₂, 1871 г., д. 258, л. 333в.
- ¹⁵ Подробнее см.: Чубриловић В. Историја..., с. 333—338.
- ¹⁶ Уједињена омладина..., с. 206, 208, 209, 210.
- ¹⁷ Там же, с. 217.
- ¹⁸ Там же, с. 218 и далее.
- ¹⁹ Там же, с. 188—189, 211, 214—215.
- ²⁰ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1871 г., д. 1388, л. 70—71 об.
- ²¹ Там же, л. 72—73, 77—81 об., 117.
- ²² Там же, л. 74—75.
- ²³ Там же, л. 72—73 об., 75 об.
- ²⁴ АВПР, ф. ГА, V-А₂, 1871 г., д. 258, л. 188 и об.; д. 259, л. 34.
- ²⁵ Подробнее см.: Војводић В. Уједињена омладина српска и припремање устанка на Балкану 1871—1872 године.— В кн.: Уједињена омладина српска: Зборник радова. Нови Сад, 1968, с. 305—314; Шарова К. Припреме за устанак у Бугарској 1870—1872 и Уједињена омладина српска.— Там же, с. 473—494.
- ²⁶ Подробнее см.: Уједињена омладина..., с. 234—239.

- ²⁷ Там же, с. 243—244.
- ²⁸ Там же, с. 249—255.
- ²⁹ Там же, с. 232, 234.
- ³⁰ АВПР, ф. ГА, V-А₂, 1871 г., д. 258, л. 198 об., 199 и об.
- ³¹ Уједињена омладина..., с. 191, 232, 234; Никитин С. А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970, с. 157—182.
- ³² АВПР, ф. ГА, V-А₂, 1871 г., д. 258, л. 199 об.—200.
- ³³ Там же, 1872 г., д. 259, л. 26 об.
- ³⁴ Там же, л. 26 об.—27 об., 28.
- ³⁵ Имеются в виду переговоры регентов с хорватской Народной партией, с венгерской оппозицией в сейме, со словацкой партией и др.
- ³⁶ АВПР, ф. ГА, V-А₂, 1872 г., д. 259, л. 52 об.
- ³⁷ Там же, л. 53—54.
- ³⁸ Там же, л. 59—63.
- ³⁹ АВПР, ф. ГА, V-А₂, 1872 г., д. 259, л. 56.
- ⁴⁰ Там же, л. 56 об.—57.
- ⁴¹ Там же, л. 30 и об., 67 и об.—68 об., 89—91 об.; д. 258, л. 365 и об.
- ⁴² Там же, д. 260, л. 60—62, 167 и об.
- ⁴³ Уједињена омладина..., с. 250.
- ⁴⁴ АВПР, ф. ГА, V-А₂, 1872 г., д. 259, л. 107 об. Подробнее см. там же, л. 95—97 об., 98 об., 106—109.

№ 1

Доклад государственного канцлера России А. М. Горчакова императору Александру II с характеристикой этапов русской политики по отношению к Сербии и с освещением ее роли на Балканах

С.-Петербург, 31 марта (12 апреля) 1872 г.

Образование княжества Сербии совершилось при решительном содействии России и под влиянием войн, веденных ею с Турциею.

По причине совершенного неустройства княжества, отчасти и вследствие существовавших тогда политических начал в продолжение многих лет Россия признавала необходимым принимать самое живое участие во внутренних делах Сербии. При этом Сербия постоянно считалась как бы совершенно отдельною единицею в массе христианских народностей Турции, и мы не допускали между ними ни общности интересов, ни единства целей. Но этот образ действий имел, однако, последствием значительные для нас затруднения и даже недоразумения с самим княжеством¹.

После Крымской войны и с начала царствования государя императора постепенно была введена совершенно другая система политики относительно Сербии. При сохранении во всей силе полного к ней сочувствия, не отказывая ей ни в наших советах, ни в нашей правственной поддержке, мы мало-помалу устранились вовсе от прямого вмешательства в дела Сербии и в то же время допустили возможность лучшего будущего для нее, в особенности при установлении княжеством более тесной связи с другими сербами Турции, а также с болгарами, черногорцами и даже греками.

Князь Михаил вполне усвоил эту программу и большую частью с признательным доверием относился к нашим внушениям. Прямыми последствием этого было: упрочение дома Обреноп-

вичей в княжестве, развитие внутреннего благосостояния, не только сближение с Черногорией, но даже подчинение ее видам Сербии, не только прекращение враждебных отношений к болгарам, но присылка в Княжество множества молодых болгар для воспитания и военного обучения, наконец, обращение к княжеству всех надежд от населений Боснии, Герцеговины, Военных границ, Баната и Кроации.

Что касается до последних, т. е. славян австрийских, то князь Михаил совершенно основательно не отвергал дружественных сношений с ними, но, понимая их неоткровенность и своекорыстные цели, соблюдал крайнюю осторожность². Еще более осмотрителен был он по отношению к «Омладице», которая под видом горячего патриотизма олицетворяет собою крайне революционные стремления³.

Невзирая, однако же, на многие выгоды своего положения, князь Михаил, согласно внушениям России, не признавал еще возможным сделать решительный шаг для освобождения Сербии: он видел, что прежде этого необходимо было гораздо более упрочить и развить связи свои с прочими единоверцами, довершить военное устройство, которого было только положено основание, заготовить большие запасы оружия и продовольствия для своих будущих союзников, достигнуть более благоприятного расположения к Сербии, хотя от некоторых из великих держав, и наконец выждать для начатия действий удобного политического положения в Европе.

Со смертью князя Михаила все изменилось и, к несчастию, не в выгодном для Сербии смысле.

Оказанное со стороны регентов пренебрежение раздражило болгар и возобновило в прежней силе ненависть и недоверие между двумя народностями⁴.

Не принимая во внимание изменившихся обстоятельств, регенты обнаружили большую притязательность относительно Черногории и оттолкнули ее от себя, а при этом возбудили в князе Николае подозрения своими происками в Южной Герцеговине.

Сверх того регенты, не щадя денег, стали усиленно рассыпать тайных агентов по Боснии, Герцеговине и Старой Сербии и вызвали этим местные заговоры, которые были открыты; заговорщики были сосланы, а кредит Сербии пострадал в этих странах.

С другой стороны, регенты, резко отстранившись от России и ее советов, попытались достичь воображаемых крупных успехов тайными сношениями с австрийским агентом и с самим графом Андрапи. Сношения эти не привели ни к каким выгодным последствиям, кроме более или менее щедрых обещаний, а между тем весьма сильно поколебали положение регентства в глазах сербов, инстинктивно не доверяющих мадьярам и не ожидающих от них ничего доброго.

Для приискания точки опоры регенты завязали более тесные сношения с хорватскою народною партиею и с «Омладиною», но и тут они действовали не в смысле сербских народных убежде-

ний, а между тем скоро и сами убедились, что хорваты и «Омладина» желают только сделать из Сербии орудие для достижения своих целей: первые — Дунайской славянской федерации в австрийском католическом смысле, вторая — подчинение южных славян республиканко-социалистической программе.

Более же всего положение регентов сделалось шатким и критическим вследствие убеждения сербского народа, что деятельность их не одобряется Россиею, что отношения их к России не хороши, тогда как князь черногорский после милостивого приема в Петербурге быстро поднялся в глазах своего народа и всего юнославянского мира.

Необходимо было выйти из этого положения — и была задумана и приведена в исполнение поездка в Ливадию молодого Милана в сопровождении Блазнав[а]ца. Хотя нельзя было ожидать отказа в приеме молодого князя, но весьма подлежало сомнению согласие на сопровождение его первым регентом, а потому все было устроено не только помимо министерства иностранных дел, но даже без всякого участия наппего дипломатического агента.

После этого сербским патриотам, выражавшим тревожные сомнения насчет правильности политических действий регентства, было смело указано на прием, которого удостоились как князь Милан, так и первый регент, на необычно высокие награды, полученные ими от монарших щедрот, и внушено, что регенты действуют по указаниям и согласно видам России.

Тем не менее приближается вступление князя в управление делами, причем он получил возможность услышать многие отзывы уже не одних регентов — слишком большая опасность для их честолюбия. Для избежания этой опасности регенты вдруг обнаруживают политическую деятельность совершенно лихорадочного свойства: является предположение требовать присоединения Боснии и Герцеговины к княжеству, потом подчинение их сербскому духовному управлению, поднимается вопрос о Малом Зворнике и о соединении железных дорог; наконец заявляется намерение в этом же году при совершеннолетии князя торжественно прервать вассальные отношения к Порте и провозгласить независимость сперва княжества, а потом королевства Сербского. В то же время обнаруживается вмешательство в дела австрийских славян, заводятся деятельные спошения с «Омладиною», но не удается заключить военную конвенцию с Черногорией.

Принимая во внимание совершенное неустройство военных сил Сербии, неготовность ее к тяжкой борьбе, крайне неудовлетворительные к ней отношения турецких славян* и вообще политическую уединенность княжества, трудно решить, до какой степени эти широкие планы соответствуют истинным убеждениям и замыслам регентов. Как ни готовы они всем жертвовать, даже судьбами своего отечества, своему честолюбию иластолюбию, кажется невероятным подобное ослепление.

* Имеется в виду славянское население в Османской империи.

Скорее должно предположить одно из двух: или они думают, подняв эту бурю, принудить Россию волею-неволею спасать Сербию; или высказывают к нам откровенность лишь с тем, чтобы впоследствии иметь возможность сослаться как на заслугу на свои громадные замыслы о возвеличении Сербии и обвинить в неуспехах их Россию.

Не подлежит сомнению, что если бы в самом деле регенты решились сделать то, что заявляют, то в разных местностях Турции вспыхнут восстания, которые, быть может, получат некоторый отклик в Военной границе; но первым последствием будет скрепление интересов Турции и Австро-Венгрии, затем кровопролитие, разорение множества народа и особенно Сербии, которая может лишиться и нынешних своих преимуществ. Положение дел в России было бы крайне тяжело: видеть гибель своих единоверцев, разрушение всего достигнутого десятками лет и драгоценной русской кровью — и не иметь возможность чем-либо предупредить это бедствие.

Можно надеяться, что откровенное, решительное слово предостережения рассеет легкомысленные надежды и спасет Сербию от неизбежной гибели *.

Горчаков

АВПР, ф. ГА, I-1, 1872 г., д. 48, л. 36—45. Подлинник.

¹ Имеются в виду конфликт 1842—1843 г., когда Россия выступила против смены князя уставобранителями, и затем с 1846 г. постепенная переорIENTATION правительства Сербии на Австро-Венгрию.

² См.: История Югославии. М., 1963, т. I, с. 529—531.

³ Об отношениях князя Михаила с либералами и «Омладиной» см. там же, с. 482, 485—486.

⁴ Вероятно, имеется в виду игнорирование попыток деятелей болгарского национально-освободительного движения (Л. Каравелова в частности) установить сотрудничество в деле борьбы за освобождение от османского ига с сербским правительством. См.: История Болгарии. М., 1954, т. I, с. 270—273.

№ 2

Весьма секретное частное письмо директора Азиатского департамента П. Н. Стремоухова русскому генеральному консулу в Белграде Н. П. Шишкину с критикой внешнеполитического курса регентов и изложением программы получения независимости Сербии и освобождения других южнославянских народов

Не ранее 31 марта (12 апреля) —
не позднее 5 (17) апреля 1872 г.**

Одну другой интереснее экспедиции присыпаете вы нам, но не могу скрыть, что ваши сообщения производят и недоумение, и сильное опасение за будущность Сербии.

* На полях помета Александра II: Дай бог!
** Датируется по местонахождению документа.

По поручению канцлера прилагаю весьма секретную записку. Согласитесь, что все в ней изложенное — неопровергимая истина. Вы сами хорошо помните положение Сербии, как внутреннее, так и внешнее, в последние годы жизни князя Михаила и легко можете сравнить его с настоящим. Если и в то время восстание и отделение от Турции признавались безрассудным и несвоевременным предприятием, то чем считать их теперь? Как смотрели на Сербию все другие южные славяне при Михаиле и как они смотрят теперь? Более ли теперь внутреннего искреннего единства между самими сербами? Где ее союзники? Насколько подвинулось вперед после осмотра нашими офицерами-специалистами устройство войска? Наполнены ли арсеналы оружием для болгар и босняков? Заготовлены ли обширные склады продовольствия? Нет, нет и нет! А между тем в Сербии вместо князя Михаила, пользовавшегося между всеми славянами доверием и популярностью, далеко даже превышавшими его истинные достоинства, мы видим теперь мальчика-князя, опирающегося на регентов, до сих пор, кроме ошибок, ничего не сделавших; а Турция сделалась много сильнее.

Уже не на содействие ли «Омладины» можно рассчитывать для достижения столь обширных целей?

Предположим, что все великие державы спокойно будут взирать на новое нарушение трактатов, на разрушение целости Турции; допустим даже, что Австрия будет удержана от прямого вмешательства в это дело, хотя она будет совершенно вправе принять на своей границе самые строгие меры к оцеплению и изолированию Сербии. Но кто помешает Порте самой управиться с бунтующими вассалами, какова будет эта управа и какие будут ее последствия?

Быть может существует мысль, что, невзирая на наши советы благоразумия, мы вынуждены будем для спасения Сербии вмешаться в борьбу? Но для этого нужно, чтобы Россия забыла свои прямые, священные интересы и дала вести себя, как бы на буксире, в туманную даль? Мы желаем от всей души добра Сербии, желаем ей славного будущего, но всегда ей говорим, что интересы России были для нас выше всех других в мире.

Воля ваша, а я не могу даже самого себя уверить, что все это — не комедия: разве присоединяются целые области, разве приобретается независимость тем, что два, три политика задумали себя прославить? Где же подготовка, где войско, деньги, умственное развитие, которые представляли бы залоги успеха? Где те герои, которые могут заменить собою недостаток всех этих условий?

Мне кажется, к истинному моему сожалению, что всем этим замыслам верит искренно один лишь митрополит, пастырь добрый, христианин в душе, патриот слишком пылкий, но политик замечательно близорукий. Что же касается до гг. Блазнав[а]ца и Ристича, то вернее всего, что они умышленно мутят воду, чтобы поймать в ней власть и сделаться необходимыми. Готов даже верить, что и откровенность их происходит от мысли свалить потом

всю неудачу их грандиозных планов на матушку Россию и на ее затаенные замыслы к обладанию всеми славянами. Конечно, наш холодно-благоразумный совет оставаться покойными и направлять свою деятельность на внутреннее преуспечение может опять сблизить регентов с мадьярами, но ведь это поведет только к нескольким новым ошибкам, к новому разочарованию, а не к чему-нибудь верному. Не Блазнав[а]цу с Ристичем подчинить сербов Австро-Венгрии; пытались делать это славный Георгий Черный и сын его¹ и многие деятели поумнее нынешних регентов, да никогда не успели.

Какие же причины выставляются теперь для не терпящего отлагательства провозглашения независимости? Объединение Германии, готовой содействовать австро-венгерским планам захватить всем Нижним Дунаем, начиная с Боснии. Лично я верю существованию этих планов, но, конечно, ничто не может так содействовать приведению их в исполнение, как несвоевременное восстание Сербии. Обратите внимание на пышные обещания, расточаемые в Вене и Пеште, повторяемые и в Белграде австрийским агентом, — и в то же время на образ действий сперва Прокеша, а теперь Лудольфа в Константинополе, как только речь заходит о делах Сербии.

Для блага княжества и для осуществления его лучшего будущего другая программа представляется для молодого князя: неусыпное старание развить и упрочить внутренние силы Сербии, тесно сблизиться с болгарами и босняками и черногорцами и приобрести их полное доверие, заслужить уважение самой Порты правильностью и твердостью своих действий, представить всей Европе доказательства, что Сербия не только созрела для полной самостоятельности, но способна обеспечить прочное благосостояние и другим своим единоплеменникам. Тогда при первом благоприятном сочетании обстоятельств напряжение всех сил народных может привести к заслуженному успеху, а такой успех покупается не месяцами, а десятками трудных лет.

Если же наши советы не в силах отвратить бедственных предприятий, если нашим единоверцам суждено пройти через новые тяжкие испытания, то пусть знает Сербия, пусть знает потомство, что Россия не гналась за дешевою популярностью, не угождала ослепленным страстиам, а выказала строгую, искреннюю правду.

Я уверен, что ваше чисто русское сердце, ваша опытность и многолетнее знакомство с Сербией внушат вам слова и действия для вразумления безрассудно горячих голов или для обличения двуличия. Дай вам бог сил и успеха!

Помета Александра II: Очень хорошо.

АВПР, ф. ГА, I-1, 1872 г., д. 48, л. 32—35 об. Отпуск.

¹ См., например, об обращениях сербских повстанцев к австрийскому императору (1804—1813) и о политике правительства и князя Александра Карагеоргиевича (1842—1858). — В кн.: История Югославии. М., 1963, т. I.

№ 3

Секретное предписание А. М. Горчакова Н. П. Шишкину об отрицательном отношении русского правительства к внешнеполитическим планам регентов Сербии

5 (17) апреля 1872 г.

Донесения ваши обратили на себя полное внимание министерства и были доведены до высочайшего сведения е. и. в-ва.

Откровенность сообщений, сделанных вам первым регентом, возлагает на нас обязанность с не меньшей откровенностью и с совершенной прямотою высказать свои советы.

По нашему мнению, вопрос о Малом Зворнике возбужден не своевременно, по, с другой стороны, это дело имеет точкою опоры прежние обещания Порты.

Что же касается до других, более обширных предположений регентов, то мы глубоко убеждены, что осуществление их не только не допускает ни малейшей возможности успеха, но неминуемо подвергнет Сербию великим бедствиям.

Мы надеемся, что регенты не решатся брать на себя столь тяжелую ответственность и подвергать опасности будущность своего отечества.

Резолюция Александра II: Быть по сему.

АВПР, ф. ГА, I-1, 1872 г., д. 48, л. 29 и об. Отпуск.

№ 4

Секретная телеграмма МИД России Н. П. Шишкину с предписанием предупредить регентов об ответственности за последствия их внешнеполитического курса

24 апреля (6 мая) 1872 г.

В цифрах:

В ответ на донесение от 15 апреля приглашаю Вас, по высочайшему повелению, повторить регентам, что преследование сообщенных нам планов будет лежать на полной личной их ответственности и что мы себя тем более считаем обязанными настоять на данных нами советах, что убеждены, что всякое от них уклонение поведет к бедственным последствиям для дорогого нам народа сербского.

Резолюция Александра II: Быть по сему.

АВПР, ф. ГА, I-1, 1872 г., д. 48, л. 48 и об. Отпуск.

К истории русско-сербских межгосударственных отношений в 1875 г.

К. Л. СТРУКОВА

Восточный кризис 1875—1878 гг. всколыхнул весь Балканский полуостров. Не было государства и народа, оставшихся индифферентными к развернувшимся событиям, хотя характер и степень реакции в каждом конкретном случае были различными¹. Сербия в силу целого ряда причин исторического, политического и географического порядка быстро включилась в борьбу против Османской империи, пройдя путь от различных форм помощи повстанцам Боснии и Герцеговины, переговоров с болгарами и греками до открытого военного столкновения в союзе с Черногорией с сultанской Турцией.

Как известно, крупные европейские государства, в том числе и Россия стремились, особенно на первом этапе, сохранить равновесие сил в Европе. Однако в то время, как Великобритания, Франция и Австро-Венгрия основой своей политики считали сохранение статус-кво², русское правительство в определенных рамках оказывало помощь национально-освободительному движению балканских народов³.

Поэтому в борьбе за национальную независимость балканские страны, а среди них в определенные моменты и Сербия обращались за поддержкой к России.

Вопросы русско-сербских отношений середины 70-х годов XIX в. в той или иной мере затрагивались в общих работах советских и югославских ученых, посвященных различным аспектам развития Восточного кризиса⁴.

Однако новые работы современных исследователей, анализ недавних публикаций документов⁵, привлечение свежих архивных материалов позволяют по-новому поставить некоторые вопросы, уточнить и дополнить ряд моментов.

В рассматриваемый период политическая жизнь сербского княжества характеризовалась острой борьбой за власть самых влиятельных буржуазных течений — так называемых консервативного и либерального⁶. Сторонники первого выступали за сильную централизованную государственную власть, сосредоточенную в руках князя — верховного главы государства, при возможно большем ограничении демократических начал. Представители либерального течения стремились к созданию конституционной монархии и введению определенных буржуазных гражданских свобод. Князь Милан, опиравшийся на консерваторов, мечтал об отмене конституции и установлении авторитарного

режима. Радикалы, выражавшие интересы мелкобуржуазных слоев сербского общества, требовали широкой демократизации общественно-политического и государственного строя Сербии на основе самоуправления. Наиболее последовательную программу переустройства сербского государства на демократических началах выдвигали социалисты, последователи С. Марковича⁷. Хотя эти политические группировки в середине 70-х годов XIX в. были еще немногочисленны, но они уже представляли собой серьезную потенциальную угрозу существующему строю.

Внешнеполитические задачи Сербии, как и в предшествующие десятилетия, определялись ее положением вассального княжества, незавершенностью процесса освобождения и национального объединения сербских земель, остававшихся под владычеством Порты. Добиваясь статута полностью независимого государства, сербские правящие круги одновременно стремились в практике взаимоотношений со стамбульским правительством и иностранными государствами свести к минимуму всякое свидетельство вассальной зависимости Сербии от Порты, упорно боролись за такие атрибуты суверенности, как право заключения международных договоров, право дипломатического представительства и т. д.

Вполне понятно, что при известном ослаблении влияния Сербии на Балканах после распада Балканского союза в 60-х годах XIX в. реальной угрозе сербским интересам со стороны Австро-Венгрии, отсутствии статута де-юре независимого государства, что сохраняло за Портой право вмешиваться во внутренние дела княжества, сербское правительство нуждалось в сильной опоре.

Все это определило ослабление австрофильского курса внешнеполитической ориентации Сербии, к которому сербская правящая верхушка перешла еще пакануне убийства князя Михаила (1868).

Поэтому взоры сербских государственных деятелей снова обращаются к России, ибо, как отмечает современный югославский историк, «Россия была единственной силой, на чью поддержку можно было рассчитывать в тяжелых ситуациях»⁸. К тому же в Сербии ожидали, что после отмены в 1870 г. ограничительных статей Парижского трактата русское влияние на Балканах снова станет преобладающим⁹.

Но перемены в политике сербского правительства, началом которых стала поездка князя Милана в Ливадию осенью 1871 г., не были последовательными. Только с развитием Восточного кризиса 1875–1878 гг. сербское правительство делает основную ставку на помощь России — политическую, экономическую, военную, так как события в Герцеговине и Боснии вызвали в Сербии огромный патриотический подъем, широкие общественные круги высказывались за единственную помошь восставшим — вплоть до военной поддержки. Создавшаяся ситуация способствовала победе в острой предвыборной борьбе либеральной оппозиции, которая выступала как идеальная преемница либерального

крыла «Омладины» и требовала перехода к активной внешней политике на Балканах. Выборы 3 (15) августа 1875 г. привели к падению консервативного кабинета Данилы Стефановича. 19 (31) августа было сформировано либеральное правительство Стевчи Михайловича (так называемое первое министерство действия¹⁰). Фактическим главой нового кабинета стал Й. Ристич — признанный вождь правых либералов, занявший пост министра иностранных дел.

Победа либералов на выборах в скупщину и создание «министерства действия» вызвали большую тревогу у европейской дипломатии, в том числе русской. Представители европейских держав в Белграде внимательно следили за развитием политической обстановки в Сербском княжестве, за настроениями князя Милана, опасаясь каких-либо непредвиденных действий со стороны сербского правительства. Требования Вены и Петербурга о невмешательстве Сербии в балканские дела были энергично поддержаны Францией и другими государствами-гарантами.

Политическая ситуация, создавшаяся в Сербии в августе 1875 г., была весьма острой и сложной; доминирующим являлся вопрос о войне или мире. Примечательно, что и либералы, и консерваторы во внешней политике стремились к одной цели — созданию сильного и суверенного сербского государства, включающего бывшие османские владения, населенные сербами или даже родственными южнославянскими народами. Споры шли лишь о способе — дипломатическом или военном — достижения желаемой цели.

Действительно, усиление Сербии как буржуазного национального государства было неодолимым требованием времени, обусловленным всем ходом исторического процесса в Европе в целом и на Балканах в частности. Объединение Италии и Германии не могло не оказать заметного влияния на общественно-политическую мысль в балканских странах, способствовало нарастанию освободительного движения в этом регионе. Развитие капитализма вело к усилению балканской буржуазии как класса и к активизации ее борьбы за свои интересы. Известный спад влияния Сербии на Балканах тем более побуждал сербскую буржуазию, прежде всего ее наиболее влиятельную политическую силу — либералов, к активизации внешней политики.

Либералы в соответствии со своей внешнеполитической программой и предвыборными лозунгами, отзываясь на бескомпромиссные требования общественности, готовы были в определенный момент пойти на риск неравной войны с Портой. Однако и они паряду с другими акциями упорно стремились использовать дипломатические каналы. Так, буквально до самого дня объявления Сербией войны Турции в 1876 г. либералы, как и многие прежние сербские правительства, не прекращали попыток добиться от Порты мирной уступки Боснии.

Консерваторы при сложившихся обстоятельствах, т. е. противодействии великих держав, неподготовленности Сербии, отсут-

ствии у нее союзников, считали войну безумием, преддверием катастрофы. Дипломатический путь решения стоявших перед княжеством задач представлялся им более надежным. В то же время даже такие «истые» консерваторы, как Й. Маринович, готовы были согласиться «с возможностью и даже настоятельной необходимостью войны, но войны заранее тщательно подготовленной предварительным соглашением с Грецией, Болгарией и Черногорией»¹¹.

Позиция князя Милана обычно представляется как ряд импульсивных колебаний то в одну, то в другую сторону (от мира к войне и наоборот) человека, которому были чужды чаяния и надежды сербского народа, который шел на поводу у великих держав, искал их помощи в обуздании и ограничении сербского национального движения¹².

Однако факты говорят о том, что князь Милан, желая сохранить трон за собой и за династией Обреновичей, не мог полностью игнорировать интересы Сербии как государства, не стремиться укрепить ее позиции на Балканах. Так, например, Милан, едва достигнув совершеннолетия (в 1872 г.), в частной беседе с французским консулом в Белграде Анжеларом показал, что ему не чужды идеи его предшественников о присоединении Боснии, Герцеговины и Старой Сербии к княжеству, что именно ему, по его мнению, суждено осуществить это великое дело. Князь был согласен с Анжеларом, что в настоящих условиях всякая попытка изменить статус-кво невозможна. Однако он дал понять французскому консулу, что все же не отказывается от представления о Сербии как центре, вокруг которого однажды объединятся все славянские племена на Балканах¹³.

В апреле 1874 г. князь Милан удивил и поразил подобными же речами французского консула Д'Истрия. Он произнес перед ним речь об исторической миссии Сербии среди балканских христиан. Чтобы сыграть роль балканского Пьемонта, Сербия должна, говорил Милан, добиться территориального расширения и полной независимости. Сербия должна достичь этого любой ценой, ибо ей лучше погибнуть, чем остаться в тех условиях, в которых она находится в настоящее время¹⁴.

Эти данные дополняются донесениями русских дипломатов. Так, Н. П. Игнатьев в апреле 1875 г. сообщил А. М. Горчакову, что князь Милан, обеспокоенный возрастающей популярностью князя Черногории Николая, кажется, согласился со своим окружением (в ту пору безусловно консервативным. — К. С.) о необходимости что-то предпринять, чтобы прославить династию Обреновичей, и будто бы замышляет использовать для этого недовольство христиан Балканского полуострова¹⁵.

Развитие тех же мотивов мы находим в беседе Милана с русским генеральным консулом в Белграде А. Н. Карповым, состоявшейся 3 (15) августа 1875 г. Однако теперь готовность объявить войну Турции сербский князь объяснял исключительно единодушным требованием нового министерства и народа¹⁶. «Это

воодушевление (народа. — *K. C.*), — заявил Милан, — совершенно искренне, и я не осмеливаюсь этого отрицать, ибо, если Сербия желала бы когда-либо принять на себя роль славянского Пьемонта, роль, какая, как кажется, предназначается ей пророчеством, она не смогла бы найти более благоприятного момента. Если она не воспользуется им на этот раз, то будет осуждена как недостойная своего национального существования той же самой Европой, которая так единодушно требует сегодня от этой страны нейтралитета, являющегося для нее политическим самоубийством»¹⁷. Яснее и красноречивее сказать было трудно.

Документы ясно свидетельствуют, что князю Милану отнюдь не была чужда мысль в удобный момент использовать внешнеполитическую ситуацию в узкоэгоистических целях.

Но для этого нужна была прочная внутренняя опора. Либералов как союзников Милан отвергал, консерваторы были ему более близки, к тому же они пользовались большим доверием европейских кабинетов. Это было важно для Милана, особенно в первые годы его самостоятельного правления, когда он, чужак в родной стране, лихорадочно искал путей упрочения своего трона и личного авторитета.

Но обстановка летом 1875 г. заставляла Милана лавировать, требовала уступки общественному мнению, и прихода к власти правительства либералов нельзя было избежать. Правда, кандидатуру И. Ристича как руководителя внешней политики в новом кабинете поддерживали тогда и отставные министры-консерваторы, считавшие, что только Ристич в силах справиться с создавшимся положением¹⁸. Он был опытным и гибким государственным деятелем, пользовался большой известностью как один из лидеров либерального движения и издатель популярной газеты «Исток». Но хотя Ристич, соглашаясь войти в правительство, не исключил из своей программы возможность войны¹⁹, он вовсе не был сторонником немедленных военных действий. Используя свое влияние, Ристич умело маневрировал, стараясь поставить под свой контроль развитие национально-революционного движения и избежать конфликта с великими державами.

Внешнеполитическая линия нового правительства была разработана с учетом всех факторов, включая и реальные возможности Сербии: внешне сохранять нейтралитет, а тайно всеми средствами помогать восстанию в османских провинциях, развернув одновременно подготовку к возможной войне с Турцией весной 1876 г.

Этот курс был закреплен решениями скупщины, собравшейся в Крагуеваце в конце августа 1875 г. На тайных заседаниях скупщина проголосовала за военный заем в 3 млн. дукатов (36 млн. динар)²⁰. Либеральное большинство скупщины считало, что Сербия не может остаться простым наблюдателем антиосманской борьбы в восставших областях в то время, когда «решение Восточного вопроса на пороге».

В преддверии вооруженного столкновения с Османской империей вопрос о том, как поведет себя Австро-Венгрия, волновал в Сербии очень многих. Слухи о намерении Габсбургской монархии захватить Боснию «в ущерб традиционным устремлениям сербов» постоянно циркулировали в Белграде²¹. О большой опасности для национальной независимости Сербии со стороны Австро-Венгрии говорил министру иностранных дел Турции Сафвет-паше сербский представитель в Константинополе Коста Магазинович²². Князь Милан, вернувшись в конце июля 1875 г. из Вены, прежде всего запросил через Карцова царское правительство: допустит ли Россия занятие Сербии австрийцами, если князь вступит в Турцию²³; этого же опасались и делегаты скупщины²⁴.

Знаменательно, что Вена очень быстро и недвусмысленно информировала Белград о своих требованиях к Сербии. Австро-венгерский консул князь Вреде в день возвращения из Вены (6 августа) от имени своего правительства объявил князю Милану, что «венский кабинет никогда не допустит создания у своих границ славянского независимого государства и еще менее — территориального расширения княжества»²⁵.

Итак, австро-венгерское правительство, проявив еще раз враждебное отношение к национальным интересам Сербии, открыто сформулировало одно из основных положений своей балканской политики, которое позднее попыталось закрепить Рейхштадтским соглашением и другими конвенциями. Мы видим, что сербскому правительству было весьма твердо указано, что со стороны Австро-Венгрии оно встретит решительное противодействие во всех своих планируемых внешнеполитических акциях.

Россия, руководствуясь собственными внешнеполитическими планами, объективно действовала в защиту Сербии. Как известно, с начала Восточного кризиса и вплоть до открытия военных действий в 1876 г. обстановка на сербско-турецкой границе была весьма напряженной. Проводилась концентрация войск, отдельные вооруженные отряды нарушили границу; с обеих сторон сыпались взаимные обвинения. Русская дипломатия по многим причинам весьма опасалась «преждевременного и гибельного» для Сербии столкновения с Турцией²⁶. Сербско-турецкий конфликт ей представлялся рискованным в тот момент, когда ни греческие области Османской империи, ни болгарские земли не были готовы подняться, а Австро-Венгрия относилась отрицательно к расширению славянского движения²⁷. К тому же Петербург хорошо знал о всех трудностях внутреннего и внешнеполитического положения Сербии.

Русское правительство, надеясь на данном этапе удержать Белград от военного столкновения с Портой, боялось провокаций со стороны определенных кругов Стамбула: Н. П. Игнатьев считал, что короткой кампании против Сербии было бы достаточно, чтобы сразу разгромить княжество. Это оказало бы влияние на европейскую политику и создало бы трудности для России, кроме

того, христианское население Балкан в течение длительного времени не смогло бы оправиться от поражения²⁸. Поэтому военные приготовления Порты, передвижения османских войск к сербской границе, слухи о планах тогдашнего военного министра Турции Хусейна-Авни-паши относительно превентивной войны против Сербии весьма тревожили МИД России.

Н. П. Игнатьев, получив в начале августа 1875 г. сведения о концентрации османских войск у Ниша и возможности оттуда вторжения их в Сербию, немедленно телеграфировал об этом А. Н. Карцову, предписывая консулу советовать сербам «крайнюю осмотрительность»²⁹. В донесении управляющему МИД Жомини Игнатьев подчеркивал опасные тенденции в политике турецкого правительства, считая, что было бы полезно напомнить туркам о договорах в Париже и Лондоне³⁰, согласно которым они могут вступить в Сербию только в случае единодушного согласия держав³¹. Через несколько дней Игнатьев сделал такое представление великому визирю Махмуд-Надим-паше, указав на 27-ю статью Парижского договора³².

Русский посол на всех этапах начавшегося кризиса энергично поддерживал и требования сербского правительства перед Портой об отводе турецких войск от сербской границы и прекращении провокационных действий (вторжений бashiбузуков и т. п.). Из всего европейского дипломатического корпуса в Стамбуле только Эллиот встал полностью на сторону османского правительства, объясняя действия последнего «вызывающим», по его мнению, поведением Сербии. Английский посол, замечает Ч. Попов, разделял, видимо, идею Хусейна Авни-паши о том, что боснийско-герцеговинское восстание следует задушить в Моравской долине³³.

Интересны замечания Игнатьева о причинах такой позиции Порты по отношению к Сербскому княжеству. Сербия, по его мнению, всегда была «больным местом» для Турции; если например, Порта могла примириться с фактом почти полной независимости Румынии, то автономия Сербии всегда задевала ее интересы. По образному выражению турецкого государственного деятеля Мехмед Рушди-паши, Сербия, окруженная дружественными ей народностями, вонзалась в самую сердцевину Османской империи и грызла ее внутренности³⁴. Поэтому определенные правительственные круги империи были не прочь, воспользовавшись удобным случаем, поставить Сербию на колени. Чтобы более решительно противостоять османским проектам военного национализма на Сербию, русский посол считал необходимым энергичный коллективный протест европейских держав на основе 27-й статьи Парижского договора. Это предложение Игнатьева было одобрено Александром II³⁵.

В данной связи хотелось бы обратить внимание на оценку русским консулом в Рагузе А. С. Иониным общего положения в европейских провинциях Турции в сентябре 1875 г. В частном письме управляющему Азиатским департаментом МИД он под-

черкивал, что «дух непокорства обуревает славянские страны». Чтобы не допустить рано или поздно выступления Черногории и Сербии, полагал Ионин, нужно энергичное вмешательство держав, дабы заставить Порту предложить серьезные реформы при общей гарантии. В противном случае трудно сказать, что может произойти, так как дело стало не «герцеговинско-боснийским, а обще сербско-кроато-славянским; восстание это также существует в Сербии, Черногории и австрийских землях, хотя там и не дурится. Сохранять на этот счет иллюзии было бы непрактично, и одними словами ничего не сделать порядочного, кроме еще большей каши, — это ясно как день»³⁶.

Подъем национально-освободительного движения на Балканах привлекал тогда внимание не только дипломатов. По словам Карцова, Белград в сентябре 1875 г. был «переполнен газетчиками всякого рода, начиная с корреспондентов русских газет до репортеров «Times» и «New York Herald». В ожидании благоприятного момента для выгодных сделок сюда съехались также представители различных фабрик оружия, авантюристы разного калибра»³⁷.

Но 22 сентября (4 октября) 1875 г. в Белграде неожиданно пало «министерство действия». В историографии принято считать, что причиной этого кризиса в первую очередь был конфликт правительства и скупщины, с одной стороны, и князя — с другой, т. е. их расхождение в вопросах войны и мира³⁸. Внешне, действительно, все выглядело именно так. В сущности же, на паш взгляд, отставка кабинета С. Михайловича — Й. Ристича была вызвана прежде всего обстоятельствами внешнеполитического порядка.

Необходимо было убедить в миролюбии Сербии европейские государства, требовавшие сохранения нейтралитета, усыпить бдительность Порты, временно уменьшить напряженность на сербско-турецкой границе. Надо было как-то продержаться до весны следующего года. Помимо необходимости хотя бы минимально урегулировать вопросы военного, экономического и внешнеполитического порядка, Сербия не могла начать военных действий против Турции и потому, что из-за погодных условий наступал спад повстанческой деятельности. С весной 1876 г. связывались надежды на усиление восстания в Боснии и Герцеговине, на вступление в войну болгар, активизацию действий других балканских народов.

Другими словами, речь шла не о том, чтобы вообще отказаться от вооруженной борьбы с Портой, а лишь о том, чтобы сохранить мир по крайней мере до весны следующего года. Именно таков был смысл заверений, сделанных Миланом русским дипломатом³⁹.

Состав нового правительства и его программа должны были показать державам — Сербия вняла коллективному демаршу государств-гарантов от 24 сентября (6 октября) 1875 г.⁴⁰ и не замышляет ничего враждебного в отношении Османской империи,

В такой политической комбинации были заинтересованы не только князь и консерваторы, но и либеральные лидеры, которые во время своего короткого пребывания у власти в отличие от широких масс сербского народа быстро отказались от идеи немедленной войны с Портой и разработали более осторожную тактику. Подобных малевров, вызванных различными ситуациями внутреннего и внешнеполитического порядка в период Восточного кризиса, в будущем будет еще немало на счету и у Ристича, и у Милана; назовем хотя бы оттяжку вступления в войну 1877—1878 гг., неожиданный распуск скупщины в 1878 г., блок Милана с либералами и др.

В начале октября 1875 г. бразды правления в Сербии принял коалиционный кабинет, составленный из так называемых молодых либералов и консерваторов. Его возглавил Л. Калевич, представитель левого крыла либерального течения («молодые» либералы). Главной задачей нового правительства провозглашалось проведение внутренних реформ, направленных на демократизацию административного управления.

О внешнеполитической обусловленности этой смены кабинета в Сербии говорит и незамедлительная реакция на нее русской дипломатии.

Н. П. Игнатьев немедленно дал указание русскому представителю в Мостаре Ястребову информировать представителя государственного совета Турции Сервер-пашу о мирном повороте, который только что произошел в Сербии, об обещании князя Милана поддерживать мир и об искреннем желании России избежать необходимости вмешательства⁴¹. Несколько позднее Н. П. Лодыженский, временно замещавший Карцова, писал Жомини, что князь Милан потребовал от своих новых министров «только одной уступки: абсолютный отказ от программы немедленных действий; взамен он предоставил им полную свободу в вопросах внутренней администрации»⁴². В Петербурге были удовлетворены изменениями обстановки в Белграде, обещаниями князя Милана затормозить развитие событий⁴³.

Однако, несмотря на кажущееся смягчение обстановки, опасность сербско-турецкого вооруженного столкновения все же не была устранена. Турецкие войска по-прежнему концентрировались вдоль сербской границы, вторжения башибузуков, поддерживаемых регулярными отрядами, продолжались. С начала октября русское посольство в Константинополе получало одну за другой телеграммы Карцова открытым текстом, содержащие горькие жалобы сербских властей на действия Порты⁴⁴. Сербия обратилась к государствам-гарантам с просьбой о вмешательстве с целью оказать давление на Порту для отвода турецких войск и прекращения налетов на сербскую территорию⁴⁵.

Самую активную и эффективную поддержку сербам в этом вопросе оказала русская дипломатия⁴⁶. Игнатьев первым сделал соответствующее представление султану. В его отсутствие к величайшему визири настойчиво обращался исполняющий должность по-

веренного в делах А. И. Нелидов⁴⁷, по мнению которого положение на сербско-турецкой границе представляло реальную угрозу перерастания пограничных инцидентов в открытую войну⁴⁸. В конечном счете решительные демарши Н. П. Игнатьева перед Портой и султаном имели результатом приказ о немедленном отводе от сербской границы турецких войск. «Всякая опасность конфликта с Сербией, кажется, устранена», — с удовлетворением сообщал в МИД Игнатьев⁴⁹. С конца октября—начала ноября турецкие войска действительно начали отход от границы, хотя все понимали, что это отнюдь не окончательное решение проблемы.

Вернемся к деятельности нового сербского правительства. Включение в его состав либералов, назначение главой правительства также либерала указывали на определенную преемственность в политике двух кабинетов — ушедшего в отставку и пришедшего к власти. Долгое время в историографии преобладало мнение (следы его прослеживаются в отдельных работах и до сих пор), что основным объектом забот правительства Калевича было осуществление внутренних реформ. Лишь в некоторых трудах⁵⁰ обращалось внимание на действия коалиционного кабинета по осуществлению военной программы, намеченной предыдущим кабинетом. В 50-х годах были опубликованы данные, позволяющие с полным основанием сказать, что основным содержанием деятельности коалиционного правительства было осуществление упомянутой выше военной программы и подготовка к войне⁵¹. Интересно, что за время своего правления — 6 месяцев и 28 дней — кабинет Калевича провел 108 заседаний министерского совета и главной, в сущности единственной, темой совещаний являлась подготовка к войне. Эти действия были широки и разнообразны: тайные усилия по обновлению внешнеполитических связей Сербии времен Балканского союза, продолжение негласной помощи восстанию в Боснии и Герцеговине, меры чисто военного характера (усилия по реорганизации армии, ее оснащению, подготовке санитарной части, разработка военного плана ожидаемой кампании), настойчивые поиски иностранного займа⁵².

Первостепенное значение для Сербии имело восстановление тесных отношений с Черногорией. Обмен мнениями между Белградом и Цетиње в августе-сентябре 1875 г. завершился лишь обещанием князя Николая «в случае войны» быть с Сербией «заодно»⁵³. Теперь сербское правительство более настойчиво добивалось заключения военного и политического союза с черногорским княжеством. В конце октября 1875 г. в Цетиње направился бывший представитель Сербии в Константинополе министр без портфеля Ф. Христић. В бумагах, которые он вез с собой, указывалось, в частности, на серьезность положения обоих государств, на необходимость достижения совместных действий Сербии и Черногории в борьбе за осуществление национальных задач⁵⁴.

Русская дипломатия проявила большой интерес к миссии Ф. Христића. Игнатьев одобрял желание Милана положить конец соперничеству, которое разделяло Сербию и Черногорию, и рус-

скому консулу в Рагузе было поручено следить за ходом переговоров. «Установление согласия между двумя сербскими княжествами, — подчеркивал Н. П. Игнатьев, — облегчало бы наше воздействие на них и на всю совокупность событий, ожидаемых весной»⁵⁵.

В Цетинье Ф. Христичу удалось согласовать вопрос о характере помощи восставшим в Боснии и Герцеговине, сроки выступления против Порты (весна 1876 г.), основные пункты политического договора и военной конвенции между Сербией и Черногорией⁵⁶. «Принцип братского договора между Сербией и Черногорией» полностью одобрил А. Н. Карцов, только что вернувшийся из Петербурга⁵⁷. Однако подписание этих документов было пока отложено. Новую попытку довести переговоры до конца предприняло правительство Калевича в конце февраля 1876 г. (миссия генерала Ранко Алимпича). Но и на этот раз сербскому посланцу было заявлено, что подписание соглашения состоится только в случае войны⁵⁸. Князь Николай не хотел связывать себя какими-либо обязательствами, так как в тот момент надеялся добиться хотя бы частичного удовлетворения территориальных и других требований Черногории путем переговоров, которые он вел в начале 1876 г. с Турцией и Австро-Венгрией⁵⁹.

Сербское правительство серьезно интересовали также связи с болгарами. Организация восстания в Болгарии одновременно с объявлением Сербией войны Турции имела большое значение для успешного развертывания военных операций сербской армии. В свою очередь для болгарского народа возможная война двух балканских государств — Сербии и Черногории — против Османской империи могла создать более благоприятные условия для развития национально-освободительного движения⁶⁰. Поэтому в конце 1875—начале 1876 г. кабинет Калевича продолжил контакты с представителями различных течений болгарского национально-освободительного движения, начатые официальной Сербией летом 1875 г. После длительных переговоров Николич и представитель Гюргевского революционного комитета Г. Живков весной 1876 г. заключили конкретное соглашение о координации действий обеих сторон в предстоящей войне⁶¹.

Позднее, в марте 1876 г., сербским правительством были предприняты попытки также восстановить союзные отношения с Грецией, но они окончились неудачей⁶².

Трудными остались отношения с Румынией, правительство которой еще в августе 1875 г. объявило о своем намерении сохранять по отношению к Турции «вполне миролюбивую и дружественную позицию» и проводить политику нейтралитета⁶³. Подобная позиция была очень невыгодна Сербии, нуждавшейся в свободном транзите через румынскую территорию товаров военного характера. Но надежды на ее изменение пока не предвиделось.

Одновременно с внешнеполитическими переговорами продолжала осуществляться тайная помощь восстанию. Коалиционное

правительство посыпало повстанцам Боснии оружие, амуницию, значительные денежные суммы⁶⁴.

В конце декабря 1875 г. князем Миланом была сформирована военная комиссия, приступившая к разработке плана военной кампании соответственно с ресурсами, которыми Сербия могла располагать с наступлением весны. Было обращено внимание на состав армии, ее вооружение и т. д.⁶⁵ Организацией санитарной службы, до этого совершенно не известной в Сербии, занялось созданное в начале 1876 г. Общество Красного Креста.

С конца 1875 г. сербское правительство делало отчаянные усилия, чтобы получить внешний заем в Англии, Франции, Австрии, Голландии⁶⁶. Однако эти попытки окончились неудачей⁶⁷. Военное министерство Сербии (по данным Карцова) получило солидную сумму за счет внутреннего займа и привлечения других фондов. Военный министр Т. Николич вел переговоры с рядом европейских государств о покупке лошадей, поставках оружия и т. п.⁶⁸

Примечательно, что русский консул в своих донесениях первой четверти 1876 г. неизменно подчеркивал, что Сербия активно продолжает оборонительные приготовления, с упорством совершенствует свою военную организацию. Но, по его мнению, лишь к концу мая Сербское княжество в какой-то мере могло подготовиться к отпору⁶⁹. Оправдывая оборонительные меры Сербии, которые были вызваны общей обстановкой на Балканах концентрацией турецких войск на сербской границе, Карцов в то же время считал совершенно невозможным даже допустить мысль о военном выступлении Сербии.

Курс русской дипломатии в отношении Сербии отражал двойственность балканской политики России того времени. Из Петербурга князь Милан и сербское правительство получали настоятельные советы следовать политике нейтралитета. Между тем русский консул в Белграде А. Н. Карцов в своих контактах с государственными деятелями княжества допускал, по-видимому, отступления от официальных инструкций. Еще в сентябре 1875 г. МИД предписывал Карцову, чтобы он в частных разговорах о политике Сербии согласовывал свои мнения с теми указаниями, которые были переданы сербскому правительству от имени императора⁷⁰. Но это вспущение не дало желаемого результата. Как позднее признавался Карцов, он, с одной стороны, старался вспушить сербам, что Россия и Австрия едины в стремлении к миру, с другой — одновременно советовал готовиться на тот случай, если бы эти усилия оказались бесплодными. Русский консул писал, что ввиду совершенной неизвестности недалекого будущего, он считал невозможным идти по иной дороге, тем более что, как он полагал, за Россией «остаются все средства дать Сербии в последнюю минуту направление, более сообразное с требованиями политики императорского кабинета»⁷¹. Заключительный аргумент был, как показали дальнейшие события, вольным или невольным заблуждением.

В общем же точка зрения Карцова на необходимость всестороннего укрепления военного потенциала Сербии, видимо, не встретила осуждения со стороны руководства русской дипломатии, поскольку в Петербурге и русском посольстве в Константинополе, как свидетельствуют документы, располагали сведениями о вполне вероятной возможности нового серьезного осложнения ситуации на Балканах весной 1876 г.

Добавим, что Н. П. Игнатьев еще в декабре 1875 г. в донесении А. М. Горчакову указывал на чрезвычайно трудное положение Сербии и Черногории и на возможность удержать их от выступления весной, если восстание в турецких областях продолжится после марта, только путем применения силы⁷².

Информировано об этом было, конечно, и австро-венгерское правительство. Так, например, в октябре 1875 г. Й. Маринович, остановившись в Вене по пути в Италию, имел аудиенцию у графа Андраши. Он не скрыл от последнего неизбежность кризиса весной 1876 г., если великие державы не сумеют до тех пор добиться удовлетворительного решения вооруженного конфликта в Боснии и Герцеговине⁷³.

Военные и политические приготовления Сербии, а также Черногории к войне не могли, конечно, пройти незамеченными. В конце февраля 1876 г. Франция первой из ведущих держав предъявила двум княжествам протест в связи с ростом там военных настроений и военных приготовлений. Почти одновременно последовал официальный демарш Австро-Венгрии, правительство которой заявило князю Милану о своей твердой решимости воспрепятствовать расширению восстания в Боснии и Герцеговине, а также выразило удивление ввиду активного вооружения Сербии⁷⁴.

На повторное представление по тому же вопросу французского консула в Белграде 29 февраля 1876 г. князь Милан заявил, что если Сербия вооружается, то только для того, чтобы быть готовой к любой критической ситуации в Турции. «...Мы обязаны готовиться, не ожидая, чтобы Австрия сыграла роль, которая принадлежит нам между южными славянами. Следовательно, мы не агрессивны, но считаем, что в близком будущем должны быть готовы к действию»⁷⁵. Таким образом, Милан стремился замаскировать непосредственные намерения Сербии, хотя и не очень скрывал далеко идущие планы сербского правительства.

С наступлением весны 1876 г. обстановка в Сербии снова накаляется. Резкая критика официальной позиции правительства со стороны боснийских повстанцев, широких общественных кругов в княжестве и Воеводине, многочисленные нарушения границ Сербии бандами мародеров, угрожающее поведение султанских войск возбуждали патриотический пыл сербского общества. События, по мнению князя Милана, принимали «весыма тревожный оборот»⁷⁶. Для правящих кругов Белграда все очевидней становилась необходимость перехода к последнему и открытому

этапу по подготовке к давно решенной войне. К этому побуждали и тяготы «вооруженного мира», и боязнь усиления позиций Черногории в балканских владениях Османской империи за счет Сербии в случае отказа последней от активной борьбы, и стремление добиться полной национальной независимости и территориального расширения. Пассивность была опасна, как считали стоявшие у власти сербские государственные деятели, и для внутреннего положения в стране, и для судьбы династии⁷⁷.

По нашему мнению, именно в силу совокупности всех указанных факторов в конце апреля 1876 г. приходит к власти так называемое второе министерство действия. Ни у кого не было сомнений в истинных целях и задачах нового кабинета. Находившийся в Белграде русский полковник в отставке А. Л. Измайлов писал вскоре в Москву (12/24 мая) издателю газеты «Славянские известия» Н. П. Гилярову, что в сербской столице все ждут объявления войны. Кажется, сообщал он, «все советы и уверования здешних консулов, чтобы Сербия соблюдала статус-кво, скоро останутся недействительными, и политические постройки, удерживающие Сербию от войны, тоже скоро лопнут»⁷⁸.

Современники событий не ошиблись в своих предположениях. На заседании министерского совета Сербии 1 мая 1876 г., проходившем под председательством князя Милана, было подчеркнуто, что политическая цель Сербии заключается в освобождении ее братьев в Турции и по возможности в объединении сербского народа, живущего в пределах Османской империи. С учетом данной политической цели Сербии решено было образовать тайный военный совет под председательством князя для уточнения плана войны и других мероприятий военного характера. На заседании 4 мая было заявлено, что война между Турцией и сербским народом стала неизбежной. Отмечено также, что Сербия должна продолжать, как это делалось с осени 1875 г., «свою военную подготовку и военные меры»⁷⁹. О решимости Сербии воевать говорилось и на других заседаниях министерского совета в мае⁸⁰.

Для Сербии наступал новый этап исторической важности — этап активной и трудной борьбы с Османской империей, который привлек к себе внимание всего мира. Но этот период выходит за рамки настоящей статьи.

В заключение следует сказать, что в преддверии драматического военного единоборства Сербии и Черногории с Турцией в июне 1876 г. русская дипломатия при всей непоследовательности русской политики на Балканах оказала неоценимую помощь Сербскому княжеству твердой и неизменной защитой его государственных интересов от посягательств со стороны Порты, пониманием необходимости укрепления его военного потенциала в сложившейся напряженной обстановке.

¹ См.: Сенкевич И. Г. Албания в период Восточного кризиса. М., 1965; Поплыко Д. Ф. Боснийско-герцеговинское восстание 1875—1876 гг. и на-

- ционально-освободительное движение на Балканах. — В кн.: БИ. М., 1978, вып. 3; Арш Г. Л. Греция и Восточный кризис 70-х годов XIX в. — В кн.: БИ, вып. 4.
- ² Виноградов В. Н. Проблемы новой и новейшей истории на IV Международном конгрессе по изучению стран Юго-Восточной Европы. — Новая и новейшая история, 1980, № 4, с. 47.
- ³ Нарочницкий А. Л. Балканский кризис 1875—1878 гг. и великие державы. — Военр. истори, 1976, № 11, с. 40—41.
- ⁴ См. библиографию к статьям о сербских сюжетах середины 70-х годов: XIX в. в кн.: БИ. Вып. 3. Освободительное движение на Балканах; БИ. Вып. 4. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и Балканы; БИ. Вып. 5. Основные проблемы балканстики в СССР. М., 1979.
- ⁵ Освобождение Болгарии от турецкого ига: Документы. В 3-х т. М., 1961—1967 (далее — ОБ); Россия и национально-освободительная борьба балканских народов. 1875—1878. М., 1978.
- ⁶ Политические партии в полном смысле этого слова полностью оформились в Сербии только в 80-е годы XIX в.
- ⁷ Подробнее см.: Карасев В. Г. Революционно-демократическая программа Светозара Марковича. — УЗИС, 1952, т. VI; Поплыко Д. Ф. Боснийско-герцеговинское восстание...
- ⁸ Попов Ч. Француска и Србија. 1871—1878. Београд, 1974, с. 141.
- ⁹ Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Друго издање. Београд, 1934, књ. I (1868—1878).
- ¹⁰ В современной историографии Югославии составление первого «министерства действия» рассматривается как истинное объединение всех либеральных сил страны (либералов 1858 и 1868 гг.), как значительное внутриполитическое событие. См.: Попов Ч. Француска и Србија..., с. 258.
- ¹¹ АВПР, ф. ГА, V-А₂, 1875 г., д. 266, л. 20 и об. (из беседы А. Н. Карцова с И. Мариновичем). А. Н. Карцов — А. Г. Жомини, 8 августа 1875 г.
- ¹² Јовановић С. Влада Милана Обреновића, књ. I; Попов Ч. Француска и Србија...
- ¹³ Попов Ч. Француска и Србија..., с. 141.
- ¹⁴ Там же, с. 177.
- ¹⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 26, л. 522 и об.
- ¹⁶ Там же, д. 14, л. 4. Секретная телеграмма А. Н. Карцова А. Г. Жомини, 3 (15) августа 1875 г.
- ¹⁷ ОБ, т. 1, с. 57. А. Н. Карцов — А. Г. Жомини, 7 августа 1875 г.
- ¹⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 114, т. 11, л. 71. Секретная телеграмма Е. П. Новикова А. Г. Жомини, 12 августа 1875 г.
- ¹⁹ Там же, л. 71 об.
- ²⁰ Записки Јеврема Грујића (Друга влада Обреновића и турски ратови). Београд, 1923, књ. 3, с. 114, 115, 125.
- ²¹ АВПР, ф. ГА, V-А₂, 1875 г., д. 265, л. 137. Донесение А. Н. Карцова А. Г. Жомини, 30 июня 1875 г.; ОБ, т. 1, с. 54. Донесение А. Н. Карцова А. Г. Жомини, 7 августа 1875 г.
- ²² АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 30, л. 94. 24 июля (5 августа) 1875 г.
- ²³ Там же, д. 12, л. 4. Секретная телеграмма А. Н. Карцова А. Г. Жомини, 3 августа 1875 г.
- ²⁴ Записи Јеврема Грујића, кн. 3, с. 121—122.
- ²⁵ АВПР, ф. ГА, V-А₂, 1875 г., д. 266, л. 19 и об. Донесение А. Н. Карцова А. Г. Жомини, 8 августа 1875 г. Цитируемый текст в документе отчеркнут карандашом и против него поставлен большой восклицательный знак (помета сделана, очевидно, Жомини).
- ²⁶ АВПР, Отчет МИД за 1875 г., л. 156 об.
- ²⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 27, л. 358 об.—359. Донесение Н. П. Игнатьева А. Г. Жомини, 14 (26) августа 1875 г.
- ²⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 28, л. 266. Доклад Н. П. Игнатьева Александру II, 29 сентября (11 октября) 1875 г.
- ²⁹ Там же, д. 27, л. 360. Секретная телеграмма Н. П. Игнатьева А. Н. Карцову, 11 (23) августа 1875 г.
- ³⁰ Очевидно имелась в виду Лондонская конвенция 1 (13) марта 1871 г.

- ³¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 27, л. 358 об.—359. Донесение Н. П. Игнатьева А. Г. Жомини, 14 (26) августа 1875 г.
- ³² Там же, л. 414. Секретная телеграмма Н. П. Игнатьева А. Н. Карцову, 16 (28) августа 1875 г.
- ³³ *Попов Ч. Француска и Србија...*, с. 264.
- ³⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 22, л. 406 и об. Донесение Н. П. Игнатьева А. Г. Жомини, 21 августа (2 сентября) 1875 г.
- ³⁵ Там же, л. 408.
- ³⁶ АВПР, ф. ГА, V-А₂, 1875 г., д. 747, л. 445—447. Выписка из частного письма А. С. Ионина управляющему Азиатским департаментом, 12 (24) сентября 1875 г.
- ³⁷ АВПР, ф. ГА, V-А₂, 1875 г., д. 266, л. 42—44. Секретный рапорт А. Н. Карцова, 9 сентября 1875 г.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ АВПР, ф. ГА, V-А₂, 1875 г., д. 265, л. 218. Весьма секретное донесение А. Н. Карцова А. Г. Жомини, 29 сентября 1875 г.; АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 28, л. 286 и об. Доклад Н. П. Игнатьева Александру II, 29 сентября 1875 г.
- ⁴⁰ См.: ОБ, т. 1, с. 119—121.
- ⁴¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 28, л. 309. Доклад Н. П. Игнатьева Александру II, 2 (14) октября 1875 г.
- ⁴² АВПР, ф. ГА, V-А₂, 1875 г., д. 265, л. 248 об. Секретное донесение Н. П. Лодыженского А. Г. Жомини, 17 ноября 1875 г.
- ⁴³ АВПР, Отчет МИД за 1875 г., л. 162 и об.
- ⁴⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 30, л. 143 и об. Письмо А. И. Нелидова А. Г. Жомини, 9 (21) октября 1875 г.
- ⁴⁵ Телеграмма Магазиновича Павловичу, 10 (22) октября 1875 г.—В кн.: *Попов Ч. Француска и Србија...*, с. 279.
- ⁴⁶ *Попов Ч. Француска и Србија...*, с. 279.
- ⁴⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 30, л. 143 и об.
- ⁴⁸ Там же, д. 28, л. 381 об.—382. Рапорт А. И. Нелидова Александру II, 13 (25) октября 1875 г.
- ⁴⁹ Там же, д. 30, л. 137. Секретная телеграмма Н. П. Игнатьева, 27 октября (8 ноября) 1875 г.
- ⁵⁰ *Грујић С. Први прилог за историју српско-турског рата 1876: Одношај и српско-турски пред рат 1876 г. У Београду, 1897; Чубриловић В., Ђоровић В. Србија од 1858 до 1903. Београд (1938).*
- ⁵¹ Записници седница министарског савета Србије, 1862—1898. Београд, 1952.
- ⁵² Там же, с. 140.
- ⁵³ ОБ, т. 1, с. 92. Донесение А. С. Ионина А. М. Горчакову, 31 августа (12 сентября) 1875 г.
- ⁵⁴ ОБ, т. 1, с. 155—156. Письмо министра иностранных дел Сербии Г. Павловича председателю черногорского сената Божидару Петровичу, 27 октября (8 ноября) 1875 г.
- ⁵⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 29, л. 86 об.—87 об. Доклад Н. П. Игнатьева Александру II, 3 (15) ноября 1875 г.
- ⁵⁶ *Вукћевић В. Црна Гора и Херцеговина уочи рата 1874—1876. Цетиње, 1950, с. 187—193.*
- ⁵⁷ ОБ, т. 1, с. 157; *Попљко Д. Ф. Боснийско-герцеговинское восстание...*, с. 24.
- ⁵⁸ Чубриловић В., Ђоровић В. Србија од 1858 до 1903, с. 85.
- ⁵⁹ *Хитрова Н. И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах. М., 1979.*
- ⁶⁰ *Шарова Кр. Априлското въстание и борбата за освобождение на другите южнославянски народи. — В кн.: Априлското въстание. 1876—1966. София, 1966, с. 145.*
- ⁶¹ См. там же; *Трайков В. Априлското въстание 1876 г., източна кризиса и балканските народи. — Военно-исторически сборник, 1976, № 1, с. 75.*
- ⁶² См.: *Попљко Д. Ф. Боснийско-герцеговинское восстание...; Арш Г. Л. Гречия и Восточный кризис 70-х годов XIX в.; Струкова К. Л., Хитрова Н. И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах. М., 1979.*

- рова Н. И. Сербия и Черногория в войне с Турцией (1876—1878). — В кн.: БИ, вып. 4.*
- ⁶³ *Залышкин М. М. Внешняя политика Румынии и румынско-руssкие отношения. 1875—1878. М., 1974.*
- ⁶⁴ *Ристић Ј. Дипломатска историја Србије, за време српских ратова за ослобођене и независност. 1875—1878. Београд, 1896, књ. 1, с. 83.*
- ⁶⁵ ОБ, т. 1, с. 165. А. Н. Карцов — А. М. Горчакову, 27 декабря 1875 г.
- ⁶⁶ *Попов Ч. Француска и Србија..., с 280, 282.*
- ⁶⁷ Там же, с. 283; *Записници седница..., с. 146—147.*
- ⁶⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 16, л. 21 об.
- ⁶⁹ Там же, л. 51, 85 об.; ОБ, т. 1, с. 198—199.
- ⁷⁰ АВПР, ф. ГА, V-А₂, 1875 г., д. 265, л. 322. Проект секретной телеграммы А. Г. Жомини дипломатическому агенту в Белграде (отправлена 28 августа (9 сентября) 1875 г.). На проекте размештая надпись карандашом: «очень хорошо».
- ⁷¹ АВПР, ф. ГА, V-А₂, 1875 г., д. 265, л. 305 об. Частное письмо А. Н. Карцова Н. К. Гирсу, 28 декабря 1875 г. (9 января 1876 г.).
- ⁷² АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 29, л. 403. Н. П. Игнатьев — А. М. Горчакову, 4 (16) декабря 1875 г.
- ⁷³ Там же, д. 113, л. 203 и об. Донесение Е. П. Новикова А. М. Горчакову, 11 (23) октября 1875 г.
- ⁷⁴ *Попов Ч. Француска и Србија..., с. 283—284.*
- ⁷⁵ Там же, с. 284—285. Телеграмма французского консула герцогу Деказу, 29 февраля 1876 г.
- ⁷⁶ ОБ, т. 1, с. 199. Донесение А. Н. Карцова в МИД, 9 (21) апреля 1876 г.
- ⁷⁷ *Ристић Ј. Дипломатска историја..., с. 85.*
- ⁷⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 16, л. 88 и об.
- ⁷⁹ *Записници седница..., с. 168—170.*
- ⁸⁰ Там же, с. 172, 175.

№ 1

Донесение русского генерального консула в Белграде А. Н. Карцова управляющему МИД А. Г. Жомини о внешнеполитическом и внутреннем положении Сербии

Белград, 8 (20) августа 1875 г.

Monsieur le baron, Après être resté pendant plus d'une semaine le seul agent étranger présent à Belgrad, j'ai vu dans le courant de ces derniers jours tous mes collègues revenir à leur postes.

Celui d'Italie m'a communiqué verbalement que le chevalier Visconti-Venosta l'avait invité à se joindre au nom de son gouvernement à toutes les démarches que les agents des trois cours du Nord jugeraient opportun de faire auprès du cabinet princier en faveur du maintien de la paix.

Mon collège d'Autriche-Hongrie est revenu avant-hier de Vienne muni d'instructions dans le même sens. En en faisant part au prince Milan dans le cours de l'audience qu'il eut au palais le jour même de son arrivé, le prince de Wrède lui fit au nom de son gouvernement la déclaration suivante: quelque soit l'issue*, d'une guerre que son altesse pourrait trouver nécessaire d'entreprendre à ses propres

* L'issue... sans égard pour отчеркнуто на полях карандашом, поставлен огромный восклицательный знак.

risques, le cabinet de Vienne ne souffrirait jamais à ses frontières la formation d'un état slave indépendant, et moins encore l'agrandissement territorial de la principauté. Il ajoute, que si la Serbie, sans égard pour les représentations des puissances garants, rompait sa neutralité, elle se priverait désormais de leur protection, pour le cas où ses entreprises guerrières tourneraient à mal pour elle.

M. Marinovitch, de retour à Belgrad depuis ce matin, a été aussitôt appelé auprès du prince avec lequel il eût une conference de plusieurs heures. Je le vis à sa sortie du palais encore entièrement sous l'impression de son entretien avec son âltesse et il me sembla profondément découragé.

«Le prince, — me dit-il, — a la tête monté et il s'imagine qu'il n'y a pour lui d'autre issue que la guerre. Comprenant parfaitement que dans les circonstance où nous sommes je ne serais pas l'homme apte à lui former un cabinet, il me propose d'être son conseiller intime irresponsables».

Malgré son dévouement à la personne du prince, Marinovitch avait décliné cette offre de son âltesse, jugement qu'en face de l'effervescence général qu'il était loin de partager, et d'un ministère nouveau qui probablement suivrait le courant, il se verrait seul marchant contre et donnant au prince des conseils qui ne pourraient aboutir qu'à le faire passer aux sjeux du peuple pour le mauvais génie de son âltesse.

Quant à la question dominante, tout en confessant sa gravité, ainsi que la position plus que difficile du prince, Marinovitch trouve que pour son âltesse il serait, — entre le parti de la guerre et celui l'une abdication, — une issue plus conforme aux veritables intérêts du pays, voire celle des négociation diplomatiques. Il admet la possibilité et même l'urgence éventuelle d'une guerre qui, dans les conditions actuelles ne pouvait être qu'une folie aboutissant à un désastre, amènerait peut-être des résultats plus heureux sur un terrain soigneusement préparé à l'avance par une préalable avec la Grèce, la Bulgarie et le Monténégro. Mais avant tout il serait du devoir du prince de représenter hublement à l'Europe que la vue perpétuelles des soffrances endurées par les chrétiens des provinces limitrophes mettait le pays qu'il gouvernait dans une telle indignation contre la Turquie, que de moins en moins il lui devenait possible de de maîtriser le désir du peuple serbe de marche au secours de ses frères. Que si l'Europe ne voulait pas encore admettre la solution de la question d'Orient il eut été au moins équitables de sa part d'exercer sur la Porte une pression sérieuse dans le but d'obtenir de celle-ci au profit de chretiens de Bosnie et d'Hertzegovine un modus vivendi qui permit à la Serbie de jouir sans remords de sa propre autonomie.

En me parlant du prochain retour de M. Ristitch rappelé par le prince, ainsi que j'ai eu l'honneur de l'annoncer par mon télégramme secret du 4 août, Marinovitch convint avec moi que son âltesse avait été bien fatalement inspirée en cette circonstance, et que passer

le pouvoir aux mains de cet homme faux et aux attaches les plus équivoques, c'était capituler devant l'ennemi et de bon gré mettre sa tête dans la gueule du loup.

A. Kartzow

АВПР, ф. ГА, V-А₂, 1875 г., д. 266, л. 19—21. Подлинник.

Перевод

Господин барон! Оставаясь более недели единственным иностранным агентом в Белграде, я в течение последних дней вижу всех своих коллег, возвращающихся к своим постам.

Итальянский консул сообщил мне устно, что шевалье Висконти-Веноста рекомендовал ему присоединиться от имени своего правительства ко всем демаршам, которые представители трех северных дворов сочтут своевременным сделать княжескому кабинету в пользу поддержания мира.

Мой австро-венгерский коллега вернулся позавчера из Вены, снабженный инструкциями в том же смысле. Информировав об этом князя Милана во время аудиенции, которая дана была ему во дворце в самый день его приезда, князь Вреде от имени своего правительства сделал Милану следующее заявление: каким бы ни был исход войны, которую его светлость мог бы счастье необходимым предпринять на собственный риск, венский кабинет не потерпит никогда создания у своих границ славянского независимого государства и еще менее территориального расширения княжества¹. Он добавил, что если Сербия, не принимая во внимание представления держав-гарантов, нарушит свой нейтралитет, она лишится с этого момента их покровительства, в случае если ее военные предприятия обернутся плохо для нее.

Г-н Маринович по возвращении в Белград этим утром был тотчас вызван к князю, с которым он имел совещание в течение нескольких часов. Я видел его при выходе из дворца еще полностью под впечатлением своей беседы с князем, и он показался мне глубоко обескураженным.

«Князь, — сказал он мне, — высоко держит голову и представляет себе, что у него нет другого выхода, кроме войны. Прекрасно понимая, что в условиях, в которых мы находимся, я не буду человеком, способным сформировать ему кабинет, он мне предлагает быть его доверенным советником без ответственности».

Несмотря на свою преданность лично князю, Маринович отклонил это предложение его светлости, считая, что перед лицом всеобщего возбуждения, совершенно им не разделяемого, и нового курса министерства, которое, вероятно, последует общему течению, он окажется один, шагающим против и дающим князю советы, которые могут привести только к тому, что он станет в глазах народа злым гением его светлости.

Что касается доминирующего вопроса, то, признавая всю его серьезность, а также более чем трудное положение князя, Мари-

нович находит, что для его светлости, стоящем перед дилеммой — война или отречение, путь дипломатических переговоров был бы выходом, наиболее отвечающим истинным интересам страны. Он признает возможность и даже настоятельную необходимость войны, которая в настоящих условиях не может быть не чем иным, как безумием, которое окончится катастрофой, но которая, быть может, приведет к более счастливым результатам в ситуации, тщательно подготовленной заранее предварительным соглашением с Грецией, Болгарией и Черногорией. Но прежде всего обязанностью князя будет найкайше представить Европе, что созерцание страданий, которые терпят христиане пограничных провинций, привели страну, которой он управляет, в такое негодование против Турции, что он все менее и менее способен смирять желание сербского народа прийти на помощь своим братьям. Если Европа не хочет еще допустить решения Восточного вопроса, было бы по крайней мере справедливым с ее стороны оказать на Порту серьезное давление с целью добиться от нее пользы христиан Боснии и Герцеговины модуса вивенди, который даст возможность Сербии пользоваться без угрызения совести своей собственной автономией.

Говоря мне о предстоящем возвращении г-на Ристича, приглашенного князем, как я уже имел честь сообщить своей секретной телеграммой от 4 августа, Маринович согласился со мной, что его светлость был весьма фатально вдохновлен на этот шаг и что передать власть в руки этого лживого человека и людей самых двусмысленных — это капитулировать перед врагом и по собственной воле положить свою голову в пасть волка.

A. Карцов

¹ Это одно из самых ранних официальных заявлений австро-венгерского правительства о непреклонной позиции габсбургской монархии в отношении возможности территориального расширения Сербского княжества и создания независимого славянского государства, что шло вразрез с национальными интересами сербского народа.

№ 2

Донесение А. Н. Карцова А. Г. Жомини об обстоятельствах прихода к власти кабинета Калевича

№ 48

Белград, 21 сентября (11 октября) 1875 г.

Перевод

Весьма секретно

Господин барон! Правительственная белградская газета от 27-го числа текущего месяца поместила напечатанное крупным шрифтом в начале первой страницы сообщение, прилагаемое ниже в переводе на французский язык*, содержащее новость

* Не обнаружено,

о предстоящем прибытии генерал-адъютанта графа Сумарокова-Эльстона, направляемого нашим августейшим метром, чтобы представлять е. в-во императора в качестве посаженного отца на церемонии бракосочетания князя Милана.

Это блестящее свидетельство благоволения е. и. в-ва к юному сербскому князю, способствуя в высокой степени укреплению личного положения его светлости, внушил ему, я надеюсь, твердое желание быть достойным этого внимания, отдаваясь более серьезно своим обязанностям главы государства, что, как кажется временами; он понимает весьма несовершенно.

Печальное воспитание, полученное князем во время регентства, развило в нем до чрезвычайности опасное непостоянство характера в соединении с отсутствием всякой энергии, что находит отражение в его решениях, так же как сильная доза самонадеянности. Часто случается, что последствия неудачи, им испытанной, или полученного успеха влияют в равной мере отрицательно на общий ход дел, подчиненных его личной инициативе.

Действительно, в первом случае он впадает в состояние моральной прострации, желая, кажется, этим показать, что все потеряно, что не остается ничего другого, как скрестить руки в ожидании последнего удара; во втором случае он, кажется, опьяняется своим триумфом до такой степени, что верит, что отныне ему остается только почтить на лаврах: события последних дней дали мне в этом плане новое доказательство.

После своих двух встреч с членами скупщины, во время которых его речь в соединении с впечатлением, производимым его личностью на представителей народа, принесла ему почти неожиданный успех, он лишь весьма инертно занялся формированием нового кабинета, ограничившись в этом плане несколькими бесплодными предложениями г-дам Ценичу, Гарашанину, Филиппу Христичу, Лешанину и Пирочанцу, которые один за другим отклонили его предложение. Он, казалось, утешился, посвящая все время обновлению внутренних покоев дворца по случаю предстоящей свадьбы.

Такое положение вещей продолжалось в течение пяти дней, дела застопорились во вред самым серьезным интересам страны, и всеобщее недовольство начало уже переходить в тревожные симптомы.

Я отправился к князю, который принял меня, показывая мне со смущением свой письменный стол, буквально заваленный пакетами, которые он даже не вскрыл. «Вы хорошо понимаете, — сказал мне он, — что для меня было невозможно выполнить обязанности семи министров». Я заметил ему, что он рискует скомпрометировать успехи, которых недавно добился, но еще немного — и спровоцировать революцию, если не примет немедленных мер для прекращения настоящего положения вещей.

Князь мне ответил, что он стучался во все двери и повсюду получил одинаковый отказ. Эти господа, казалось, мало были убеждены в умиротворении умов и боялись предстать перед ас-

самблей с программой в подобном духе. Наследство Ристича казалось им грузом свыше их сил, и все откладывали доказательство своей преданности князю до лучших времен.

Я заметил князю, что он, однако, не имеет никакой возможности оставить страну без правительства.

Я подал ему мысль временно паделить в каждой административной отрасли правами министра наиболее опытных руководителей секций, чтобы не мешать ходу дел; объявить об этой мере декретом, дополнив его заверениями со своей стороны, что он попытается выполнить этот порядок вещей, работая сам со своими министрами до тех пор, пока ему удастся составить кабинет, могущий оправдать как доверие князя, так и представителей народа.

Эта идея, казалось, на мгновение привлекла внимание его светлости; но вскоре он передумал, заметив мне, что это будет лишь полумерой и что, полностью разделяя мое мнение о неотложной необходимости сформулировать министерство, он найдет любое неважно где составленное из первых подвернувшихся лиц и, призывая их к власти, предъявит к ним единственное требование — не толкать страну к войне.

На следующий день, 27 сентября, рано утром я получил приглашение немедленно прибыть во дворец. В то время когда я подготовился на него ответить, я увидел входящего ко мне Мариновича, который только что прибыл из Бухареста, чтобы присутствовать на свадьбе.

Экс-премьер объявил мне с отчаянием, что князь только что подписал декрет о составлении кабинета Калевича; он совершенно не понимал, почему его светлость, дав отставку Ристичу и его коллегам, доверился той же «Омладине», дополненной на этот раз общизвестными убийцами его дяди¹. Действительно, Калевич и Янкович, арестованные во время процесса, были бы неминуемо казнены без чрезвычайной изворотливости регентов Блазиаваца и Ристича, которые сумели выкрасть их у палача, чтобы иметь возможность в дальнейшем располагать их услугами. Полковник Николич, член предыдущего кабинета, Павлович и Здравкович, уважаемые и незначительные служащие, наконец, Бошкович и Маркович, ярые омладинцы, — таковы элементы порядка и морали, которыми располагает новый кабинет, чтобы управлять Сербией в этих серьезных обстоятельствах.

Итак, освободившись от вождей партии, князь попал в когти их агентов, которые не преминут чернить свои идеи у людей, только что удаленных его светлостью из правительства; это более чем печально.

Я рассказал г-ну Мариновичу о моей встрече накануне и министерской комбинации, которую я рассматривал как временное средство. Сей уважаемый собеседник оказал мне честь, одобрав ее целиком и выразив мне сожаление о малой настойчивости, какую я приложил, чтобы способствовать ее принятию. Успех спас бы от создавшегося нового тупика, который задержит, мо-

жет быть, на многие месяцы приход к власти людей мудрых и достойных.

Князь принял меня с явно наигранным весельем. «Вы требовали от меня, — сказал мне он, — чтобы я назначил министерство: я надеюсь, что вы теперь довольны?»

В соответствии с тоном его вопроса я ответил ему, что со своей стороны затруднился бы адресовать ему поздравления, имея в виду, что за исключением г-на Павловича, я не знаю никого из членов его нового кабинета.

Став тогда серьезным, князь ответил мне, что он никогда не осмелился бы представить мне этих государственных людей новейшей формации, составляющих в этот момент «министерство сброва», которых он должен был собрать, так сказать, в одно русло. «Но, — добавил он, — я надеюсь этим маневром произвести целительный раскол в «Омладине», и я извлек уже из этого выгоду, имея возможность с настоящего момента взять на себя формальное обязательство перед императорским двором о полностью мирной позиции по отношению к Турции по крайней мере до весны, исключая, однако, революции, которая меня самого выставила бы из страны».

Что касается нового министерства, князь меня заверил, что это еще лучшее из всего возможного сформировать в спешке, — жестокая необходимость, временно возникшая в силу ненормального положения в стране.

Что до главного вопроса времени, то новые мирные заверения, которые я только что услышал от его светлости и которые я не преминул сообщить телеграфом императорскому министерству, придали мне смелость посоветовать князю незамедлительно начать в Константинополе представления, чтобы добиться удаления османских войск, сконцентрированных вдоль сербской границы.

Но, к моему вящему изумлению, князь воспротивился этой идеи, обратив мое внимание на то, что для ускорения благоприятного решения внутреннего кризиса угрожающее поведение Порты будет ему мощным помощником. Он рассчитывал, между прочим, что оно повлияет на решения скопчина при дебатах о дополнительном кредите на военное оснащение, которое находится в состоянии полного упадка.

В настоящий момент, г-н барон, я должен признать, что, сообщая о моем почтительнейшем донесении от 25 августа за № 38 о возможности прихода к власти Калевича, я в глубине души надеялся, что грядущие события меня опровергнут. И сейчас я не могу скрыть от в. пр-ва чувства глубокой печали, охватившей меня при весьма быстром подтверждении моих пессимистических предсказаний¹.

А. Карцов

Помета Александра II: Все это очень печально.

АВПР, ф. ГА, V-A₂, 1875 г., д. 265, л. 214—219. Подлинник на франц. яз.

¹ Данный документ весьма красноречиво свидетельствует, что Карцов недооценивал князя Милана как политика и главу государства, не уловил некоторых важных черт его характера, в частности умение достаточно ловко скрывать свои мысли, маневрировать, в своеобразных целях идти на сотрудничество со своими вчерашними врагами. Несмотря на ряд ошибочных суждений касательно общей ситуации и характеристики отдельных лиц и политических течений, донесение Карцова содержит важные данные о политической преемственности между кабинетами Ристича и Калевича, о важности для сербского правительства продемонстрировать на данном этапе свои мирные намерения в отношении Порты.

№ 3

*Донесение русского посла в Константинополе Н. П. Игнатьева
Александру II о планах нападения на Сербию бывшего военного
министра Турции Хусейна Авни паши*

№ 276

Буюкдере, 29 сентября (11 октября) 1875 г.

Перевод

Государь! Доверительные сообщения Махмуда¹ и Риза-пашей подтвердили мне, что в момент падения Хусейна Авни-паше² новый сераскир послал к нему Хафуз-пашу, чтобы узнать у него, какими были его план кампании и главная идея, какой он руководствовался в своих военных приготовлениях.

Хусейн Авни-паша не скрывал, что решительные действия, направленные против Сербии и Черногории, он рассматривал как единственный способ, дабы с честью выйти из настоящей ситуации и действительно пресечь на 10 или 15 лет стремление к независимости у христианского населения Турции. Черногория, по его мнению, никогда не имела большого значения. К тому же военные операции против нее были бы трудны в материальном отношении в силу конфигурации ее территории. Следовательно, по его мнению, речь должна идти о том, чтобы прежде всего сломить Сербию, над которой Порта легко могла бы одержать триумфальную победу. Все его меры были направлены к этой цели.

Экс-сераскир заверил, что военные паши и даже султан одобрили его точку зрения.

Мы тем более должны поздравить себя, государь, что в решительный момент избежали пагубного влияния Хусейна Авни-паши на совет Порты*. Его план, действительно, не был лишен ни смелости, ни оперативности. Не говоря о влиянии, которое выполнение этих проектов могло бы оказать на европейскую политику, и трудностях, которые проистекали бы из этого для России, короткой кампании против Сербии было бы достаточно,

* Против этого абзаца помета Александра II: «конечно!»

чтобы разгромить ее моментально и христианское население Востока после этого поражения не смогло бы долгие годы подняться для контрдара.

Н. Игнатьев

Дата получения документа: Ливадия, 4 октября 1875 г.

АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 28, л. 264—266. Подлинник на франц. яз.

¹ Махмуд Недим-паша (1810—1883), с 1781 г. — великий визирь. Был близок с Н. П. Игнатьевым. В 1876 г.мещен со своего поста и сослан, в 1879—1883 гг. — министр внутренних дел.

² Хусейн Абни-паша (1820—1876), турецкий генерал. С февраля 1874 г. по 25 апреля 1875 г. — великий визирь и военный министр; в 1875 г. (22 августа—2 октября) и 1876 г. (апрель—июнь) — военный министр.

№ 4

Донесение Н. П. Игнатьева Александру II о возможных путях урегулирования боснийско-герцеговинского конфликта, о положительной реакции в Турции на смену министерского кабинета в Сербии

№ 283

Буюкдере, 2 (14) октября 1875 г.

Sire! Je crois devoir compléter mon très-humble rapport sur N 275 par les assurances du comte Zichy et du baron de Werther que personnellement ils partageaient tout à fait ma manière de voir quant à l'application du principe de non intervention aux circonstances actuelles, l'inconvénient de transporter le centre d'action sur la Porte à Vienne dans la question des réformes et l'opportunité d'abandonner aux Turcs l'initiative dans cette question, quitte à insister sur le développement des mesures annoncées.

Moins que personne, je me berce d'illusions relativement aux promesses du gouvernement ottoman. Tant que Mahmoud pacha reste au pouvoir nous pouvons sans doute compter sur des ordres positifs et sérieux dans le sens du dernier iradé. Mais il serait téméraire de garantir leur entière et fidèle exécution en présence des vices inhérents à l'administration turque, de son incapacité et de son inertie bien connues.

Cependant, un programme d'améliorations administratives, combiné à l'extérieur aurait, selon moi, encore moins de chances de succès. Il serait défavorablement accueilli des Turcs à cause de son origine même. Ceux ci s'appliqueraient uniquement à rechercher des prétextes afin de le faire échouer.

L'avantage réel de la tournure imprimée aux circonstances par l'ordonnance végiruelle basée sur l'iradé du sultan est de créer un moment d'arrêt et de détente, sans nous obliger de suspendre pour cela notre pression amicale en faveur des populations chrétiennes. Ce délai nous offre la possibilité d'attendre les événements et de nous y préparer avec les cours alliées sans nous résigner à l'inaction.

Ni mes collègues du corps diplomatique, ni moi n'avons rien reçu de nos délégués en Herzégovine depuis tantôt quinze jours.

Server Pacha, par contre, a adressé un long rapport à la Porte dans lequel il renouvelle ses plaintes contre l'appui clandestin que l'insurrection trouverait en Dalmatie et en Serbie. Il recommande la répression de la révolte par la force et exprime l'opinion que la présence des consuls à Mostar ne sert qu'à entretenir chez les insurgés l'espoir d'une intervention prochaine des puissances. Sir H. Elliot tient le même langage à Constantinople. Celui du commissaire extraordinaire n'est probablement que le reflet de appréciations du consul Anglais, M. Holms, dont il subit sans doute l'influence.

J'ai télégraphié à notre délégué à Mostar, M. Yastrebow d'informer Server pacha du revirement pacifique qui vient de s'opérer en Serbie, de la promesse du prince Milan de maintenir la paix, de notre désir sincère d'éviter la nécessité d'une intervention; mais de lui conseiller en même temps, s'il veut servir les vrais intérêts de son gouvernement, de hâter l'exécution du dernier iradé du sultan et d'enlever ainsi aux insurgés tout grief légitime.

Il y a un échange de récriminations réciproques entre les autorités Ottomanes, qui se plaignent du passage des bandes armées du côté de la Dalmatie, et le gouvernement Austro-Hongrois, qui ne cesse de réclamer contre des transgressions continues de sa frontière par les Turcs. On aurait signalé à Vienne plus de soixante dix cas de ce genre à Rachid pacha.

Le grand vezir, confiant dans les promesses du prince Milan et les garanties que semble offrir à la Turquie le récent changement ministériel à Belgrade, songerait à dégarnir la frontière Serbe. Les envois de troupes de l'intérieur seraient arrêtés dans ce cas et une partie du corps concentré à Nisch dirigée en Herzégovine pour cerner les insurgés.

La Porte semble inquiète de l'emigration bosno-herzégovienne en Dalmatie. Cette émigration, toutefois ne saurait que s'accroître s'il y avait une recrudescence d'hostilités sur le théâtre des événements. Mahmoud pacha a cependant demandé au cabinet de Vienne le repatriement des familles refugiées. Leur entretien aurait, selon le comte Zichy, déjà coûté à l'Autriche — Hongrie près d'un million de florins. De crainte qu'on ne cède à la tentation de se débarrasser d'un fardeau incommodé, j'ai attiré l'attention de mon collègue sur l'impossibilité d'admettre la rentrée des familles émigrées pour l'hiver tant que leurs villages ne sont pas rétablis et tant que l'état intérieur du pays les expose sans défense à des actes de persécution et de cruauté.

N. Ignatiew

[Reçu]: Livadie, le 7 octobre 1875.

АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 28, л. 306—311. Подлинник.

Перевод

Государь! Я считаю себя обязанным дополнить мой почтительнейший рапорт за № 275 заверениями графа Зичи¹ и барона Вертера², что они лично полностью разделяли мой взгляд в от-

ношении применения принципа невмешательства в настоящие события, неудобства перенесения центра воздействия на Порту в вопросе о реформах в Бену и своевременности уступки туркам инициативы в этом вопросе, и прекратить настаивать на развитии объявленных мер.

Менее, чем кто-либо, я питал иллюзии относительно обещаний османского правительства. Пока Махмуд-паша остается у власти, мы, без сомнения, можем рассчитывать на позитивные и серьезные распоряжения в смысле последнего ирадэ. Но было бы рискованно гарантировать полное и точное выполнение при наличии пороков, присущих турецкой администрации, ее хорошо известной неспособности и инертности.

Однако программа административных улучшений в сочетании с внешним воздействием имела бы, на мой взгляд, еще менее шансов на успех. Она была бы недоброжелательно принята турками даже в силу ее происхождения. Последние единственно постарались бы найти предлог, чтобы провалить ее.

Реальное преимущество оборота дела, отраженное в визирском распоряжении, базирующемся на ирадэ султана, — создать условия для ослабления напряжения, не обязывая нас приостановить для этого наше дружеское давление в пользу христианского населения.

Эта отсрочка дает нам возможность ожидать событий и со своей стороны подготовиться к ним вместе с союзными дворами, не смиряясь с бездействием. Ни мои коллеги по дипломатическому корпусу, ни я ничего не получали от наших делегатов из Герцеговины в течение почти 15 дней.

Сервер-паша, напротив, направил Порте пространное донесение, где он возобновил свои жалобы в отношении тайной поддержки, которую восстание паходит в Далмации и Сербии. Он рекомендует подавить восстание силой и считает, что присутствие консулов в Мостаре только поддерживает у восставших надежду на близкое вмешательство держав. Сэр Г. Эллиот в Константинополе выражает такую же точку зрения. Позиция чрезвычайного комиссара является, вероятно, лишь отражением оценок английского консула г-на Холмса, влияние которого он, без сомнения, испытал.

Я телеграфировал нашему делегату в Мостаре, г-ну Ястребову, чтобы он информировал Сервер-пашу о мирном повороте, который только что произошел в Сербии, об обещании князя Милана поддерживать мир, о нашем искреннем желании избежать необходимости вмешательства; но одновременно посоветовать Сервер-паше от своего имени, если он хочет служить истинным интересам своего правительства, поторопиться с выполнением последнего ирадэ султана и лишить таким образом повстанцев всех законных оснований для жалоб.

Происходит взаимный обмен упреками между османскими властями, которые жалуются на переход вооруженных банд со стороны Далмации, и правительством Австро-Венгрии, которое

не перестает протестовать против постоянных нарушений границы турками. Якобы более 70 сигналов такого рода поступило Рашид-паше в Вену.

Великий визирь, веря обещаниям князя Милана и гарантиям, которые, по-видимому, представляет Турции недавнее министерское изменение в Белграде, очевидно, помышляет об ослаблении обороны границы Сербии. Посылка войск из внутренних районов империи будет в таком случае прекращена, и часть сконцентрированных в Нише войск будет направлена в Герцеговину, чтобы оцепить повстанцев.

Порта, кажется, обеспокоена боснийско-герцеговинской эмиграцией в Далмацию. Эта эмиграция, однако, возрастает только тогда, когда происходит усиление военных действий на театре событий. Махмуд-паша, однако, потребовал у венского кабинета репатриации семей беженцев. Их содержание, по словам графа Зичи, уже стоило Австро-Венгрии более миллиона флоринов. Опасаясь, дабы не уступили попыткам освободиться от неудобного бремени, я обратил внимание моего коллеги на невозможность согласиться на возвращение семей эмигрантов зимой, когда их деревни не восстановлены и когда внутреннее положение в стране оставляет их без защиты перед актами произвола и жестокости.

Н. Игнатьев

(Получено): Ливадия, 7 октября 1875 г.

¹ Зичи Франц, граф, в 1874—1879 гг. посол Австро-Венгрии в Константиноополе.

² Вертер Карл, барон, в 1874—1876 гг. посол Германии в Константиноополе.

№ 5

Донесение русского поверенного в делах в Белграде Н. П. Лодыжинского А. Г. Жомини о политической обстановке в Сербии после падения кабинета Ристича, о возобновлении работы скупщины

№ 57

Белград, 17 (29) ноября 1875 г.

Перевод

Секретно

Господин барон! Справедливые предположения г-на Кардова о том, что внутренний порядок не будет поколеблен до возобновления заседания скупщины, были счастливо подтверждены событиями.

Решение жгучего вопроса — война или мир — отложено до весны, лишь внутренние дела в течение истекшего месяца могли угрожать спокойствию страны.

Если этого не случилось, то благодаря тому, что все весьма осторегались затрагивать временное правительство, учрежденное

после невольного падения Ристича. Князь, кабинет и даже политические партии — все старались не нарушить ожидания. Искренне или нет, его светлость казался удовлетворенным своими молодыми советниками, которые ему уже оказали очень большую услугу, приняв наследство Ристича, отвергнутое всеми партиями. От своих министров при их приходе к власти князь потребовал только одной уступки — абсолютный отказ от программы немедленных действий; взамен он предоставил им полную свободу во внутренней административной деятельности.

Что касается г. г. Ристича, Груича и их сторонников, то они, убежденные, что ничто не могло бы в ближайшее время вернуть им расположение их суверена, удовольствовались лестной ролью, которую им приписывает общественное мнение: быть истинными руководителями и вдохновителями новых министров, которые, принадлежа к той же партии, приняли свои портфели лишь при условии, что их вожди не будут пытаться интриговать против них с целью их свержения.

Таким образом, временные хозяева положения, члены кабинета не замедлили этим воспользоваться. Едва скупщина была отсрочена, страницы официальной печати наполнились указами о повышении в чине, новых назначениях, перемещениях, отставке чиновников второго и третьего порядка, принадлежавших ко всем отраслям администрации. По замыслу кабинета, эти всеобщие действия должны были удовлетворить надежды бесчисленного множества их сторонников, жаждущих окладов и служебных мест и мало обласканных предшествующими министрами — консерваторами Мариновичем и Данило Стефановичем.

При такой обстановке возобновила работу скупщина. Князь, хотя и удовлетворенный согласием, установившимся между ним и его советниками, без восторга ожидал момента открытия скупщины.

Имея честь быть три раза принятым в присутствии его светлости, я мог заметить, что, будучи в настоящий момент совершенно спокойным в отношении внешней политики, князь серьезно опасался возникновения новых трудностей, когда делегации нации снова соберутся в Белграде, чтобы продолжить свою законодательную и административную работу.

«Вы ведь знаете нашу скупщину? Ну как можно было бы обработать подобное собрание крестьян? Если бы разразился министерский кризис, каким был бы новый кабинет?»

Таковы были подлинные слова его светлости. И как он, все с беспокойствием задавали эти вопросы, не имея возможности их разрешить.

То, чего опасаются, — это обсуждения бюджета. Допускают, в силу своего постоянного недоверия к каждому правительству и сознания, что ее сила значительно больше, чем самого министерства, ассамблея будет стараться устраниТЬ из бюджета все расходы, которые ей удастся выторговать у правительства, и что она в своем стремлении к экономии зайдет так далеко, что ми-

нистерство, как бы слабо оно ни было, будет вынуждено в конце концов подать в отставку.

Сторонники г-на Ристича — самые ревностные распространители подобных опасений. Они добавляют, что в настоящий момент неприемлема любая консервативная комбинация ввиду ультрарадикальной позиции скупщины. Только рука либералов, по сильная и энергичная, могла бы одновременно обуздать демагогическое течение и положить начало политике национальной и независимой от пагубного влияния дипломатии. Этой сильной рукой явился бы Ристич, поддержаный своим шурином Р. Милойковичем. И таким образом вернулись бы к благоденствию времен регентства.

Такова, г-н барон, ситуация в стране в канун возобновления работы скупщины.

H. Лодыженский

АВПР, ф. ГА, V-A₂, 1875 г., д. 265, л. 248—250. Подлинник на франц. яз.

Документы АВПР о Призренской лиге (1878—1881)

Н. Д. СМИРНОВА

Столетний юбилей Призренской лиги — первого общенационального объединения, возглавившего борьбу албанского народа против Османской империи, стимулировал более глубокое изучение интереснейшего периода истории Албании, известного под названием возрождение. Появились новые исследования (главным образом статьи) в зарубежных научных журналах¹. Однако наиболее значительным результатом активизации деятельности историков в этом направлении явились публикации документов из албанских, английских, турецких, французских архивов². Они вводят в научный оборот свежие материалы, относящиеся как к внутренней истории лиги, так и к ее взаимоотношениям с внешним миром.

Документы о Призренской лиге из советских архивов и рукописных фондов библиотек не издавались отдельными сборниками, хотя в специальных научных исследованиях они использовались широко. В частности, это относится к фондам Архива внешней политики России (АВПР), которые впервые ввела в научный оборот И. Г. Сенкевич в книге, посвященной Призренской лиге³. Целью настоящего документального очерка является представление читателям новых материалов, хранящихся в АВПР и расширяющих сведения об истории лиги, собранные И. Г. Сенкевич.

АВПР располагает ценнейшими свидетельствами очевидцев событий того времени, отраженных в донесениях российских дипломатов из Призрена, Стамбула, Салоник, Шкодры и других городов. Для того чтобы представить обстановку, в которой они жили и работали, восстановим основные вехи, относящиеся к возникновению и функционированию лиги. 10—18 июня 1878 г. — собрание в Призрене, объявившее о создании Албанской лиги, принятие ее программы (Каарнаме) и меморандума в адрес Берлинского конгресса; август-сентябрь — первый вооруженный конфликт между лигой и Портой в связи с разграничением на черногорской границе, убийство маршала Мехмеда Али-паши; ноябрь — заседание Центрального совета лиги с утверждением программы автономии Албании; конец 1878—1879 г. — борьба за автономию Албании; весна 1880 г. — борьба против административных реформ, углубление разрыва с Портой, создание Шкодринского комитета лиги; летом 1880 г. — раскол лиги; лето—осень 1880 г. — конфликт из-за Улциния; апрель 1881 г. — военный разгром лиги. К этому надо добавить, что деятельность лиги разви-

валась в условиях острейшего дипломатического противоборства европейских держав после окончания русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Османская империя переживала острейший внутренний кризис, который охватил практически все стороны ее жизни. Естественно, что это отразилось на ее международных позициях в период подписания и проведения в жизнь решений Берлинского конгресса. Документы доносят до нас впечатления дипломатов о положении дел в империи. Так, после обнародования ирадэ (указа) султана в ноябре 1879 г. о немедленном проведении реформ, предписанных Берлинским договором, тогдашний генеральный консул в Салониках М. А. Хитрово писал, что это сообщение произвело сенсацию в рядах местной администрации. «Порочная и гангренозная система империи» — именно такими словами характеризовал ее Хитрово — ни к чему не способна. Те немногие честные люди, которые редко, но все же встречаются в турецкой администрации, даже они обескуражены, ибо «потеряли всякую надежду на какое-либо возрождение своей страны. Они полагают иллюзорными все упования на реформы, они не имеют сил и энергии, чтобы противостоять фатальному исходу, и отдаются на произвол уносящему их течению. «Кисмет» (т. е. судьба), — говорят они и скрещивают руки»⁴.

В процитированном выше отрывке из депеши М. А. Хитрово зафиксировал некий конечный результат развития процесса, свидетелем которого он был, находясь на периферии империи в течение почти 20 лет. А вот заключение одного из виднейших дипломатов того времени из столицы империи. Посол Е. П. Новиков в частном письме Гирсу фактически возглавлявшему министерство иностранных дел России, писал из Константинополя по прибытии туда после 16-летнего отсутствия, что все изменилось к худшему: «Тогда здесь было правительство и была политика, было с кем поговорить о дела, были министры, решавшие эти дела и на слово коих можно было до известной степени положиться. Ныне — министерство, лишенное всякой инициативы, дискредитованное в глазах иностранных представителей; министр иностранных дел, который, по словам одного из моих коллег, сознался ему, что в объяснении с ним по какому-то делу солгал ему всего только четыре раза... Вся политика, и внутренняя, и внешняя, сосредоточена в одном лице султана, по общему суждению человека доброго и приветливого, но всецело поглощенного заботой о личной своей безопасности и подчиняющего этой исключительной заботе все другие — и международные — интересы. Нищета общая, застой в денежных делах иностранных подданных без различия национальности, повсеместные жалобы — поистине безотрадная картина!»⁵

Султану Абдул-Хамиду II, получившему прозвище «кровавый», а это именно о нем писал в благожелательном тоне Новиков, приписывали такую фразу: «Державы... полагают нас трупом, который осталось лишь придать погребению, но мы им доказа-

жем, что мы живы»⁶. Это сказано в связи с одним частным вопросом о турецко-греческом разграничении, но могло быть применимо и в более широком плане. Деградирующая империя в попытках доказать свою жизнеспособность старалась не допустить дальнейшего распада, цепляясь за ускользающие из ее рук владения, борясь против освободительного движения народов, в том числе и албанского.

Известно, что в дипломатических кругах Европы (и эта точка зрения отразилась в исторических трудах) долгое время существовало убеждение, что Призренская лига является простым орудием в руках Порты⁷, и поэтому требование ею автономии и независимости Албании вызывало недоуменные размышления по словам (и не только российских, но, как видно из отчетов о беседах, и других). Недооценка степени роста национального самосознания албанцев обнаруживается в донесениях ряда дипломатических представителей. Откровенные реакционеры или в лучшем случае консерваторы, они раздраженно реагировали на любое проявление самостоятельности в политике лиги. Например, консул в Призрене И. С. Ястребов (он был единственным российским дипломатом, находившимся в Призрене во время проведения там собраний лиги) получал из первых рук сведения о ее решениях и тем не менее отрицал национальный дух организации, да и само ее существование. Так, описывая открытие конгресса лиги в октябре 1879 г., он приводит цифры о числе делегатов от каждого города, сообщал о принятых постановлениях и с явным раздражением и предвзятостью писал, что «лиги не было и нет»⁸. Вместе с тем он не мог не отметить того, что наблюдал воочию: в Призрене «вся политическая власть в руках албанцев; здешний же мютесариф удерживает за собою только номинально эту власть»⁹.

Об эфемерной власти турок в Монастырском (Битольском) вилайете писал вице-консул Л. А. Няга в мае 1880 г. Он сообщал, что турецкий генерал-губернатор вынужден заискрывать перед влиятельными албанцами, и выдвинул проект, заимствовав его из арсенала лиги, об объединении санджаков Призрен, Дибра, Шкодра, Косово, Корча, Битоль, части Эпира и Фессалии в один вилайет с центром в Битоле или Охриде. Мухтар-паша сам претендовал на должность сultанского наместника в вилайете, обладавшем автономными правами в империи. Порта хотела придать этому объединению мусульманскую окраску, укрепив, таким образом свои позиции в противовес Черногории, Греции, Сербии и Болгарии¹⁰.

Предвзятость в оценке сущности лиги в донесениях таких дипломатов, как, например, Ястребов, происходила из того факта, что он, по всей видимости, чувствовал социальную опасность происходивших на Балканах (и в Албании в том числе) процессов для всех видов абсолютизма, каковыми были и империя Абдул-Хамида II, и тогдашняя самодержавная Россия. Он называет Призренскую лигу Призренской коммуной (по аналогии с Парижской) и ищет духовную общность во взглядах одного из

идеологов албанского автономистского движения Пашко Васы (Васо Паша Шкодрани) и генерала Парижской коммуны Клюзере, который был якобы мустешаром, т. е. советником Пашко Васы, который «не переставал мечтать о независимом княжестве албанском... В приятельских беседах с генералом Клюзере в Приштине, а потом в Салониках он воспользовался абсурдными идеями парижского коммунара и представил правительству проект об организации албанского движения под именем лиги, скрыв заднюю мысль, что из этого движения может родиться вопрос албанский»¹¹. Кстати, именно эта линия поисков влияния идеей Коммуны на освободительное албанское движение обнаруживается в сообщениях российской печати того времени.

Иной взгляд на албанское освободительное движение, отличавшийся от родившейся в недрах министерства иностранных дел официальной точки зрения, был характерен для другой, относительно небольшой группы российских дипломатов. Можно сослаться на корреспонденции консула М. А. Хитрово, в которых содержатся весьма интересные фактические данные об освободительном албанском движении; ему дается такая трактовка, которая полностью выдержала испытание временем. Хитрово писал в обширном частном письме Гирсу в октябре 1879 г.: «Вообще здесь (он имел в виду стамбульские дипломатические круги. — Н. С.) хотят игнорировать Албанскую лигу, представляют ее исключительно как искусственно возбужденное турками движение, не носящее в себе никаких залогов прочности. Между тем из всех доходящих сведений видно, что там происходит теперь громадное социальное движение в смысле национального возрождения»¹². Хитрово написал письмо в связи с решительным несогласием с инструкцией, составленной послом А. Б. Лобановым-Ростовским по албанскому вопросу. Лобанов-Ростовский называл себя врагом «гениальной политической концепции», имея в виду идею Хитрово о необходимости безусловной поддержки стремления албанцев к автономии¹³. В свою очередь Хитрово в начале письма к Гирсу столь же резко отзывается о позиции Лобанова-Ростовского: «И взгляд этот я позволяю себе признавать вполне неверным».

Хитрово не был одинок в своем мнении. Можно сослаться на письмо к Гирсу военного министра графа Д. А. Милютина, который, как он пишет, разделял соображения Хитрово, так как они полностью совпадали с его позицией по албанскому вопросу, занятой еще в начале 1878 г., а именно об автономии края¹⁴.

Надо сказать, что при всей предвзятости донесений некоторых российских дипломатов типа Ястребова фактический материал, ими приводимый, свидетельствует о довольно широком развитии идей автономии и независимости Албании. Описывая в подробностях хорошо известные, многократно освещавшиеся в исторических исследованиях вооруженные столкновения в связи с турецко-черногорским и турецко-греческим разграничением, российские дипломаты понимали связь этих относительно мелких конф-

ликтов с более широкими целями, которые выдвигались по мере развития движения. Уже в сентябре 1878 г., после убийства в Джаковице турецкого маршала Мехмеда Али-паши Маджари, что явилось свидетельством разрыва лиги с правительством, Лобанов-Ростовский писал: «Надо полагать, что сопротивление албанцев выполнению условий Берлинского договора перерастет в общее восстание против Порты»¹⁵.

Позже, когда борьба эта стала фактом и стала приобретать затяжной характер, выводы посла подтвердились как им самим, так и другими наблюдателями. Так, в июле 1879 г. он следующим образом передавал суть одного разговора с представителями албанской лиги: «Когда я спросил албанских делегатов, почему они предпочитают пребывать под властью Порты, а не сделаться греческими подданными и пользоваться всеми преимуществами правления более или менее цивилизованного, они мне ответили, что речь идет не о предпочтении господства турецкого греческому; то, что они желают получить, — это полную автономию, подобно другим национальностям Балканского полуострова»¹⁶.

Аналогичный подход албанцев к пограничному, но уже к турецко-черногорскому спору (борьба за Плав и Гусинье) виден в свидетельстве драгомана консульства в Битоле А. Лапше: «По слухам, албанцы предложили Гази Мухтар-паше покинуть со своими войсками их землю, предоставив им самим заботу о защите страны против чужеземного нашествия. Однако неизвестно, что мушир ответил на это предложение... Полагаю, что из этой очень частной борьбы за одну-две деревни может произойти более серьезное дело. А именно, население перейдет к борьбе за то, чтобы отделить Албанию, освободить ее от турецкого господства»¹⁷. Шкодринский комитет лиги, обращаясь к правительствам великих держав, так объяснял причины столь длительного и ожесточенного сопротивления разграничению: «Албания, наша дорогая, но несчастная Родина, чье имя вписано на одну из славных страниц в истории наций, не желает быть ни проданной, ни искромсанной и никогда не потерпит иностранного господства... Мы желаем быть только албанцами. Мы стремимся лишь к сохранению целостности нашей страны, нашей Родины, которая нам дорога, как и всем цивилизованным народам мира. Поэтому мы просим, обращаясь к вашему чувству справедливости, принять близко к сердцу опасность, нам грозящую, и не допустить, чтобы столь позорное дело совершилось нам во вред»¹⁸.

Вскоре Мухтар-паша был сменен на должности генерал-губернатора Битольского вилайета. «Местное общественное мнение, — писал вице-консул Л. А. Няга, — приписывает отзыв Мухтар-паши албанскому вопросу, который принял такие размеры, что албанцы считают себя вправе получить политическую автономию их стране... Задача нового вали по умиротворению албанцев мне кажется не имеющей ни малейшего шанса на успех, потому что он рискует натолкнуться на неодолимые препятствия»¹⁹.

Этот мотив о неизбежности перерастания борьбы против навязываемого силой разграничения в борьбу за независимость, автономию звучит во многих донесениях. Так, когда в начале 1880 г. состоялось назначение Л. А. Няги на должность, то временный поверенный в делах в Константинополе М. К. Ону писал в инструкции, вводя его в дело, что существующая с 1878 г. в северной части вилайета Албанская лига имеет обширные цели и, «по-видимому, стремится к объединению всех албанцев для образования отдельного и самостоятельного албанского княжества». Он высказывался в том духе, что Няга должен видеть свою миссию исключительно в ознакомлении с деятельностью лиги, воздерживаясь от выражения своего отношения к ней. «В случае обращения к Вам албанцев, — заключал Ону, — Вы могли бы объяснить им, что Россия не имеет никакой предвзятой враждебной против них мысли, но, напротив, албанцы могли бы приобрести наше сочувствие, изменив свое нынешнее неприязненное отношение к окружающим их славянским племенам»²⁰. Последнее замечание касалось тогдашней объективно создавшейся ситуации, когда албанцы находились в состоянии вооруженного конфликта с Черногорией.

О требованиях автономии для Албании имеется множество документов. Как известно, эта проблема поднималась албанцами на протяжении XIX в.²¹ Но лишь в период деятельности Призренской лиги она стала казаться реальной и близкой к осуществлению.

Процесс выработки программы автономии и борьба за нее достаточно полно изложены в монографии И. Г. Сенкевич, которая в этой части основывалась главным образом на документах АВПР. Хотелось бы пополнить собранный ею материал примером, иллюстрирующим отношение Порты к меморандуму об автономии, выработанному лигой в ноябре 1879 г. Тогда в связи с приездом в Стамбул делегации лиги Е. П. Новиков писал Н. К. Гирсу в январе 1880 г.: «Мое последнее донесение имеет в виду привлечь внимание в. пр-ва к значительным размерам, которые, как кажется, начинает приобретать движение в Албании, ставящее своею целью получение автономии этой провинцией». Резюмируя содержание одного из прошений, поданных албанцами султану, он сообщает: «Один, наиболее важный из этих документов, снабженный подписями самых влиятельных вождей Верхней Албании, содержит статьи с требованием политической автономии Албании. Впервые албанцы осмеливаются обращаться таким образом к султану в письменном виде». Далее он пишет о возмущении в правительстве, о проектах устрашения албанцев путем организации вспышательной военной демонстрации, о совещаниях в султанском дворце. «Однако не исключено, — замечает он, — что прежде, чем начать открытую борьбу с албанцами, султан испробует умиротворительные средства и попытается посеять рознь среди их вождей. Ближайшее будущее покажет нам, каково действительное значение этого движения и правда ли то, что прави-

тельство отстранилось от этого населения, которое представлялось последней опорой Турции в европейских провинциях»²².

Отдельную, весьма любопытную группу документов составляют донесения об административно-хозяйственной деятельности лиги. Консул в Салониках М. К. Ульянов сообщает сведения как о структуре центральных органов лиги, что уже опубликовано И. Г. Сенкевич²³, так и об отдельных сторонах ее деятельности. Материалы свидетельствуют о том, что та часть программы автономии, которая касалась отстранения османских властей от вмешательства во внутреннюю жизнь албанских районов, претворялась на практике лигой уже с самого начала борьбы.

В мае 1879 г., подводя итог деятельности лиги, Ульянов приводит конкретные факты. Так, лига создала сельскую полицию для наблюдения за порядком и спокойствием. Содержание полицейским выплачивало само население, заинтересованное в своей безопасности. Попытка турецкой администрации запретить такое, с их точки зрения, самоуправство натолкнулось на вооруженное сопротивление албанцев. «Случай этот вполне доказывает, как слабо влияние турецкого правительства в Албании», — делает вывод Ульянов. Далее он пишет, что на территориях, подчиненных Лиге, защищаются права всего населения независимо от вероисповедания. Христиане в Дибре, например, страдают меньше, чем в других местах. «Здесь члены лиги строго преследуют разбойничество и убийства, приговаривая нередко преступников к смертной казни или сожжению домов и имущества их, тогда как турецкое правительство в своих провинциях никоим образом не может прекратить разбойничества и обеспечить жизнь мирных селян»²⁴.

Лига частично пересмотрела фискальную систему, отказав османским властям в праве сбора налогов и податей. В какой-то степени это была реакция на попытки Порты ввести новую налоговую систему. И. А. Крылов писал в октябре 1879 г.: «Местные мусульмане уже подали в прошлый четверг Али Хайдару-паше просьбу на имя великого визиря об оставлении за страною старого привилегированного положения, по которому новые законы ее не касались, и паша, несмотря на свой совет — послать просьбу прямо в Царьград, вынужден был принять ее.

Этот шаг мусульман, по моему скромному мнению, очень важен и может быть рассматривается как зародыш «действительной лиги», если правительство будет настаивать на том, чтобы сделать Албанию вместо отпадшей Болгарии источником своих крупных поборов. Стоит лишь вспомнить «лигу» тосков в конце 40-х годов под начальством Гёни Леки, когда дело началось из-за гроша овчего харача»²⁵.

В чрезвычайных случаях для восполнения денежных фондов лиги ею назначалось дополнительное обложение населения, причем главным образом богатых людей²⁶. Комитет Шкодринской лиги распорядился в августе 1880 г. (и провел это в жизни) взимать в пользу лиги десятину по всей территории вилайета²⁷.

Создавались регулярные вооруженные силы лиги. Консул в Салониках Н. Д. Скрябин, сообщая об этом в августе 1880 г. послу Новикову, давал такой комментарий: «Приобщая этот факт к общему албанскому движению, нельзя не заметить, что оно принимает все более и более грандиозные размеры и в данный момент может разразиться силою, соответствующей настойчивости и энергии, с которыми албанцы делают свои приготовления»²⁸.

Интересны документы, содержащие сведения о трудностях, стоявших перед движением и мешавших объединению всех албанцев, а именно необходимость преодоления региональной ограниченности, в основе которой лежали различия между гегами и тосками (северными и южными албанцами), неодинаковость правового статута отдельных населенных албанцами областей в рамках Османской империи (привилегированное положение Мирдиты и некоторых других горных районов), религиозная рознь, которая поддерживалась и раздувалась мусульманским, католическим и православным духовенством, и т. д. На этих трудностях играли европейские державы, стремившиеся к укреплению своего влияния на Балканах. Они зачастую эксплуатировали стремления балканских народов к свободе и поддерживали лишь такие автономистские движения, которые были на руку их интересам. Например, в документах можно встретить многочисленные свидетельства о намерениях Италии создать под своей эгидой автономное или независимое албанское государство. Так, в январе 1879 г. консул Ульянов сообщал послу об аресте и отправке в Стамбул некоего Саид-бея, албанца из весьма знатной семьи, ведущей свое происхождение от Скандербега. «По молодости своей Саид-бей жил в Европе и известен был у турок за человека крайне либерального и всегда казался им подозрительным, тем более что еще прежде был замешан в заговоре против султана Абдул Азиза». Причиной ареста, по слухам, послужило то, что шкодринский генерал-губернатор «перехватил письма, адресованные Саид-беем к своим соотечественникам и в коих он приглашает их низвергнуть нынешнее правительство и восстановить свое, национальное, под непосредственным покровительством Италии, которой Саид-бей всецело предан»²⁹. Через месяц Ульянов вновь возвращается к этой итальянской идеи, но уже более конкретно, считая, что албанцы, недовольные турецко-греческим разграничением по Берлинскому договору, «надеются найти опору в Италии и потребуют себе автономию под верховным протекторатом этого государства. Итальянские агенты разъезжают по Эпиру и Фессалии и работают в этом духе»³⁰.

О том же писал и Крылов через несколько месяцев после Ульянова. Будучи аккредитован в Шкодре, он имел полную возможность наблюдать за деятельностью албанской католической церкви в самом ее центре. Он отмечал двуличие духовенства, готового продать свои услуги тому «покровителю» албанцев, который больше заплатит. Глава церкви архиепископ Потен, «плохо владеющий пером и уже маломощный старик», по выражению

Крылова, удостоился награждения турецким орденом, но в то же время ведет агитацию в пользу католических государств. Крылов приводит в донесении выдержку из «Гадзетта д'Италия» от 7 (19) мая 1880 г., в которой говорилось: «Теперь лица из Ватикана дали знать официозно, что папа поддержит итальянское влияние в Албании»³¹.

Проект создания католического княжества в Северной Албании на основе католической области Мирдита вынашивался французским и австро-венгерским правительствами. М. К. Ону писал в январе 1881 г., что еще Наполеон III оказывал покровительство этому проекту и сейчас французская дипломатия настойчиво, но пока безрезультатно работает над его осуществлением³². Позже французские усилия объединились с австрийскими, и результатом этого явился совместный меморандум, представленный в Европейскую комиссию реформ, о реорганизации Шкодринского санджака. «Речь идет, — писал в конфиденциальной депеше Гирсу посол Новиков, — о создании нового политического центра под названием Албанские горы, привилегированного католического государства, имеющего особый регламент и поставленного под наблюдение Европы уже тем фактом, что ей оно будет обязано своим происхождением». Статут княжества предполагалось выработать по образцу того, который был принят для Ливана в 1861 г. Этот проект поддерживался также англичанами, и, по мнению посла, осуществление его должно привести к созданию католического форпоста против православной Черногории³³. Рассматривая степень заинтересованности держав в автономии Шкодринского вилайета, Новиков отдает предпочтение Австрии, которая стремится к установлению дружественных отношений с Албанией, надеясь в скором будущем сделать бросок к Эгейскому морю³⁴.

Проблема создания католического государства в Северной Албании получила в этот период большую популярность в европейских канцеляриях, в частности в связи с местом в этих проектах уже упоминавшейся области Мирдита. Обладавшая целым рядом привилегий, полученных от султана, Мирдита занимала особое положение среди албанских районов Османской империи. Мирдитские князья пользовались большой самостоятельностью в разрешении вопросов внутренней политики и часто устанавливали контакты с соседними государствами независимо от Стамбула. Припадлежность населения к католическому вероисповеданию также накладывала своеобразный отпечаток на жизнь Мирдиты, ибо покровительство австро-венгерской церкви не ограничивалось религиозными рамками. Духовенство расчищало дорогу экспансиионизму габсбургской империи, и влияние последней на политику мирдитских родо-племенных вождей временами было весьма ощутимым.

Российские дипломаты стремились изучить положение в Мирдите, выяснить перспективы ее участия в движении, возглавляемом лигой. Мы можем встретить многочисленные свидетельства о противоречивой политике мирдитских главарей Пренка Биб

Доды и Коль Биба, их красочные характеристики³⁵, рассуждения о перспективах участия малиссоров (горцев) в общеалбанской борьбе за автономию, сведения о социальном укладе края и пр. Так, 25 марта 1880 г. Крылов пишет из Шкодры, что в связи с переговорами вилайетского драгомана Александра и местного полицмейстера Одо-бея с Пренком в городе ходят слухи о том, что «горные и вообще католические племена вилайета приступили к Албанской лиге, но при условии действовать лишь тогда, когда им будут угрожать захватом их территорий, т. е., что они будут стоять лишь за себя». Однако это лишь слухи, заключает Крылов, а верно пока одно — то, что действительного соединения католиков с мусульманами в лигу еще не произошло³⁶.

С мнением Крылова расходились наблюдения Ону, который отмечал в апреле 1880 г. совместные действия католиков и мусульман в Шкодринском вилайете «во имя албанской национальности»³⁷. Известно, что малиссоры Мирдиты с Пренком во главе присоединились к войскам лиги в Тузи во время конфликта с Черногорией. Однако сохранить и развить единство действий не удалось. Уже в начале июня 1880 г. наметились серьезные разногласия между Пренком и Одо-беем, ставшим к тому времени во главе шкодринского ополчения³⁸. Они углублялись по мере расширения конфликта. К позиции Пренка и его сторонников настороженно относились также и руководители лиги, ибо в вынашивавшихся Австро-Венгрией планах создания албанского католического княжества ему отводилась роль главы, «нового Скандербега». «Как личность, Пренк не мог быть опасен туркам, — замечает Крылов в январе 1881 г. — По общему мнению, это довольно ограниченный человек, которого даже некоторые из его западных благоприятелей квалифицируют словами *среfin* и человек без инициативы... Но как сына и наследника Биб Доды, популярного в Мирдитии и до того ненавистного туркам, что они и трупа его после погребения не оставили спокойным в могиле, турки не могут не считать называемого европейцами [т. е. Пренка. — Н. С.] мирдитским князем»³⁹.

На собрании лиги в Призрене в июле 1880 г. была предпринята попытка скоординировать действия южных (тосков) и северных (гегов) албанцев. Крылов акцентрирует внимание на трудностях, вставших на пути взаимопонимания комитетов лиги. Он считал проблематичным соглашение между ними, ибо католики-малиссоры ограничивались более узкими региональными задачами, защищали «свои частные земли, свой родовой быт, веру, язык, обычай и добытые привилегии и без усмирения оружием едва ли поддаются»⁴⁰.

Крылов считал местнические настроения родо-племенных вождей Северной Албании труднопреодолимым препятствием на пути их объединения в едином потоке антиосманской борьбы. Так, например, самые влиятельные в Албании и известные за ее пределами правители Мирдиты не могли рассчитывать на признание их ведущей роли в католических районах. Имя Пренка и его отца,

пишет Крылов, почитаемы в Мирдите и Шкодре, «а горные племена малиссоров, ведущие родовую жизнь с наследственными и редко избираемыми главарями, независимые от турок в делах внутреннего управления и междуродовой политики и не платящие правительству податей, мало заинтересованы Пренком»⁴¹.

В драматическом освещении предстает в документах завершающий этап деятельности лиги. Сообщения от января—марта 1881 г. повествуют об успехах войск лиги, причем весьма значительных, в Призрене и Ускюбе. А в апреле-мае стали поступать подробные донесения об экспедициях Дервиши-паши, которые зафиксировали последние отчаянные усилия лиги противостоять напору турецкой армии. Образные, порой несколько утрированные зарисовки событий позволяют проникнуться обстановкой тех лет, представить себе ее в поистине трагическом накале. Например, карательная экспедиция Дервиши-паши. Прибыв на север Албании, облеченный полномочиями правителя, он демагогически заявил, что не способен даже к управлению стадом баранов. Затем он обратился с «отеческим» увещеванием к албанцам, призвав их послушаться его как старого солдата и подчиниться Порте. Концом же комедии, разыгранной им с шекспировским размахом, было зверское подавление лиги, аресты, казни, ссылки ее руководителей.

Как же развивались эти заключительные события? В январе 1881 г. Скрябин писал о смелых и дерзких предприятиях албанской лиги в Косово и Митровице, не раскрывая их конкретного содержания⁴². А через месяц он уточняет, что после непродолжительного затишья «албанцы сняли печать безмолвия и громко заговорили о своих намерениях. Отвергая всякую зависимость от турецкого правительства, они заявили, что подчиняются только шариату и что впредь будут отстаивать свою национальность до последней крайности». Наборы рекрутов и сборы резервистов, по распоряжению начальников лиги, были приостановлены и всем албанцам строго запрещено пополнять ряды турецкой армии. Далее он описывает борьбу албанцев за Ускюб (Скопье), которым они решили завладеть «как удобным пунктом для наблюдения за действиями турецкого правительства и как пределом, за который не должны переходить турецкие войска. С этой целью они послали в Ускюб одного из начальников войск лиги, Селима Эфенди с значительным отрядом. Произошла схватка с регулярными войсками. Албанцы были побеждены, но, ожидая подкрепления из Призрена и Якова (Джаковицы. — Н. С.), от города не удалились и держат таким образом гарнизон под ружьем»⁴³. Борьба за Ускюб в начале марта была одной из последних вооруженных схваток войск лиги с турками. Первые потерпели поражение и отошли к Ипеку. Через две недели началась призренская эпопея.

Скрябин писал Новикову 30 марта 1881 г.: «Призрен в настоящее время находится в полном обладании лиги; незначительный гарнизон, там находившийся, по приказанию Ибрагима-паши сложил оружие без всякого сопротивления. По всей вероятности, это

распоряжение Ибрагим-паши не без задней мысли. Ежедневные требования его о присылке новых батальонов, сосредоточие последних в Косово и Митровице дают повод думать, что турецкое правительство решило разом покончить с этим внутренним врагом; а прибытие Дервиш-паши в Салоники и скорый отъезд в Приштину обещают развязку близкую»⁴⁴.

Дервиш-паша перед отъездом «высказал твердую надежду на скорое умиротворение умов в Албании путем мирных переговоров, без кровопролития. И действительно, судя по последнему сообщению из Приштины, где в настоящее время находится Дервиш-паша, это обещание начинается приводиться в исполнение. Громадное число печатных прокламаций, призывающих партизанов Албанской лиги к спокойствию, разносится по всем окружным деревням, и в ожидании целесообразности этой меры турецкие войска спокойно стоят под оружием». Однако миссия Дервиш-паши натолкнулась на упорное сопротивление албанцев. Скрябин сообщал 3 апреля 1881 г., что задача, поставленная Дервиш-пашой, далека от выполнения, ибо с лигой намного труднее спрятаться, чем с разрозненными группами вне ее. Однако уже через две недели он сообщает о военном разгроме основных сил лиги, находившихся на полпути из Приштины в Призрен. Натолкнувшись на сопротивление албанцев, Дервиш-паша был вынужден остановить продвижение, но затем отдал приказ стрелять по албанскому батальону, входившему в состав турецкой армии. «Эта энергическая мера, имевшая следствием 50 раненых и убитых, восстановила дисциплину, и дальнейшие военные действия уже ничем не задерживались»⁴⁵. Дервиш-паша таким образом подтвердил зловещее прозвище касаба (мясника), полученное им за расстрел роты турецких солдат, прогнувших при взятии Батуми.

Завершая краткий обзор документов из фондов АВПР, хотелось бы отметить, что история Албанской лиги пока еще не нашла своего полного отражения в мировой исторической литературе. Военная и административная стороны деятельности изучены довольно полно. Слабее обстоит дело с социально-экономическими проблемами, с изучением соответствующих сторон деятельности лиги и ее филиалов. Интересен и сложен комплекс проблем, которые возникли в результате взаимодействия национальных и классовых факторов в общественно-политическом развитии Албании периода возрождения. Концентрация усилий в этих направлениях поможет создать цельную картину деятельности лиги как составной части национально-освободительной борьбы албанского народа во второй половине XIX в.

¹ Из работ советских авторов можно упомянуть статью Г. Л. Маньковской «Освещение деятельности Албанской лиги в русской печати конца 70—начала 80-х годов XIX в.» — В кн.: БИ. Вып. 4. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и Балканы. М., 1978.

² Lidhja Shqiptare e Prizrenit në dokumentet osmane 1878—1881. Tiranë, 1978; Lidhja e Prizrenit në dokumente osmane. Prishtinë, 1978; Shqipëria në vitet e Lidhjes shqiptare të Prizrenit. Tiranë, 1978, v. I (1876—1879);

- Lidhja Shqiptare e Prizrenit në dokumente angleze. Prishtinë, 1978; Akte të Rilindjes kombëtare shqiptare, 1878–1912. Tiranë, 1978. В тиранской и приштинской публикациях турецких документов некоторые из них совпадают.
- ³ Сенкевич И. Г. Албания в период Восточного кризиса. М., 1965; в книге А. М. Селищева «Славянское население в Албании» (София, 1931) также широко использовались документы АВПР, но они не касались истории лиги.
- ⁴ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1879 г., д. 2275, л. 228 об. М. А. Хитрово — А. Б. Лобанову-Ростовскому, 13 (25) ноября 1879 г. АВПР, ф. ГА, V-А₂, 1880 г., д. 560, ч. II, л. 26 об.—27. Частное письмо Е. П. Новикова Н. К. Гирсу, 4 (19) мая 1880 г.
Там же, л. 97. Конфиденциальное письмо А. П. Новикова Н. К. Гирсу, 30 июля (11 августа) 1880 г.
- ⁷ Но даже при такой трактовке лиги российские дипломатические представители подчеркивают опасность возглавлявшегося ею движения для Турции.
- ⁸ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1879 г., д. 2077, л. 8—8 об. И. С. Ястребов — А. Б. Лобанову-Ростовскому, Призрén, 25 сентября (7 октября) 1879 г.
- ⁹ Там же, л. 19 об. И. С. Ястребов — А. Б. Лобанову-Ростовскому, 24 октября (5 ноября) 1879 г.
- ¹⁰ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1880 г., д. 1432, л. 69, 84 об.—85. Письма Л. А. Няги Е. П. Новикову, 21 мая (2 июня) и 4 (16) июня 1880 г.
- ¹¹ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1879 г., д. 2077, л. 13 об. И. С. Ястребов — А. Б. Лобанову-Ростовскому, 2 (14) октября 1879 г.
- ¹² АВПР, ф. ГА, V-А₂, 1879 г., д. 909, л. 292. Частное и конфиденциальное письмо М. А. Хитрово Н. К. Гирсу, 5 (17) октября 1879 г.
- ¹³ АВПР, ф. ГА, V-А₂, 1879 г., д. 559, л. 780 и об. А. Б. Лобанов-Ростовский — Н. К. Гирсу, 20 августа (1 сентября) 1879 г.
- ¹⁴ Там же, д. 1050, л. 285—286. Д. А. Милютин — Н. К. Гирсу, 23 июня (5 июля) 1879 г.
- ¹⁵ АВПР, ф. ГА, V-А₂, 1878 г., д. 556, л. 218. Копия личного письма А. Б. Лобанова-Ростовского, по всей вероятности, Н. К. Гирсу (адресат не указан), 28 августа (9 сентября) 1878 г. Маршал Мехмед Али-паша был послан в Косово на переговоры с членами Центрального совета лиги. Смысл его миссии заключался в доведении до сведения лиги распоряжения правительства о передаче Черногории земель, определенных Берлинским договором. Албанцы отказались признать за Портой право отдавать распоряжения лиге.
- ¹⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 38, л. 385—386. А. Б. Лобанов-Ростовский — Н. К. Гирсу, 12 (24) июля 1879 г.
- ¹⁷ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1880 г., д. 2276, л. 7—7 об. А. Лаппе — М. А. Хитрово, 10 (22) января 1880 г.
- ¹⁸ Там же, д. 2411, л. 80—81. Обращение Шкодринского комитета лиги 6 (18) мая 1880 г.
- ¹⁹ Там же, д. 1432, л. 116—117. Л. А. Няга — Е. П. Новикову, 24 августа (5 сентября) 1880 г.
- ²⁰ АВПР, ф. ГА, V-А₂, 1880 г., д. 560, ч. I, л. 4 об.—5. Инструкция М. К. Ону Л. А. Няге, 5 (17) января 1880 г.
- ²¹ Как считает албанский историк К. Прифти, восстания того времени ставили своей целью отделение от империи; в 1847 г. была образована Албанская национальная лига, впервые выдвинувшая требования объединения территорий, населенных албанцами, и создания автономного государства. См.: *Prifti K. Aspekte të luftes për krijmin e shtetit kom-bëtar shqiptar në vitet e Lidhjes shqiptare të Prizrenit (1878—1881).* — Studime historike, 1979, N 4, f. 86.
- ²² АВПР, ф. ГА, V-А₂, 1880 г., д. 560, ч. II, л. 32. Е. П. Новиков — Н. К. Гирсу, 14 (25) января 1880 г.

- ²³ Сенкевич И. Г. Албания в период Восточного кризиса, с. 122—123, 205—206.
- ²⁴ АВПР, ф. ГА, V-А₂, 1879 г., д. 909, л. 119—120. М. К. Ульянов — А. Б. Лобанову-Ростовскому, 27 мая (8 июня) 1879 г.
- ²⁵ Консул имел в виду крупное восстание в горных районах Южной Албании в 1847 г. под руководством Зейнеля-ага Гьолеки. Вспыхнувшее летом в связи с попыткой турецкой администрации собрать джелеп (налог на овец) с жителей района Курвелеша восстание охватило весь юг, стало распространяться на центральные районы (Тирана, Эльбасан). Оно было подавлено турецким правительством лишь с наступлением зимы.
- ²⁶ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1880 г., д. 2411, л. 70 об. И. А. Крылов — М. К. Ону, 6 (18) мая 1880 г.
- ²⁷ Там же, л. 126. И. А. Крылов — Е. П. Новикову, 12 (24) августа 1880 г.
- ²⁸ Там же, д. 2276, л. 222 и об. Н. П. Скрябин — Е. П. Новикову, 27 мая (8 июня) 1880 г.
- ²⁹ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1879 г., д. 2275, л. 46 и об. М. К. Ульянов — А. Б. Лобанову-Ростовскому, 3 (15) февраля 1879 г.
- ³⁰ Там же, л. 63 об. М. К. Ульянов — А. Б. Лобанову-Ростовскому, 25 февраля (9 марта) 1879 г.
- ³¹ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1880 г., д. 2411, л. 84—85. И. А. Крылов — М. К. Ону, 13 (25) мая 1880 г.
- ³² АВПР, ф. ГА, V-А₂, д. 560, ч. II, л. 34 и об. М. К. Ону — Н. К. Гирсу, 14 (26) января 1880 г.
- ³³ Там же, л. 463—467 об. Е. П. Новиков — Н. К. Гирсу, 2 (14) сентября 1880 г.
- ³⁴ Там же, л. 83 об. Строго конфиденциальное письмо Е. П. Новикова Н. К. Гирсу, 7 (19) июля 1880 г.
- ³⁵ Административная власть в Мирдите принадлежала роду Гъонмаркай. Порта утверждала представителей этого рода в должности правителей (капитан или капедан), сохраняя таким образом номинальную власть над Мирдитой. В описываемый период по сложившейся традиции капитаном должен был стать Пренк Биб Дода, но Порта пожаловала этот титул его родственнику Коль Бибу (в документах — капитан Коля).
- ³⁶ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1880 г., д. 2411, л. 39. И. А. Крылов — М. К. Ону, 25 марта (6 апреля) 1880 г.
- ³⁷ АВПР, ф. ГА, V-А₂, д. 560, ч. II, л. 166 об. М. К. Ону — Н. К. Гирсу, 13 (25) марта 1880 г.
- ³⁸ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1880 г., д. 2411, л. 96—97. И. А. Крылов — Е. П. Новикову, 3 (15) июля 1880 г.
- ³⁹ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1881 г., д. 2412, л. 4—9. И. А. Крылов — Е. П. Новикову, 19 (31) января 1881 г.
- ⁴⁰ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1880 г., д. 2411, л. 119. И. А. Крылов — Е. П. Новикову, 29 июля (10 августа) 1880 г.
- ⁴¹ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1881 г., д. 2412, л. 6—7 об. И. А. Крылов — Е. П. Новикову, 19 (31) января 1881 г.
- ⁴² Там же, д. 2277, л. 3. Н. П. Скрябин — Е. П. Новикову, 5 (17) января 1881 г.
- ⁴³ Там же, л. 37 и об. Н. П. Скрябин — Е. П. Новикову, 16 (28) февраля 1881 г.
- ⁴⁴ Там же, л. 91 об. Н. П. Скрябин — Е. П. Новикову, 30 марта (11 апреля) 1881 г.
- ⁴⁵ Там же, л. 93 об.—94. Н. П. Скрябин — Е. П. Новикову, 18 (30) апреля 1881 г.

К истории первых лет оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией (1878—1889)

В. Н. КОНДРАТЬЕВА

На Берлинском конгрессе европейских держав 1878 г. было решено вручить Австро-Венгрии мандат на «установление порядка» в Боснии и Герцеговине.

Как показали первые же после конгресса события, под вывеской «упорядочения» была на деле совершена военная оккупация Австрией этих славянских земель, подготовившая в дальнейшем их аннексию австро-венгерской «лоскутной» империей.

О периоде австрийской оккупации Боснии и Герцеговины существует обширная литература. Данная публикация имеет скромную задачу: дополнить уже опубликованное некоторыми документами из Архива внешней политики России, а именно — донесениями дипломатических представителей российского министерства иностранных дел, которые были свидетелями событий первых лет австрийской оккупации, главным образом в Герцеговине.

Уже 16 (28) июля 1878 г. (через три дня после подписания Берлинского трактата) русский консул И. Ястребов сообщал из Цетинье товарищу министра МИД России Н. К. Гирсу о проведенной заранее военным министерством Австрии широкой подготовке к вступлению австрийских войск в Боснию и Герцеговину¹.

Заранее подготовленная концентрация значительных сил говорила о том, что оккупация была задумана на долгие годы.

В приведенных документах показано конкретное применение в Боснии и Герцеговине традиционной для Австро-Венгрии политики «разделяй и властвуй».

В донесениях русских дипломатов, несомненно, имеются суждения и оценки, в которых выдвигаются на первый план второстепенные черты оккупации, упускается ее суть. Это относится, в частности, к сравнительной оценке оккупационных режимов — существовавшего при турках и введенного австрийцами. Так, в донесении русского вице-консула в Рагузе В. Б. Пассека Н. К. Гирсу от 15 (27) июля 1881 г. противопоставляются педантизм и мелочность австрийских чиновников при сборе налогов якобы патриархальным отношениям между герцеговинцами и османской администрацией². Оценки такого рода встречаются и при сравнении положения православных школ, а также по ряду других вопросов.

В целом, однако, русские дипломаты настойчиво подчеркивают тот основной факт, что приход на смену жесточайшему османскому владычеству новой, «цивилизованной» европейской

власти ни в чем не облегчили положения бесправных народных масс, в особенности крестьянства, Боснии и Герцеговины.

Спустя десять лет с начала оккупационного режима в этих землях русский министр-резидент в Цетинье К. М. Аргиропуло писал министру иностранных дел России Н. К. Гирсу 12 (24) января 1889 г. о том, что положение в пограничной полосе Герцеговины с Черногорией мало в чем изменилось с переходом от османского управления к австрийскому³.

Заслуживает внимания приводимый К. М. Аргиропуло документ, доставленный ему Максимом Малиевичем, торговцем из Гацко, имущество которого было конфисковано австрийскими властями под самым пустячным предлогом. Документ этот — прошение от герцеговинцев на имя проживавших в Черногории русских. В нем перечисляются факты произвола, притеснений и насилий оккупационных властей по отношению к жителям Герцеговины⁴.

Сам факт обращения эмигрировавших в Черногорию герцеговинцев к проживающим там русским людям с прошением показывает, что со сменой одной иноземной администрации на другую славянским населением не была утрачена традиция искать в представителях России своих естественных защитников от насилия и несправедливостей, как это было при османском иге и во время восстания в 1875—1878 гг.

Как и прежде, в донесениях, относящихся к периоду австрийской оккупации, особое внимание уделяется самому важному вопросу для народов Боснии и Герцеговины — аграрному, вопросу об отношениях между землевладельцами и кметами. Аграрный вопрос в Боснии и Герцеговине, не решенный в ходе восстания, остался нерешенным и за весь долгий период австро-венгерского господства вплоть до окончания второй мировой войны.

С самого начала оккупации монархическая Австро-Венгрия, где сохранились в большой степени пережитки феодализма в сельском хозяйстве, показала себя в отношении боснийско-герцеговинских крестьян достойной продолжательницей османской тирании. Земли были полностью оставлены во владении помещиков-бегов, фактически законсервированы все прежние формы беспощадной феодальной эксплуатации крестьян, включая средневековые внеэкономические методы принуждения, физические расправы помещика над кметом, разорение хозяйства, изгнание с земли и пр. Австрийская оккупационная администрация не только оставила все это в полной неприкословенности, но и выступила прямым правительственным гарантом прежних аграрных отношений в деревне Боснии и Герцеговины.

Характерным примером может служить распоряжение австрийского центрального управления в Сараеве, адресованное боснякам, вернувшимся на родину после эмиграции за австрийскую границу во время восстания 1875—1878 гг., где они искали спасения от османских карателей. В этом документе провозглашалось право помещиков распоряжаться трудом и достоянием крестьян. «Никто из вернувшихся выходцев-босняков не сможет предприни-

мать какие бы то ни было полевые работы без особого разрешения бегов и предварительного с этим последним соглашения»⁵, — писал русский вице-консул в Фиуме К. Петкович Н. К. Гирсу 13 (25) марта 1879 г.

Между тем вернувшиеся крестьяне оказались в совершенно безвыходном положении. Новые власти не помогали им ни продовольствием, ни денежным вспомоществованием. «О выдаче же каких-либо сельскохозяйственных орудий или секир, пил, мотыг, лопат и т. п., а равно и об отпуске из казны, хотя бы заимообразно, пособия на покупку рабочего скота и семян нету и помину»⁶.

В марте 1879 г. русский посол в Вене Е. И. Новиков писал в министерство иностранных дел: «Австрийское правительство желает ввести в Герцеговине новый аграрный закон, по коему юрист обязан давать аге треть вместо четверти, как было при турках, и, кроме того, десятину правительству. Дабы вынудить у народа согласие, ему с нового года перестали выдавать хлеб. Народ мрет с голоду, но не хочет покориться. В одном Невесинье было более пятидесяти случаев чисто голодной смерти. Целые округа питаются кореньями и древесною корою. Ропот и негодование в стране общие»⁷. 24 февраля (8 марта) 1879 г. И. Ястребов телеграфировал в МИД России: «Православные из Герцеговины не престанно жалуются, что австрийцы не дают им тайна с целью заставить их признать господство бегов и аг по-прежнему»⁸.

В итоговом отчете министерства иностранных дел, представленном царю за 1879 г. на основании донесений дипломатических агентов на Балканах, признается, что «вопрос аграрный продолжает находиться в том же запутанном положении, в каком находился и при турецком владычестве», и что австрийские власти потребовали, чтобы крестьяне «вновь стали в обязательные отношения к их помещикам-мусульманам и заключили бы с ними письменные условия. Этими договорами крестьяне поставлены в условия более тяжелые, чем те, которые существовали при турках»⁹.

«Управление, — отмечается в отчете, — во всех делах берет сторону помещиков и с неумолимой строгостью требует от крестьян уплаты недоимок»¹⁰.

Оставление в силе прежних феодальных аграрных отношений в деревне вытекало, разумеется, из упомянутой выше общей оккупационной стратегии, основа которой состояла в ориентации на богатых мусульман. Ища опоры оккупационному режиму в этом сословии, австрийские власти могли рассчитывать прежде всего на поддержку наиболее реакционного его слоя, каким являлись помещики-потурченцы. Несомненно, здесь играла роль также и та «боязнь самостоятельного демократического движения «среди зависимых или „опекаемых“ Европой народов», на которую указал В. И. Ленин¹¹.

Следует отметить, что в некоторых донесениях делается попытка более углубленного анализа тактики австрийского окку-

пационарного режима по отношению к различным слоям славянского населения. Так, В. Б. Пассек в сообщении русскому послу в Вене А. Б. Лобанову-Ростовскому 1 (13) декабря 1886 г. пишет: «Вообще австрийцы относятся весьма снисходительно ко всем богатым и влиятельным герцеговинцам, как бегам, так и купцам, и делают им всевозможные послабления. Результат этой тактики сейчас же бросается в глаза: чем состоятельнее герцеговинец, тем он равнодушнее и покойнее глядит на оккупацию»¹².

В подтверждение В. Пассек приводит пример с налогами на торговцев: «Австрийское правительство, по-видимому, щадит местных торговцев: подати и налоги, платимые ими, остались неизменными со времени турецкого управления, а налоги эти невелики»¹³.

Далее В. Б. Пассек развертывает «несравненно более печальную» картину жизни сельского населения, одновременно придавленного «господскими повинностями» и налогами, взимаемыми австрийскими властями.

Тяжелым бременем легла на плечи Боснии и Герцеговины налоговая система, введенная оккупационными властями. Множественность налоговых обязательств, их непонятность для крестьян отмечается в донесениях В. Б. Пассека А. Б. Лобанову-Ростовскому, где он приводит полученное им «расписание налогов», установленное австрийцами для Герцеговины. Приводя перечень налогов, В. Б. Пассек заключает, что «общая тяжесть налогов, падающих на Герцеговину, несоразмерно высока... к этому необходимо прибавить, что область сильно опустошена последним восстанием, а многие села и совсем разорены»¹⁴. В том же донесении В. Пассек пишет: «Уплативши десятину казне и третину собственнику... кмет обязан еще внести собственнику 5 флоринов в год за пользование домом и затем целый ряд прямых налогов, падающих в денежном и натуральном виде на его движимое имущество (скот). Налогов такого рода несколько, а именно: 1) налог на овец и коз (18 крейцеров с головы при рыночной стоимости от 4 до 5 флоринов штука); 2) на свиней (25 крейцеров с головы); 3) на быков, коров и лошадей налога прямого не имеется, зато взимается процентный сбор при продаже всякого крупного скота и сбор в пользу общины при убое крупного рогатого скота. Наконец, сверх всего этого кмет несет еще натуральную повинность в форме 6 дней конной работы в год на шоссейных дорогах по указанию местных полицейских властей»¹⁵. Русский дипломат резюмирует: «Вообщё же впечатление, производимое массою населения, крайне удручающе. В материальном отношении это население едва перебивается со дня на день, в нравственном оно сильно упало духом»¹⁶.

В ряде донесений отмечается, что боснийцы и герцеговинцы вдобавок к многочисленным налогам несли и тяжелые повинности, связанные с постоем австрийских войск, обслуживанием военных перевозок, ремонтом и строительством военных дорог,

что отвлекало крестьян от полевых работ и еще больше разоряло и без того жалкое хозяйство. Наконец очень дорого обходился населению и многочисленный чиновничий аппарат, введенный в Боснии и Герцеговине австрийским правительством для осуществления оккупации и прежде всего — для сбора налогов и податей.

Жестокий режим австрийской оккупации, резкий экономический упадок, высокие налоги, сокращение торговли, прогрессирующее обнищание сельского населения — все это уже в первые годы после Берлинского конгресса вызывало все нарастающее массовое недовольство населения в Боснии и Герцеговине.

На первых порах этот протест против «нового порядка» пошел по проторенному, хотя и бесплодному, пути — жалобы, петиции, меморандумы, обращения к новым австрийским властям, как в прошлом к Порте. Характер и содержание этих обращений довольно метко обрисованы в сообщении В. Пассека о петиции, поданной венскому парламенту за подписью старшин нескольких округов Герцеговины¹⁷.

Другим примером подобных документов является широко известный «Мемуар босняков австро-венгерскому министру иностранных дел». Несмотря на скрытый полемический и даже иронический тон документа, в сущности требования его очень умеренны, если не считать пункта о созыве в Сараеве народной скупщины, которая «позаботилась бы единогласно о благотворном устройении земель и об остальных неотложных нуждах народа»¹⁸. Далее идут требования: увеличить обещанные денежные пособия населению, отзвать из школ австрийских солдат, облегчить для населения пользование почтовой связью и наконец, поскольку у населения отнято оружие, отменить особое положение.

Намного больше забот и тревог принесло австрийским властям постепенно разраставшееся повстанческое движение, как и в 1875 г. крестьянское. Отряды (четы) гайдуков успешно сопротивлялись регулярным, хорошо вооруженным частям австрийской армии, а главное — были неуловимы для карателей, намного превосходивших их численно. По поводу действий четы Ковачевича В. Пассек писал Н. К. Гирсу в донесении от 15 (27) июля 1881 г.¹⁹

23 августа (4 сентября) 1881 г. В. Пассек сообщает Н. К. Гирсу, что чета под командованием Ковачевича значительно выросла и начала нападать «на австрийские пикеты и конвой» и что «общая численность гайдуков простирается теперь от 75 до 100 человек, действующих отдельными отрядами между Билечем и Гацко»²⁰.

Австрийские власти были напуганы действиями гайдуков, тем более что никого из них поймать не удавалось, так как крестьяне предупреждали их о передвижении отрядов австрийских солдат, посланных для их поимки. В Требинье даже было объявлено военное положение²¹.

Общая обстановка, в которой пришлось вести борьбу повстанцам, теперь в корне отличалась от существовавшей при османском режиме. Раньше приходилось воевать против Порты при фактическом «нейтралитете» западноевропейских держав, не выходивших за рамки «сочувствия» и уклончивой, неэффективной «дипломатической поддержки» (комиссии и пр.); теперь, в условиях оккупации, повстанцам противостояла одна из этих капиталистических европейских стран, и судьба их родины решалась уже в рамках общей «восточной политики» западноевропейских держав. Хотя масштаб повстанческого движения был значительным — недаром сами австрийцы называли его «малой войной», — в пародийной борьбе в условиях австрийской оккупации повторились слабые черты, свойственные восстанию 1875 г., сказалась и общая неблагоприятная для славянских народов историческая обстановка. Локальность движения, распыленность его отрядов на больших территориях, отсутствие сколько-нибудь централизованной организации — все это сулило борцам против австрийской оккупации крупных, а тем более решающих успехов.

¹ См. док. № 1.

² АВПР, ф. Политархив, д. 1516, л. 173—176.

³ См. док. № 7.

⁴ См. приложение к док. № 7.

⁵ АВПР, ф. ГА, V-А₂, 1879 г., д. 1044, л. 6.

⁶ Там же, л. 5.

⁷ АВПР, ф. ГА, V-А₂, 1879 г., д. 1050, л. 191.

⁸ Там же, л. 190.

⁹ АВПР, ф. Отчеты МИД, 1879 г., л. 135.

¹⁰ Там же, л. 136.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 223.

¹² АВПР, ф. Политархив, д. 1101, л. 115.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, л. 90—91.

¹⁵ Там же, л. 116.

¹⁶ Там же.

¹⁷ АВПР, ф. Политархив, д. 1516, л. 173—176 об.

¹⁸ АВПР, ф. ГА, V-А₂, 1885 г., д. 275, л. 40.

¹⁹ АВПР, ф. Политархив, д. 1516, л. 173—176 об.

²⁰ Там же, л. 201—203.

²¹ См. там же.

№ 1

Донесение русского консула в Рагузе (Дубровнике) И. С. Ястребова товарищу министра иностранных дел Н. К. Гирсу о подготовке оккупации Боснии и Герцеговины войсками Австро-Венгрии и отрицательном отношении к этому местного населения

№ 2400

Рагуза, 16 (28) июля 1878 г.

Милостивый государь Николай Карлович! Судя по приготовлениям, которые делались здесь военною властью, австрийское военное министерство имело в виду двинуть мобилизованный

здесь отряд войска отсюда, для занятия Герцеговины по направлению к Требиню и по вновь отстроенной военной дороге из Макарской по направлению к Мостару через Метковичи. С этой целью делались даже секретные рекогносцировки по тем направлениям.

Отсюда из Рагузы должны были двинуться полк № 96 (графа Елачича), два стрелковых батальона — № 7-й и 11-й — и две горные батареи. В Макарской для той же цели занятия Герцеговины были поготовлены полк № 27-й (короля бельгийского), стрелковый батальон № 23 и таковой же имени е. в-ва императора австрийского, а также две горные батареи. Весь этот отряд состоит исключительно из немцев и венгерцев, только генерал Иванович, начальник этого отряда, и три офицера — славяне.

Между тем как военная здесь власть ждала приказ к выступлению в поход, для чего было уже все готово, из военного министерства получено было распоряжение, чтобы все мобилизованное здесь войско со всеми припасами и перевозочными средствами и амуницией перевезено было на пароходах в Сплато. Приказание это было немедленно исполнено 13 и 14-го сего июля. Здесь оставлены только два стрелковых батальона — № 33 и 21 для охранения всей границы от Метковича до Суторина. По границе от Суторина до Спицы находятся полк № 72 и два стрелковых батальона и команды с двух фрегатов «Kaiser Max» и «Австрия», стоящих теперь в Гравозе.

По собранным мною сведениям, в австрийском генеральном штабе решено, чтобы мобилизованное в Далмации войско двинулось первоначально в Боснию из Сплато на Ливно и Травник, где оно должно соединиться с начальником оккупационного корпуса генералом Филипповичем, а затем оттуда войско будет распределено по частям в разные города и места Боснии и Герцеговины.

Между тем как здесь шли военные приготовления к занятию Герцеговины, босняки и герцеговинцы принимали свои меры, чтобы воспрепятствовать нашествию австрийцев. Они списывались между собою и по почте, и по телеграфу о солидарности действий в этом случае. Само турецкое правительство способствовало их переписке, как это было и в Албании, о чем в свое время я счел долгом донести Вашему в. пр-ву по телеграфу. Все это, впрочем, делалось в секрете, так что австрийские агенты в Боснии и Герцеговине не замечали пародного против Австрии настроения, пока они по приказанию свыше не объявили турецким властям о намерении Австрии занять Боснию и Герцеговину. Узнав об этом, народ немедленно протестовал письменно в Мостаре австрийскому консулу, а в Сараеве — демонстрацией пред австрийским генеральным консульством против замысла австрийского правительства.

С этого времени между жителями началась открытая усиленная стачка против попытки австрийского войска перейти гра-

нице. И они могли бы зайти далеко в своих решениях на противоборство, если бы турецкие власти не заявили им, что Австрия раздумала вступить в турецкие провинции, как о том будто бы известила их Порта. Народ несколько успокоился. Австрийским же агентам из Вены дана была секретная инструкция употреблять все имеющиеся у них под рукою средства привлечь на сторону Австрии мусульман, обещая им с соблюдением неприкосновенности их прав и всех привилегий сохранить за ними первенство во всех отношениях над христианами; а чтобы не страшить их перспективою оставаться навсегда под властью Австрии, предписано «пока не говорить им о присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии в силу Берлинского трактата». В этой инструкции, содержание которой мне удалось узнать под секретом от преданного мне влиятельного лица, читавшего ее в подлиннике, сказано далее, как я о том телеграфировал Вам 6-го сего июля, что в случае неподатливости мусульман консулы должны обратить внимание на православных, обещать им все, что только пожелаю иметь в ущерб мусульманам, с условием, чтобы они не присоединялись к сим последним в деле сопротивления вступлению австрийского войска в Боснию и Герцеговину. Если же и православные не соблазняются обещаниями, то консулы должны приласкать «больше прежнего одних католиков».

Воздерживаясь от комментария этой инструкции, я могу сказать только то, что австрийские агенты, не пользующиеся в стране особым вниманием и сочувствием, как и само австрийское правительство, напрасно трудятся через своих подкупленных людей расположить мусульман или православных к австро-венгерскому правительству. Сие последнее не приобретает в них друзей, хотя бы и беспрепятственно успело овладеть страною, не прибегая к политическим фокусам. И без этого оно может вступить туда, если только турецкое правительство само перестанет волновать народ. По моему крайнему разумению, турецкое правительство, потворствуя жителям объединяться в заговоре против намерения австрийцев занять Боснию и Герцеговину, делало это только для того, чтобы при составлении конвенции с австрийским правительством выторговать в свою пользу как можно больше за уступку тех провинций Австрии. Оно же само предоставит туземцев самим себе пред лицом австрийского войска, как только оно заключит выгодную конвенцию, и тогда босняки и герцеговинцы, храбрящиеся теперь, упадут духом, найдя себя бессильными (если только я не ошибаюсь в этом) начать что-либо серьезное против австрийского войска, за неимением способных на то вождей и помохи извне и в конце концов покорятся необходимости.

То же самое произойдет и в Албании, где одновременно с заговором в Боснии и Герцеговине албанцы тоже по разным местам устраивали митинги и скопища в Призрене с целью воспротивиться расширению границ Сербии и Черногории. И ал-

банцами орудовало также турецкое правительство в их патриотических протестах против решения конгрессов, помогало им объединиться для составления протеста, снабдив их деньгами и ружьями новейшей системы. Помирись Порта с своею судьбою — и албанцы примолкнут, только впоследствии могут задать немало серьезных хлопот самой Порте, пользуясь данным ею уроком устраивать митинги объединения под знаменем особой народности, понятие о которой они еще не совсем утратили...

С глубочайшим почтением...

Ив. Ястребов

АВПР, ф. ГА, V-A₂, 1878 г., д. 1049, л. 123—125. Автограф.

№ 2

Отношение В. Пассека российскому послу в Вене П. П. Убри
о неурегулированных аграрных отношениях в Герцеговине

№ 158

Рагуза, 5 (17) декабря 1881 г.

Милостивый государь Павел Петрович! Имею честь донести Вашему в. пр-ву о содержании петиции, поданной Венскому парламенту депутатом от Рагузы графом Поцца, по поводу австрийского управления в Герцеговине. Петиция эта, подписанная всеми старшинами Требиньского и Любинского округов, весьма любопытна как документ, выясняющий некоторые из мотивов неудовольствия, господствующего ныне в занятых Австрией провинциях. Было бы конечно ошибкою ожидать от подобной бумаги, имеющей форму прошения и преследующей чисто практическую цель, — полного разоблачения всех причин неурядицы, охватившей теперь Герцеговину, но зато одна из этих причин, а именно аграрный вопрос, разработана в петиции весьма сжато и обстоятельно. Ограничиваая до минимума сферу своих жалоб, просители не решились коснуться ни австрийского чиновничества, ни способа собирания налогов или размера их; они осмелились только указать на недостатки своего аграрного устройства и то как на турецкое наследство, которое Австрия могла бы и должна была бы упорядочить. Поступая таким образом, петиционеры, вероятно, полагали, что парламент, скорее, примет во внимание их жалобы. На деле, однако же, вышло иначе: петиция была отложена до конца последней сессии и затем, как сообщил мне граф Поцца, за недостатком времени оставлена без обсуждения.

Между тем скорейшее разрешение аграрного вопроса представляет для Герцеговины существеннейшую важность. Если, как я уже и заметил выше, произвол, длящийся доселе в сфере земельных отношений, и не составляет всех причин народного неудовольствия, то, несомненно, этот произвол значительно способствует всеобщему брожению и ропоту. В течение целых веков под властью турок самоуправство бегов по отношению к землевладельцам питало гайдучество и вело к взаимному насилию; в настоящее время, после австрийской оккупации, этот отживший

режим не только продолжает, как оказывается, процветать, но еще и поддерживается Австрией.

Ввиду такого положения дел разоблачения вышеупомянутой петиции приобретают несомненный интерес. Вот, в частности, ее содержание. После краткого вступления, где описываются чувства герцеговинского народа, встретившего австрийскую оккупацию как «зарю восходящей свободы», просители переходят к изложению фактов: мы возложили, говорят они, все свои надежды на австрийское владычество, но этим надеждам не суждено было осуществиться. Наше положение, положение православной ряи (кметов), под управлением Австрии не только не улучшилось, но, наоборот, сделалось еще тяжелее и невыносимее прежнего. Мы, как и в старые годы под властью турок, остаемся рабами землевладельцев, а поземельные отношения между колонами и собственниками продолжают быть по-прежнему неорганизованными и неопределенными.

В основании нашего аграрного устройства, продолжают они далее, лежит, как известно, сultанский указ от 1276 г., по которому беги не вправе брать с обрабатывающих землю их кметов (колонов) более трети всего урожая (хлеба); в других же случаях (напр [имер], сады) берется даже только четвертая часть. К этому необходимо прибавить, что землевладельцы обязаны еще доставить колонам все орудия производства и материал для необходимых построек.

Между тем со временем деспотического управления Омерапши, невзирая на сultанский указ, в Герцеговине силою введена новая система платежей и беги стали брать половину всего нашего урожая в свою пользу. При этом не только не оказывается нам законных пособий на постройки, но и вновь очищенные от камня места облагаются наравне со старыми пашнями.

«Вот уже два года, — заключает петиция, — как Австрия заняла Герцеговину, — и что же? Произвольная мера Омера-паши, составляющая злоупотребление даже с турецкой точки зрения, не только не отменена, но и как будто узаконена. В настоящее время мы уже платим половину не только с хлебных нив, но и с садов, и с так называемых оград. Словом, мы разорены вконец».

Таково содержание герцеговинской петиции.

Всматриваясь ближе в приведенные в ней факты, нельзя не заметить, что между способом австрийских чиновников собирать налоги, о котором я имел уже честь сообщать Вашему в. пр-ву в моем донесении за № 138 *, и отношением их к аграрному вопросу в Герцеговине существует несомненная аналогия. И там, и тут все построено на громадном недоразумении местного чиновничества. В первом случае австрийцы ухитрились, не увеличивая налогов, собрать с герцеговинцев больше платежей, нежели собирали их турки в самые тяжелые годы своего хозяйствования в этой стране; во-втором, опасаясь дотронуться до та-

* На поле помета: Мы его, кажется, не получали.

кого щекотливого вопроса, как поземельные отношения, австрийцы сохранили всю неправистную и, главное, беззаконную эксплуатацию колонов. Все эти промахи и недоразумения заставляют поневоле опасаться за будущее. Неудовольствие, как мне сообщают отовсюду, распространяется и обостряется повсеместно. Австрийцам удалось даже немыслимое еще несколько лет назад: мусульмане стали дружить с православными, а это для Герцеговины при теперешних ее условиях один из самых тревожных местных признаков.

С глубочайшим почтением...

Вас. Пассек

АВПР, ф. Посольство в Вене, 1881 г., д. 786, л. 1—4 об. Подлинник.

№ 3

Отношение В. Пассека П. П. Убри об усилении католической пропаганды среди сербского населения Герцеговины и наступлении австро-венгерских властей на местную школу

№ 160

Рагуза, 5 (17) декабря 1881 г.

Милостивый государь Павел Петрович!

Ввиду жалоб, доходящих за последнее время до вверенного мне вице-консульства из различных местностей Герцеговины по поводу деятельности хорватско-католической пропаганды и якобы «гибели» православной веры и сербской народности в этой провинции, я счел своим долгом собрать по возможности обстоятельные сведения о действительном положении православной школы среди герцеговинцев и о размерах официального на нее давления. Вопрос этот представляет тем более важности, что школа и церковь составляют для православных сербов Герцеговины нечто единое и нераздельное; это их знамя, единственное проявление их народной жизненности, все их заветы и все их надежды на будущее. Затронуть эту струну — значит вызвать наружу все сокровенные, доселе еще спящие силы. Я имел уже случай говорить в моих прежних донесениях о неудовольствии герцеговинцев па тяжесть налогов, па иго бегов, па сухой, чисто внешний, чуждый условиям времени и края формализм австрийского чиновничества. Но еще большее волнение, па крайней мере в известной части населения, может вызвать этот формализм, примененный к духовной жизни народа, к его церковно-школьным установлениям. Между тем ко мне отовсюду приходят жалобы на стеснение православных школ, па введение латиницы, па принудительное помещение православных мальчиков в правительственные школы и пр. и пр.

Однако, чтобы не быть голословным, я осмелюсь привести некоторые факты из истории школьного дела в Герцеговине под владычеством Турции и под опекою Австрии.

При турках в Герцеговине существовало до 17 православных школ, что при бедности страны и сравнительной малочисленности православного народонаселения уже одно указывает на сте-

пень его жизненности и духовной энергии. Школы эти, понятно, были самого разнообразного свойства: так, в Житомышличе и при монастыре Завала в Поповом Поле школы основались при монастырях, и преподавание велось духовными лицами. В Белополе же, Широком, Брге, Благае, Костцы, Любушки, Хумац[е], Любинье, Требинье, Невесинье и проч. школы содержались на счет православных общин, а преподавание велось частными учителями. Несмотря на бедность и всевозможные стеснения, общины ухитрялись платить своим учителям от 400 до 600 флоринов в год при готовых дровах и квартире. В Мостаре же, где две школы, мужская и женская (обе четырехклассные), жалование учителям доходит даже до 800 и 1000 ф[оринов] в год. Таково было положение школьного дела в Герцеговине при турках. Эти последние мало вникали во внутреннюю жизнь школы, не интересовались преподаванием и с одинаковым равнодушием относились как к кириллице, так и к латинице. Вследствие этого при грубейшем произволе во всех частях внешнего управления внутренняя духовная жизнь сербского народа развивалась самобытно и неприкосновенно. Нечто совершенно иное встречаем мы после оккупации.

Австрия, начав занятие, вступила в Герцеговину с предвзятою, заранее сочиненою идеей; она решила, что православные здесь — элемент неблагонадежный, революционный, и всею тяжестью своего мелкоподозрительного и несносно-придирчивого чиновничества навалилась на них, ища себе поддержки или в католиках, или в особенности в мусульманах. Эта основная ошибка послужила исходом для всей последующей деятельности австрийской администрации по отношению к православным школам Герцеговины. Австрия, правда формально, не закрывала подобные школы, но зато против них воздвигся целый ряд всевозможных гонений и стеснений. Наиболее популярные учителя лишились мест; на их вакансии назначили австрийских сербов, на которых народонаселение смотрело как на шпионов. Учредился мелочный раздражительный надзор; на православные школы стали глядеть как на заразу, как на источник государственной опасности. Общественно-культурное учреждение, пережившее турецкое иго, попало под опалу образованных австрийцев. Все это, понятно, не могло не возмущать герцеговинцев, взгляд которых на эти школы я имел уже честь указать выше. С другой стороны, австрийцы везде, где проживало некоторое количество католиков, устроили свои особые правительственные школы, обставив их удобствами и обеспечив их нужными средствами. В этих школах обязательно преподается немецкий язык, а кириллица заменена латиницей. Надобно знать, что значит в сфере местной духовной жизни кириллица, чтоб понять ненависть, которую питают к этим казенным заведениям православные сербы. Между тем нужда, любовь к детям, желание, как говорится, поставить их на дорогу превозмогает иногда это чувство, и немецкие школы понемногу наполняются.

Указывая, однако же, на эти факты, я далек от мысли некоторых герцеговинских патриотов, будто православная церковь и сербская народность находятся в опасности. Покуда будет существовать свободная Черногория, до тех пор эти начала не могут замереть ни в Боке, ни в Герцеговине. Первая в этом случае служит нам наилучшим доказательством. После семидесяти лет австрокатолической пропаганды православное народонаселение в ней увеличилось, а католическое уменьшилось.

Но, ограничивая даже до крайнего *minimum*'а действительный вред, приносимый Австрией сербству, нельзя не сознаться, что роль ее в герцеговинском школьном вопросе ошибочна, фальшивая и даже не расчетлива; здесь, как и везде, мы встречаем то же отсутствие программы и ту же неуверенность, которыми отличаются все действия австрийского правительства с самого начала оккупации. Как в деле поземельных отношений Австрия, по недоразумению, приняла сторону бегов, как в финансовом отношении ввела *ostroi** и тем разорила торговлю, так и в школьном вопросе своею подозрительностью и стеснениями она глубоко оскорбила национально-религиозное чувство православных сербов.

С глубочайшим почтением...

Вас. Пассек

АВПР, ф. Посольство в Вене, 1881 г., д. 786, л. 9—12 об. Подлинник.

№ 4

Отношение В. Пассека П. П. Убри о восстании в Герцеговине против австро-венгерских оккупационных властей

№ 29

Рагуза, 9 (21) июня 1882 г.

Милостивый государь Павел Петрович! Восстание в Герцеговине, несмотря на амнистию барона Далена и на значительное сосредоточение войск в этой провинции, продолжается по-прежнему, то ослабевая, то неожиданно вспыхивая в другой местности, к крайнему утомлению австрийской администрации и армии. Так, в настоящее время взялось вновь за оружие все население Гацко и близ Горазды, было несколько стычек, в которых австрийцы, по местным сведениям, потеряли будто бы около 30 ч[ел]., и около 20 мулов, навьюченных провиантом. Наконец, по последним дошедшим до меня известиям, третьего дня, т. е. 19 июня нов. ст., в горах, близ Фочи, произошло опять серьезное столкновение между инсургентами и частью полка «Вэстлара». К сожалению, подробности этого дела не дошли еще до Рагузы.

Подобная продолжительность и столь сильное упорство инсurreционного движения объясняются весьма просто. С каждым днем нищета в несчастной Герцеговине становится все тяжелее

* Акциз (франц.).

и ощутимее. Беги почти закрыли свои хозяйства, многие дома стоят пустыми, другие сожжены и расхищены; несколько тысяч человек (около 7 т[ысяч]), пограничных с Черногорией, скрылись туда, побросав в бегстве свои пожитки и скот. Шайки гайдуков, преследуемые австрийцами, довершают разорение страны, грабя с голоду своих и чужих. В общем в настоящее время, можно смело сказать, что восстание и поддерживается, и питается исключительно само собою. Мотивы, вызвавшие первоначальное неудовольствие, как то: административный гнет, религиозные притеснения, аграрное неустройство — отступили теперь на второй план. Первое место занял голод, вызванный инсурекцией и в свою очередь пополняющий ряды гайдуков. Чтобы побороть восстание в этом новом его фазисе, необходимы были бы широкие и гуманные меры, но на это у Австрии нет, по-видимому, ни средств, ни охоты.

С другой стороны, несвоевременное и насильственное введение ландвера, естественно, приводит только к усилению инсургентских шаек и к подорваннию последних остатков дисциплины. Действительно, по сведениям, доходящим до вверенного мне вице-консульства, видно, что местности, доселе еще чуждые восстанию, начинают уже колебаться и поговаривать о вооруженном сопротивлении. На днях, напр[имер], посетил Рагузу воевода Невесинье Богдан Зимович; по его словам, невесинцы решили присоединиться к инсургентам, и он не в силах уже более их сдерживать. То же самое подтвердили мне и несколько бегов-мусульман, покинувших Герцеговину и проезжавших через Рагузу в Константинополь; по их мнению, введение ландвера удетерит силы восстания и окончательно дезорганизирует край.

При таком положении вещей трудно предвидеть конец возмущения и дальнейшие перипетии инсуррекционного движения.

Трехмесячная борьба с кривошапами и еще более продолжительная борьба в Герцеговине, казалось, должны были бы открыть глаза австрийцам на недостаточность одних военных мероприятий для действительного умиротворения занятых ими провинций, но на деле этого не видно; система австрийского управления остается по-прежнему неизменною, а с тем вместе сохраняются и все причины неудовольствия, приведшие к этому столь бедственному для славян восстанию.

С глубочайшим почтением...

B. Пассек

АВИР, ф. Политархив, д. 1101, л. 70—72. Автограф.

№ 5

Донесение В. Пассека А. Б. Лобанову-Ростовскому о просьбах герцеговинцев оказать содействие в переселении их в другие страны

№ 93

Рагуза, 1 (13) сентября 1885 г.

Имею честь донести Вашему сиятельству, что с некоторого времени ко мне из Билека, Столаца, Невесинье и Любинье являются герцеговинцы, иногда депутациями в числе нескольких местных жителей, большею же частью в одиночку с просьбами об оказании им содействия для переселения в Болгарию, Россию и в крайнем случае в Америку. Такие же депутатии, насколько мне известно, являлись и к турецкому консулу. Последний выдал некоторым из просителей паспорта, против выдачи которых, однако, австрийское правительство сочло долгом протестовать. Тем не менее несколько человек с подобными паспортами эмигрировали за границу. Семьи же их, так сказать, конфискованы австрийцами, которые всеми силами стараются доказать, что в занятых ими провинциях все обстоит благополучно.

Причины, вызывающие герцеговинцев к эмиграции, весьма разнообразны, но главная — это безвыходная нищета, до которой они доведены австрийским правительством или, правильнее, фискальными мерами местных властей.

Землевладельцы — богатые турки — уже давно выехали из Герцеговины в Константинополь или в Анатолию; на месте остались лишь колоны (кметы), т. е. люди, лишенные почти всякой собственности, кроме рабочих рук; дом, огород, поля — все это принадлежит отсутствующим туркам; между тем православный герцеговинец должен платить третью часть всего своего валового дохода (в зерне, в винограде и скоте) собственнику возделываемой им земли. Кроме того, он платит весьма высокие государственные налоги (вдвое, например, выше черногорских).

В заключение ввиду всего мною здесь слышанного и виденного считаю долгом сообщить конфиденциально Вашему сиятельству, что я сильно опасаюсь, чтоб к весне будущего года не началось в Герцеговине новое инсуррекционное движение. При массе горючих материалов, несмотря на фиктивное отображение оружия (большею частью оно зарыто), Герцеговина, к сожалению, может снова потревожить европейский мир.

АВПР, ф. Политархив, д. 1101, л. 104—105. Копия.

№ 6

Письмо боснийско-герцеговинских эмигрантов итальянскому консулу в Цетинье Криспи

Косово поле (в Старой Сербии), октябрь 1887 г.*

В речи, которую Вы несколько дней назад держали в Турине, Вы старались выставить роль Италии в австро-германском союзе, причем заявили, что «Италия будет в этом союзе поддерживать свободу восточных ** народов».

Так как и мы — более 3 тысяч эмигрантов из Босно-Герцеговины — принадлежим одному из тех народов и так как эта новая роль Италии касается нас непосредственно, то мы уверены, что Вам будет интересно узнать, какое впечатление Ваша речь произвела на несчастных боснийско-герцеговинцев эмигрантов, на нас, у которых разбойнически отняты дом, очаг и отчество тою державой, союзом с которой Вы гордитесь, державою, которая несколько веков угнетала и притесняла Ваше отчество. В борьбе с этим Вашим угнетателем Вы и прославились и тем поднялись на высоту теперешнего Вашего положения.

Ваше превосходительство! Мы, более 3000 боснийско-герцеговинских эмигрантов, никак не можем понять, каким образом Италия в союзе с Австро-Венгрией может, как Вы говорите, «поддерживать свободу восточных народов»; не можем понять этого, потому что Австро-Венгрия та именно держава, которая, несмотря ни на кровавый протест, ни на 2-летний геройский отпор боснийско-герцеговинского народа, насилием захватили нашу страну именно в тот момент, когда мы думали, что отвоевали народную свободу и единство; не понимаем мы Вас тем более, что Ваша союзница та держава, которая совершает в Боснии и в Герцеговине все ужасы варварства, убивает национальное сознание, преследует наши народные школы и учителей, искореняет народные обычаи, разбивает наши народные гусли, запрещает праздновать «Красно име», а что всего хуже и в этом веке свободы и прогресса всего постыднее — проповедует при помощи целой армии фратеров и иезуитов прозелитизм и религиозную нетерпимость, варварски нарушая свободу вероисповедания. Наши учителя томятся в тюрьмах, а первосвященники наши в изгнании.

Удивляемся, каким образом могли Вы сказать, что Италия в союзе с Австро-Венгрией будет поддерживать свободу и независимость восточных народов! Ибо это та держава, которая довела Сербию до края погибели, которая из корыстных видов погубила Болгарию, деморализовала часть ее заблудших сынов, побудивши их на такое неслыханное и безбожное оскорбление своего благодетеля-освободителя, бросивши в кровавую борьбу

* Документ приложен к донесению российского министра-резидента в Цетинье К. М. Аргиропуло Н. К. Гирсу № 17 от 30 ноября 1887 г. — АВИР, ф. Политархив, д. 1537, л. 77.

** Имеются в виду народы Балкан.

брата с братом и введя террор и анархию, беспримерные в истории; удивляемся, каким образом хотите Вы поддерживать восточные народы в союзе с державой, которая по целому Балкану с помощью иезуитов сеет между братьями, жившими в согласии, семя раздора и религиозную нетерпимость; с державою, которая вот уже 10 лет через посредство папы и купленного духовенства подымает Албанию к возмущению против законного правительства и к открытой войне против Черногории и Сербии.

Разве союзник Австрия могла прежде, до 1866 г., поддерживать Италию, когда она же, Австрия, угнетала Ваши лучшие области? Так точно и Вы, теперешний союзник Австрии, поддерживаете независимость восточных народов, народов, чьи проклятия против нее раздаются по всему Балкану и чьи вопли подымаются к богу.

Ваше превосходительство! Если кто-либо когда-нибудь издевался над горькою судьбой восточных народов и насмехался над их независимостью, то издевались и насмехались Вы в Вашей упомянутой речи, и насмехались от имени великой Италии и ее благородного и геройского народа.

О, господин Криспи, когда-то геройский борец против габсбургской тирании! Разве для того Вы вместе со славным Гарibalди посыпали нам, боснякам и герцеговинцам, в помощь деньги и добровольцев, чтобы потом предать нас Австрии?

Еще не исчезли следы австрийских коней на роскошных равнинах Ломбардии и Венеции; еще дымится там кровь Ваших братьев, а Вы забываете это и вступаете с Австрией в союз, чтобы предать нас ее тирании. Как предстанете Вы перед Гарibalди и героями, павшими на полях Италии!

Не наше дело характеризовать Вашу речь и Ваше бесчеловечное посмеянье свободы восточных народов. В Италии найдется довольно благородных сынов, которые сумеют потребовать от Вас отчета.

В этом ожидании мы подписываемся от имени более трех тысяч босно-герцеговинских эмигрантов, в. пр-ва покорные эмигранты:

Мехмед-Эфенди, Таслиджийский мухтей,
Али Драчо, почетный паша из Митровицы,
Мехмед Сулягич, крупный владелец из Мостара,
Ахмед Бег Паралич, владелец из Яйца,
Д-р Св. Правица, владелец из Требинья,
Петр Хаджи-Кочевич-Попович, торговец и владелец из Сараева,
Йоцо С. Пупич, торговец из Ливна,
Ристо Протич, то же,
Иво Ивинич, собственник мельницы из Травника,
Иово Павлович, торговец из Баня Луки.

AVPR, ф. Политархив, д. 1537, л. 78—80 об. Перевод, современный подлиннику.

№ 7
Донесение К. М. Аргиропуло Н. К. Гирсу с характеристикой австро-венгерского управления в Герцеговине

№ 1

Цетинье, 12 (19) января 1889 г.

Милостивый государь Николай Карлович! В донесениях моих я не раз имел случай затрагивать вопрос о положении, созданном австрийскою оккупацией жителям Герцеговины.

В названной области, равно как и в Боснии, переход от турецкого управления к австрийскому мало чем изменил в сущности тяжелые условия, в которых обреталось там издавна православное население; зато эксплуатация герцеговинцев при новых правителях приняла характер того бездушного формализма и систематической последовательности, которыми турецкая администрация никогда не отличалась.

Условия австрийского режима являются в особенно непривлекательной форме в граничной с Черногорией полосе Герцеговины. Там не только сообщения через сухопутную границу прекращены, но строгость присмотра дошла до того, что ни один черногорский пастух не смеет к ней подойти на расстояние ружейного выстрела, не подвергаясь риску быть убитым австрийским часовым, что случалось уже несколько раз. Мне нередко, конечно, приходится здесь знакомиться с образчиками австрийского самоуправства. Так, недавно некий Максим Миличевич, торговец из Гацко, вынужденный переселиться сюда после того как имущество его было под самым пустым предлогом конфисковано, доставил мне в виде прошений на имя проживающих в Черногории русских «от герцеговинцев» небезынтересный документ, ярко и, смею сказать, верно изображающий в своем безыскусственном изложении нынешнее положение дел в Герцеговине. Это обстоятельство побуждает меня представить его при сем в переводе на благосклонное воззрение в. пр-ва, несмотря на то что прошение не подписано, так как могло легко попасть в руки австрийской полиции. Я должен прибавить, что лицо, представившее мне это прошение, пользуется репутацией весьма хорошего человека; он поселился уже в Подгорице и, как многие из здешних герцеговинцев, сумел найти средства к пропитанию.

Другой добровольный изгнаник явился сюда на этих днях. Это некий Метличич, далматинец из Сплата и издатель приостановленного сатирического листка «Драшков Рабош» с весьма хорошим славянским направлением. Пробыв десять месяцев в предварительном заточении, пока разбирался его процесс в уголовном преступлении за помещение одного из стихотворений покойного И. С. Аксакова, причем ему ставилось, между прочим, в вину то, что он держал у себя русскую грамматику (загребского издания Будмани), он был, наконец, оправдан, но решил искать убежище в единственном уголке славянского востока, где

в настоящее время за явное русофильство не преследуют, — в Черногории.

С глубочайшим почтением...

Аргиропуло

Помета Александра III: Грустная и досадная картина!
АВИР, ф. Политархив, д. 1541, л. 2—4. Подлинник.

Приложение к док. № 7

К № 1

Прошение герцеговинцев к русским в Черногории

Цетинье, 28 ноября 1888 г.

Претерпевая великие притеснения от властей в Герцеговине, мы приносим наши жалобы тем же властям, вследствие чего с нами поступают еще хуже, и теперь мы решаемся обратиться к нашим братьям и доброжелателям с просьбой обратить на нас милостивый взгляд, не оставить нас несчастными и забытыми богом более чем кто-либо на свете.

В кратких словах вот в чем наши страдания:

1. Текущее правительство в Герцеговине, как и при турках, берет у нас со всего десятину деньгами и в случае несвоевременного их взноса — еще 12%.

2. За всякую овцу или козу по 18 крейц[еров], за крупный рогатый скот и с лошади по 50 крейц.; сверх того на все это взимается процент с момента, когда скот сосчитан.

3. Всякая мужская душа от 15 до 60 лет обязана работать 6 дней в год или платить за каждый день 50 крейц. или за 6 дней 3 гульд[ена].

4. Всякая лошадь, как только стали ее выoucherить, и вол, как только стали запрягать его в плуг, должны отбывать 6 дней в год или платить по 50 крейц.=3 гульд.

5. Наши горы обставили знаками с надписью «лес запрещен» и поставлены сторожа; так что у нас отняты леса, которыми мы пользовались 400 лет. Турецкая власть нам их никогда не запрещала и не взимала с них пошлины; а теперь взимается за кубический метр строевого леса елового по 1 гульд. 20 кр., а с дубового — 1 г. 80 кр.

Не только за лес, но и за камень взимается 80 кр. с куб. метра; с товара (100 ок) извести — 20 кр., с щебня или с песка — 3 кр.; с товара дров — 5 кр.

6. С 1886 г. введен какой-то новый сбор на меави сандук (ссудная касса; прежде назывался белаи-дьявол, что теперь запрещено). И за 3 года одно Гацко дало 13 000 гульд.

В 1887 г. нас принудили купить каких-то швабских коров, от которых потеряли 1600 гульд.

8. Гацкий начальник принудил нас дать на школу 5000 гульд.

9. Он же принудил нас дать 500 г. на какие-то доски и знаки по гацким селам.

10. Каждая община должна платить по несколько сот гульденов будто бы на содержание каких-то герцеговинских солдат.

11. С проданного скота взимается по 2,5%.

12. За все, что измеряется, платится «мерачина».

13. Пастух не смеет при виде зверя крикнуть в горах, чтобы устраниТЬ условные знаки; за этот проступок его штрафуют и сажают в тюрьму.

14. Штрафуют и сажают в тюрьму погонщиков, когда они не ведут каждую лошадь в поводу, сколько бы ни было лошадей.

15. Самое жестокое преследование постигает того, кто только помянет Черногорию или Россию (одного еврея отвели с жандармами в тюрьму в Будапешт за то только, что помянул Россию).

16. Постановлено: если бы герцеговинец женился на черногорке или сделался кумом или знакомым черногорца, а также если бы выдал свою дочь за черногорца, то разорят его вконец, а жену изгонят.

17. Если герцеговинец вследствие притеснений или даже по делу отправится в Черногорию, то у него отбирается все имущество и дом разоряется.

18. Туркам дают некоторые права, а нам не только не дают их, но угнетают и возбуждают тем между нами и турками раздор.

19. Все означенные пошлины и налоги, если не вносятся кемнибудь в назначенный срок, то к нему отправляют пристава для продажи имущества, которое ценится по 1 гульд. за 10 гульд.

20. Учреждены коммунальные школы, и детей наших насильно заставляют учиться латинице; о законе божием и о народности же запрещено даже упоминать. Один гатчанин выразился, что несправедливо учить детей латинице и не давать понятия о законе божием и о народности. Учитель, узнавши об этом, сообщил начальнику Гацко и тот гатчанин сильно пострадал и окончательно разорен.

21. От таких и подобных насилий, совершаемых преимущественно в Гацко, каждый серб христианин пал духом и в нем умерло чувство свободы. Прекратились дружеские беседы, смолкли песни, забыты обычай сербские. Мы, старшие, от таких страданий, а молодежь в школах под австрийским ярмом полатинились бы уже (особенно в Гацко), если бы не надеялись на лучшую будущность и на то, что бог когда-нибудь обернется к нам и поможет добить истинную свободу и что тогда мы не будем несчастнее кого-либо из наших братьев. Поддерживает нас поп Зимонич, который не только может все это подтвердить, но еще больше бы сообщил. Но и он падает духом, а мы и поклонялись.

Мы [как] и прежде сообщали бы многое и досаждали бы просьбами его высочеству князю Николаю I, но боимся Австрии, находясь в сильном подозрении у её чиновников.

АВПР, ф. Полигархив, д. 1541, л. 5—7. Перевод, современный документ.

Проекты образования
югославского государства
в годы первой мировой войны
(1914—1915)
и Россия

Ю. А. ПИСАРЕВ

Ниже публикуются некоторые проекты создания объединенного югославского государства, которые в начале мировой войны были разработаны организациями югославянской эмиграции (в Западной Европе) из Австро-Венгрии.

Как известно, в Сербии идея создания объединенного югославского государства впервые официально была провозглашена 24 ноября (7 декабря) 1914 г. в так называемой Нишской декларации, где в самой общей форме была сформулирована цель войны — освобождение и объединение «братьев — сербов, хорватов и словенцев».

На основе этой декларации сербское правительство разработало две программы — программу-минимум и программу-максимум. Первая предусматривала объединение вокруг сербского королевства одних сербов, вторая — всех югославян, проживавших в Австро-Венгрии и в Европейской Турции. В этих программах, однако, не затрагивался вопрос о государственном устройстве Югославии — останется ли она централизованной монархией с династией сербских королей Карагеоргиевичей во главе или превратится в федерацию равных по своим правам государственных образований — Сербии, Хорватии, Словении и Боснии и Герцеговины.

Великосербская буржуазия явно придерживалась первого варианта и вкладывала в программу гегемонистские идеи, что вызывало отрицательную реакцию у ряда буржуазных партий югославянских областей Австро-Венгрии. Последние выдвинули свои собственные программы, имея в виду решение югославянского вопроса в рамках Австро-Венгрии. Эти программы нешли дальше требований о расширении прав административной автономии национальных окраин дунайской империи. Существенные изменения в программы югославянских партий Австро-Венгрии были внесены только в конце войны, когда распад многонациональной монархии Габсбургов стал очевиден.

Иной характер носили с самого начала программы югославянской эмиграции. После объявления войны во многих странах Европы — Швейцарии, Италии, Франции, Англии и России — были созданы многочисленные организации югославян эмигра-

тов, которые ставили общую для всех задачу ликвидации реакционной империи Габсбургов и образования на ее развалинах новых национальных государств. Некоторые из этих программ были близки к упомянутой Нишской декларации, другие выдвигали идею создания югославянской федерации или конфедерации, третьи высказывались за «общеславянское государство» на Балканах и в Центральной Европе под эгидой России.

Социал-демократические партии на Балканах в период войны не имели четкой национальной программы, а в Австро-Венгрии находились под сильным влиянием реформизма. В Хорватии, Словении и Боснии и Герцеговине эти партии отстаивали концепцию культурно-национальной автономии. А в начале войны многие эмигранты разделяли национальные программы югославянской буржуазии. Об этом, в частности, свидетельствует публикуемый ниже документ — «Меморандум приморских (далматинских, истрийских, риекских и триестинских) южных славян эмигрантов в Венеции российскому императорскому правительству в Петрограде» от 10 (23) января 1915 г.¹ Под документом наряду с представителями буржуазных партий поставили свои подписи представители организаций радикальной интеллигенции и социалисты.

Характерной особенностью почти всех первых проектов создания югославянского государства, разработанных эмигрантскими организациями югославян в начале войны, была установка на военное поражение Австро-Венгрии. Этим можно объяснить тот факт, что большинство названных проектов возникло в конце 1914—начале 1915 г., т. е. после серьезных поражений австро-венгерских войск на русском фронте. «Чем дальше развертываются военные и политические события вокруг предстоящего разгрома Австро-Венгрии, — констатировал русский посол в Риме А. А. Гирс в письме министру иностранных дел С. Д. Сazonову от 5 (13) октября 1914 г., — тем определеннее вырисовываются домогательства народных групп, входящих в состав этой монархии на ее юго-западе»². Русские дипломатические миссии в Риме, Париже, Лондоне и Берне получили в конце 1914—начале 1915 г. десятки проектов югославянских общественных и политических деятелей о реорганизации монархии Габсбургов после окончания войны.

Другой причиной активизации в этот период югославянской эмиграции были слухи об империалистических притязаниях Италии на Истрию, Хорватское Приморье и Далмацию. В 1914—1915 гг. Тройственное согласие вело с Италией секретные переговоры о ее присоединении к Антанте, в ходе которых Италия предъявляла Англии, Франции и России требования о территориальных компенсациях.

Русское правительство заняло в это время более благоприятную для югославян, чем Англия и Франция, позицию, выступив против притязаний Италии. 22 (4 апреля) марта 1915 г. начальник канцелярии министерства иностранных дел России

М. Ф. Шиллинг от имени правительства сделал итальянскому послу в Петрограде официальное заявление по поводу требований Италии, указав на «недопустимость принесения в жертву итальянским притязаниям жизненных интересов Сербии, а также хорватского населения Северной Далмации и Приморья»³. По распоряжению С. Д. Сазонова представительства России за границей приступили к изучению документов организаций югославянской эмиграции, направленных против притязаний Италии, с тем, чтобы использовать указанные материалы для защиты интересов югославян.

Одним из самых интересных документов подобного рода является упоминавшийся «Меморандум приморских южных славян эмигрантов». Он был передан 11 февраля 1915 г. новому русскому послу в Италии А. Н. Крупенскому, сменившему А. А. Гирса, и представлял собой петицию представителей югославянских партий Австро-Венгрии и организаций югославян эмигрантов по поводу империалистических притязаний Италии на Истрию, Хорватское Приморье и Далмацию. Под «Меморандумом» поставили свои подписи видные общественные и политические деятели: социалист (будущий коммунист) Драгутин Густинич, руководитель хорватской омладинской (молодежной) организации радикального направления редактор журнала «Вихрь» видный писатель и журналист Владимир Черина, редактор издававшейся в Праге газеты «Югославия» академик живописи Любо Леонтич, который позже возглавил организацию «Югославянской народной обороны» в Южной Америке, председатель хорватского сокольского общества в г. Задаре Милан Алачевич, лидер Югославянской народной организации в г. Риеке (Фиуме) доктор Едовски, председатель общества Далматинский скуп (Далматинское собрание) в г. Триесте Любомир Малин и многие другие. Первоначальный проект «Меморандума» составил хорват профессор из Риеки Антун Лекчевич, после чего в документ были внесены дополнения и текст снабжен статистическими линиями о национальном составе населения Истрии, Хорватского Приморья и Далмации. Чтобы заинтересовать русское правительство югославянским вопросом, составители «Меморандума» обратили особое внимание на проблему экономических и культурных связей России с югославянскими народами, подчеркнув экономическое и военно-стратегическое значение для России Балканского полуострова и его западной части (Далмации и Хорватского Приморья).

В Архиве внешней политики России хранится также проект устройства югославского государства, принадлежавший видному общественному деятелю Далмации Л. Войновичу. Составитель документа, соглашаясь в принципе с идеей объединения югославянских территорий Австро-Венгрии вокруг Сербии, выдвинул вместе с тем ряд дополнительных требований, чтобы обеспечить права несербских народов в будущем едином государстве⁴.

Многие из этих идей были отражены в «Записке статского советника А. М. Петряева»⁵.

Составитель документа — Александр Михайлович Петряев был большим знатоком югославянского вопроса. До Балканских войн он служил консулом в городах Битоль и Митровица, в 1913 г. был назначен представителем России в Европейской комиссии по Албании, в 1915 г. возглавил Азиатский (Ближневосточный) департамент МИД, а в 1917 г. занял пост товарища министра иностранных дел.

При подготовке записки А. М. Петряев советовался с видным общественным деятелем радикального направления Хорватии Ф. Сушило, который был членом эмигрантской организации в Лондоне — Югословенского комитета. В феврале-марте 1915 г. Ф. Сушило приезжал в Россию и передал А. М. Петряеву свой проект решения хорватского вопроса, написанный им совместно с российским генеральным консулом в Марселе А. Сальвиати⁶. Согласно этому проекту, Хорватия отделялась от Австро-Венгрии и присоединялась к югославянскому государству. Проект Ф. Сушило предусматривал федеративное устройство будущей Югославии при полном равенстве сербов, хорватов и словенцев. А. М. Петряев изучил также и другие проекты, появившиеся в этот период, — чешских политических деятелей Т. Масарика и В. Клофача, депутата хорватского собора В. Лорковича, записку профессоров Белградского университета А. Белича и Л. Стояновича и др.

Петряев утверждал, что Австро-Венгрия неизбежно потеряет в ходе войны ряд национальных районов — Галицию, Буковину, Боснию и Герцеговину и Закарпатье. Он предсказывал также бурное развитие в стране социальных и политических конфликтов, что заставит австро-венгерское правительство пойти на реформы и преобразовать многонациональную монархию в федерацию. Может быть, писал он, при этом будет повторен вариант Палацкого, т. е. создание федерации в составе украинцев (русин), поляков, словенцев, чехов, сербов и хорватов, румын, венгров, австрийцев и итальянцев. Чрезвычайно острыми, по его словам, станут и австро-венгерские противоречия. При решении вопроса о создании федерации, по мнению Петряева, должно возникнуть союзное государство наподобие объединения швейцарских кантона.

Что же будет, если произойдет распад Австро-Венгрии? Царский дипломат отрицал возможность революционного преобразования государства, указывая, что центробежные тенденции могут привести лишь к объединению народностей Австрийской империи с «более сильными соседними государствами». «Возникновение единой великой Сербии или Сербо-хорватского государства, — писал Петряев, — было бы самым удачным решением югославянского вопроса, и в русских интересах стремиться к тому, чтобы эта политическая комбинация осуществилась». Развивая эту мысль, составитель записки писал: «Сильное славянское царство

с 14 млн. жителей, обосновавшееся на берегах Адриатического моря и интересы коего нигде не сталкиваются с русскими, было бы, конечно, весьма желательным элементом в нашей будущей западноевропейской политике⁷. Но осуществим ли этот проект на деле, спрашивал Петряев, и отвечал: «Это окажется возможным, если Сербия фактически завоюет территорию Хорватии и Словении, что даст ей на них единственныне неоспоримые права. Если же Далмация, Хорватия и Истрия со славянскими землями будут заняты союзниками, то в случае согласия их отдать названные провинции Сербии решающим фактором надо считать желание или нежелание хорватов и словенцев соединиться с сербами⁸.

Далее автор записки остановился па вопросе об отношении Англии и Франции к югославянской проблеме.

«Следует еще иметь в виду, — отмечал он, — что Англия и Франция по высшим политическим соображениям не будут поддерживать великосербских планов и способствовать образованию на берегах Адриатики большого славянского государства, тяготеющего к России. Они, несомненно, предпочтут создание независимого Хорватского королевства, которое всецело подпадет под их влияние и будет служить им опорой для умирения итальянских империалистических притязаний в Адриатике и Средиземном море»⁹.

А. М. Петряев предостерег правительство сербского королевства от насильственных актов по отношению к Хорватии, указав на необходимость проведения более осторожной политики естественного объединения. «Насильственное присоединение хорватов к Сербии, — писал он, — в виде ли компенсации за участие в войне или во имя великосербской национальной идеи, если бы даже оно и состоялось, только ослабит Сербию, так как небольшой народ в 5 млн. не может поглотить равный ему по численности другой, хотя и родственный, народ, но отличный по религии и культуре и противящийся такому поглощению»¹⁰.

Значительное место в записке было уделено вопросу об итальянских притязаниях на югославянские земли и отношении к ним России. А. М. Петряев резко критиковал экспансионистскую политику Италии, призывая МИД занять твердую позицию в поддержку Сербии. Он писал, что Италия, получив Приморье, Триест и Истрию, не успокоится на этом; она никогда не допустит без борьбы кондоминиум на Адриатике славянской державы¹¹.

А. М. Петряев, предусматривая другие варианты решения национального вопроса, отдавал предпочтение идеи создания объединенного и жизнеспособного югославянского государства, что отвечало интересам самих югославян. Россия, сделал он общий вывод, всецело сочувствует стремлению Сербии к национальному единству и будет оказывать ей мощную поддержку в достижении этого идеала.

Значительный интерес представляют некоторые донесения А. А. Гирса С. Д. Сазонову. Суммируя свои взгляды на решение

адриатической проблемы, он писал в донесении от 5 (18) октября 1914 г.: «По крайнему моему разумению, выход из лабиринта неизбежных и самых противоречивых домогательств и пожеланий, с которыми придется считаться, мы могли бы найти в руководстве ниже следующими основными положениями:

1. Установление незыблемым принципом, что все австро-венгерское побережье Адриатического моря, от Триеста до Спичцы, должно находиться во владении народов хинтерланда*. Применение этого принципа распространяется в силу самих вещей и далее на юг, приблизительно до Патраса.

2. Адриатическое море должно быть признано нейтральным в смысле запрета для государств, владеющих его берегами, иметь и сооружать на них военные порты и крепости.

Мне представляется, что при таких условиях вся адриатическая проблема упростилась бы значительно.

Славяне были бы вполне удовлетворены, и, несомненно, приветствовали бы превращение Полы и Которской Бокки в невоенные гавани.

С уничтожением этих военных портов притязания Италии на Истрийское и Далматинское побережья, притязания, обосновываемые ею удовлетворением настоящей стратегической нужды, утратили бы всякую почву»¹².

Препровождая в Петроград проект Войновича, А. А. Гирс писал в донесении С. Д. Сазонову от 15 (28) декабря 1914 г.: «Войнович заявил, что он не сомневается в том, что создание сербского государства на началах федерации представляется единственным способом объединить сербские и хорватские области в одно политическое целое и что население этих областей не примирилось бы с механическим включением в одну границу и под одно управление земель, имеющих каждая свою историю и свою культуру, которыми они чрезвычайно дорожат. Такое мнение мне пришлось, впрочем, слышать и от других сербов и хорватов.

Войнович считает, что благоприятное решение вопроса будет зависеть главным образом от Пашича¹³ и его ближайших сотрудников, причем не скрывает опасений, что сербские государственные деятели могут по тем или другим причинам отнестись отрицательно к данному проекту. Во всяком случае Войнович намерен его подвергнуть обсуждению возможно большего числа влиятельных сербохорватских деятелей». По мнению русского посла, «схема основных законов намечаемого сербского государства и мотивировка ее настолько определены, что в особых пояснениях не нуждаются»¹⁴.

* Прилегающая местность (нем.).

¹ См. док. № 1.

² АВПР, ф. Особый политический отдел, д. 281, л. 23.

³ Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительства 1878—1917 гг. М.; Л., 1931, сер. III, т. 7, ч. 1, док. № 409.

⁴ См. док. № 2.

⁵ АВПР, ф. Политархив, д. 5270, л. 1—22.

⁶ А. Сальвиати до войны был консулом в Риёке и Триесте.

⁷ АВПР, ф. Политархив, д. 5270, л. 17.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, л. 18.

¹¹ Там же, л. 20.

¹² АВПР, ф. Особый политический отдел, д. 281, л. 25.

¹³ Никола Пашич — тогдашний председатель Совета министров Сербии.

¹⁴ АВПР, ф. Особый политический отдел, д. 281, л. 59.

№ 1

Обращение представителей общественности югославян Адриатического побережья к правительству России с просьбой о поддержке их политических стремлений и требований. Автор — председатель Южнославянской народной организации в Риеке (Фиуме) проф. Анте Лекчевич *

Венеция, 10 января 1915 г.

Меморандум приморских

(далматинских, истрийских, речских ** и тирских ***)
южных славян эмигрантов в Венеции

Российскому императорскому правительству в Петрограде

На основании манифеста его высочества вел. кн. Николая Николаевича («Народам Австро-Венгрии»)¹, как и на основании справедливости, мы — собравшиеся в Венеции представители мнения широких общественных кругов южнославянского адриатического Приморья — обращаемся к Российскому императорскому правительству с покорнейшей просьбой о поддержке наших политических и территориальных требований и стремлений.

Главнейшее и самое жизненное требование нас, приморских славян, — это требование о присоединении всего адриатического берега, начиная от итальянской границы вплоть до Черногории, к тому южнославянскому государству (все равно, будет ли это хорватско-сербская персональная уния или же великая Сербия), в пределах которого будут воссоединены все хорватско-словенско-сербские земли (т. е. триединое королевство Хорватия—Славония—Далмация вместе с портом Риекой, Истрия, Горица-Градишча, Триест с окрестностью, Крайна, словенские Каринтия и Штирия до Граца, Междумурье, полоса Белых Хорватов между Мурой и словацким городом Пожуном (Пресбург на Дунае), славянская часть южной и восточной Венгрии вместе с Банатом и Бачкой, затем Босния—Герцеговина и Сербия).

Мы базируем эти требования не только на наших культурных, политических и экономических правах, но и на статистике, ибо

* См. его подпись в конце данного документа.

** Т. е. риекских.

*** Т. е. триестинских (триестских):

язык статистики говорит яснее всяких тенденциозных статей и измышлений наших политических врагов.

Посмотрим прежде всего на Далмацию, на которую итальянская пресса очень усердно предъявляет свои требования, ссылаясь на какие-то национальные права.

По официальной австрийской статистике, которая к славянам никогда не бывает пристрастной, в Далмации 1910 г. было 634 955 жителей, и то:

сербохорватов	610 669; т. е. 96,2%
итальянцев	18 028, т. е. 2,84%

Говоря другими словами, итальянцы в Далмации не имеют даже 3%. Следует заметить, что итальянцы большей частью живут в городах, где и процент, разумеется, больше. Так, например, в Сплите (Спалаце), насчитывающем 21 212 жителей, — 1303 итальянцев, т. е. 6,14%. В Задре (Зара), столице Далмации, где австрийское правительство итальянцев особенно поддерживает, имеется (62 199 жителей) 11 574 итальянцев, т. е. 18,6%. Это в соседнем округе, ибо в политическом округе их процент только 14,1*.

Можно ли на основании этих данных утверждать, что Далмация — итальянская, как это делают итальянские ирредентисты, стараясь ввести в заблуждение не только итальянское, но и европейское общественное мнение?

К северо-западу от Задра, вплоть до портового города Риеки (Фиуме), простирается т. н. венгерское, или, как мы его зовем, Хорватское Приморье. На всем этом Приморье нет ни одного итальянца, за исключением в городе Риеке. Но, с другой стороны, нигде так сильно не бросается в глаза, как именно в этом городе, что итальянцы на славянском Приморье насаждались и насаждаются искусственным путем.

Для иллюстрации интересно прибегнуть к исторической статистике г. Риеки. — В 1851 г. в Риеке было 13 500 жителей, и то:

хорватов	11 581, т. е. 86%
итальянцев	691, т. е. 5,28%

Следовательно, процент итальянцев был там меньше, чем процент в Сплите в настоящее время **.

В 1880 г. было в Риеке среди 20 981 жителей уже 9200 итальянцев, т. е. 43,9%.

В 1890 г. было 29 924 жителей, а итальянцев 13 012, т. е. 44,1%.

В 1900 г. было 30 057 жителей, итальянцев 17 305, т. е. 45,5%.

* Cр.: *Makale. Zadni popis u Dalmaciji. Вена, 1914* (примеч. док.).

** Cр.: *M. Polić. Parlamentarna povijest klj. Hrvatske, ч. 1, с. 16, 27, 77* (примеч. док.).

В 1910 г. было 49 806 жителей, итальянцев 24 212, т. е. 48,6% *.

Следует добавить, что статистику г. Риеки составлял риекский итальянский магистрат под «надзором» венгерского правительства, вследствие чего она преувеличена в пользу итальянцев. В этом сознаются даже и риекские мадьяры.

Недавно мадьярская газета «Маджар тагепост», говоря о риекских условиях, писала: «Хотя мы знаем, что здешнее хорватское население итальянизируется, но потеря стольких человек в течение 11 лет кажется нам невероятной».

Как бы то ни было, но для нас важен следующий прогресс итальянизации:

5,28%; 43,9%; 44,1%; 45,5%; 48,6%.

Те итальянские ирредентисты нашего Приморья, которые собирают в Италии деньги для «Лега национале» (Национальной лиги), итальянизирующей наших детей при помощи частных школ, жалуются, что это они, итальянцы, которые теряют здесь почву, т. е. что мы их славянизируем... Эти ренегаты прекрасно знают, как обстоит дело, но они сознательно обманывают итальянскую общественную прессу в королевстве, которая о фактическом положении дел нашего Приморья в высшей степени слабо осведомлена. Но каким же образом итальянцы так прогрессировали в Риеке? — Если это случилось вследствие культурного преимущества итальянцев над славянским элементом, тогда пусть Италия свободно претендует на Риеку. Но факты, т. е. вся история последних 50 лет этого города, свидетельствуют лишь о самом циничном как политическом, так и экономическом давлении итальянцев на славян — при помощи венгерского правительства.

До тех пор пока Риека находилась под управлением хорватского королевства, в ней был минимум итальянцев, как мы видели, — 5%. Но в 1867 г. мадьяры, забыв о традициях Кошута, заключили, как известно, договор с немцами за счет славян. Вскоре после этого мадьяры доказали, что они не только достигли, но даже и перещеголяли немцев в притеснении славян.

Австро-венгерским договором 1867 г. Австрия оставила себе чехов и наших словенцев, Венгрия же получила хорватов и славаков. По странной аналогии каждая из них взяла по одному славянскому королевству (Австрия — Чехию, Венгрия — Хорватию-Славонию), а кроме этого, каждая — еще часть северных и южных славян. Австрии в качестве порта для вывоза остался Триест, мадьяры же взяли Риеку, принадлежавшую раньше территории хорватского королевства. Простой фальсификацией мадьяры украдли у хорватов этот порт и то таким образом, что на параграф 66 уже санкционированного хорватско-венгерского договора 1868 г. они прилепили пресловутую заплату со следующим содержанием:

* Ср.: M. Marjanović. Narodno jedinstvo, 1914, N 1, s. 8 (примеч. док.).

«В смысле предыдущего параграфа признаются принадлежащими территории королевства Хорватии-Славонии—Далмации. Вся территория, которая теперь вместе с городом и округой г. Бакар принадлежит риекскому комитету, за исключением самого города Риеки вместе с округой, так что упомянутый выше город заодно с портом и округой образуют особый, соединенный с венгерской короной организм, относительно которого как такого нужно достичь особой автономии и связанных с ней законодательных и правовых отношений управления путем регулярных депутатий сеймов королевства Венгрии и королевства Хорватии-Славонии—Далмации и г. Риеки, на основании общего соглашения».*.

Вот эта «заплата» сфотографирована и воспроизведена. А сам фальсифицированный документ находится в хорватском архиве в Загребе **.

Так как хорватское королевство не имеет больше своей короны, а вместо нее общую с венгерцами корону святого Степана, то оказалось возможным на основании этой заплаты утверждать, что Риека принадлежит не через Хорватию, а непосредственно венгерской короне.

С остальным было легко справиться. Мадьяры сейчас же упразднили в Риеке все хорватские власти, комитатские власти вместе с судом переведены были в Огулин, все хорватские школы были закрыты, а хорватская гимназия переведена была в Сушак, город, насчитывающий вместе с окрестностью до 20 000 жителей, исключительно хорватов.

В городе Риеке 25 000 сербохорватов и словенцев не имеют ни одной школы, не имеют никаких национальных и политических прав, но зато 6000 (шесть тысяч, 1851 г. было их лишь 76 человек) мадьяр имеют здесь 10 (десять) казенных мадьярских учебных заведений, среди которых особенно важны: морская академия, коммерческая академия, две гимназии и т. д. Кроме этого, в Риеке имеется тридцать итальянских учебных заведений. Между тем славянскому населению, образующему в самом городе большинство, не разрешено открывать даже частные начальные училища — несмотря на постоянные ходатайства.

Статистический интерес имеет еще факт, что процент риекских итальянцев сразу падает с 48,6 до 34,7, если вместе с Риекой считать связанные с ней географически (политически же отделенные) ближайшие окрестности Сушак—Терсат.

На основании всего этого мы, нижеподписавшиеся, категорически протестуем против меморандума, посланного его величеству императору приморскими ирредентистами, где подписался также и известный хорватский ренегат Бачич. Мы протестуем и считаем недоразумением, что русскому царю пишет человек, который

* Dr. Bojnić, *Zakoni o hrvatsko-ugarskoj nagodbi. Zagreb, 1911* (примеч. док.).

** Подробнее об этом в кн.: dr. Horvat J. *Politicka povijest grada Rijeke. Rijeka, 1907* (примеч. док.).

в качестве городского головы г. Риеки все время притеснял тамошних славян. Вообще так называемые риекские итальянцы всегда шли рука об руку с австро-венгерской антиславянской системой.

Интересно прочесть по этому поводу одно маленькое заявление городского советника доктора Грошича на заседании городского совета Риеки от 14 апреля 1913 г.: «Покойный Адамич мне говорил, что граф Андраши во время переговоров в Риеке потянул его за рукав, отвел в сторону и сказал: «Не давайте хорватам ничего, а мы (мадьяры) дадим вам (т. е. итальянцам) все, что хотите».

И действительно, так оно и случилось. В исконах славянском г. Риеке у славян отняты все политические и культурные права. Мало того: часто бывает опасно даже разговаривать на улицах по-хорватски.

К северо-западу от Риеки начинается Истрия и так называемое австрийское Приморье (мы называем его словенским Приморьем).

Граница древнего хорватского королевства доходила до р. Раши в Истрии. Тогда было на западе от хорватов франкское государство, а здесь, на славянской истриской границе, находились самые восточные колонии (т. н. марки) великого франкского царства. Этот кусок южнославянского приморья вплоть до итальянской границы разделен теперь следующим образом:

I. Истрия.

II. Горица-Градишак.

III. Триест с окрестностью.

По последней переписи в Истрии было 403 566 жителей. Славян было 57,79% (223 318), между тем как еще в 1846 г. процент стоял гораздо выше, а именно 72,8. Тем не менее некоторые округа и теперь еще сплошь славянские. Например, в волосской (Волоско) округе славян 95—100%; в Позине 90—95%; на Крке до 90—95%; в Пуле, Копре (Каподистрия) и на Лошине славян 50—60% и в одном только Порече славяне имеют меньшинство, т. е. около 45%.

Далее во всей Горице-Градишке славян (преимущественно словенцев) насчитывается 154 750, т. е. 61,93% всего населения, между тем как итальянцев только 90 119, т. е. 36,06%.

Наконец в Триесте с окрестностью славян имеется 59 319, или 31,07%, итальянцев же 118 959, или 62,31%. Значит, на всем южнославянском побережье Триест — единственный кусок земли, имеющий по официальной статистике итальянское большинство.

Но это большинство следует немного проанализировать.

Еще при статистике Риеки заметили мы тенденцию искажать цифры в пользу итальянцев. В Триесте цифры искажаются еще более откровенно, еще более цинично. При последней переписи триестинский магистрат это делал так явно, что со всех сторон стали доноситься протесты против подобной «переписи». В результате — наместничество вынуждено было под давлением об-

щественного мнения хоть отчасти произвести ревизию магистратской переписи. И вот поразительный результат этой ревизии, напечатанный в начале июля 1912 г. в официальном «Оsservatore Triestino» (мы сравним этот результат с прежним):

Южных славян было:

по статистике магистрата	по статистике наместничества
39 100	60 100
итальянцев 142 200	118 959
немцев 9700	11 856
остальных 70	70

Итак, магистрат г. Триеста в своей переписи скрыл 21 000 славян! И если бы кто-либо ревизию наместничества подверг новой ревизии, то результат получился бы еще более поразительный, ибо и эта статистика далеко не отвечает истинному положению вещей.

Если разделить Триест с окрестностью на город, нижнюю и верхнюю окрестности, то получаются следующие цифры:

южн. славян	итальянцев
в городе 22 000	95 000
в нижней окр. 28 000	22 000
в верхней окр. 8200	540

Еще одно доказательство, что итальянский элемент и ирредентисты на нашем Приморье насаждаются искусственно. Магистрат города Триест никогда не берет на службу тамошнего словенского населения, но выписывает итальянцев из королевства, так называемых ренъиков, в случае, если своих итальянцев не оказывается достаточно.

Таких ренъиков имеется:

в Триесте	29 439
в Горице-Градишке	6027
в Далмации	2425
целиком в Австрии	79 062

В течение последних только десяти лет прирост ренъиков был на 15 925 человек. Они отнимают у местного населения заработок и пищу.

Значит, несмотря на все притеснения, закрытие школ, поддержку австро-венгерских властей и сотни других несправедливейших искусственных средств, итальянцы нигде у нас не имеют большинства, за исключением разве Триеста. Но и здесь их большинство, как мы видели, очень сомнительно, к тому же не имеет никакой базы, ибо весь Hinterland исключительно словенский.

Итак, если Италия получит хотя бы одну пядь нашего азиатического берега, то от этого пострадают интересы южнославянского (т. е. сербохорватского и словенского) большинства.

В особенности пограничные славяне попали бы из огня да в полымя. В Австрии славяне имели хоть какую-нибудь национальную свободу, в Италии они не имели бы никакой. Доказа-

тельством служат итальянские словенцы (жители так называемой Бежиской Словении — недалеко от Удине, в северо-восточной части Италии, по направлению к Горице), которые не имеют абсолютно никаких национальных прав.

Если Италия имеет компенсации за свои меньшинства, за нейтралитет, за эвентуальную помощь или оставление Валоны, то пусть она получит богатые компенсации в южных Тиролях, где итальянцы живут компактно, или же в Форарльберге, Зальцбурге и хотя бы в Баварии — за счет нашего общего врага.

Что же касается до самого г. Триеста, который итальянцы так оспаривают, то просим иметь в виду, что для Италии, обладающей большим количеством портов, Триест далеко не имеет такого огромного экономического значения, как для южных славян, в особенности для самой культурной их части — для словенцев, живущих компактно не только в окрестностях, но и во всем «хинтерланде» (Горица-Градишча, вся Крайна, большая часть Каринтии, вся южная Штирия до Грацы, часть Венгрии — около Муры и т. д.)

Таким образом, Триест является естественным ключом к морю для всей этой богатой и цветущей территории, которая без Триеста экономически совершенно пропадет. Это прекрасно понял Наполеон. Он Триест приключил не к Ломбардо-Венеции, а к Иллирийскому королевству со столицей в Любляне...

Итальянских капиталов в Триесте нет. Кроме чешского и немецкого, есть только южнославянский капитал. Множество банков, торговли и большинство недвижимостей находятся в славянских руках. Город Триест — естественный центр тяжести для всего словенского капитала, подобно тому как Риека является центром тяжести для всего хорватского капитала.

Все значение, которое имеет в наше время г. Триест, как и весь адриатический берег для Австро-Венгрии, сохранится после неизбежного и естественного распадения «лоскутной монархии» — не только для свободных южных славян, но и для России. Ведь Россия должна быть заинтересована в том, чтобы весь этот берег остался в словенских руках. Разумеется, она сможет им свободно пользоваться только тогда, если свободное южнославянское государство не будет территориально отделено от России какой-либо самостоятельной Венгрией или баварской Австрией. Эту его важность для России можно синтезировать следующим образом:

1. Экономическое значение.
2. Политическое значение.
3. Стратегическое значение.

1. **Экономическое значение.** Адриатическое море врезается глубже всех морей в Европейский континент, и Триест является лучшим извозным портом не только для богатой чешской индустрии, но и для русских продуктов по линии Москва—Варшава—Вена—Триест или же Варшава—Будапешт—Загреб—Триест.

Между тем как далматинский порт Сплит (Spalato) является очень удобным портом для следующих частью уже существующих, частью проектированных линий:

- а) Москва—Варшава—Будапешт—Сараево—Сплит;
- в) Прага—Вена—Загреб—Сплит;
- с) Россия—(Бухарест)—Белград—Сараево—Сплит;
- д) Россия—Варна—София—Ниш—Сараево—Сплит.

У этого моря находятся перевалы в богатую панонско-славонскую равнину*. Сплит мог бы конкурировать с Бриндизи не только по обороту вывоза, но и по краткости расстояния. Излишне подчеркивать домашнее производство (вино, масло, цемент), как и неисчерпаемые богатства девственных лесов. Особенно стоит подчеркнуть ловлю рыбы. Кроме этого, здесь с каждым годом все больше туристов, ибо это славянская Ривьера (в этом отношении особенно славится Опатия, Дубровник). Затем, большая часть пароходства находится уже теперь в славянских руках — как капиталом, так и пароходным персоналом.

2. Политическое значение. О политическом значении Далмации и славянского Приморья для России и для славянства можно говорить, конечно, только тогда, если эти места вместе со всем южнославянским государством будут в прямой территориальной связи, с одной стороны, с Россией (хотя бы от Кереша через полосу Трансильвании), с другой стороны, со свободным чешско-словацким королевством — через полосу «белых хорватов» между Мурой и Дунаем, т. е. естественной и отчасти этнографической границей была бы линия Пожун (Пресбург) — Вена. Тогда азиатический берег с его прекрасными портами и с твердым испытаным в политических боях населением будет принадлежать всему славянству, и приморские славяне, сумевшие до сих пор отстоять его против чужого засилья, будут отстаивать его с тем большим рвением для всей Славии. Ибо мы уверены, что, несмотря на все ошибки своей и интриги чужой дипломатии, в недалеком будущем дойдет до великого всеславянского политического союза под главенством нашей общей спасительницы — России... Только в этом залог нашей силы, нашего политического и культурного будущего.

3. Стратегическая важность. Своей громадной расчлененностью этот берег имеет великолепную оборонительную возможность. Кроме уже существующих морских баз у Полы, Шибеника и Котора, можно бы построить еще несколько военных портов, особенно у Полы, которые всегда могли бы служить в качестве базы для русского флота в случае войны, особенно если Валона не останется в руках Италии. Более 60% моряков австрийского флота состоят из приморских сербохорватов; ими может впоследствии пользоваться и Россия в качестве отличного материала как для коммерческого, так и для военного флота, а родной и брат-

* *Aj. Radic. Moderna kolonizacija i sloveni. Zagreb, Matica Hrvatska* (примечание док.).

ской России они будут оказывать услуги куда охотнее, чем Австрии, которую они ненавидят всей душой. Наполеон сказал о хорватах: «Je n'ai jamais eu de soldats plus braves et meilleurs sous tous les rapports» *.

То, что дал нам Наполеон когда-то своим Иллирийским королевством со столицей в Любляне; то, что нам обещала в последнее время даже и сама Австрия (конечно, в австрийском смысле!), — мы уверены — обеспечит нам великодушная и братская Россия своим веским словом. И благодарные сербы, хорваты и словенцы, которые в течение 800 лет проливали на всех европейских полях брань свою кровь для чужбинца, будут в свободной Югославии лучшим о́плотом для великой славянской идеи — в братском союзе с могучей Россией и ее великодушным всеславянским царем.

В Венеции, 1915 г., января месяца, 10 дня.

Владимир Черина, књижевник и повипар (уредник југословенске ревије «Вихора» у Загребу) ²

Dr. Лубо Леонтић, акад[емски] живописац, редактор, југословенске ревије «Југославија» в Праге

Arch. Fabijan Kaliterna, (Spalato) Split

Ing. Dragotin Gustinčić, civilni inženjer i civ[ilni] geometar u Trstu

П. Устибровић

Ivo Pehovac, veleposjednik i trgovac, Dubrovnik (Dalmacija)

Toma Rosandić, kipar (sculpteur), Split, Dalmacija

Dr. J. Jedlowski, adv[okat], novinar i sekretar političkog društva «Edinost» u Trstu

J. Pavlović, bank[arski] činovnik

Мирко Рачки, ак[адемски] живописац, Ријека (Fiume)

Проф. Анте Лекчевић **, председатель южнослав[янской] народной организации в Риеке (Fiume) ***, автор этого меморандума

Милан Алачевич, вождь хорватского сокольского о[бщес]тва «Бан Палижна» в Задре (Zara)

Марино Тартаља акад[емски] живописац, Сплит (Spalato)

Владимира Штакеер ****, абсолютный экспортной академии, Боловско (из Истрии)

Antun Paić, bank[aski] činovnik, Split

Ante Gratalić, pomorski kapetan

M. G. Boban, pomorski inžiner, Kotor

Dr. Ljubimir Milin, advokat i presjednik «Dalmatinskog skupa» u Trstu (Trieste)

Винко Томашић, посједник из Опатије (Abbazia), Istra

АВПР, ф. Особый политический отдел, д. 281, л. 94—104. Подлинник.

* «У меня никогда не было солдат более храбрых и лучших во всех отношениях».

** Под подписью другой рукой вписано (Ante Lekčević).

*** Далее другим почерком.

**** Читается предположительно.

- 1 Имеется в виду Манифест верховного главнокомандующего от 21 августа (2 сентября) 1914 г.
- 2 Перевод подписей:
- Владимир Черина, писатель и журналист (издатель югославянского обозрения «Вихрь» в Загребе)
- Др. Любо Леонтич, выпускник Академии художеств, редактор югославянского обозрения «Югославия» в Праге
- Арх. Фабиан Калитерна, Сплит (Спалацо)
- Инж. Драготин Густинич, гражданский инженер и гражданский землемер в Триесте
- П. Устибрович
- Иво Пеховац, крупный землевладелец и торговец, Дубровник (Далмация)
- Тома Росандич, скульптор, Сплит, Далмация
- Др. Й. Едовски, адвокат, журналист, секретарь политического общества «Единство» в Триесте
- Й. Павлович, банковский чиновник
- Мирко Рачки, выпускник Академии художеств, Риека (Фиуме)
- Проф. Анте Лекчевич (далее по-русски)
- Милан Алачевич (далее по-русски)
- Марино Тарталья, выпускник Академии художеств, Риека (Фиуме)
- Владимир Штахеер, выпускник торговой академии, Воловско (из Истрии)
- Антуан Паич, банковский чиновник, Сплит
- Анте Грателич, морской капитан
- М. Г. Бобан, морской инженер, Котор
- Др. Любимир Милин, адвокат и председатель общества «Далматинский мир» в Триесте
- Винко Томашич, землевладелец из Опатии (Аббакиа), Истрия

Проект создания югославского государства общественного деятеля Далмации Л. Войновича *

Рим, 1 (14) декабря 1914 г.

Перевод

На протяжении веков рабства и феодализма на Балканах, подвергаясь денационализации на Западе под властью Венгрии и Венеции, сербохорватская нация, занимающая с эпохи раннего средневековья земли, протянувшиеся от Дуная до Тимока, всегда жила в ожидании осуществления своего политического объединения.

События, свидетелями которых мы являемся в настоящее время, имеют корни в очень далеком прошлом. Они были более или менее сознательно подготовлены самой нацией, разрозненной под разными режимами и, несмотря на это, стремящейся через самые разнообразные катастрофические превратности к свету и свободе.

Песни сербских рапсодов и сербохорватская литература Ратузы и центральной Далмации, где легко можно различить «лейтмотив» империи, охватывающей, согласно идеи свободы и брат-

* Данный экземпляр проекта на французском языке передан автором русскому послу в Риме А. А. Гирсу, который переслал его министру иностранных дел С. Д. Сазонову (см.: АВПР, ф. Особый политический отдел, д. 281, л. 59—61).

Владимир Георгиевич

Кибеневский и Ко (нар.

(~~Генерал~~ губернатора Белогорья и Красногорья).

Зав. Секции Гражданской Политики
Министерства внутренних дел
в г. Белогорске.

Андрей Константинович
Богданов (нар. народного просвещения в г. Белогорске).

Александр Степанов

Тома Генрихович
Кирхер (адъютант)

Софий Степанов

Седовский
Сидоровский, адм. помощник
адъютанта губернатора
Белогорска и Тюмень.

Илья Михайлович
~~Губернатор Белогорска~~
Губернатор Белогорска
и Тюмень

Михаил Парфенов
ад. помощник
Губернатора Белогорска
и Тюмень

prof. Anne Lebedeva ^{имеет в своем распоряжении}
~~(Анне Лебедевой)~~ ^{имеет в своем распоряжении} ~~имеет в своем распоряжении~~
имеет в своем распоряжении ^{имеет в своем распоряжении}
имеет в своем распоряжении ^{имеет в своем распоряжении}
имеет в своем распоряжении ^{имеет в своем распоряжении}
имеет в своем распоряжении ^{имеет в своем распоряжении}

Марина Тортина
академик Российской Академии наук

Prof. Dr. Andrej Pešić
Драгутин Марко
академик Сербской академии
Наук и Художеств

Prof. Dr. Svetlana Šarić
Светлана Щербакова
доктор философии

Prof. Dr. M. G. Bobal
Марко Габрел
академик Академии
Наук и Художеств
академик Академии
Наук и Художеств
и Студии (Хорватия)

ства, всех разрозненных членов сербохорватской нации, являются тому красноречивым свидетельством.

И, что очень характерно для чувства, я бы сказал, бессознательного, этнического единства в расе, разбросанной и разделенной многими веками самых противоположных режимов, — это то, что самые мощные голоса в защиту национального единства раздавались с XVI в. из аристократической Рагузы, крайне латинизированной соперничавшей с сербским демосом на Балканах в утверждении языкового тождества и смутно предвидимого объединительного движения той эпохи.

Следует отметить этот основной факт в первую очередь как основу национального объединения, которое Сербия выковывает на равнинах Дрины и Савы. Движение это, как мы видели, существует и идет издавна. Сербия всего лишь осуществляет своим оружием то, что сербохорваты давно провозгласили и проповедовали первом: в настоящее время вопрос, на который следует немедленно отвечать, можно сформулировать так: каким образом следует построить национальное сербохорватское здание, для того чтобы создать все самые действенные гарантии его силы и жизнеспособности?

Чтобы успешно ответить на этот вопрос, нужно отвлечься от всякой идеологии, отбросить любой политический тезис, порожденный Французской революцией, и встать лицом к действительности.

Однако действительность заключается в том, что страны, обитаемые в настоящее время сербохорватской расой (Сербия, Черногория, Босния—Герцеговина, Далмация, Хорватия—Славония и Истria с Фиуме), имеют столь своеобразную историческую индивидуальность и настолько глубоко укоренившиеся различия культурные, социальные и конфессиональные, что слияние этих элементов на основе административных принципов, действующих в Сербии — по образцу франко-итальянской системы, — предполагало бы в скором времени возникновение одной из самых серьезных трудностей и раннее разложение молодого государства, даже гражданскую войну. Европа же заинтересована в том, чтобы избежать опасности, которая могла бы поставить под вопрос будущее равновесие; купленное потоками крови и гигантскими, почти катастрофическими расходами.

Следовательно, для того чтобы избежать каких-либо потрясений после европейской войны, заполняя прошлость, отделяющую более развитых сербохорватов Габсбургской монархии от балканских сербов, чтобы медленно, но верно подготовить культурное и социальное выравнивание между славяно-византийскими и славяно-латинскими концепциями масс, — поскольку интеллектуальные верхи не входят в расчет, — существует лишь единственный способ, сформулированный классическим словом «самоуправление».

Тип будущей сербохорватской конституции должен строиться по образцу Швейцарии и Северной Америки, а не Франции и Италии.

Подробное решение этого основного принципа составило бы объемистый меморандум. Он будет написан. Тем не менее уже теперь можно сформулировать общие линии будущей конституции следующим образом:

I

Будущее сербохорватское королевство, глава которого носил бы титул «сербского короля» (српски краль), будет являться конституционной федеративной монархией с центральным парламентом и общим министерством в Белграде.

Будет одна лишь национальность — сербская, права и обязанности граждан будут регулироваться единым законом, принятым голосованием Центральным парламентом.

II

Королевство будет делиться на провинции под прежним наименованием королевств, а именно:

Сербское королевство

Черногорское королевство

Королевство Босния (Герцеговина)

Королевство Далмация

Королевство Хорватия с Бачской Славонией и Банатом (Српска Воеводина).

Королевство Истрии и вольных городов Рагузы и Фиуме.

Каждая из этих провинций (королевств и вольных городов) будет иметь автономный парламент.

Центральную власть будет представлять наместник, кроме Черногории, где нынешний король будет продолжать управление страной в рамках конституции и со всеми атрибутами королевства.

III

Сербия в качестве провинции будет также иметь свою Диету (парламент, управление) для автономных дел королевства.

IV

Автономными делами являются:

а) налогообложение и распределение налогов, таможенная плата и прочие сборы на нужды провинции. Будет установлена доля, принадлежащая центральной власти в отношении налогов и сборов, ветированных Диетами; б) гражданское и уголовное законодательство; в) административная структура полиции; г) общественное образование; д) культуры; е) управление фондами и провинциальными учреждениями.

Исполнительный орган Диеты, состоящий из 5—6 членов (Кралевински одбор), будет представлять провинциальную автономию под председательством президента Диеты.

Члены Исполнительного комитета королевства будут выполнять функции министров.

Губернатор (наместник) как представитель центральной власти будет иметь право наложения вето на всякую меру или закон, которые будут вотированы или провозглашены вопреки основным принципам конституции.

Чиновники в каждой провинции должны состоять на 75% из местных уроженцев.

V

Диеты будут собираться дважды в год: зимой и летом.

Центральный парламент работает в течение всего года. Депутаты в Диете и в парламент будут избираться всеобщим голосованием при пропорциональном представительстве меньшинства.

VI

Общими делами являются: а) национальная оборона, б) иностранные дела, в) общие финансы, г) таможенное законодательство, д) пути и сообщения, е) промышленное и торговое законодательство, ж) общественное здравоохранение, з) сельское хозяйство, и) морское законодательство.

VII

Военная система будет подобна действующей в Швейцарии, т. е. системе территориальной милиции.

VIII

Будет два кассационных суда: один — в Белграде, для Сербии, Черногории и Боснии-Герцеговины; другой — в Загребе, для Далмации, Хорватии-Славонии, Воеводины, Истрии и вольных городов Рагузы и Фиуме.

Будет единая финансовая палата и единый Административный трибунал, который будет находиться в Белграде.

IX

Центральная власть будет назначать военных начальников, губернаторов, председателей кассационных судов, финансовой палаты и административного трибунала и в то же время председателей апелляционных судов.

Все прочие чиновники, в том числе религиозные власти, будут назначаться губернаторами провинций по согласованию с исполнительными комитетами Диет.

Назначение религиозного духовенства (католического, согласно конкордату со святым престолом, обязательному для всей территории Сербского королевства) будут представлены на утверждение центральной власти.

X

Официальным языком будет сербохорватский, Диетам предоставляется право самостоятельно решать вопрос о языках, не отклоняясь при этом от вышеизложенного основного принципа.

Флаг будет в цветах Сербии с щитом посередине, на котором будут изображены гербы всех стран, входящих в состав Сербского королевства.

XI

Центральная власть будет осуществлять верховное право контроля над автономной администрацией провинций через посредство Общего министерства. Специальные законы будут регулировать отношения между автономными компетенциями и компетенциями центральной власти, чтобы обеспечить главенство этой последней.

Рим, 1 (14) декабря 1914 г.

АВПР, ф. Особый политический отдел, д. 281, л. 62—63. Печ. экз.

Литература по истории и культуре балканских народов, вышедшая в СССР в 1980 и 1981 гг.

Н. В. ОЗЕРЕЦКОВСКАЯ

В библиографии представлены основные работы по истории, культуре и историографии, вышедшие в СССР в 1980 г. В нее включены: книги, журнальные статьи, статьи из сборников, рецензии. Аннотации даны в том случае, когда содержание работы неясно из заглавия.

В библиографию не включены работы по балканскому языкоизанию и византиноведению, так как они включаются в соответствующие серийные издания, а также авторефераты диссертаций, внутрикнижные и внутристатейные материалы, не выделенные в самостоятельные разделы, аннотации на книги и статьи, сообщения о симпозиумах и конференциях, статьи из газет.

1980

ИСТОРИЯ

- Акиев Х. А. Участие горцев Северного Кавказа в войне 1877—1878 годов. — Вопр. истории, 1980, № 1, с. 173—176.
- Акимова О. А., Москаленко А. Е. Изучение хроники Фомы Сплитского в югославской и русской историографии. — Вопр. истории славян, Воронеж, 1980, вып. 6, с. 41—50.
- Аксенова Е. П. Вопросы истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы на страницах «Современника» (1854—1862). — Сов. славяноведение, 1980, № 4, с. 43—56.
- Андрюшин Е. Н. Восприятие Д. Благоевым ленинской концепции Октябрьской революции. — Сов. славяноведение, 1980, № 2, с. 3—13.
- Античная балканистика: Этногенез народов Балкан и Сев. Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М., 1980. 76 с.
- Аншаков Ю. П. «Законник общий черногорский и брдский» 1798 года и его практическое применение. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1980, № 2, История, язык, литература, вып. 1, с. 29—34.
- Аншаков Ю. П. Русско-черногорские отношения в конце XVIII—начале XIX веков (По материалам довоенной черногорской и сербской и русской дореволюционной историографии). Куйбышев, 1980. 24 с. Рукопись деп. в ИИОН АН СССР.
- Балканские исследования. Вып. 6. Культура народов Балкан в новое время. М., 1980. 280 с.
- Бекереску Л. Н. Чернышевский в Румынии (1883—1915). — Рус. лит., 1980, № 3, с. 194—200.
- Беляева В. И. Рец. на кн.: Současné problémy studia fašismu a antifašistického boje v Evropě mezi světovými válkami. Praha, 1978, dil. 1, 2. — Сов. славяноведение, 1980, № 4, с. 108—109.
- Белякович И. И. Цепная книга по истории борьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость. — Сов. славяноведение, 1980, № 3, с. 106—108. Рец. на кн.: Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость 1941—1945 гг. М., 1978. 449 с. См. также: Мельцер Д. Б. Нов. и новейш. история, 1980, № 3, с. 182—184; Калениченко П. М., Макар Ю. И. — Вопр. истории, 1980, № 7, с. 141—143.
- Бернштейн С. Б. Основные этапы переселения болгар в Россию в XVIII—XIX веках. — Сов. славяноведение, 1980, № 1, с. 42—59.

- Бибиков М. В.* О греческих рукописях Бачковского монастыря в собраниях Софии и Пловдива. — Визант. временник, 1980, № 41, с. 256—257.
- Боеv P., Груздева B. P.* Коммунистические партии стран Юго-Восточной Европы и политика единого фронта 1921—1923 гг. — В кн.: Четвертый конгресс Коминтерна: Разработка конгрессом стратегии и тактики коммунистического движения в новых условиях. Политика единого фронта. М.: Политиздат, 1980, с. 463—512.
- Виноградов B. H.* Герои Шипки и туманы Лондона (Англо-руssкие отношения во время войны 1877—1878 гг.). — Нов. и новейш. история, 1980, № 1, с. 107—122.
- Виноградов K. B., Стецкевич C. M.* Рец. на кн.: «Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. 1871—1918. М.: Наука, 1977. 317 с. — Вопр. истории, 1980, № 1, с. 145—147.
- Волков B. K.* Рец. на кн.: Манчев К., Бистрички В. България и нейните съседи. 1931—1939: Политически и дипломатически отношения. София, 1978. — Нов. и новейш. история, 1980, № 1, с. 192—194.
- Волков B. K.* Рец. на кн.: Смирнова Н. Д. Политика Италии на Балканах: Очерк дипломатической истории. 1922—1935 гг. М.: Наука, 1979. 318 с. — Нов. и новейш. история, 1980, № 2, с. 194—195.
- Григорьянц T.* К вопросу о формировании договорной системы СССР и народно-демократических стран Центральной и Юго-Восточной Европы в 1945—1947 гг. — Сов. славяноведение, 1980, № 1, с. 21—37.
- Григорян Э. A.* Рец. на кн.: Нерсисян А. Н. Борьба болгарского народа против сultанской Турции в 70-х годах XIX в. Ереван, 1978. 224 с. — Сов. славяноведение, 1980, № 1, с. 110—111.
- Гросул B. Я.* Революционная Россия и Балканы (1874—1883). М.: Наука, 1980. 336 с.
- Гросул B. Я. N. G.* Чернышевский и Балканский вопрос. — В кн.: Н. Г. Чернышевский и современность. М., 1980, с. 144—150.
- Достоин И. С.* Русская общественная мысль и балканские народы: От Радищева до декабристов. М.: Наука, 1980. 328 с.
- Дулина Н. А.* Османская империя в международных отношениях (30—40-е гг. XIX в.). М.: Наука, 1980. 189 с.
- Еремеев D. E., Meijer M. C.* Рец. на кн.: Корхмазян Р. С. Турецко-германские отношения в годы второй мировой войны. Ереван, 1977. — Вестн. Моск. ун-та, Востоковедение, 1980, № 1, с. 69—70.
- Зуева Н. В.* Рец. на кн.: 100 лет освобождения балканских народов от османского ига. М.: Наука, 1979. 233 с. — Нов. и новейш. история, 1980, № 5, с. 192—194.
- Ибрагимбейли X. M.* Восточный кризис 70-х годов XIX в. в современной турецкой и англо-американской буржуазной историографии. — Вопр. истории, 1980, № 11, с. 19—32.
- Иванова Ю. В.* Рец. на кн.: Хозяйство и общество на Балканах в средние века (Межвузовский тематический сб.). Калинин, 1978. 150 с. — Сов. Славяноведение, 1980, № 3, с. 115—116.
- Карасев B. Г.* Сопротивление австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины в 1878 г. — Сов. славяноведение, 1980, № 5, с. 115—119. Рец. на кн.: Otpor austrohungarskoj okupaciji 1878. godine u Bosni i Herzegovini: Nauci skup (Sarajevo, 23 i 24 okt. 1978). Sarajevo, 1979.
- Кобляков И. К.* Рец. на кн.: Шевяков А. А. Советско-румынские отношения и проблемы европейской безопасности. 1932—1939. М.: Наука, 1977. 382 с. — Вопр. истории, 1980, № 3, с. 134—136.
- Козберг T. B.* Историческая литература НРБ об откликах европейской периодической печати на Априльское восстание 1876 г. в Болгарии. — Вопр. истории славян, Воронеж, 1980, вып. 6, с. 109—115.
- Козьменко И. В.* Рец. на кн.: Нарочницкая Л. И. Россия и национально-освободительное движение на Балканах. 1875—1878 гг. М.: Наука, 1979. 143 с. — Нов. и новейш. история, 1980, № 6, с. 217—219.
- Королюк B. D., Наумов E. P.* Перемещение славян в Центральной и Юго-Восточной Европе и формирование народностей (Итоги и перспективы). — В кн.: Славянские древности (Этногенез, материальная культура Древней Руси). Киев: Наук. думка, 1980, с. 5—11.

- Костова Э.** Болгарская историография об Октябрьской революции и ее влиянии в Болгарии. — В кн.: Великий Октябрь в советской и зарубежной исторической литературе. Тбилиси, 1980, с. 316—321.
- Кривонос В. П.** Торговельна політика польсько-литовської держави щодо Туреччини в середині XVI—на початку XVIII ст. — Проблеми слов'янознавства. Львів, 1980, вип. 22, с. 74—80.
- Кросс Б. Б.** К истории германской политики в Юго-Восточной Европе в начале XX в. — В кн.: Проблемы международных отношений в XIX—XX вв. Л., 1980, с. 74—86.
- Креканэ М. Г.** Рец. на кн.: Мурашко Г. П. Борьба рабочего класса за национализацию промышленности: Из опыта революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1979. 320 с. — Сов. славяноведение, 1980, № 3, с. 110—112; см. также: *Сазина М. Г.* — Нов. и новейш. история, 1980, № 2, с. 191—193.
- Лаврик Э. Г.**, *Покицайлова Т. А.* К вопросу о складывании многостороннего экономического сотрудничества европейских социалистических стран. — Сов. славяноведение, 1980, № 3, с. 11—24.
- Лейкин Э. А.** Рец. на кн.: Мельцер Д. Б., Тончев И. Национальной свободе Болгарии 100 лет. Минск, 1978. 165 с. — Сов. славяноведение, 1980, № 4, с. 110.
- Луless Д.** Образование Греческого государства и Россия (1821—1832). — Сов. славяноведение, 1980, № 3, с. 37—52.
- Манусевич А. Я.** Новая и новейшая история стран Центральной и Юго-Восточной Европы в трудах советских историков в период между XXV и XXVI съездами КПСС. — Нов. и новейш. история, 1980, № 6, с. 23—39.
- Манусевич А. Я.** Новые труды о зарубежных участниках борьбы за победу Советской власти и о влиянии Великого Октября на мировой революционный процесс. — В кн.: Великий Октябрь в советской и зарубежной исторической литературе. Тбилиси: Мецниереба, 1980, с. 300—315.
- Манусевич А. Я.**, *Дыксов В. А.*, *Литаврин Г. Г.* Работы советских славистов и балканистов. — В кн.: Советская историческая наука в 1975—1979 гг. М., 1980, с. 158—171.
- Марков Д. Ф.** Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. — Обществ. науки, 1980, № 2, с. 138—144.
- Матисякевич З. М.** З'яски Я. Головацького з югослов'янами. — Проблеми слов'янознавства. Львів, 1980, вип. 22, с. 124—131.
- Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. Т. 4.** Великий Октябрь и международный рабочий класс (1917—1923). М.: Мысль, 1980. 732 с. (из содержк.: Ч. 1, гл. 4. Борьба в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, с. 217—228; Ч. 3, гл. 9. Консолидация коммунистических партий, с. 496—507).
- Михайленко В. И.** Книга о боевых действиях войск фашистской Италии против Югославии (1941—1943). — Сов. славяноведение, 1980, № 3, с. 112—114. Рец. на кн.: Le operazioni delle Unità italiane in Jugoslavia (1941—1943): Narrazione. Documenti. Roma, 1978. 510 р.
- Михайлов П. М.** Сто ночей в горах Югославии. М.: Мол. гвардия, 1980. 207 с.
- Можаева И. Е.** Библиография по кирилло-мефодиевской проблематике. 1945—1974. М., 1980. 223 с.
- Москаленко А. Е.** Рец. на кн.: Славяне в эпоху феодализма. М., 1978. 344 с. — Вопр. истории, 1980, № 2, с. 139—142.
- Музраева Е. Ш.** Англия и проблема объединения Болгарии (1878—1885 гг.). — В кн.: Проблемы международных отношений в XIX—XX вв. Л., 1980, с. 141—149.
- Мурашко Г. П.** Социально-экономические аспекты программ национальных фронтов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и борьба коммунистов за союз с мелкобуржуазными слоями города. — В кн.: Непролетарские партии и организации национальных районов России в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1980, с. 175—182.

- Нарочницкий А. Л.* Греческое национально-освободительное движение и Россия. — Вопр. истории, 1980, № 12, с. 57—68.
- Нарочницкий А. Л.* Россия, Сербия и Черногория в начале XIX в. — Нов. и новейш. история, 1980, № 3, с. 53—68.
- Наумов Е. П.* Болгарські землі напередодні турецького завоювання в кінці XIV ст. (За даними Вітошської грамоти). — Проблеми слов'янознавства, Львів, 1980, вип. 22, с. 91—98.
- Наумов Е. П.* Османское господство в Центральной и Юго-Восточной Европе в XVI—XVII веках. — Сов. славяноведение, 1980, № 4, с. 114—115. Рец. на кн.: Osmanska moc ve střední a jižní Evropě v 16—17. století. Praha, 1977, sv. 1—2. 55 s.
- Незабываемый подвиг: Некоторые аспекты русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и освобождения Болгарии от османского ига. Львов, 1980. 175 с.
- Непашева З. С.* Рец. на кн.: Чуркина И. В. Словенское национально-освободительное движение и Россия. М., 1978. 392 с. — Сов. славяноведение, 1980, № 1, с. 108—110.
- Никитин С. А.* Рец. на кн.: Улуцян А. А. Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии и Россия. М.: Наука, 1978. 212 с. — Вопр. истории, 1980, № 7, с. 144—145.
- Общество и государство на Балканах в средние века. — Калинин, 1980. 171 с.
- Освободительные движения народов Австро-Венгерской империи: Возникновение и развитие. Конец XVIII в.—1849 г. М.: Наука, 1980. 609 с.
- Первое сербское восстание 1804—1813 гг. и Россия. Кн. I. 1804—1807. М.: Наука, 1980. 479 с.
- Писарев Ю. А.* Рец. на кн.: Россия и национально-освободительная борьба на Балканах в 1875—1878 гг. М., 1978. 454 с. — Вопр. истории, 1980, № 1, с. 143—145; см. также: Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. — В кн.: Наука и человечество: Междунар. ежегодник, 1980. М., 1980, с. 370—371.
- Подградская Е. М.* Экономические связи Молдавского княжества и балканских стран с Русским государством в XVII веке. Кишинев: Штииница, 1980. 160 с.
- Ровняков А. А.* В борьбе за свободу Болгарии: Национально-освободительное движение болгарского народа и деятельность Г. Раковского, 30-е—60-е гг. XIX в. Л.: Наука, 1980. 208 с.
- Самсонов А. М.* Крах фашистской агрессии, 1939—1945. М., 1980. 727 с. — Первые этапы освободительной борьбы, организация Сопротивления в оккупированных странах Юго-Восточной Европы, освобождение от фашизма.
- Сахаров А. Н.* «Восточный фактор» и зарождение древнерусской дипломатии (IX—первая половина X в.). — История СССР, 1980, № 1, с. 24—44.
- Силин А. С.* Из истории Восточного вопроса. — Вестн. АН СССР, 1980, № 1, с. 128—132. Рец. на кн.: Восточный вопрос во внешней политике России: Конец XVIII—начало XX в. М., 1978; см. также: *Волков В. К.*, *Гросул В. Я.* — Нов. и новейш. история, 1980, № 6, с. 215—217.
- Скетту Э. М.* Советско-кипрские отношения и сотрудничество в исторических источниках. — В кн.: Историография и источниковедение. М., 1980, с. 115—130.
- Славяноведение и балканистика за рубежом: Сборник статей и материалов. М.: Наука, 1980. 199 с.
- Сохань П. С.*, *Павленко В. В.* Рец. на кн.: Чернявский Г., Мичев Д. Съветската общественост и революционното движение в България. 1923—1944. София: Партизрат, 1979. 365 с. — Укр. ист. журн., 1980, № 8, с. 152—153; см. также: *Лъевнин Ю. А.* — Нов. и новейш. история, 1980, № 6, с. 198—200.
- Сохань П. С.*, *Петров О. В.* Рец. на кн.: Панайотов П. И. Влиянието на Великия Октомври върху идеино-политическото развитие на БЗНС. София, 1978. 127 с. — Укр. ист. журн., 1979, № 12, с. 136—137.
- Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы (до середины XIX в.). Кишинев: Штииница, 1980. 256 с.

- Средневековый Восток: История, культура, источниковедение.** М.: Наука, 1980. 319 с. Из содерж.: Гроуданова Е. Османское государство и общинное самоуправление болгар в XV—XVIII вв., с. 110—111; Папазян А. А. Средневековые армянские источники по истории Турции (XI—XVIII вв.), с. 208—218; Папазян А. Д. Источниковедческое значение турецких документов Матенадарана, с. 219—228.
- Стеблик Ф. И.** Новое исследование по истории революции 1848—1849 гг. в Австрийской империи. — Сов. славяноведение, 1980, № 1, с. 111—113.
- Рец. на кн.: Лещиловская И. И. Общественно-политическая борьба в Хорватии 1848—1849 гг. М., 1977. 304 с.
- Таранова В. Г.** К оценке работ Н. С. Державина по проблемам ранней истории болгар (VI—VII вв.). — Вопр. истории славян, Воронеж, 1980, вып. 6, с. 115—125.
- Туманова С. В. Р. У.** Ситон-Уотсон о некоторых вопросах происхождения первой мировой войны. — В кн.: Проблемы новой и новейшей истории. М.: Изд-во МГУ, 1980, с. 147—166.
- Турівенко М. І.** Співробітництво радянської та болгарської кооперації у 1944—1949 рр. — Проблеми слов'янознавства, Львів, 1980, вип. 22, с. 22—30.
- Удалычев И. И.** Проблемы освободительного движения народов Австрийской империи. — Сов. славяноведение, 1980, № 4, с. 94—100. Обзор изданий Ин-та славяноведения и балканистики АН СССР, вышедших в 1976—1980 гг.
- Урибес Э.** Правящие круги России и Балканский кризис 1911 г. — В кн.: Исторические записки. М., 1980, т. 105, с. 72—104.
- Фирсов Ф. И.** Коминтерн и БКП: Проблемы единого фронта 1921—1924 гг. — В кн.: Проблемы истории и политики коммунистических и рабочих партий. М., 1980, с. 55—105.
- Хевролина В. М.** Восточный кризис 1875—1878 гг. и русско-турецкая война в новейшей советской литературе. Обзор. — Вопр. истории, 1980, № 5, с. 127—135.
- Хитрова Н. И.** — Ред. на кн.: Јовановић Р. Политички односи Црне Горе и Србије. 1860—1878. Цетиње, 1977. — Сов. славяноведение, 1980, № 4, с. 111—112.
- Цветков П.** Советско-болгарские отношения 1933—1935 гг. (Установление нормальных дипломатических отношений). — В кн.: Проблемы истории СССР. М., 1980, вып. 11, с. 252—260.
- Черніков І. Ф.** Радянська та зарубіжна література про відносини СРСР і Туреччини у 1935—1972 рр. — Укр. іст. журн., 1980, № 7, с. 124—130.
- Чернышев В. В.** Внешнеэкономические связи СФРЮ на современном этапе. М.: Наука, 1980, 192 с.
- Чернявский Г. И.** Исследования С. И. Сидельникова по проблеме национально-освободительного движения болгарского народа. — Сов. славяноведение, 1980, № 2, с. 84—92.
- Чернявский Г. И.** Рец. на кн.: Шнитман А. М. Руското революционно движение в идейното наследство на Димитър Благоев. София: Партииздат, 1978. 569 с. — Вопр. истории, 1980, № 8, с. 140—142.
- Чернявский Г. И.** Западная буржуазная и реформистская историография о характере политических режимов в Болгарии между мировыми войнами. — Сов. славяноведение, 1981, № 2, с. 84—96.

КУЛЬТУРА И НАУКА

- Бадалич Й.** Введение в русско-хорватские литературные исследования. — В кн.: Деятельность: Искусство. Традиции. Литературно-художественная критика в СФРЮ. М., 1980, с. 84—96.
- Баландина Н. Н.** Греческое восстание 20-х годов XIX века и русская литература. — В кн.: Взаимосвязь русской и советской литературы с литературой стран Азии, Африки и Латинской Америки. М., 1980, с. 75—97.

- Бичваров Г. А.** Константин Кирил Філософ і філософська думка Київської Русі. — Філос. думка. Київ, 1980, № 3, с. 87—93.
- Вулетич В.** Проблемы типологии романтизма в русской и сербской литературе. — В кн.: Действительность: Искусство, Традиции. Литературно-художественная критика в СФРЮ. М.: Прогресс, 1980, с. 65—83.
- Вялова С. О.** Неизвестные глаголические и кириллические памятники собрания Ивана Берчича в отделе рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. — Сов. славяноведение, 1980, № 2, с. 63—74.
- Гранстрем Е. З.** Иоанн Златоуст в древней русской и южнославянской письменности (XI—XV вв.). — Тр. Отд. древнерус. лит. Л.: Наука, 1980, т. 35, с. 345—375.
- Даскалова Е. Александра Блок и славянский мир.** — Сов. славяноведение, 1980, № 6, с. 66—73.
- Даскалова Е.** Болгария в творческом сознании Блока (Освободительная эпоха 1877—1878 годов в поэме «Возмездие»). — Рус. лит., 1980, № 2, с. 196—200.
- Дудевський Х.** До питання українсько-болгарських літературних зв'язків у 30-ті роки. — Проблеми слов'янослов'янства. Львів, 1980, вип. 21, с. 61—64.
- Егоров Г.** Новое исследование по русско-югославянским литературным связям. — Вестн. Ленингр. ун-та, № 14, История, язык, литература, 1980, вып. 3, с. 116—117. Рец. на кн.: Беляева Ю. Д. Литературы народов Югославии в России: Восприятие, изучение, оценка. Последняя четверть XIX—начало XX в. М.: Наука, 1979. 280 с.; см. также: Рыжова М. И. Крупный вклад в изучение русско-югославских литературных связей. — Рус. лит., 1980, № 3, с. 233—238.
- Ищенко Д. С.** Хиландарский список славянского перевода поучений Феодора Студита. — Сов. славяноведение, 1980, № 4, с. 75—81.
- Лившиц С. Ю.** Белорусско-болгарские литературные связи и печать. — В кн.: Белороссика: Книговедение. Источники. Библиография. Минск, 1980, с. 35—40.
- Немировский Е. Л.** Издания Ивана Федорова в книгохранилищах Сербии и Воеводины. — Сов. славяноведение, 1980, № 5, с. 98—103.
- Пути и судьбы: Диалог братских литератур. М., 1980. 432 с. Коллективный труд советских и болгарских критиков, исследующих теоретические, историко-литературные и современные проблемы развития двух социалистических литератур в разнообразных аспектах их взаимодействия.
- Сирадзе Р. Г.** Вопросы древних болгаро-грузинских литературных взаимоотношений. — В кн.: Сирадзе Р. Г. Статьи. Тбилиси, 1980, с. 57—85. На груз. яз.
- Федорук А.** Рец. на кн.: Генезис и развитие социалистического искусства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (От истоков до 1917 года). М.: Наука, 1978. — Сов. славяноведение, 1980, № 3, с. 119—121.
- Цамцишвили А. И.** Болгаро-грузинское содружество и историко-культурные взаимоотношения. — Тбилиси, 1980. 151 с. На груз. яз. Рез. на рус. яз.

БІБЛІОГРАФІЯ

- Козлов В. П.** К истории комплектования Румянцевского собрания русских и славянских рукописей. — В кн.: Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей. Записки. М., 1980, вып. 41, с. 4—29.
- Поздеева И. В., Камкарова И. Д., Леренман М. М.** Каталог книг кириллической печати XV—XVIII вв. Научной библиотеки Московского университета. М.: Изд-во МГУ, 1980. 359 с.
- Юрьева И. А.** Развитие связей между СССР и СФРЮ в области культуры 1965—1975. Аннот. библиогр. указатель. М., 1980. 107 с.

ИСТОРИЯ *

- Андрюшин Е. Н.* Поиск верного пути: Димитр Благоев и первые социал-демократы в России. М.: Политиздат, 1981. 207 с.
- Ариш Г. Л., Виноградов В. Н., Достяян И. С., Наумов Е. П.* Балканы в международной жизни Европы (XV—начало XX века). — Вопр. истории, 1981, № 4, с. 30—42.
- Бершадская М. Л.* Социальная структура словенского и хорватского общества конца XVIII—начала XIX в. в произведениях А. Линхарта и Т. Брезовачкого. — Сов. славяноведение, 1981, № 2, с. 68—73.
- Буцько О. В.* Братьеска допомога Радянського Союзу народам Центральної та Південно-Східної Європи, визволенім від фашистського ига. — Укр. іст. журн., 1981, № 7, с. 136—142.
- Валев Л. Б.* Изучение вопросов истории Болгарии в Советском Союзе. — Сов. славяноведение, 1981, № 5, с. 80—88.
- Виноградов В. Н.* К обсуждению вопросов истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы на XV Международном конгрессе исторических наук. — Нов. и новейш. история, 1981, № 1, с. 46—60.
- Виноградов В. Н.* Джордж Каннинг, Россия и освобождение Греции. — Новая и новейшая история, 1981, № 6, с. 112—131.
- Волков В. К., Гибианский Л. Я.* Фундаментальное издание документов (К выходу в свет шеститомной публикации «Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.»). — Сов. славяноведение, 1981, № 5, с. 8—22.
- Гибианский Л. Я., Зеленин В. В.* Некоторые аспекты югославо-советских отношений в малоизвестных документах, выступлениях и статьях И. Броз-Тито (1944—1946). — Сов. славяноведение, 1981, № 6, с. 3—24.
- Гибианский Л. Я.* Подготовка Крымской конференции и позиция СССР, Англии и США в отношении Болгарии, Румынии и Венгрии. — Сов. славяноведение, 1981, № 4, с. 15—28.
- Гибианский Л. Я.* Позиция СССР, Англии и США в отношении Болгарии, Румынии и Венгрии накануне Крымской конференции. — Сов. славяноведение, 1981, № 3, с. 14—28.
- Грачев В. П.* История зарубежных славянских и балканских народов в русских дипломатических документах второго десятилетия XIX века. — Сов. славяноведение, 1981, № 4, с. 99—105.
- Даниленко В. М.* Науково-технічне співробітництво Югославії з країнами — членами РЕВ. — Укр. іст. журн., 1981, № 1, с. 83—89.
- Дъялов В. А.* О некоторых аспектах развития славистики в 1918—1939 годах. — Сов. славяноведение, 1981, № 1, с. 78—92.
- Жигня К. Л.* Подготовка и заключение мирных договоров с Болгарией, Венгрией и Румынией после второй мировой войны: Дипломатическая история. Кишинев: Штиинца, 1981. 223 с.
- Забунов И. Д.* Болгары юга России и национальное болгарское возрождение в 50—70 гг. XIX в. Кишинев: Штиинца, 1981.
- Іванцев І. Д.* Радянська історіографія про вплив лепінської теоретичної спадщини на болгарський революційний рух (1917—1923 рр.). — Проблеми слов'янознавства, Львів, 1981, вип. 24, с. 11—17.
- Исследования по историографии славяноведения и балканистики.* М.: Наука, 1981. 302 с.
- Кайров С. Л.* Відзначення свята Великого Жовтня в Югославії в перший рік визвольної війни. — Проблеми слов'янознавства, Львів, 1981, вип. 24, с. 117—120.
- Ковалев И. В.* Транспорт в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.). М.: Наука, 1981. 480 с. Из содерж.: Гл. 14. Роль транспорта в освобождении.

* С 1981 г. в библиографию включаются авторефераты, не даются сведения о рецензиях.

- бождении Советской Армией от фашизма народов Центральной и Юго-Восточной Европы, с. 342—364.
- Крилонос В. П.* Торговельна діяльність балканських купців на українських землях в середині XVI—першій половині XVII ст. — Проблеми слов'янознавства, Львів, 1981, вип. 24, с. 108—116.
- Левит И. Э.* Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР: Истоки, планы, реализация. 1.IX.1939—19.XI.1942. Кишинев: Штицица, 1981. 391 с.
- Летопись важнейших событий советско-болгарских отношений дружбы и сотрудничества, 1944—1980. Киев: Наук. думка, 1981. 183 с.
- Марков Д. Ф.* Болгаристика как комплекс научных дисциплин. — Сов. славяноведение, 1981, № 5, с. 77—79.
- Матисякевич З. М. Я. Ф.* Головацький і Болгарія. — Проблеми слов'янознавства, Львів, 1981, вип. 24, с. 63—69.
- Матковски А.* Из жизни и научной деятельности Полихрония Агапьевича Сырку (1855—1905). — Сов. славяноведение, 1981, № 6, с. 67—77.
- Меженин Б. М.* Отношения православной и католической церквей на Кипре во время правления Лузиньянов. Горький, 1981. 14 с. Рукопись, депонированная в ИИОН АН СССР.
- Мельцер Д. Б.* Белоруссия и Болгария: Дружба вечная, нерушимая. 681—1981. Минск: Изд-во БГУ, 1981. 319 с.
- Младенов П.* Внешняя политика Народной Республики Болгарии. — Междунар. жизнь, 1981, № 3, с. 12—19.
- Мурзаева Е. Ш.* Политика Англии на Балканах в 1878—1887 гг. в оценке современных марксистских и буржуазных историков. — В кн.: Проблемы историографии отечественной и всеобщей истории. Л., 1981, с. 94—103. Рукопись, депонированная в ИИОН АН СССР.
- Наумов Г. П.* Болгарське середньовіччя (VII—XIV ст.) в дослідженнях радянських істориків. — Проблеми слов'янознавства, Львів, 1981, вип. 24, с. 17—25.
- Носкова А. Ф.* К вопросу об аграризме и крестьянском движении в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период. — Сов. славяноведение, 1981, № 2, с. 40—57.
- Освободительные движения народов Австро-Венгерской империи: Период утверждения капитализма. М.: Наука, 1981. 464 с.
- Павленко В. В.* Інтернаціональні зв'язки трудящих Країни Рад і Болгарії в 1917—1944 рр. — Укр. іст. журн., 1981, № 9, с. 33—41.
- Павлюченко О. В.* Сербські військово-землеробські поселення на Україні у XVIII ст. — Укр. іст. журн., 1981, № 2, с. 101—108.
- Петрова К. К.* Советская и болгарская марксистская историография русско-болгарских отношений (1878—1908 гг.). Автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук. М., 1981. 23 с.
- Под знаменем Октября: Сборник документов и материалов. 25 октября (7 ноября) 1917 г.—7 ноября 1923 г. Т. I. Участие болгарских интернационалистов в Великой Октябрьской социалистической революции и защите ее завоеваний. Москва: Политиздат; София: Изд-во БКП, 1981. 622 с.
- Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1981. 224 с.
- Свидетельства братской дружбы. — Сов. архивы, 1981, № 4, с. 34—37. Военное содружество СССР и Болгарии на заключительном этапе второй мировой войны.
- Севостьянов П. П.* Накануне великой битвы. — Новая и новейшая история, 1981, № 4, с. 99—128. Внешняя политика СССР в 1939—1941 гг. (Румыния, Болгария, Югославия).
- Семиряга М. И.* Политика Коммунистической партии и Советского правительства в отношении стран Центральной и Юго-Восточной Европы в 1944—1945 гг. и ее извращение в буржуазной историографии. — Вопр. истории КПСС, 1981, № 6, с. 96—107.
- Советско-болгарские отношения и связи: Документы и материалы. Т. 2. Сентябрь 1944—декабрь 1958. М.: Наука, 1981. 768 с.

- Сохань Іл. С.* Віхи дружби і братерства. — Укр. іст. журн., 1981, № 9, с. 17—24.
- Тарасов Б. Н.* Английская буржуазная историография политики Англии в отношении Югославии и Греции в годы второй мировой войны. Краснодар, 1981. 22 с. Рукопись, депонированная в ИНИОН АН ССР.
- Тарасов Б. Н.* Политика Англии в отношении Югославии и Греции в годы второй мировой войны (Июнь 1941—дек. 1943 гг.). Краснодар, 1981. 41 с. Рукопись, депонированная в ИНИОН АН ССР.
- Туманова С. В. Р. У.* Сигон-Уотсон как историк югославянских народов. Автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. ист. наук. М., 1981. 20 с.
- Фаталиев М.* Турция и Балканский пакт (Проблема турецкой политики на Балканах в 1929—1938 гг.). Автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. ист. наук. Баку, 1981. 26 с.
- Фрейденберг М. М.* Балканские города XV—XVI веков. (Опыт типологической характеристики). — В кн.: Средневековый город. Саратов, 1981, вып. 6, с. 74—79.
- Фрейдзон В. И.* К теории этнических процессов: В связи с выходом книги: Ю. В. Бромлей. Современные проблемы этнографии (Очерки теории и истории). М.: Наука, 1981. 390 с. — Сов. славяноведение, 1981, № 5, с. 23—29.
- Храмова Л. Б.* Нормализация русско-болгарских отношений в конце XIX в. и позиция Франции. — Вопр. истории, 1981, № 1, с. 175—178.
- Чепурко Н. А.* Участие трудящихся Югославии в Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне на Украине. — В кн.: На путях дружбы и сотрудничества. Киев, 1981, с. 172—179.
- Черній А. І.* Проблеми соціалістичної індустриалізації НРБ у радянській і болгарській літературі. — Укр. іст. журн., 1981, № 6, с. 139—145.
- Черниловський Г. Й.* Розробка В. І. Леніним проблем класової боротьби в Болгарії під впливом Великого Жовтня — початок марксистсько-ленинської історіографії новітньої історії Болгарії. — Проблеми слов'яно-знавства, Львів, 1981, вип. 24, с. 3—11.
- Шевченко О. В.* Участь Української РСР у радянсько-болгарському співробітництві в галузі вищої освіти (1944—1980 рр.). — Укр. іст. журн., 1981, № 10, с. 104—112.
- Язькова А. А.* США и Румыния в первые послевоенные годы (О некоторых аспектах американской политики 40-х годов). — В кн.: Американский ежегодник, 1980. М.: Наука, 1981, с. 9—35.

КУЛЬТУРА И НАУКА

- Алиева А. А.* Роль турецких заимствований в создании речевых характеристик в романе Иво Андрича «Мост на Дрине». — Вестн. ЛГУ, 1981, № 8. Сер. истории, языка и литературы, вып. 2, с. 83—89.
- Баскаров В. Н.* Салтыков-Щедрин в славянских странах. — В кн.: Классическое наследие и современность. Л.: Наука, 1981, с. 242—250.
- Бойко В. В.* Первые шаги советско-болгарского сотрудничества в развитии высшей школы (1944—1948). — Вестн. Харьк. ун-та, 1981, вып. 214, с. 45—52.
- Бойко В. В.* Становлення і розвиток радянсько-болгарських зв'язків у галузі вищої освіти (1944—1948 рр.). — Укр. іст. журн., 1981, № 8, с. 107—110.
- Демина Е. И.* Основные направления разысканий в области болгарского языка и письменности в трудах советских ученых. — Сов. славяноведение, 1981, № 5, с. 97—105.
- Димитрова Г. С.* Болгаро-советское культурное сотрудничество на современном этапе (1970—1980 гг.). Автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. ист. наук. М., 1981. 24 с. —
- Злыднев В. И.* Изучение болгарской литературы в Советском Союзе: Итоги и перспективы. — Сов. славяноведение, 1981, № 5, с. 89—96.

- Лапінська Т. В.* Героїка і романтика революції в болгарській революційній та українській радянській поезії 20-х років ХХ ст. — Проблеми слов'яно-познавства, Львів, 1981, вип. 23, с. 58—65.
- Можаєва І. Е.* Cyrillo-Methodiana на современном этапе. — Сов. славяноведение, 1981, № 3, с. 74—85.
- Мудрова О. В.* Журнал «Славянский мир» (1908—1911) и вопросы культуры югославян. — Вестн. МГУ, 1981. Сер. 10. Журналистика, № 1, с. 34—43.
- Прийма Ф. Я. А. Н. Плещеев и Христо Ботев.* — В кн.: Классическое ча- следие и современность. Л.: Наука, 1981, с. 173—180.
- Русско-болгарские связи в области книжного дела. М., 1981. 160 с.
- Сказания о начале славянской письменности. М.: Наука, 1981. 198 с.
- Степанова Л. И.* Вклад России в подготовку болгарской интеллигенции в 50—70-е гг. XIX в. Кипинев: Штиинца, 1981. 214 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

Советская болгаристика: Указ. лит., 1945—1980. В 3-х ч. М.: ИИОН АН СССР, 1981. 3 т.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПР — Архив внешней политики России.
- БИ — Балканские исследования. М.: Наука, 1974—1982, вып. 1—7.
- ВПР — Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер. первая. 1801—1815 гг. М.: Политиздат, 1960—1972. Т. I—VIII. Сер. вторая. 1815—1830 гг. М.: Политиздат (с т. III — Наука), 1974—1982. Т. I—V (IX—XII).
- ГАОО — Государственный архив Одесской обл.
- ОБ — Освобождение Болгарии от турецкого ига: Документы. В 3-х т. М.: Наука, 1961—1967.
- РИО — Российское историческое общество. СПб.
- УЗИС — Ученые записки Института славяноведения АН СССР.
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
- ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив;
- ЦГИА — Центральный государственный исторический архив,

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Г. Л. Арш)	3
В. Н. Виноградов, Л. Е. Семенова. Некоторые вопросы отошней между Россией и Дунайскими княжествами в XVIII—начале XIX в. в свете материалов советских архивов	6
Е. П. Наумов. Записки о русской помощи сербским повстанцам в 1804—1813 гг.	38
Г. Л. Арш. Материалы к истории русско-греческих связей начала XIX в.	54
О. В. Медведева. Записка анонимного автора о положении Ионических островов под британским протекторатом (1820)	87
В. Н. Виноградов. Герцог Веллингтон в Петербурге	118
Г. М. Пятигорский. Деятельность Одесской греческой вспомогательной комиссии в 1821—1831 гг. (По материалам Государственного архива Одесской обл.)	135
Н. В. Зуева, Е. М. Шатохина. Из истории балканской политики России 1856—1867 гг. (Отношение русской дипломатии к болгарскому национально-освободительному движению)	153
Д. Ф. Поплыко. Проблема освобождения народов Балканского полуострова в русско-сербских отношениях начала 70-х годов XIX в.	173
К. Л. Струкова. К истории русско-сербских межгосударственных отношений в 1875 г.	192
Н. Д. Смирнова. Документы АВПР о Призренской лиге (1878—1881)	222
В. Н. Кондратьева. К истории первых лет оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией (1878—1889)	236
Ю. А. Писарев. Проекты образования югославского государства в годы первой мировой войны (1914—1915) и Россия	256
Н. В. Озерецковская. Литература по истории и культуре балканских народов, выпущенная в СССР в 1980 и 1981 гг.	278
Список сокращений	287

БАЛКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. Вып. 8

Балканские народы и европейские правительства в XVIII — начале XX в.

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики АН СССР*

Редактор издательства Н. Г. Белей. Художественный редактор Н. А. Фильчагина
Технический редактор И. Н. Жмуркина. Корректор Н. М. Всеслюбская

ИБ № 25156

Сдано в набор 14.05.82. Подписано к печати 16.09.82. Т-10577. Формат 60×90^{1/16}. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 18.
Усл. кр.-отт. 18. Уч.-изд. л. 21,3. Тираж 1400 экз. Тип. зак. 1443. Цена 2 р. 80 к.

Издательство «Наука». 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, 9 линия, 12

БАЛКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. Вып. 8

Института по изучению